

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

РАЗГОРЖИ
ТРЕТЬЕГО УРОДНА
ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Annotation

Тайная организация наемных убийц, носящая название «Киллер – клуб», получает заказ на ликвидацию ряда правительственных чиновников самого высокого ранга. Противостоят дерзким замыслам убийц профессиональные контрразведчики – «ганфайтеры» Матвей Соболев и Василий Балугев, в совершенстве владеющие всеми видами рукопашного боя. Именно им предстоит схватиться не на жизнь, а на смерть не только с киллерами, а и с таинственным Союзом Девяти Неизвестных, по сути дела являющимся «теневым правительством России».

- [Василий Головачев](#)
 - [ЗАКАЗ НА ЛИКВИДАЦИЮ](#)
 - [БУНТ ТРОИХ ИЗ ДЕВЯТИ](#)
 - [СОЮЗЫ ДОЛГО НЕ ЖИВУТ](#)
 - [«ККК» НА ТРОПЕ ВОЙНЫ](#)
 - [ВСЕМУ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ \(ОЖИДАНИЮ ТОЖЕ\)](#)
 - [НЕЗАВЕРШЕННЫЙ](#)
 - [НЕ НАРЫВАЙСЯ НА НЕПРИЯТНОСТИ](#)
 - [ВЕЧЕР В КРУГУ ДРУЗЕЙ](#)
 - [ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА](#)
 - [ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ](#)
 - [РЖАВЧИНА](#)
 - [КАК ЭТО ПОНИМАТЬ?](#)
 - [ИМЕЮЩИЙ УШИ – ДА УСЛЫШИТ](#)
 - [ОСТАВАЙТЕСЬ У МЕНЯ](#)
 - [ОПЕРАЦИЯ КОП j 1](#)
 - [НАДЕЙСЯ И ЖДИ](#)
 - [ГОДЕН БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ](#)
 - [НОВАЯ ЦЕЛЬ](#)
 - [НЕПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ](#)
 - [БЕЗ КАЙФА НЕТ ЛАЙФА](#)
 - [НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...](#)
 - [ОТКАЗ j 2](#)

- О ЧЕМ ГОВОРИТЬ, ЕСЛИ НЕ О ЧЕМ ГОВОРИТЬ?
- ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, ЧТО БУДЕТ?
- ОТКАЗ j 3
- БУДЬТЕ С НАМИ
- МЕТЕОРА
- НАД ОБРЫВОМ
- ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ НАКАНУНЕ МОРОДОБОЯ
- УТЕЧКА «ГЛУШАКОВ»
- БОЙ В ЛЕСУ
- ВЫ НЕ ПРАВЫ, ГЕРМАН ДОВЛАТОВИЧ
- ПОДАЧА НАВЫЛЕТ
- НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ
- КОНТРНАВЕДЕНИЕ
- ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
- ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ
- ДЕЛО ОПЕРАТИВНОЙ ПРОВЕРКИ
- ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ
- НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ
- ИГРА С ВЫБЫВАНИЕМ
- КЛАССИЧЕСКИЙ ОБМЕН
- БОЙ НА «КАЛИНОВОМ» МОСТУ
- ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ
- БХУДЖАНГАСАНА
- ПЕРЕХВАТ ПОСВЯЩЕННОГО
- КАК СТЕМНЕЕТ – БУДЕМ БРАТЬ
- СИНТЕЗ МАГИИ И ВОЛИ
- КАРМА РИСКА
- НЕ ЛЕЗЬТЕ НЕ В СВОЕ ДЕЛО, ПОЛКОВНИК
- ВИРАСАМА – ВАКРАСАНА
- УНИЧТОЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!
- НОЧЬ НИНДЗЯ
- КТО СТОИТ НА СВОЕМ, ДАЛЕКО НЕ УЙДЕТ
- ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ
- MORTAL COMBAT
- ГОЛАБ
- ПРАВИЛО ВЕРЫ

- [ТРЕВОГА ПО «ЧЕТЫРЕМ НУЛЯМ»](#)
 - [АНГЕЛ ПРИСУТСТВИЯ](#)
 - [САМАЭЛЬ И ХАНИЭЛЬ](#)
 - [ГВОЗДИ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ](#)
 - [ИЗМЕНЕНИЕ](#)
 - [РЕТРОСПЕКЦИЯ-1](#)
 - [ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-1](#)
 - [РЕТРОСПЕКЦИЯ-2](#)
 - [ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-2](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ](#)
 - [notes](#)
-

Василий Головачев
Разборки третьего уровня

ЗАКАЗ НА ЛИКВИДАЦИЮ

Несмотря на разгром киллер-клуба «Чистилищем» полтора года назад, эта организация наемных убийц выжила, хотя и несколько сократила объем своей «работы». А для прикрытия она приняла на вооружение методы контрразведки, разработанные светлыми умами еще во времена НКВД и усовершенствованные теоретиками Федеральной службы безопасности. Каким образом киллерам-аналитикам удалось приобрести пакет секретной информации, история умалчивает, но теперь вычислить местонахождение киллер-центров стало для органов правосудия задачей почти неразрешимой. Так, для связи с высокопоставленными заказчиками «генералы» киллер-центров использовали исключительно компьютерную сеть, что резко увеличило их «коэффициент полезного действия». Правда, истины ради стоит добавить, что точно такими же методами, разве что более утонченными, пользовались и «чистильщики» «ККК» – «Команды контркрим».

Однажды после майских праздников «генерал» одного из киллер-центров Ахмет Мухамадиев по кличке Шах получил через компьютер заказ на ликвидацию скромного на первый взгляд по своему политическому весу деятеля – заместителя помощника президента по общим вопросам Забодыко. Убедившись, что деньги за операцию устранения на счет организации перечислены – также с помощью компьютерной сети «Интернет», – Шах вызвал бригадира, начальника оперативной группы ликвидации Макашина по кличке Столяр. Кивнув на стул, вывел на экран сведения о Забодыко; центр имел свой банк данных о политиках высшего эшелона власти, но заказчик прислал целое досье с перечислением привычек и слабостей Забодыко. Было видно, что охотились за этим человеком основательно.

– Ну, с ним у нас хлопот не будет, – сказал Столяр, высокий, лысый, с бледным лошадиным лицом, на котором выделялись туфлеобразный нос, бачки, борода и круглые очки, прочитав на экране дисплея данные будущей жертвы. – Этот Забодыко явно не ходит в фаворитах, раз передвигается без охраны и не носит оружия.

– Ты в позу чемпиона по бодибилдингу не становись, – буркнул Шах. – Никаких показательных стрельб с использованием крутых средств – автоматов, «помпушек» и гранатометов! Убрать объект надо быстро, чисто и аккуратно. Заказчик платит большие бабки.

– Кто заказчик?

«Генерал» посмотрел на бригадира, как на заговоривший на русском языке пистолет.

– Хочешь жить – таких вопросов больше не задавай. Даже я не знаю имен многих клиентов. Даю два дня на подготовку.

Столяр почесал лысину, снял и протер очки, снова водрузил на свой утиный нос.

– Два дня мало. Надо походить вокруг, посмотреть...

– Я сказал: два дня! Исполнение – в пятницу, в крайнем случае в субботу, восемнадцатого. Половину работы за нас уже, как видишь, сделали, изучили все повадки мишени.

– А экзотику применить можно?

Начальник киллер-центра поморщился, зная, что речь идет о новом оружии, которым их снабдил неизвестный доброжелатель, – «глушаке», генераторе пси-излучения, подавляющего волю.

– Найди способ попроще.

– Самый простой – граната в лифте, – проворчал Столяр, вставая. – Завтра после обеда будет готов экшн-план, давайте распечатку.

Шах включил принтер и через минуту вручил бригадиру стопку листов – данные по мишени.

Столяр принес план ликвидации объекта даже раньше, чем обещал.

Забодыко Николай Трофимович, пятидесятипятилетний холостяк, жил на Арбате, имел дачу в Лианозове и ездил на работу в скромном «форде» выпуска девяносто третьего года. Его можно было убрать в любом из этих пунктов или же взорвать вместе с машиной, но бригадир киллер-центра, изучавший досье подопечного, предложил другое решение проблемы. Решено было заминировать дачу в Лианозове: телевизор, телефон и туалет. Поскольку Забодыко жил один, лишь изредка привозя очередную любовницу, обслуживал дачу управляющий, он же сторож, а соседи-дачники в гости к нему ходили

редко, то шанс, что одна из мин сработает точно по адресату, был весьма высок.

«Генерал» выслушал соображения подчиненного и признал, что план хорош.

– Но ты все-таки проследи, чтобы объект ликвидирован был стопроцентно, а на месте акции оставьте вот это. – Шах вложил в ладонь Столяра квадратик из плотного белого картона со словами: «Привет из „Чистилища“».

БУНТ ТРОИХ ИЗ ДЕВЯТИ

Сигнал «Свернутая змея» Рыков получил рано утром в среду, пятнадцатого мая. Сигнал предписывал в два дня свернуть деятельность личного «манипула», подчиненного кардиналу, в данном случае непосредственно Рыкову Герману Довлатовичу, и явиться на чрезвычайный сход Союза Девяти в Храм Гаутамы на Алтае.

Однако, получив сигнал, Рыков не стал спешить со свертыванием своих программ. К этому времени – а прошло уже полтора года с момента последнего схода – он сумел упрочить свое положение как среди Девяти, так и в сфере мирских интересов, сохранить влияние и власть. Из скромного начальника бюро Информационно-аналитического управления ФСБ он переместился на должность советника президента по национальной безопасности, потеснив самого Юрьева Юрия Бенедиктовича, также одного из Девяти, казавшегося непотопляемым дредноутом при любой смене властных структур.

Впрочем, удивляться этому не приходилось. Люди, входящие в Союз Девяти Неизвестных, при всех режимах и правительствах умудрялись сохранять свои кресла советников президентов, помощников премьер-министров, экспертов генсеков любых партий.

Эти люди являли собой реальное правительство страны, о существовании которого не догадывались даже такие силовые структуры, как Федеральная служба безопасности, внешняя разведка и военная контрразведка, имеющие высокопрофессиональные бюро анализа и прогноза. А если кто и начинал догадываться, то в скором времени исчезал с политического горизонта, уходил в отставку, переводился на другую работу, а то и вообще «случайно» погибал в авто – или авиакатастрофе.

Кардиналы Союза Девяти влияли на любые серьезные события, хотя непосредственно в них и не участвовали. Эти «серые кардиналы» предпочитали управлять царями, королями и президентами, а не быть ими. Наконец, эти люди корректировали ход истории так, как считали нужным, и власть их была почти безгранична.

Рыков Герман Довлатович, Посвященный в тайны Внутреннего Круга человечества, новоиспеченный советник президента, был одним

из них.

О причинах ухода Юрьева с поста советника президента судачили многие в кулуарах Думы и в кабинетах правительства, но лишь Рыков знал подлинные причины, ну и сам Юрий Бенедиктович, добровольно покинувший пост. Правда, влияние свое на президента он в принципе сохранил, так как перешел не куда-нибудь, а на место руководителя его администрации.

Рыков же к моменту описываемых событий, помимо крутого повышения властного статуса – он оказался в кресле советника, – оставался комиссаром «Чистилища», что давало ему дополнительные возможности контроля над ситуацией и гарантии безопасности. Однако амбиции его шли еще дальше, и в перспективе он надеялся иметь контроль над всеми сферами жизни общества: политики, экономики, культуры, а также искусства и спорта. А для этого следовало подняться еще на одну ступеньку в иерархии Союза Девяти – стать его координатором.

Кроме Рыкова и Юрьева, в Союз Девяти входили: директор Национального банка Грушин; один из боссов Сверхсистемы, он же начальник информационной службы президента Носовой; главный военный эксперт при правительстве, курирующий Институт новых военных технологий, он же секретарь Совета безопасности Мурашов; член-корреспондент Академии наук Блохинцев; заместитель директора Международного института стратегических исследований Головань; отец Мефодий – помощник премьер-министра по связям с религиозными конфессиями и Православной Церковью – и настоятель Храма Гаутамы Бабуу-Сэнгэ, много Лет занимавший пост координатора Союза Девяти.

Внутренний Круг человечества, к которому принадлежали все Девять, делился на касты, как и все человечество, независимо от непризнания этого факта ортодоксальной наукой и сложившимися социальными отношениями. Низший уровень Внутреннего Круга образовывала каста Посвященных I ступени; второй уровень – Посвященные II ступени, или Знающие; высший уровень Внутреннего Круга поддерживали собственно Хранители, Посвященные III ступени, веками и тысячелетиями хранившие знания, добытые человечеством, в том числе эзотерические, утерянные людьми во

времена революций, упадка, войн, регресса, физического вымирания и психической деградации.

Девять Неизвестных – их настоящие имена знали только они сами – принадлежали к касте Посвященных II ступени, обладающих Знанием тысячелетий, способных применить их в повседневной жизни. Все они владели в той или иной степени ясновидением, гипнотической волей, гипервидением, искусством изменять температуру тела в широких пределах, органолептикой – то есть способностью изменять облик, могли долго обходиться без воды, пищи и кислорода, изменять вес тела, его химизм – для увеличения быстроты реакции; но главное – они умели волевым усилием уходить в измененные состояния для проникновения в общее информационное поле Земли, образованное эгрегорами всех социальных групп. Наука называла это поле астралом или менталом, хотя и то и другое на самом деле всего лишь подуровни всеобщего информационного континуума наравне с двумя другими – универсумом и логосом.

Внутренний Круг человечества был образован очень давно, еще во времена Инсектов, предков людей. Создавался он именно в целях хранения, сбережения знаний для грядущих поколений в надежде на то, что поколения эти, преодолевшие болезни социального роста – войны, угнетение одних разумных существ другими, подавление и ограничение свободы, насилие и ложь, – смогут употребить сохраненную информацию во благо человечества. Однако шли годы, века, тысячелетия, но жизнь общества практически не изменялась к лучшему, борьба за власть продолжала вестись с тем же ожесточением, разве что средства достижения власти менялись сообразно темпу жизни и прогрессу науки и техники. Реальность Земли оставалась запретной для существ высших планов бытия, потому что эволюция жизни, приведшая однажды к расколу единого принципа на две ветви – материального благополучия и духовного упадка, – продолжала усугублять этот кризис: прогресс науки и техники увеличивал материальные возможности человека, но процесс утраты духовных ценностей и нравственных норм вел цивилизацию к гибели.

Союзы Неизвестных, управляющие социумом в разных странах на протяжении всей истории человечества, изначально были призваны любой ценой уберечь человечество от гибели и деградации, регулировать отношения таким образом, чтобы сохранялся шанс на

выход реальности в другие подпланы Вселенной. Однако и Союзы иногда не справлялись с этим, в результате чего с лица Земли исчезали великие памятники культуры, оставались невостребованными и забывались достижения науки, редких ремесел и искусств, а из памяти истории стирались племена, нации и целые народы. Изменялись и сами Союзы, нередко переходя зыбкую границу целесообразности корректировки в том или ином социуме и подменяя регулятивные функции решением задачи достижения абсолютной власти, не заботясь о последствиях своих действий.

Союз Девяти Неизвестных, регулирующий социум сначала СССР, а потом России, достиг как раз такого порога. Создание Рыковым «СК» – организации «Стоп-крим», а потом «ККК» – «Команды контркрим», то есть «Чистилища», бросившего вызов мафии и коррумпированным структурам государственной власти, – было в принципе реализацией более жестокого варианта Закона возмездия, или Закона обратной связи, регулирующего отношения людей в запрещенной реальности. Но благие намерения, как всегда, оказались материалом для дороги в ад, и деятельность «Чистилища» в конечном счете способствовала развязыванию негласной войны властных структур, что привело к дестабилизации обстановки в стране в целом. Развал Союза ССР, штурм Белого дома, войны в Чечне, Абхазии, Дагестане, Таджикистане стали жестокой иллюстрацией деятельности Союза Девяти, хотя кардиналы так не считали. Власть – отнюдь не обязательно мудрость, а в Российском государстве этот постулат почти всегда решался в предельно тираническом варианте. Поэтому, как сказал философ, претендентам на роль ангелов следует знать, что, если они смогут воплотить в жизнь свои амбиции, сразу появятся толпы дьяволов, призванные восстановить нарушенный баланс.

Неизвестно, когда начал меняться характер воздействия Союза Девяти в России: во времена ли «Великой» Октябрьской революции, сталинского режима, брежневского «болота» или последующих «великих социальных потрясений», – однако регулирующие функции Союза стали приобретать личностно-эгоистические акценты, приводящие к устранению мешающих фигур все чаще и все более жестоким образом. Задумал ли изменить характер этой деятельности координатор Союза Бабуу-Сэнгэ или нет, но внеочередной чрезвычайный сход Девяти наверняка не мог не коснуться этой темы, и

Рыков решил предпринять кое-какие контрмеры, не дожидаясь, пока ему навязжут чужие правила игры.

Лишь трое из Девяти кардиналов Союза жили вдали от столицы: отец Мефодий – в Ярославле, Блохинцев Дмитрий Феоктистович – в Новосибирске, и Бабуу-Сэнгэ – на Алтае; остальные имели дома и квартиры в Москве, а также дачи в Подмосковье, на юге страны и в других странах. Рыков тоже владел четырехкомнатной квартирой на Пречистенке и четырьмя дачами, две из которых были оформлены на подставных лиц: под Москвой – в Орехове-Борисове, в Коктебеле, на Рижском взморье и в Швейцарии, в Санкт-Морице. Но никто из Девяти никогда не бывал в его доме, равно как и на дачах. Герман Довлатович жил настолько замкнуто и обособленно, что о его семье кардиналы Союза почти ничего не знали, кроме самого факта ее существования. Было известно, что он женат и что у него есть дочь. Остальные родственники скрывались за завесой секретности, недомолвок, намеков и легенд.

Получив «Свернутую змею», Рыков тем не менее свою деятельность свертывать не собирался, а сразу позвонил Кириллу Даниловичу Голованю, координирующему деятельность Союза Девяти в период между сходами, и договорился о встрече на одной из конспиративных квартир, принадлежавшей сети Внутреннего Круга. Располагалась квартира на Новом Арбате в доме-«книжке», на двенадцатом этаже. Обстановка ее с момента последней встречи кардиналов полтора года назад не претерпела изменений – оставалась спартанской, лишь в одной из комнат появился персональный компьютер из серии «Большой дока».

Кроме Голованя, Рыков пригласил на встречу и Мурашова, зная его возможности и могущество. Если Головань опирался на информационную базу Института стратегических исследований, финансовую помощь западных инвесторов, оказывая влияние на лоббистские структуры Госдумы, то Мурашов принадлежал к мощной властно-силовой группировке Министерства обороны и военно-промышленного комплекса, в зоне ответственности которого ничего нельзя было решить, а тем более предпринять без его санкции. Среди Девяти считалось, что и деятельность «Чистилища», комиссаром которого, а с недавних пор – вторым руководителем стал Рыков,

находилась под контролем Мурашова, однако сам Герман Довлатович был иного мнения на этот счет.

Конечно, бывший советник президента по безопасности Юрий Бенедиктович Юрьев опирался на более мощные структуры – нефтегазовый комплекс и добывающую важное стратегическое сырье промышленность, но среди Девяти кардиналов Юрий Бенедиктович не пользовался популярностью, всегда имея свое особое мнение, как в силу характера, так и достижения подуровня, возвышавшего его над остальными Посвященными. Поговаривали, что в скором времени он перейдет в касту Хранителей, и Юрьев подтверждал это мнение спецификой своей деятельности, направленной на стабилизацию сложившихся в социуме отношений, а также на увеличение «максимума» морали. И все же, несмотря на то, что времена, когда Юрьева и Бабуу-Сэнгэ поддерживал пентарх – одна из наиболее сильных фигур среди иерархов, – прошли, Юрий Бенедиктович продолжал оставаться влиятельнейшим лицом в государстве и среди кардиналов Союза Девяти.

В отличие от Рыкова, с недавних пор начавшего прикрывать спину обоймой телохранителей, Мурашов и Головань прибыли в одиночку. Они были чем-то похожи, профессор права, академик Российской академии наук и многих зарубежных академий, и заместитель директора Международного института стратегических исследований, главный военный эксперт правительства, генерал-лейтенант, секретарь Совета безопасности, хотя по возрасту значительно отличались: Головань разменял восьмой десяток – официально, по документам (неофициально его возраст не поддавался учету), а Мурашову пошел всего сорок девятый. Оба носили печать «арийской породы» – холеные надменные лица, прозрачно-голубые глаза, крутые подбородки, твердые узкие губы, волнистые светлые волосы без единого седого волоска, оба имели крупные плечистые фигуры, изящные, но сильные руки с ухоженными ногтями. Правда, на встречу Головань прибыл в камуфляже: борода, усики, очки, плешь на голове вместо роскошной шевелюры. В отличие от Мурашова он носил неброские темно-серые костюмы, в то время как Виктор Викторович предпочитал темно-синие, тем не менее их вполне можно было принять за братьев. Отличала лишь манера поведения: Головань никогда ни на кого не

смотрел прямо, а Мурашов, наоборот, норовил вонзить в собеседника прямой, холодный, взвешивающий взгляд.

Квартира охранялась разного рода системами электронной защиты, но кардиналам защита, в общем-то, была не нужна, они сами могли контролировать состояние среды в широком диапазоне волн и были в состоянии вычислить любого наблюдателя за километр от места встречи.

Как обычно, до начала беседы Рыков приготовил чай, и несколько минут трое кардиналов молча смаковали «элит» с запахом и вкусом чабреца, поглядывая друг на друга. Потом Головань отставил чашку из тончайшего китайского фарфора.

– Мы вас слушаем, Герман.

Рыков, по обыкновению устроившийся в уголке кресла, тихий и незаметный, разительно отличавшийся от собеседников, не торопясь допил свою чашку. Он понимал, что рискует, но, с другой стороны, риск был вполне оправдан: двое кардиналов Союза Девяти пришли на встречу не зря, они тоже знали, чем грозит им роспуск Союза, который затеял Бабуу-Сэнгэ. Знали они и причины, толкнувшие настоятеля Храма Гаутамы на этот шаг.

– Все мы хорошо представляем ситуацию, – заговорил Герман Довлатович ровным тусклым голосом на русском языке, чуть позже перейдя на метаязык. – Но я хотел бы обратить ваше внимание на один из самых важных аспектов возникшей проблемы. Ликвидация Союза будет означать начало войны между Девятью за создание нового Союза, как бы дико это ни звучало. Жест координатора говорит не о необходимости свертывания Союза, а о слабости самого координатора. Он не в состоянии контролировать деятельность Союза.

Собеседники Рыкова отлично поняли подтекст его речи, но и они не собирались сворачивать свои программы по сигналу «Змея».

– Кого же вы видите на месте Бабуу? – поджал губы Головань.

– Вас, – с ходу ответил Рыков.

В комнате повисла тишина. Мурашов ничем не выдал своих чувств, и Герман Довлатович затаил дыхание, сжимая в кармане брюк рукоять суггестора «удав».

– А вы хитрец, Герман, – проговорил через минуту Кирилл Данилович с холодной усмешкой. – Одним выстрелом норовите

ухлопать двух зайцев: сместить координатора и приобрести союзника. Ваше мнение, Виктор?

– Герман не сказал всего, что хотел, – скривил губы Мурашов. – Я предпочел бы знать весь пакет информации.

Рыков, помедлив, кивнул, расслабился. Реакция Мурашова говорила о том, что он не отвергает идею, но ищет оправдание будущих действий и свое место в иерархии Союза.

– Нынешний чрезвычайный сход ничего не решит, только расколется Союз, это очевидно. Против нашего предложения наверняка выступит Юрьев... Кстати, это с его подачи свернуты программы по дальнейшему совершенствованию гипноиндуктора «удав» и генератора боли «пламя». Так вот, против будут Юрьев и Носовой. Но мы можем противопоставить их аргументам не только логику коррелята реальности, но и силу.

– Что вы имеете в виду? – поднял бровь Головань.

– Я потратил год на то, чтобы найти координаты одного человека.

– Соболева! – догадался Мурашов. – Зачем?

– Поскольку именно он закрыл доступ ко всем МИРам Инсектов, он может и открыть его. А это, как вы сами понимаете, прямой выход на известные вам Великие Вещи Инсектов – саркофаг власти и «Иглу Пара-брахмы», то есть корректор реальности. Завладев ими, мы...

– Мы? – перебил Рыков Мурашова с любопытством. – Герман, ты меня удивляешь! Никогда не думал, что ты предложишь работать по какому-то проекту совместно. Однако идея мне... – он повернул голову к заместителю директора Института стратегических исследований, – нравится. А вам, Кирилл Данилович?

Головань рассмеялся.

– Я же сказал, Герман – хитрец! Он отлично знает, что все мы, каждый втайне от других, искали подступы к МИРам. Такова уж этика коррелирования запрещенной реальности, и нет смысла давать ей эмоциональную оценку. Герман прав и в том, что Бабуу перестал справляться с обязанностями координатора, его надо заменить. Другой вопрос – кем и как.

– Кем – я уже сказал...

– Как – тоже понятно, – пробормотал задумавшийся Мурашов. – Но у нас мало времени. Вы действительно нашли того человека, Соболева, реализовавшего блокировку реальности?

– Нет, я его не нашел. Он перестал светиться и прямой пеленгации не боится, но зато я вычислил кое-кого из его друзей и уже предпринял определенные шаги.

– И все же это длительный процесс.

– А мы никуда не торопимся. Игра стоит свеч, если цель – возврат Союзу абсолютной власти над всей реальностью.

– Тогда учтите один момент. Я знаю, что Соболев стал Посвященным I ступени Внутреннего Круга и способен защититься от физического и психологического воздействия. Если он не захочет помочь...

– Если он не захочет, мы найдем способ его устранить.

– Но вы однажды уже пытались организовать «волну выключения».

– Если вы помните обстоятельства, мне помешали известные нам трансцендентные силы...

– Не стоит выяснять истинность суждений на словах, – остановил Рыкова Головань. – Соболев сильный противник, но уровень его пока ниже нашего, и особыми знаниями он не владеет, в том числе и Знаниями Бездн. Появится нужда – мы его выключим.

– И все же вы его явно недооцениваете, – вздохнул Мурашов, потряхнув головой. – Впрочем, к чему эти споры, в самом-то деле. Поживем – увидим. У вас есть план, Герман? Хотя вы и хитрец, по словам Кирилла Даниловича, одной хитрости для реализации ваших идей будет маловато, требуется кое-что посущественней.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался Головань.

– Мудрость, например.

В комнате раздался тихий кашель, – это смеялся Рыков. Заметив взгляды собеседников, проговорил, не стирая с лица специфической, едва заметной улыбки:

– Не обращайтесь внимания, коллеги, я просто подумал... по-еврейски «мудрость» звучит как «хохма», а это слово в русском языке имеет прямо противоположный смысл. А план у меня есть...

СОЮЗЫ ДОЛГО НЕ ЖИВУТ

Сход Союза Девяти Неизвестных, истинных правителей государства, состоялся на территории буддийского монастыря, расположенного в Горном Алтае на перевале Куг-Багач, недалеко от городка Кош-Агач.

По форме встреча кардиналов Союза ничем не отличалась от предыдущих, но содержание ее было иным, а напряжение, владевшее всеми, хотя и тщательно скрываемое, было на порядок выше.

На сей раз Бабуу-Сэнгэ, настоятель Храма Гаутамы, координатор Союза Девяти, характером и обликом похожий на живое воплощение Будды, принимал гостей не в молельне, а в своем рабочем кабинете, запрятанном в недрах монастыря. Кабинет, смахивающий деловой роскошью и отделкой на малый зал заседаний ЮНЕСКО, с кольцевым столом, опоясывающим мини-бассейн с голубой водой, с множеством бра из золота и хрусталя в форме лотоса на мраморных стенах, с четырьмя золотыми статуэтками Будды по углам, обладал современной системой охраны тайны, делавшей недоступными не только любые методы прослушивания и съемки, но и несанкционированный физический доступ. В принципе в охране, состоящей из живых людей, он не нуждался.

Бабуу-Сэнгэ появился в зале позже всех, в пурпурной мантии, с массивной золотой цепью на груди, несущей квадратный медальон. На одной стороне медальона была выгравирована Тайдзокай-мандала, структура и символика которой считались дорогой к просветлению, на другой стороне – Конгокай-мандала, обозначающая схематический «Мир Алмазов», символ ясности, прозрачности, благородства и твердости. В разговорной речи кардиналов медальон имел слегка игривое ироническое название «нагрудник справедливости». Он вручался избранному координатору и, по легенде, обладал таинственной силой, удушая тех, кто лгал.

Вопреки обычаю, Бабуу-Сэнгэ повел речь сразу на метаязыке, богатство оттенков которого не шло ни в какое сравнение ни с одним из языков Земли:

– Господа Посвященные, пришло время перемен. Вы прекрасно знаете причины, по которым мы собрались здесь, но я также отлично знаю, что ни один из вас не послушался и не свернул рабочие программы. И все же я попытаюсь доказать свою точку зрения на происходящие события.

Голос настоятеля был ровен и звучен, и тем не менее в нем явственно проступало злое предупреждение.

– Все вы полтора года назад были свидетелями вмешательства в коррелят-схему реальности непосвященного по имени Матвей Соболев, в результате которого оказались заблокированными границы реальности и мы потеряли связь с иерархами. Мало того, из-за повышения порога выхода в астрал и другие подуровни информационного континуума стал невозможен и переход сознания из одной реальности в другую, что резко сузило диапазон нашего вмешательства.

– Нельзя ли покороче, господин координатор? – не выдержал самый молодой из кардиналов, Петр Адамович Грушин. – Я ценю свое время выше воспоминаний. Еще Прутков говорил: бойтесь объяснений, объясняющих объясненные вещи.

– Я постараюсь, – кротко согласился Бабуу-Сэнгэ. – Предлагаю на какое-то время законсервировать Союз, ограничить его деятельность наблюдением и анализом происходящих перемен. За прошедшие полтора года с момента капсулирования реальности произошла определенная стабилизация социума по всем параметрам: уменьшилось количество конфликтов, закончилось наконец противостояние в Чечне, наметились сдвиги в урегулировании таджикского конфликта.

– И резко поднялась вверх волна терроризма, – угрюмо добавил Грушин. – Возросла преступность... А если бы не деятельность «Чистилища», которую мы контролируем?

– Будьте добры, Петр Адамович, – посмотрел на Грушина Юрьев, сидевший напротив, – не перебивайте настоятеля!

Он не сказал – координатора, и кардиналы Союза переглянулись, оценив этот момент. Оценил его и Бабуу-Сэнгэ, по губам которого скользнула презрительная усмешка.

– Благодарю вас, Юрий Бенедиктович. К аргументам уже привычным могу добавить следующее. Деятельность

криминализированных систем «ККК» и «СС» также ограничена в настоящее время до приемлемого предела, так как они уравнивают друг друга и не требуют особого контроля. Расползание психотропного оружия по планете остановлено, мало того, все разработки в этом направлении у нас в стране и за рубежом прекращены. Я полагаю, перечисленных мной аргументов достаточно, чтобы наш Союз временно ушел в тень.

Координатор умолк и застыл, полуприкрыв глаза веками, и сразу же стал похожим на бронзовую статую. Некоторое время по залу кружила пугливая тишина, первым дернулся Юрьев, собираясь что-то сказать, но его опередил Рыков:

– Посвященные, картина, нарисованная нашим уважаемым координатором, не совсем верна. Настоятель лукавит, он устал, и ему пора уйти на покой. Да, времена, когда нас поддерживали иерархи, прошли, но у нас достаточно сил и знания, чтобы и дальше корректировать социум реальности в нужном направлении. Граница реальности закрыта не навсегда. Предлагаю...

– Подождите, Герман, – вмешался Хейно Янович Носовой, остающийся одним из боссов Сверхсистемы. – В словах координатора есть резон. У вас имеются контраргументы, позволяющие считать деятельность Союза незаконченной?

– Извольте. Несмотря на то, что каналы передачи информации из «розы реальностей» в нашу запрещенную реальность перекрыты, есть свидетельства того, что непосвященные продолжают ими пользоваться. Разве это не угроза социуму? Нашему Союзу? Кто поддерживает эти каналы? Зачем? Не потворствуют ли этому Хранители? Далее. Я имею доказательства того, что некоторые из Посвященных I ступени вместе с Идущими пытаются овладеть Великими Вещами Инсектов – саркофагами власти, «Иглой Парабрахмы» и другими. Разве это не прямая угроза реальности?! И, наконец, последнее. – Рыков напил стакан воды, сделал глоток. – В нашу реальность снова дышит Монарх. И я точно знаю, кто ему не только потворствует, но и помогает. – Рыков исподлобья глянул на Бабуу-Сэнгэ, на лице которого не дрогнула ни одна жилка.

– Кто? – спросил в наступившей тишине Кирилл Данилович Головань.

Настоятель Храма Гаутамы встал. Головы всех присутствующих повернулись к нему. По твердым губам Бабуу-Сэнгэ скользнула та же презрительная улыбка.

— Герман, я давно заметил ваше стремление к власти, причем власти неограниченной, но не думал, что вы зайдете так далеко. — Координатор обвел взглядом лица собравшихся. — Я знал, что мне не удастся убедить вас, но не мог не сделать попытки. Я сам, лично, снимаю с вас ответственность за выбор и покидаю Союз.

Бабуу-Сэнгэ снял с себя цепь с «нагрудником справедливости», взвесил на ладони и бросил в бассейн с водой. Зашипев, как раскаленная сковорода, медальон потемнел и медленно опустился на дно, влекомый цепью.

— Теперь я отвечу на выпад Германа Довлатовича. Да, я имел связь с Монархом Тьмы, а точнее, с Аморфом по имени Конкере, но только лишь для того, чтобы получить информацию. Вот вам новость: в «розе реальностей» началась междуусобица между иерархами за передел Мироздания. Конечно, в человеческом понимании эту междуусобицу трудно назвать войной, ведется она на ином уровне, на уровне изменения законов и принципов, но если при этом количество жертв увеличивается... — Бабуу-Сэнгэ взглянул на сжавшегося в уголке кресла Рыкова. — Герман, а ведь о моем контакте с Конкере мог знать только тот, кто сам контактирует с подобными ему. Не так ли?

— Погодите, координатор... э-э, настоятель, — включился молчавший до сих пор Мурашов. — Если даже информация о событиях в абсолютных планах бытия правдива... э-э, извините, я не хотел обидеть... нас должно касаться лишь то, что происходит на Земле. Союз должен работать и дальше, чтобы уберечь... э-э...

— Власть?

— Реальность от... э-э... распада.

— Что ж, благое дело, — кивнул Бабуу-Сэнгэ. — Кого же вы прочите на мое место? Германа Довлатовича?

— Кирилла Даниловича.

— О! — Бабуу-Сэнгэ с удивлением глянул на Голованя, ни разу не посмотревшего в его сторону. — Поздравляем, Кирилл Данилович. А так как я до конца схода являюсь его председателем, прошу подтвердить ваше решение.

– Это еще не решение, – капризно заметил Носовой, переглядываясь с Грушиным. – Я против этой кандидатуры и предлагаю свою: Петр Адамович.

– А я предлагаю Юрия Бенедиктовича, – скрипучим голосом возразил Блохинцев.

Все замолчали, и взгляды снова скрестились на невозмутимом Бабуу-Сэнгэ. Тот развел руками.

– Боюсь, ни одна кандидатура не наберет необходимого количества голосов. Я воздерживаюсь от голосования.

– Я тоже, – вставил слово отец Мефодий.

– В итоге ни одна кандидатура не может быть утверждена. Предлагаю после перерыва на обед продолжить совещание и попытаться найти консенсус. Стол уже накрыт.

Настоятель Храма вышел. Некоторое время за столом заседаний Царило напряженное молчание. Потом встал Юрьев:

– Действительно, надо подумать.

Он никому не угрожал, но Рыкову показалось, что в его сторону подул ледяной ветер.

За Юрьевым покинули стол заседаний Носовой, Грушин и Блохинцев, помявшись, вышел и отец Мефодий. Остались трое «реформаторов» – Мурашов, Головань и Рыков.

– Ничего мы сегодня не решим, – сказал Мурашов, глядя на золотую цепь с пластиной медальона на дне бассейна. – К тому же здесь мы во власти хозяина.

Трое обменялись взглядами, хорошо понимая подоплеку сказанного. Чтобы реально сместить Бабуу-Сэнгэ с поста координатора, мало было его скомпрометировать, требовалось уничтожить его. Театральный жест с «нагрудником справедливости» ни о чем не говорил: стать координатором можно было только после обряда инициации людьми Внутреннего Круга, хотя бы Посвященными II ступени.

Мурашов оказался прав. Самоустранение Бабуу-Сэнгэ не решило проблемы выбора его преемника, и Союз Девяти раскололся на три «фракции». В одной оказались Рыков, Головань и Мурашов, в другой – Юрьев и Блохинцев, в третьей – Носовой и Грушин. Отец Мефодий отказался участвовать в распрях на любом уровне, призвав всех кардиналов вести себя «конституционно» и через два-три месяца

вернуться к выборам. Но члены Союза Девяти понимали, что раскол в их рядах мирно не закончится. Абсолютную монархическую власть надо завоевывать, устраняя претендентов.

«ККК» НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Как советник президента по национальной безопасности, Рыков имел свой кабинет в здании правительства, в «Черно-белом доме» на Краснопресненской набережной, однако у него были кабинеты и в других районах города, как у комиссара «Чистилища». В частности, один из них располагался в здании-башне на Сенной площади, о чем знали всего пять человек: четыре комиссара «ККК» и начальник службы безопасности «Чистилища».

В девять утра семнадцатого мая Рыков появился именно в этом кабинете, оборудованном компьютерным комплексом с выходами во все сети страны.

За полтора года, истекшие с момента последнего боя, в котором участвовали все лидеры властно-силовых структур и в котором почти все они погибли, в том числе маршал Сверхсистемы Лобанов и координатор «Чистилища» Громов, деятельность «ККК» претерпела некоторые изменения. Место Громова занял комиссар-2 Прохор Петрович Бородкин, главный консультант управляющего администрацией президента. Ушел из комиссариата комиссар-4 Боханов, и его заменил молодой, но перспективный кибернетик из центра информатизации Зайцев. Также отказался от работы в «ККК» бывший начальник военной контрразведки Никушин, которого сменил его заместитель полковник Холин, став комиссаром-3. Начальником службы безопасности и комиссаром-5 соответственно был назначен инструктор Центра боевых искусств Темир Жанболатов, казах по национальности. Рыков таким образом остался комиссаром-2, однако фактически именно он являлся настоящим руководителем «Чистилища», умело направляя комиссара-1 по нужному пути.

Полгода назад, в декабре, изменились и «должности» комиссаров, теперь они стали называться Судьями, а глава «Чистилища» получил статус Генерального Судьи. Все они имели собственных телохранителей, но командовать сетями исполнителей, гранд-операторов и спикеров могли только сообща, после принятия совместного решения. Выход на сеть грандов имел лишь Судья-5

Жанболатов и сам Генеральный Судья. Плюс Судья-2 Герман Довлатович Рыков, о чем он, разумеется, не докладывал никому.

Историческое решение прежнего «Чистилища» об уничтожении всех коррумпированных чиновников высшего эшелона власти до сих пор оставалось в силе, хотя треть «работы» по этому разделу деятельности «ККК» была уже выполнена. Однако списки кандидатов на ликвидацию, опубликованные полтора года назад в центральных газетах, настала пора подкорректировать. Кое-кто из смертников подал в отставку, некоторые резко сменили род занятий и явно «почестнели», двое-трое умерли естественной смертью. И все же по мере работы новой Государственной Думы выявлялись новые депутаты, жаждущие любой ценой власти, богатства, привилегий и безмерных прав. Многие из них начинали работать на мафиозные структуры, на Сверхсистему, их надо было останавливать. И «Чистилище» понемногу расчищало авгиевы конюшни коррупционеров, нацеливаясь на главных действующих лиц, засевших в аппаратах президента и правительства. Правда, в деле чистки рядов общества возникали и провалы – контрразведка Сверхсистемы не дремала, да и органы МВД не сидели сложа руки. Наметилось некое странное равновесие в этой войне, не имеющей конца, ведущейся почти незаметно для рядового гражданина страны. В принципе уровень, на котором работало «Чистилище» – институты власти: Дума, силовые министерства, – был недоступен не только общественности, но и журналистам.

Неизвестно, были ли удовлетворены результатом деятельности «ККК» остальные Судьи, но Рыков доволен бывал редко. К тому же цель его отличалась от постулированной цели «Чистилища»: справедливое воздаяние! Целью, сверхзадачей Германа Довлатовича была Единоличная Власть здесь, в запрещенной реальности Земли, и там – в «розе реальностей», на уровнях, абсолютно недоступных воображению обыкновенного человека.

В рабочем кабинете на Сенной площади Герман Довлатович появлялся два раза в неделю. Во вторник он работал с аналитической группой «Чистилища», руководимой Судьей-4, знакомился с развединформацией, проверял и корректировал выполнение планов, а в пятницу принимал отчеты гранд-операторов о подготовке акций – «чистильщики» называли акции бандликами, соединив два слова: «бандит» и «ликвидация». Кроме того, Рыков подключал к

исполнению группы подготовки и держал связь со своими фликами – агентами-информаторами, наблюдателями и экспертами. Все это – через компьютерную сеть, естественно, с умопомрачительной системой кодово-опознавательной защиты. Зато подобная схема управления исключала прямые контакты с исполнителями и сводила почти к нулю возможность провала. Исключение Герман Довлатович делал лишь для руководителя службы безопасности Темира Жанболатова, которого знал уже двенадцать лет.

Начинал свою карьеру Жанболатов штатным информатором КГБ, затем по совету Рыкова перешел в военную контрразведку, проработал там до известных событий 1993 года. Потом ушел в коммерческую структуру, где в качестве начальника охраны продержался два года, одновременно тренируя частных предпринимателей в одной из школ рукопашного боя. Там его заметил директор Российского центра боевых искусств и предложил работу инструктора в одном из клубов Центра. Темир согласился. К тому времени ему исполнилось тридцать пять лет и он был в отличной физической и психической форме. Предложение Рыкова работать на «Чистилище» Жанболатов принял без колебаний.

Судьи «ККК» сперва косились на «азиата», но потом привыкли. Манера Жанболатова держаться, по-восточному вежливая и вкрадчивая, при всем том, что он был умен и образован – окончил Казахский университет, – не могла не располагать к себе самых разных людей. Да и школу он прошел хорошую, прекрасно научился использовать слабые струнки собеседника, зная методы работы контор подобных безопасности, контрразведке и Министерству внутренних дел. Более ценный кадр Рыкову найти было трудно, хотя он и старался. Герману Довлатовичу не хватало профессионалов класса «абсолют». Заменить таких профи не могла даже целая зомби-команда, прикрывающая спины Судей во время совещаний и особо важных бандликов.

В пятницу семнадцатого мая Рыков появился в кабинете в девять утра и тут же сросся с пультом компьютера в единое целое. К обеду он почти закончил работу, и тут в кабинете, пройдя тройной контроль, возник Жанболатов. Рыков почувствовал его приближение еще до выхода из машины, но решил не отвлекаться. Не стал торопить босса и Темир, усевшись за спиной Германа Довлатовича в своем любимом

кожаном кресле. На экран дисплея он глянул всего два раза, но и этого было достаточно, чтобы понять, с кем и зачем вел диалог Судья-2.

Через минуту Рыков закончил работу, провел привычную процедуру проверки на утечку секретной информации и развернул свое вращающееся кресло, теперь он сидел лицом к гостю. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом Жанболатов, сощурив черные глаза, кивнул на потухший экран:

– Вы не боитесь работать с такими людьми?

Рыков покачал головой. Он только что дал заказ президенту киллер-клуба на ликвидацию конкретного человека, предварительно переведя сумму заказа со счета «ККК» на счет Клуба.

– Почему вы не действуете обычным путем? – продолжал Жанболатов. – Дайте команду, и мой тревел ликвидирует любого человека.

Герман Довлатович снова покачал головой.

– Твой тревел и мейдеры поддержки должны быть чистыми как слеза. Дело же, которое я поручаю киллеру, грязное. Надо убрать депутата... хорошего депутата, помощника президента. А потом ты со своей командой уберешь исполнителей. Громко, чтобы все узнали, как мы караем убийц. Тебе все ясно?

– Это называется – стратегическая провокация. Цель – создание нестабильности вокруг президента?

– Ты слишком умен, Темир, иногда это меня пугает. Да, цель – подготовить президента к принятию решения. Какого – узнаешь позже. Готовь свою обойму, ликвидировать киллеров надо будет в течение суток после акции. И второе задание, по важности оно даже первое: съезди во Владимир, с двумя-тремя фликами, возьми ай-профи и попаси одного знакомого. Только пасти надо очень тонко, на грани призрака и тени, и еще надо выявить круг его знакомых, друзей, родственников. Он мне очень нужен.

– Кто этот человек?

– Василий Котов. Во всяком случае, так он сейчас себя называет. Полтора года назад его звали Василий Никифорович Балусев.

В субботу восемнадцатого мая, в десять часов вечера, был убит на своей даче депутат Государственной Думы Забодыко. В телефонный аппарат, которым пользовался депутат для связи с президентом, была вмонтирована мина, и, когда Забодыко по звонку поднял трубку,

прогремел взрыв. Бывшему секретарю райкома, потом мэру, затем главе информационного агентства, заместителю председателя Совета директоров Бизнесцентра, депутату Госдумы, давнему приятелю нынешнего президента оторвало руку, и он истек кровью, прежде чем приехала «скорая».

В тот же вечер в Кремль были вызваны президентом начальник службы безопасности генерал Коржанов, советник по национальной безопасности Рыков и секретарь Совета безопасности Мурашов. Все трое, прибыв одновременно в половине двенадцатого ночи, вошли в рабочий кабинет президента.

Илья Ильич, одетый по-рабочему, в белую рубашку с галстуком и светлые летние брюки, меривший шагами мраморный пол комнаты, покрытый коврами, поглядел на вошедших и снял очки.

– Прошу извинить, господа, что собрал вас на ночь глядя, но дело не терпит отлагательств. Только что от меня ушли директор СБ и министр внутренних дел... Вы в курсе произошедшего?

– Погиб Николай Трофимович Забодыко, – тихо сказал Рыков.

– Вы, как всегда, все узнаете первым, – холодно сказал президент. – Кто, по-вашему, это сделал?

– Киллер... – Коржанов откашлялся.

– Я знаю, что киллер! Имеется в виду организация. «Чистилище»? Мафия? Личные враги? Кому понадобилось убирать Колю... Николая Трофимовича? Милейшего человека? Ни Бондарь, ни Глухарь мне на этот простой вопрос не ответили. Кто теперь следующий? За два месяца убиты три депутата...

Голос президента снизился до шепота. Он подошел к столу, отпил из бокала минеральной воды, снова повернулся к молчавшим гостям.

– Все мы знаем, – голос Ильи Ильича окреп, – что многие депутаты кичливы, спесивы, чванливы, некультурны, агрессивны и меркантильны. Но не каждый же второй! – Президент как-то сник, волоча ноги, добрался до стула с мягким сиденьем, сел, махнув рукой. – Садитесь... пока. – Покачал головой. – По большому счету, общество до сих пор находится в состоянии войны, и люди привыкли. Понимаете? Привыкли к каждодневным сводкам погибших, воспринимая их на уровне статистического отчета! Вот чему я поражаюсь больше всего. Может быть, все же виновата система, которую мы претворяем в жизнь?

Трое молчали, неслышно рассевшись по стульям в стиле ампир. Президент оглядел их сосредоточенные лица, усмехнулся бледными губами.

– Что молчите? Нечего сказать? Посоветуйте, что делать. Только учтите, указ об усилении борьбы с преступностью не поможет. Предыдущий президент таких указов издал с десятков, и ни один из них никак не повлиял на снижение преступности.

– На месте преступления ничего не нашли? – поинтересовался Рыков.

– Нашли. – Илья Ильич фыркнул. – Карточку со знаменитой печатью «Чистилища». Но мне мало верится, что это убийство – дело рук «чистильщиков». Коля... Николай Трофимович не был замешан ни в одной из криминальных операций, а «ККК» очень щепетильна в этом вопросе. Кто-то сработал под «Чистилище», чтобы лишний раз подставить его и замести следы. Но кто?

Рыков обменялся взглядом с Мурашовым, но промолчал. Заговорил Коржанов:

– Я утверждал и еще раз повторяю: нас отстреливают, как оленей, на выбор, а мы все стесняемся принять адекватные меры. Неужели надо взойти на эшафот, чтобы признать: конституционные методы борьбы с преступностью не срабатывают! Требуются иные, более действенные.

Президент нахмурился, пожевал губами, хотел возразить своему главному гаранту безопасности, но задумался. По его глазам было видно, что он не уверен в том, насколько отвечает принципам нравственности это предложение.

– Какие методы вы предлагаете, Николай Владимирович?

– Под вывеской фельдъегерской службы создать подразделение для особых поручений.

– И чем оно будет заниматься?

– Всем, что пойдет на благо Отечества.

– Конкретнее, пожалуйста.

Коржанов покосился на Рыкова, с которым сутки назад имел разговор на эту тему.

– Секретная связь, контроль продуктов для Кремля, выявление неблагонадежных в правительственных кругах, контроль за

исполнением приказов и распоряжений, надзор за органами, исполняющими особо важные указы президента...

Мурашов, деликатно улыбнувшись при упоминании Коржаковым функции «контроля за продуктами», посмотрел на недовольное лицо президента.

– Илья Ильич, вы все прекрасно понимаете. Функции команды, перечисленные уважаемым Николаем Владимировичем, не главные, хотя и важные. Основной задачей формируемой команды должно быть устранение! Устранение факторов, мешающих управлять государством, которое во все времена было аппаратом насилия, какие бы благие намерения при этом ни преследовались.

– У вас же есть целых две команды, «Туз» и эта ваша... «Бэта». Зачем создавать еще и третью?

Коржаков покрутил головой, глянул на Рыкова.

– «Туз» обеспечивает вашу личную безопасность физически, а «Бэта» психически, ни на что другое они не годятся.

– Так, может быть, они вообще ни на что не годятся?! Особенно хваленая «Бэта» – что толкового она сделала с момента создания?

Коржаков тоже не видел особой надобности в «Бэте», но она была создана еще при Брежневe, и ни один последующий президент ее не расформировал.

Команды типа «Бэты» – группы биоэтиков и экстрасенсов, охраняющих ауру президента от «энергетического пробоя» и прочих негативных воздействий, начали создаваться в США при Рейгане. У самого Рональда Рейгана было двенадцать биоэтиков, у Буша – шесть, у Клинтона – двадцать один, у Ельцина – пятнадцать. Команда Ильи Ильича насчитывала восемь человек, но и этого, по его мнению, было слишком много.

– Что еще вы мне скажете, господа профессионалы? – более примирительно спросил Илья Ильич.

– Необходимо создать секретность вокруг работы команды, – продолжил Коржаков, – знать о ней будем только мы да командир группы. Рядовые бойцы не должны даже догадываться, чьи приказы и во имя чего они выполняют.

Президент откинулся на спинку стула, включил кондиционер: ему вдруг стало жарко. Но было видно, что колеблется он не потому, что отвергает идею создания спецотряда, а по причинам иного свойства.

Он явно боялся последствий действий отряда, боялся не меньше, чем информации о его существовании.

– Эта команда – единственная сила, которая способна защитить нас и наших друзей от «ККК», – привел убойный аргумент Коржаков, видя колебания президента.

– Кто будет управлять ею?

– Вы. Мы вдвоем будем готовить предложения по мере поступления проблем, вы же утверждаете конкретную программу. Непосредственное руководство группой я беру на себя, планы удобнее обсуждать при личной встрече, но не вдвоем, как сегодня, – это вызовет лишь подозрения. Будем комбинировать.

– Почему вы хотите подчинить команду фельдъегерской службе?

– Потому что легче всего ее спрятать именно там, среди профессионалов, разъезжающих по стране, подчиняющихся только непосредственно вам. А поручения все они получают индивидуально и секретно. Способы связи, сборов, получения заданий мы разработаем в рабочем порядке.

– Вы представляете, что будет, если произойдет утечка информации о наших... намерениях?

– Этого мы не допустим, – бесстрастно ответил Рыков.

Президент заинтересованно посмотрел на него, однако развивать тему не стал.

– Найдите мне убийц Николая. И дайте знать, когда ваша КОП-команда будет сформирована.

– Как вы сказали? КОП-команда? – поднял голову Мурашов.

– Как-то же ее надо называть? КОП – аббревиатура. Команда для особых поручений. Или не нравится?

– Напротив, подходит, копами американцы называют полицейских. Пусть будет КОП.

Президент сделал жест, означающий конец аудиенции, и трое его самых близких помощников неслышно удалились из кабинета.

ВСЕМУ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ (ОЖИДАНИЮ ТОЖЕ)

Проснувшись, он лежал с открытыми глазами, втянул в себя воздух, ощущая все запахи: цветущего луга, аромат свежего кофе, долетевший с кухни, пряный дух шалфея, пропитавший простыни, запах валерьянки, исходящий от ящика с медикаментами в серванте, совсем тонкие оттенки запахов лаванды, миндаля, лимона, боярышника и фиалки, а также свежий, едва уловимый аромат ландыша – так пахли духи Наташи. Лежа в постели, Василий еще с минуту исследовал запахи квартиры и обнаружил, что их палитра значительно расширилась. Раньше он, например, не отличал нюансы запаха от своих рук – правой и левой, – теперь же чувствовал разницу.

Закрыв глаза, чтобы лучше уловить это весьма своеобразное ощущение и запомнить его, Василий стал исследовать телевизор, столик возле кровати с журналами, карандашами и зажигалкой, ковры на полу, стены, окно. Сосредоточившись, «вышел» из дома и ярко представил лесопарковую полосу, начинавшуюся прямо за двором и тянувшуюся до Клязьмы. «Подышал» свежестью утра, глубоко втягивая воздух в легкие, выпятив живот, производя выдох через нос, до полного вытеснения воздуха из легких, и «вернулся» в спальню.

Бесшумно встал, выглянул на кухню, где хлопотала у плиты Наташа, Наталья Петровна Янина, женщина двадцати восьми лет от роду, по профессии мануальный терапевт, мастер рэйки, стройная, милая, улыбчивая. На Наташе был милый халатик в мелкую полоску. Мгновение Василий смотрел на нее, затем бесшумно вернулся в спальню и присел на край кровати.

С Наташей он познакомился полгода назад, зимой, с тоски пригласив незнакомую девушку, в одиночестве прогуливавшуюся по набережной, покататься на лыжах. Девушка неожиданно согласилась, и Новый год они спустя две недели встретили вместе.

Наташа оказалась обаятельной, мягкой, уступчивой, милой – и в общем, красивой женщиной, понимающей души людей и вещей. У нее была необратимая потребность целиком посвящать себя чему-то – какому-то делу, человеку, но человеку мечты, претворяющему ее в

жизнь. Делом являлась ее лечебная практика целителя, мастера рэйки, а «человеком мечты» неожиданно для него самого стал Василий Балугев, живущий нынче под фамилией Котов в древнерусском городе Владимире. Наталья легко понимала глубоко сокрытые тайны окружающих, знала она, наверное, и отношение Василия к той, которая была до нее, к Ульяне Митиной, но держать себя в руках умела и никогда не спрашивала у своего друга причин его редких приступов тоски. Она верила, что все это пройдет. Лишь сам Василий знал, что не пройдет, не забудется, не залечится.

Расставшись с Ульяной полтора года назад, Вася не выдержал и через месяц приехал в Рязань, где девушка училась в мединституте, но из этого ничего не получилось. Митина, студентка второго курса, была еще и Посвященной в тайны Внутреннего Круга, чьи дела и помыслы мог понять далеко не каждый обычный гражданин Земли. К Василию она отнеслась дружески, понимая его чувства, но помочь ничем не могла. Котов не стал ее идеалом, не мог дать больше того, что предлагал идущий по Пути Посвящения, не пробудил особого интереса и не затронул нежных чувств. Идеалом Ульяны оставался Матвей Соболев, бывший ганфайтер, контрразведчик, мастер боя и перехвата, который стал первым Посвященным, миновавшим промежуточные этапы Пути благодаря своему врожденному дару духовной чистоты. И Василий уехал, не попрощавшись, выбрав местом жительства Владимир, город, где жила когда-то его мать и родственники по женской линии. Мать умерла давно, еще до событий, в результате которых Балугев познакомился с Матвеем Соболевым и жизнь его круто изменилась, но квартира ее осталась за сыном, хранимая теткой Ксеньей, сестрой мамы.

Надо признаться, Василий ездил в Рязань еще раз, зимой, и даже видел Ульяну, выходящую с подругами из здания института, однако подойти не решился и тут же уехал обратно, поклявшись забыть ее и никогда не вспоминать. Не вышло с клятвой. Какая-то тонюсенькая ниточка ментальной связи соединяла их и не давала сердцу покоя. Если бы не это, Василий давно бы женился на Наталье и был счастлив.

«Прости, Натали, – сказал он про себя, – я не виноват. Пока есть на свете Уля Митина – нет другой женщины, способной заставить меня прыгнуть выше себя».

Посидев немного в позе лотоса, Василии начал обычную утреннюю разминку по китайской системе чигонг-о, которой его обучил Соболев. Система позволяла за считанные минуты переводить организм на уровень высокой активности, делать мышцы эластичными, готовыми к взрывному действию и растягивать суставно-сухожильный аппарат до состояния «резинового каркаса».

Вася занимался рукопашным боем уже четверть века, начав Путь воина в додзё карате и закончив школу Куки-Синдэнрю-Хагаку-Хи-Кэн (тайное искусство владения оружием). Прошел он и другие школы – айкидо и русбоя, проповедующего стиль реального боя в условиях, максимально приближенных к жизни. Но основную закалку дала Балуюеву школа ниндзюцу, которую он одолел на Дальнем Востоке, под Приморском, где прожил одиннадцать лет (отец был офицером-ракетчиком и служил в зенитно-ракетных войсках), под руководством японского мастера Хатсуми, владевшего стилем то-гакурэ-рю («спрятанное за дверью»).

Балуюев, конечно, не стал «японцем» – по ощущению мира, но воспитан все-таки был в традициях ниндзюцу и не только довел до совершенства искусство рукопашного боя, но и достиг гармонического отражения окружающей действительности, в основе которого лежало интуитивное ощущение опасности и непрерывное определение текущих событий с анализом угрозы на уровне рефлексов, тонких движений полей и излучений.

После встречи с Соболевым Василий еще более развил в себе этот комплекс чувств, подсознательно вызывающих естественно ненапряженный ответ на любое событие. А главное, за полтора года, прошедших с момента их разлуки, Вася полностью овладел искусством смертельного касания, которое он назвал системой космек – комбинаторикой смертельного касания. Мало того, не желая никого убивать даже во имя защиты собственной жизни, он разработал на базе космек новый комплекс боевого стиля – ТУК, что означало: техника усыпляющего касания. Владение этим стилем ставило его по классификации ниндзюцу в ряды мейдзинов, то есть Мастеров, Достигших Совершенства. Проверить же себя в реальных условиях не составило труда, криминализованная жизнь России часто преподносила неприятные сюрпризы, даже если ты не искал встреч с бандитами, ворами и негодяями. Изредка Василию все же приходилось

применять ТУК – метод для успокоения не в меру воинственных и разгоряченных безнаказанностью «повелителей жизни».

С Матвеем Соболевым он за это время встречался лишь дважды: в Москве, куда тот приезжал по делам, и в Санкт-Петербурге, где теперь жила семья Соболевых – Матвей, Кристина и Стас. Кристина заканчивала университет, а Стас учился в одной из частных школ; ему исполнилось двенадцать лет, но был Стас не по возрасту серьезен и трудолюбив, успевая и рисовать – прорезался у парня талант, и заниматься под руководством приемного отца воинскими искусствами. Где работал Соболев, Вася узнать не удосужился, но собирался как-нибудь бросить все дела и повстречаться с другом, по которому успел смертельно соскучиться.

Сам Василий работал в Управлении социальной защиты населения Владимира водителем, развозя пенсии с двумя инкассаторами на своем выдавшем виды «вольво» модели 343, который приобрел за тысячу зеленых и отремонтировал своими руками.

В свободное от работы время Вася копался в своей «радиомастерской», устроив ее в одной из комнат квартиры. Все-таки по образованию он был физиком, знал и умел многое и любил экспериментировать со всякими генераторами СВЧ, радиоконтурами и телесистемами. В последнее время он совершенствовал «тюбетейку», как он назвал генератор пси-защиты, предназначенный для подавления полей гипноиндуктора «удав», который был известен среди профессионалов под названием «глушак». Генератор защиты в виде сеточки и собственно резонансного контура удалось сохранить со времен последнего боя с Монархом Тьмы. Разбирался с ним Василий долго, но сумел существенно расширить диапазон реагирования и увеличить защитные свойства. Если бы об этом узнали разработчики из секретных военных лабораторий, они поставили бы Балуеву-Котову памятник. А если бы узнали федералы, добавил про себя Василий, имея в виду сотрудников ФСБ, они тут же этот памятник закопали бы в землю... вместе с оригиналом.

Позанимавшись полчаса, Василий прибрал постель, помня изречение Пифагора: «Поднявшись с постели, сгладь отпечатки тела», – забежал на кухню, чмокнул Наташу в шею и закрылся в ванной.

Во время завтрака Наталья не без юмора рассказывала, как она вправляла позвоночник одному пугливому больному, а Василий делал вид, что слушает. Наконец девушка заметила его состояние и спросила:

– Что случилось, Котов? Ты где-то далеко...

Василий оторвался от кинна — высокоэнергетические «помпажные» режимы требовали перехода на восточную кухню, и по утрам он ел рис с овощами, — с некоторым смущением глянул на подругу. Обычно он, легкий в обращении с людьми, не боящийся нарушить устоявшееся равновесие, мгновенно находил нужную интонацию, форму ответа, а нынешнее его замешательство говорило о дискомфорте в душе.

– На работе неприятности? — продолжала Наташа.

– В некотором роде, — с облегчением кивнул Василий.

– Расскажешь? — Она сделала вид, что поверила.

– Когда все выяснится. — Василий постарался сделать вид, что говорит правду. Он допил травяной настой, поцеловал Наталью в ухо и испарился. Девушка с грустью смотрела ему вслед, уронив руки на халатик. Она знала, что Котов ее не любит, но знала также, что нужна ему. Всюду необходимый, сильный, волевой, он, в сущности, нигде не находил себе настоящего пристанища и был одинок даже в постели с женщиной.

– Господи, помоги ему! — подняла глаза Наташа, усмехнувшись, добавила:

– И мне тоже!..

Котовская машина стояла во дворе, охраняемая спецсистемой тульских оружейников, не уступающей иностранным иммобилайзерам второго поколения. Система называлась «ХВ-96», что расшифровывалось очень просто: «Хрен вам!» — и не стоила Васе ни гроша, потому что подарил ее ему по доброй памяти приятель из военной контрразведки. Украсть машину со двора пробовали дважды, но безрезультатно. Первый раз «ХВ» сработала сразу, как только угонщики проникли в нее; звуковой сигнал, направленный в основном внутрь салона, послужил акустическим ударом мощностью в шестьдесят децибел. Вполне вероятно, что у воров полопались барабанные перепонки, и Вася поступил с ними по-джентльменски, пару раз съездив каждому по морде.

Заменив сломанный замок левой дверцы, он слегка изменил режим «ХВ», а дверцы на ночь перестал закрывать вообще, сформулировав поговорку: чтобы не ломать дверь, надо ее не запирасть. Второй раз угонщики нарвались на более серьезную защиту: «ХВ» тихонько вызвала хозяина и закрыла насмерть замки обеих дверей машины. Василий вышел во двор, когда воры лихорадочно пытались выбраться из салона, не решаясь бить стекла (кстати, бронированные). Они были вооружены, и Василий мог бы просто вызвать милицию и сдать двух грабителей, но он предпочел дать им урок. Выпустил обоих, отобрал оружие, от души поработал над их физиономиями и проникновенно попросил объявить всем угонщикам города не трогать его машину. С тех пор к ней никто не подходил, хотя приятель Васи, с которым он поделился опытом, сказал со знанием дела:

– Смотри, чтобы ее не заминировали или не саданули из гранатомета. Банды угонщиков мстительны.

Василий так не считал, но машину на предмет минирования проверял регулярно. А со временем собирался поставить в салон компьютер, регистрирующий все изменения параметров среды и самого автомобиля, который предупреждал бы хозяина об опасности заранее.

Включив мотор, он с минуту сидел в кабине с закрытыми глазами, анализируя реакцию своей нервной системы на сигналы подсознания. Ничего не уловив, тронул машину с места. Совесть – зря он мучает Наташу – грызла его недолго, потому что в душе он давно решил все ей объяснить. Правда, сил на это объяснение пока не хватало.

«Ульяна!» – позвал он космос, привычно представив, как его мысленный зов пронизывает пространство и достигает слуха девушки в Рязани. И услышал ответный мыслешепот: «Привет, ганфайтер! Не забыл еще?»

Облившись потом, Василий вырулил вправо на проспект Ленина и остановил машину. Сердце заколотилось так, что казалось, сейчас выскочит из груди. К голове прилила волна крови, в ушах поплыл звон. «Ульяна!» – снова мысленно крикнул он, напрягая слух, но космос на этот раз промолчал. Лишь прозвенела эмоциональная нотка печали, словно по виску скатилась холодная струйка воды. Василий опомнился, приводя чувства в порядок, но факт внечувственной связи с той, которую боготворил, отрицать не спешил. Слишком многое он

узнал за последнее время о возможностях человеческого организма и очень многому научился сам.

Еще год назад он перевез к себе библиотеку эзотерической литературы Матвея Соболева, прочитал ее всю, постоянно искал труды древних мудрецов и современных философов и пришел к выводу, что человек утратил подлинное видение Вселенной и владение ее законами не окончательно. Об этом же говорил и факт существования Внутреннего Круга человечества, по сути – новая его раса, овладевшая экстраординарными возможностями тела и разума. Факт же того, что история человечества была фальсифицирована, а сами люди оказались результатом эксперимента, потомками древней цивилизации Инсектов, точнее – рода Блаттоптера сапиенс, «тараканов разумных», никогда не воспринимался Васей как оскорбление его чувств, осквернение духовной сферы. Он относился к этому философски, просто как к неоспоримой данности. Он видел МИРЫ Инсектов – «модули инореальности», архитектурные ансамбли-памятники невероятной сложности и красоты, он дрался с Монархом Тьмы, «отцом» человечества, встречался с людьми Внутреннего Круга и точно знал, что все это было! В какой-то миг просветления истина открылась ему с другой стороны, и он понял, почему земная реальность называется запрещенной! И хотя миг этот прошел, оставив чувство сожаления и досады, Василий верил, что понимание сути вещей вернется. Верил он и в свой Путь к вершинам понимания мироустройства. Шел он медленно, гораздо медленнее, чем Матвей Соболев, зато не терял достигнутого.

– Ульяна... – прошептал он едва слышно, понимая, что сейчас только что окончательно решил поехать в Рязань и найти Ульяну Митину. Не ради выяснения отношений, ради самой жизни, требующей, чтобы он был рядом с девушкой. С тех пор, как он стал исповедовать принципы «базовых норм»: не ловчи, не мелочись, не воруй, обходись – если можешь, – Василий умеет прямо сказать о своих чувствах любому. Не сработал этот закон лишь в отношении Натальи, да и то лишь потому, что он боялся сделать ей больно.

– И все же лучший выход из положения – роды, – пробормотал он, трогая «вольво» с места.

В девять он был у здания Управления социального обеспечения, проспект Ленина, 59. Дождался, не заходя в здание, двух своих

молодых напарников с «дипломатами», вооруженных табельным оружием – пистолетами Макарова, и поехал в банк, расположенный на том же проспекте, тремя кварталами ниже, в доме номер тридцать пять.

Старшего инкассатора звали Сашей, ему было за тридцать. Младшего, двадцатидвухлетнего, Виталием. Он, по сути, был охранником и кое-что умел, занимаясь в местной школе русбоя.

– Поплыли на Юрковского, – сказал Саша, несмотря на теплый майский день, одетый в теплую джинсовую куртку. Его напарник пистолет носил за поясом сбоку, прикрывая его футболкой.

– Вчера мой братан историю рассказал, – начал он, устраиваясь на заднем сиденье. – Братан в «Автосервисе» работает, что на Московском шоссе. Его приятель, Севкой звать, недавно «вольву» себе купил, не чета, конечно, твоей. – Виталий дотронулся до плеча Котова. – Не обижайся. У тебя триста сорок третья, а он сподобился на девятьсот сороковую за тридцать семь тысяч. Сам понимаешь: комфорт, защита Sips, подушки безопасности и все такое прочее. Ну вот, приехал этот мужик, Севка, на работу, оставил на пару минут свою красавицу на улице, выходит – в ней сидят двое. «Ребята, вы чего здесь делаете? Это моя машина. А ну вылезайте!» – «Ключи», – говорит ему тот, что за руль сел, в очках, бритые виски, без бровей, в черном костюме. «Да вы что, очумели?!» – «Ключи», – снова ему тот, в очках. «Да я сейчас милицию вызову, е-мое!» Ну, повернулся мужик и пошел к проходной, а те вылезли, спокойненько так, бритый достал пистолет – и шарах в спину хозяину! Когда ребята выбежали, их и след простыл. Севка помучился немного и отдал концы по дороге в больницу. Вот тебе и поездил на крутой тачке!

Помолчали, переваривая историю. Потом Саша спросил:

– А откуда подробности такие знаешь: что они бритые были, в очках, в костюмах?

– Один был в очках и бритый, второго Севка не разглядел. Но рассказать братану успел, тот первым из конторы выскочил. Увидел, как они не торопясь шли через площадь к памятнику Жукова, да не придал значения.

– Внаглую бандиты работать стали. – Саша достал свой пистолет, проверил обойму, щелкнул курком, поставил на предохранитель. –

Проверь свою пушку. Деньги мы возим не слишком большие, но и не малые.

– Чего ее проверять, – буркнул Виталий, но пистолет достал, убедился в готовности к стрельбе и сунул за ремень. Процедура это повторялась изо дня в день неукоснительно, и Василий в душе ее приветствовал, хотя не был уверен, что инкассаторы успеют применить оружие, произойди что-нибудь серьезное.

Случай, приведенный Виталием, его не поразил, однако заставил задуматься. Вспомнилась другая история, рассказанная соседкой, матерью-одиночкой, имевшей прелестную дочурку четырех лет.

Соседку звали Клавдия, и работала она не в какой-нибудь «крутой» фирме, а санитарным врачом. В ее обязанности входила проверка пищевых продуктов и выдача сертификата качества, то есть справок, дающих разрешение на продажу. И вот одна из торгующих фирм, некая «Черная пантера», привезла партию деликатесов из Венгрии с истекшим сроком годности. Видимо, купила по дешевке в расчете «наварить» дома по-крупному. Естественно, Клавдию попросили дать справку. Она отказалась. Предложили взятку. Снова отказалась. Тогда к ней в санэпидстанцию пришли двое плечистых молодцов и предупредили: или берешь взятку и подписываешь документы, или что-нибудь случится с дочкой.

– Ну и что мне теперь делать? – плакала Клавдия. – При моей смешной зарплате их тысяча долларов – бешеные деньги! Но ведь возьми я их – попаду к ним на крючок, будут каждый раз тухлятину подсовывать, всякую дрянь в торговлю запускать. А если, не дай Бог, люди отравятся, кто сядет? Я, конечно. Вот и думай, что хочешь. А в милицию велели не соваться, там у них все схвачено. Теперь живу в постоянном страхе, уже сердечный приступ был...

Василий выслушал эту историю внешне равнодушно, как мог, успокоил соседку и пообещал помочь, хотя сам еще не знал – как. Теперь же, после рассказа Виталия об убийстве владельца девятьсот сороковой модели «вольво», решил все же выполнить обещание. Кто-то там, в других реальностях, следящий за его Путем, явно был не против, что этот Путь стал «тропой войны за справедливость». Он знал глубинные черты характера Василия Балужева-Котова, такие, как организация ритма жизни по внутренней оценке смысла и готовность вступить за всякую правду. Да, Вася был не безгрешен. Вполне

осознавая мотивы своего поведения, он мог быть жестоким, нарушать общепринятые нормы, уходить от дела, если решал, что это ему не нужно и неинтересно, но он мог быть и безмерно великодушным, способным действовать без всякой корысти, гибко или по-рыцарски прямо.

Рабочий день они закончили к трем часам, перекусив в кафе «Сунгирь» на Суздальском проспекте. Потом Василий отвез инкассаторов в управление, а сам поехал к тетке Ксенье, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение и справиться, не нужно ли чего. От тетки он отправился в центр, собираясь выяснить расположение офиса фирмы «Черная пантера». А вылезая из машины на Девической улице, он вдруг понял, что за ним следят.

Ощущение это родилось не сразу. Еще утром у него испортилось настроение, появилось раздражающее чувство неловкости и дискомфорта, которое он связал с реакцией души на невеселые истории Виталия и Клавдии. Теперь же, открывая дверцу машины, Василий почувствовал покалывание в левой руке и жаркое полыхание левого уха. Так его нервная система, для которой мысленное сканирование окружающей среды стало даже не привычкой, а инстинктом, реагировала на сакки – «дыхание», или «ветер смерти», как переводился на русский язык японский термин ниндзюцу.

Ощущения Василия переводились так: появилась реальная опасность, а поскольку он никого не видел, не мог даже вычислить предполагаемого наблюдателя, это означало, что за ним пришли профессионалы.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ

Матвей стоял на ячеистой платформе, похожей на пчелиные соты, сработанной из зеленовато-желтого материала, напоминающего янтарь, и разглядывал центральное сооружение платформы – пять башен-складок, сросшихся боками, образующих нечто вроде мехов гармошки.

Стены башен тоже напоминали соты, но более крупные, а сотово-чешуйчатый их узор был удивительно гармоничен, геометричен и красив. За башнями шла еще одна платформа, представлявшая, по сути, крыло, как и та, на которой стоял Матвей. Крылья эти загибались на концах вверх и заканчивались трубчатыми наростами в дырах и оспинах, опускавшимися под крылья и там расходящимися водорослевидными бородами. Издали вся эта конструкция напоминала гигантский самолет с дырчато-сотовым пузом, усеянным рядами длинных шипов, скорее, пожалуй, странный дирижабль, слепленный из пчелиных сот. Галиктопоэдр, всплыло в памяти название летающего гнезда-крепости древних разумных пчел – Галиктов. Тип – пагода, возраст – около миллиона лет, жизненный запас еще достаточно велик, около трех тысяч лет, но защитников гнездо уже не имеет. И насколько знал Матвей, ни один галиктопоэдр в виде МИРа – «модуля иной реальности» – к двадцать первому веку на Земле не сохранился. Судя по форме этого гнезда-крепости, оно принадлежало Пережившим Изменение, хотя уже и первые Галикты и Апоиды знали о той огромной роли, какую играет форма здания и сооружений – именно она организует вакуум, помогает воздействовать на сознание, – и строили свои летающие крепости в соответствии с законом форм. Первые Люди еще пользовались этим знанием, отразив его в форме своих храмов – пирамид, но затем знание закона стало уделом Хранителей, людей Внутреннего Круга, и хранилось лишь в их коллективной памяти, образующей первый горизонт информационного поля земной реальности.

Издали донесся стеклянно-металлический вопль.

Тяжело ступая, Матвей приблизился к краю крыла-платформы и глянул вниз. Крепость Галиктов висела в воздухе на высоте двухсот

метров над холмистой равниной и была соединена с вершиной холма четырьмя тросами подъемника. Когда внизу сородичи великана, в чьем теле обитало сознание Матвея, начинали вращать барабан, тросы передвигали раму, своеобразный лифт, способный поднять наверх двух-трех человек или груз до полутонны весом.

Всадники на вершине холма смотрели вверх, ожидая сигнала. Затем кто-то из них снова издал странный звенящий вопль, от которого в тоске сжималось сердце. Матвей достал с пояса длинную трехколенчатую трубку, дунул в ее узкий конец, и вниз полетел такой же невыносимо тоскливый звук.

Не оглядываясь более, Матвей направился к пролому в стене центрального строения крепости Галиктов. Как бы ни ярился командир отряда Стражи, без своего разведчика отряд не уйдет.

Внутри складчатой башни было темно, однако стоило Матвею переступить границу света и тьмы, как диапазон зрения скачком изменился, и взору представились сложные внутренности гнезда Галиктов, излучающие призрачный голубовато-серебристый свет. Даже сейчас, спустя миллион лет после постройки, жилище древних разумных пчел продолжало поражать наблюдателей-людей своей внутренней гармонией и необычайно тонкой игрой геометрических переходов, производя впечатление законченности и совершенства.

Вбирая красоту узоров стен, коридоров, помещений не глазами, а сердцем, Матвей обошел по сложной спирали первую складку-башню, потом вторую, а в третьей, где Галикты сделали «тронный зал» повелительницы гнезда, царицы, или матки, разведчика ждал сюрприз.

Когда он приблизился к «трону», освещенному невидимыми источниками света наподобие солнечного дня, в глубине хрустально-медовой друзы невероятной красоты кристаллов – так выглядел «трон» и «саркофаг» царицы семьи – вдруг зашевелилась тень, и между двумя сложными колоннами-растяжками, поддерживающими мерцающий янтарными искрами полог, появилась странная фигура в прозрачно-серебряных перепонках. Царица-матка!

Долго-долго два представителя разных и одновременно близких классов разумных существ смотрели друг на друга. Царица вовсе не походила на ту пчелу, которую привык видеть Матвей на летнем лугу, однако было видно, что это насекомое гигантское по сравнению с современными земными, высотой более полутора метров, со сложным

многосегментным телом и кошмарной головой, с огромными, отнюдь не фасетчатыми, а овальными глазами со щелевидными зрачками. Конечно, разум Галиктов весьма сильно отличался от человеческого; каждая особь хотя и могла мыслить самостоятельно, но настоящим разумным существом была вся стая пчел, вернее, рой. Однако и эта последняя представительница Галиктов, пережившая каким-то образом Изменение, производила впечатление мудрого отшельника, давно открывшего для себя суть всех вещей.

«Подойди поближе», – прошелестел в воображении Матвея бестелесный хрупкий голос.

Никак не ожидавший подобной встречи Матвей безропотно шагнул вперед. Опомившись, сбросил с себя гипнотическое оцепенение.

– Кто вы?

Существо проигнорировало вопрос. «Я знаю, что ты ищешь. Но этого здесь давно нет». Матвей, не знавший сам в точности, что он ищет в прошлом, опешил.

– Вы не можете знать, ради чего я...

«Возможно, я ошибаюсь. В таком случае хочу предостеречь тебя, незавершенный. С недавних пор ты научился преодолевать порог выхода в астрал и ментал и создавать устойчивый канал передачи запрещенной информации. Эти походы уже заставили кое-кого предпринять защитные меры. Будь осторожен. Однажды Закон восхождения уже был тобой нарушен...»

– Я иду своим Путем, – не выдержал Матвей. – К тому же мне помогли. И я не простой любопытный, а Посвященный I ступени Внутреннего Круга.

«Все это так, однако в тебе осталось слишком много человеческого, что может подвигнуть тебя на действие во имя призрачных идеалов человечества».

– Кто вы? Я не заказывал встреч в своем трансом сне-путешествии.

«Догадайся сам. Мы не могли не предупредить того, кто нам симпатичен. Будь осторожен».

Существо в перепончато-прозрачных одеждах просеменило в глубину своего «трона-гнезда» и застыло грудой сверкающих

драгоценностей возле сложнейших кристаллических сростков саркофага.

Матвей с невольным сочувствием представил одиночество этого древнего представителя разумной расы пчел, уцелевшего во время Изменения, и повернул к выходу. Но выйти не успел – сознание начало возвращение из трансового сна по цепи памяти, не дожидаясь волевого приказа.

Переход прошел нормально, без особой встряски нервной системы, и вскоре Матвей осознал себя лежащим с закрытыми глазами на спальном мешке под пологом палатки. Привычно включил внутренний отсчет времени: пять часов утра три минуты. Пора вставать. Однако минут десять он еще лежал, размышляя над встречей с одним из Галиктов.

Умение двигаться вспять по родовой-мировой линии памяти предков, генной памяти, ему далось не сразу, но с тех пор Матвей мог заказывать сновидение – он назвал такое состояние ортосном – осознанно и часто путешествовал в прошлое своих предков, переживая практически то же самое, что пережили когда-то они. Такие сны в свое время проецировали ему иерархи да Граф, Тарас Горшин, как бы подталкивая к решению вступить на Путь во Внутренний Круг. Именно это обстоятельство и упомянул как нарушение Закона восхождения таинственный доброжелатель из только что закончившегося ортосна, внедрившийся в образ последнего Галикта. Как это ему удалось, Матвей понять не мог. Совершить такое внедрение могли только иерархи, тот же инфарх например, или же Хранители, то есть Матфей. Но кто из них почтил своим вниманием подсознание Посвященного I ступени, определить путем размышлений не представлялось возможным. Что же хотел сказать этот неизвестный? О чем предупредить? Чего не стоило искать, чего не было в жилище Галиктов?

Матвей откинул полу спальника, сел на нем в позе лотоса, привычно процеживая окружающий мир сквозь охранный и сигнальный отделы нервной системы. Но на многие километры от места в лесу, на берегу озера, где он разбил палатку, опасность не обнаруживалась, лес жил своей растительной жизнью, природа была спокойна и доброжелательна.

И все же, на что намекал гость во сне? Поиски Матвея в прошлом не были материальными, он просто хотел разобраться в причинах пристального внимания и постоянного вмешательства Монарха Тьмы в ход истории запрещенной реальности Земли. То есть в события и действия людей, потомков Инсектов, которых он сам и создал, метаморфически изменив род Блаттоптера сапиенс. Остальные Инсекты в результате Изменения, произведенного Аморфами, сородичами Монарха, Предтечами всех разумных существ Вселенной («розы реальностей»), разум сохранить не смогли; уменьшенные в сто раз, они постепенно утратили все, кроме инстинктивного сохранения клановой организации – термитников, роев, муравьиных куч и стай.

Но что-то продолжало интересовать Монарха в созданной им модели мира, и он снова и снова пытался подрегулировать ход событий, откорректировать поведение «бывших насекомых», изменить соотношение законов и норм, ограничить рамки одних законов и расширить другие. Чувства самих людей, их страдания, переживания, горе и боль, страх смерти, жажду свободы и самовыражения, их естественное желание жить так, как они хотят, Монарх в расчет не принимал. Матвею очень хотелось понять Монарха, потому что он видел – близится новое пришествие этого таинственного существа, чудовищно далекого от всего человеческого, несмотря на то, что он создал человеческую расу, хотя сам Соболев и не собирался вмешиваться в события, Ортосны же стали для Матвея своеобразным эстетическим нормативом. Погружаясь в них как в омут, опускаясь «на дно» истории, он посещал города, которые давно исчезли с лица Земли, входил в музеи, великолепием превосходившие все известные ныне, бродил по разрушенным крепостям Первых Людей, наблюдал за строительством Первых Пирамид и древнейших сооружений Инсектов, но душа жаждала новых путешествий, новых впечатлений, и Матвей никак не мог пресытиться этим процессом, страдая от того, что ни с кем в принципе не может поделиться своим знанием и впечатлениями. Даже с Кристиной.

Матвей улыбнулся, чувствуя шевеление сердца в ответ на мысль о жене. Кристина оказалась умнее и дальновиднее его, ни разу не упрекнув мужа в прошлом увлечении Ульяной Митиной и совершенно спокойно отпуская его в частые командировки, во время которых он путешествовал по свету в поисках «особого смысла жизни» или жил

отшельником неделями и месяцами вдали от людских поселений. Вот как сейчас. Но Матвей всегда возвращался. Он знал, что его ждут, ему всегда рады, что его любят самая красивая женщина в мире и самый преданный сын, и чувства эти – вне любых пространств и времен.

С момента переселения в Питер семья Соболевых редкие моменты собиралась вместе: Кристина училась на третьем курсе Санкт-Петербургского университета, двенадцатилетний Стас – в седьмом классе Морской школы при Государственной морской академии имени Макарова. Матвей же пропадал в экспедициях, словно его влекла по материкам и океанам погоня за утерянной душой. Зато когда всем троим удавалось соединиться, отвлечься от забот, наступал «медовый месяц» семейного бытия, не омрачаемый ничем.

Прислушиваясь к птичьим голосам, Матвей выбрался из палатки в одних плавках и подошел к кромке обрывистого берега над озером. Холода не чувствовал, хотя утренняя температура в здешних краях редко поднималась в мае выше пяти-семи градусов. Солнце уже встало, вызолотив верхушки сосен и елей на левом берегу озера и макушку одного из дальних моренных островов.

С тех пор, как Матвей вообще что-либо помнил в жизни, плеск и движение озерной или речной волны казались ему дыханием живого существа. Такое же впечатление на него производили ручьи, колодцы и в особенности родники. В памяти еще с детских времен остались образы живущих в воде – нимер, неревд, океанид, а также русалок и водяных, олицетворяющих ушедшую в прошлое таинственную волшебную жизнь. И если Матвею приходилось иногда в прежней жизни искать спасения от суеты, он не находил ничего лучше, чем забраться в лес и часами сидеть на берегу ручья, вглядываясь в его прозрачные струи и космы шевелящихся водорослей. Жизнь озера или моря, конечно, отличалась от жизни ручья, но и она завораживала чередой волн, похожей на дыхание дремлющего доброго существа, пульс которого не имеет ничего общего с измерением и отсчетом времени. Шелест волн представлялся Матвею дыханием вечности, величественным напоминанием о том, как индийский бог Брахма, вдыхая и выдыхая, вечно создает и разрушает вселенные.

Не отрывая глаз от водяной глади, Матвей размышлял: а ведь Аморфы, Предтечи всего живого-разумного в «розе реальностей»,

тоже не были первыми во Вселенной, их также кто-то должен был создать...

Без разбега он сделал длинный прыжок – не менее чем на десять метров, вошел в воду без плеска и брызг и плыл под водой до тех пор, пока в крови не кончился запас кислорода. Вынырнул, повернул голову к берегу: он проплыл около восьмисот метров, приблизившись к одному из малых каменистых островков Пандозера, на берегу которого жил уже четыре дня. Перевернувшись на спину, раскинул руки, блаженно глядя в небо с редкими перьями облаков.

Вообще он бродил по территории Заонежья в Карелии уже почти две недели, посетив Кивач, один из самых высоких водопадов на реке Суне, впадающей в Онежское озеро; сунские пороги, не замерзающие зимой; Сопохский бор с соснами до тридцати с лишним метров высотой и толщиной ствола до одного метра, где сохранились деревья, возраст которых перевалил за четыре сотни лет.

Когда-то, во времена «Союза нерушимого республик свободных», многие хвойные леса заповедника свели на нет, и на их месте обосновались осинники и березняки с ольховыми полосами по берегам ручьев и речушек, но лучшим приобретением лесов стали мощные зеленомошники, полные брусники, черники и голубики. Уже в первый день пройдя одно из таких ягодных полей, Матвей решил в августе привезти сюда Кристину и Стаса, пожить на природе и поесть живых ягод.

Тень коснулась лица лежащего на воде.

Матвей с недоумением оглядел небосвод и внезапно понял, что он не один. На берегу озера объявился некто, чье присутствие ощущалось лишь на ментальном уровне. Ни глаза, ни другие органы чувств Матвея его не взяли. Мгновенно развернув чувственную сферу, Матвей попытался определить источник беспокойства, увидеть его на фоне тонких полевых движений, оценить степень опасности и не смог, потрясенный этим открытием. Некто, появившийся на берегу, был невидим и неуязвим, словно призрак без души и тела. И открылся он хозяину палатки явно лишь для того, чтобы оценить остроту его гипервидения. Это мог быть только человек Внутреннего Круга, потому что иерархи уже полтора года не могли появляться на Земле в виде «проекций» – авешей в телах других людей... «Если только не

произошло нечто неординарное в других мирах-лепестках „розы реальностей“, – пришла трезвая мысль.

Матвей набрал воздуха в легкие и ушел под воду, вынырнув только у берега. Возле палатки его ждал Матфей, Хранитель Внутреннего Круга, успевший разжечь костер и повесить котелок с водой. Он встал с бревна при появлении Соболева, и оба некоторое время смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Потом Матвей продемонстрировал умение сохнуть за несколько секунд (нагрев кожи до сорока пяти градусов плюс поглощение порами капель воды), поклонился и, получив ответный поклон, забрался в палатку. Вылез оттуда уже одетый в майку и шорты. Матфей, похожий на охотника или лесника в своей брезентовой куртке, высоких мягких сапогах, джинсах, с кепкой на голове, снял котелок и заварил чай. Все еще не обменявшись ни словом, они принялись за чаепитие по системе нэйгун: чай с добавками трав, сушеная малина, орехи. В шесть часов утра есть еще не хотелось, хотя гость и хозяин успели проделать необходимое утром количество физических упражнений: Хранитель прошел от «точки высадки» до озера не менее десятка километров, Матвей плавал. К тому же он собирался свертывать лагерь, намереваясь вернуться в Петербург.

– Что случилось? – наконец спросил Матвей, когда они выпили чай и обменялись ничего не значащими фразами о погоде и природе.

– Можно сказать, что ничего не случилось, – ответил гость рассеянно; солнце светило прямо ему в глаза, но он не щурился и не отводил взгляда. – С другой стороны, главные события, затронувшие «розу реальностей», уже произошли.

Матвей с минуту размышлял над словами Хранителя, но смысл сказанного был слишком неопределенным, чтобы можно было его локализовать. И все же Матвею показалось, что он понял.

– Иерархи задумались над судьбой запрещенной реальности? Нас снова ждут революции и потрясения, связанные с их выходом на Землю? Или Монарх решил доделать начатое, продолжить эксперимент?

На миг в глазах Хранителя сверкнуло пламя абсолютного знания, и Матвей внезапно осознал, что на этом глубинном уровне бытия его гость невообразимо стар!

– Вы очень способный ученик, – сказал Матфей, погашая взгляд, становясь чуть более грустным. – Иван Терентьевич Парамонов не ошибался, оценив ваш потенциал. И все же желающий достичь высочайшей степени понимания сути вещей должен последовательно пройти все порядки жизни, находя в каждом новые горизонты и возможности для самовыражения. Вы же – спешите.

Матвей пошевелил прутиком угли костра, не торопясь отвечать или возражать. Токи, исходящие от Хранителя, позволяли оценивать его отношение к Посвященному I ступени как уважительно-дружелюбное, хотя и с оттенком неодобрения.

– Мне следует счесть ваши слова предложением?

Хранитель понял, улыбнулся.

– Еще нет, но Учитель вам все-таки нужен, хотя вы и прошли I ступень Посвящения. Однако сегодня я решил встретиться с вами по другим причинам. Первая: в Собор Круга поступило анонимное заявление, по сути – угроза, в ваш адрес. Некто, пожелавший остаться неизвестным, скорее всего это кто-то из Посвященных II ступени, встревожен вашими экспериментами с переходами сознания из одной реальности в другие и «генными спусками», походами по цепи памяти предков в прошлое. Кстати, действительно, зачем вы это делаете?

Матвей без особых усилий отвел раппорт собеседника – попытку мысленно прощупать психосферу. Ему не хотелось делиться своими планами ни с кем, но Хранитель имел право интересоваться жизненными устремлениями своего младшего коллеги.

– Монарх не ради удовольствия или развлечения пытался вмешиваться в жизнь запрещенной реальности. Я хотел бы выяснить причину его заинтересованности.

– Есть результаты?

– Исследование не закончено, – сухо ответил Матвей.

– Простите мое любопытство, несомненно, подобная цель делает вам честь. Проблема номер два: с вами в последнее время никто не пытался встретиться... вмешаться... с просьбой помочь?.. Я имею в виду высоких людей.

Матвей пристально посмотрел на собеседника, попытался ответно проникнуть в его мысленную сферу, но это была попытка соломинкой пробить бетонную стену.

– Что случилось?

Матфей встретил взгляд Соболева, и некоторое время они сдерживали сверкание волей друг друга – в итоге Матвей отступил.

– Со мной никто не пытался встретиться. Но даже если это произойдет, я могу вас успокоить: я ни во что не стану вмешиваться.

– Хотелось бы верить. – Хранитель встал. – Поживем – увидим. До встречи, Посвященный.

С этими словами человек Внутреннего Круга исчез.

Матвей задумчиво поворошил прогоревший костер, бросил в него веточку можжевельника, понюхал дымок и подумал, что период спокойного качания Закона изменения энтропии, неподвластного даже Аморфам, качания вблизи точки перегиба, закончился.

НЕ НАРЫВАЙСЯ НА НЕПРИЯТНОСТИ

В это утро, проснувшись, Василий не открывал глаз, сосредоточившись на своих вкусовых ощущениях. Он провел языком по полости рта – вкус нёба напоминал яблочные корки, а вот зубы оставили впечатление опилок и сухой шершавости, их явно надо было чистить. С внутренним вздохом Вася признался себе, что не достиг еще того уровня контроля над телом, каким обладал Матвей Соболев, умевший вставать по утрам с запахом целого букета луговых трав во рту.

Прикрыв губы, он посмаковал воздух, коснулся кончиком языка кожи плеча, потом костяшек пальцев. Вкусовых ощущений соли и мускуса почти не было, зато на языке остался вкус железа, озона и молодой упругой кожи, нагретой солнцем. Через минуту он встал, собираясь в течение дня сосредоточиваться на своих вкусовых ощущениях, чтобы оценить их непредвзято и точно. Вот уже много лет Василий занимался по утрам не только чигонг-о, но и даосской системой интегральной тренировки цигун, пройдя все ее уровни от «железной рубашки» до «алмазного венца», позволяющие управлять силой Ци, или по-японски «ки», – то есть, внутренней энергией тела. В свое время его поражало искусство Матвея исцелять смертельные раны с помощью тонкой энергетической саморегуляции, но в конце концов он овладел и сам этим искусством, во всяком случае – при лечении собственных травм, ранений и болезней.

Нынешним утром, предполагая, что в скором времени ему понадобится напрягаться, он отработал полный объем «железной рубашки»: первый уровень – практика наполнения силой Ци внутренних органов, второй – древнее искусство «воспитания связок», изменение качественного состояния сухожилий, и третий уровень – древняя секретная система нэйгун – искусство очищения глубин организма, с помощью которого жировые ткани в полостях трубчатых костей взрослого человека трансформируются в красный костный мозг, а функционирование всех органов изменяется таким образом, что омолаживается все тело.

Закончив тренировку, Василий попытался воткнуть себе в живот нож, полюбовался на гладкую кожу с красной полоской в месте удара и, проговорив: «Бронеживот, хе-хе!» – пошел в душ.

Искушавшись, приготовил завтрак: рис по-гонконгски, с овощами и соусом ля берр, печеные яблоки, отвар девясила с облепиховым вареньем. Ел он медленно и внимательно, не отвлекаясь на шумы за окном и бормочущий телевизор за стеной, и в конце концов добился цели: каждый кусок пищи, положенный в рот, начал приобретать свой собственный, неповторимый вкус, а по телу разлилось непередаваемое чувство силы и бодрости.

Не удержавшись, Василий подкинул в воздух картонную тарелку, на которой до этого лежали яблоки, проткнул ударом пальца и точным движением швырнул в мойку, сплющив ее в трубочку. Удивительное умение Матвея бросать камни и любые предметы без промаха всегда вызывало у него зависть, и он целый год тренировался в технике локте-кистевых броска, пока не достиг определенного мастерства сюрикэн-дзюцу. Теперь он мог попадать в цель не только голышами и ножами, но и лезвиями бритв, скрепками и даже спичками, метая их особым образом.

В прихожей зазвонил телефон. Василий снял трубку.

– Доброе утро, соня, – раздался в трубке голос Натальи. – Я тебя вчера не дождалась. Не забыл, что мы приглашены сегодня на день рождения?

Василий почесал в затылке, хотел честно признаться: забыл, – но вместо этого спросил:

– А подарок?

– Я купила. Когда тебя ждать?

– А когда мы должны быть там?

– Часов в шесть, в крайнем случае полседьмого.

– Тогда я буду дома в пять. За тобой заехать?

– Не надо, я сегодня работаю до обеда. До встречи. – Наталья прервала разговор.

Василий, держа трубку возле уха, вспомнил наконец, к кому они приглашены.

У Натальи оказались замечательные друзья, быстро принявшие в свой круг нового знакомого их подруги. Все они знали друг друга еще со школьной скамьи, дружили семьями, часто встречались, понимали

толк в юморе, в розыгрышах, с ними всегда было интересно и весело. Василий с улыбкой вспомнил историю, рассказанную под Новый год подругой Натальи Валентиной.

Однажды Валентину с мужем пригласила приятельница отметить десятилетие замужества. Валентина прождала Алексея, своего мужа, до восьми часов вечера, не дождалась и ушла к подруге, оставив на столе в гостиной записку с адресом, где ее искать. Алексей же пришел домой поздно, за полночь, он участвовал в заседании совета фирмы, где работал коммерческим директором. Понимая, что особых оправданий за столь поздний приход у него нет, он тихонько лег в гостиной на диван, не заглядывая в спальню, чтобы не будить жену... Утром встал пораньше, приготовил завтрак – блины со сметаной и медом, чай – и вошел в спальню со словами: «Дорогая, вставай, я тебе тут блинчиков испек...»

Василий представил лицо Алексея, разглядывающего с подносом в руках пустую кровать, и засмеялся. Валентина рассказывала этот случай артистически, в лицах, компания смеялась долго.

Вася вернулся на кухню, прибрал за собой, помыл посуду, вспоминая слова Алана Уотса: «Каждый человек – это форма, которую принимает поток, чудесным образом объединяющий в себе молоко, хлеб, бифштексы, фрукты, овощи, воздух, свет, тепло». Философ мыслил оригинально и во многом был прав, в чем Василий уже успел убедиться. Каждый человек действительно представлял собой поток, структуру никогда не прекращавшегося движения, и пересечение этих структур порождало множество вихрей – от любви до смертельного боя.

Мысли свернули в другое русло. Василий чувствовал, что ему остро не хватает сомышленника, с кем он мог бы побеседовать на интересующие его темы, поделиться своим знанием, сомнениями, воспоминаниями, задать вопросы и получить ответы. Нужен был если и не учитель, то проводник по миру эзотерических чудес, странному миру чудесных и чудовищных знаний, хранимых в памяти людей Внутреннего Круга. Но Матвей Соболев был далеко и жил своей жизнью, а Иван Терентьевич Парамонов хотя и находился поблизости, в Москве, но Василий почему-то стеснялся обращаться к нему. Правда, в последнее время он чувствовал, что готов отбросить колебания и найти Парамонова или Самандара, который, по слухам, также

обретался в Первопрестольной, продолжая оставаться президентом Международного исследовательского центра боевых искусств. А еще Васе очень хотелось хоть одним глазком глянуть на МИРы Инсектов – «модули иной реальности», то есть на храмы, построенные древними разумными насекомыми и сохранившиеся в недрах под Москвой и другими городами до нынешних времен...

Что-то изменилось вокруг, словно тень гигантского крыла мазнула стекло окна, на миг прервав поток света. Василий прислушался к себе, зная, что его инстинкт всегда просыпается раньше сознания. Став мэйдзином, Мастером, достигшим совершенства в боевых искусствах, Василий ощущал опасность как нарушение гармонии мира. Он не выбирал тактику боя и поведения в той или иной ситуации, его организм сам находил естественный ответ, никогда не ошибаясь. Правда, до боевых ситуаций дело не доходило, все проблемы до сих пор удавалось решать мирным путем. Если бы не сигнал, прозвучавший позавчера, во время работы: кто-то наблюдал за ним, профессионально и чисто, – Василий вряд ли в ближайшее время изменил бы свой статус «дхьяни-будды», Будды созерцания в индуистской религии.

За стеной, там, где жила Клавдия с дочкой, говорили на повышенных тонах, и Василий с раскаянием подумал, что не выполнил обещания помочь соседке. Надо было либо не обращать внимания на ее проблемы, либо уж найти время помочь. За полтора года он успел построить себе достаточно удобную экологическую нишу, нащупать тропу, ведущую во Внутренний Круг, и приспособиться к жизни мирного гражданина. Подвигнуть себя на какое-то крутое действие было теперь не очень легко, да и принцип ненасилия, исповедуемый Хранителями, способствовал мирному решению любой проблемы. И все же иногда приходилось вмешиваться в процессы, угрожающие жизни других людей.

Преодолевая внутреннее сопротивление, Василий открыл дверь и вышел в коридор.

Дверь в квартиру Клавдии была приоткрыта, оттуда доносились возбужденные голоса, детский плач. Возле лифта маялся долговязый парень в безрукавке и блестящих, словно из фольги, брюках. Он было угрожающе двинулся к Василию, вынимая из карманов пудовые кулаки, но тот, не глядя, погладил парня по щеке, и долговязый

медленно осел на пол. В прихожей двухкомнатной квартиры Клавдии топтался еще один отрок в спортивном трико, придерживая хозяйку за заломленную руку. Второй гость, приземистый, белобрысый, с рыхлым болезненным лицом, держал одной рукой дочку Клавы Сашу за волосы, а второй совал Клавдии папку с листком бумаги и ручкой. На скрип все трое оглянулись, затем Василий воткнул большой палец «спортсмену» в спину, вырубая его надолго, и одним движением пальцев сломал в запястье руку приземистому крепышу, который держал за волосы девочку. Белобрысый взревел от боли, побелел как мел, выронил папку с бумагами, сунул было правую руку в карман широких штанов, но достать оружие не успел: Вася от души вlepил гостю удар в стиле саватт – тыльной стороной ладони по глазу. Приземистый отлетел в сторону, стукнулся затылком о стену и сполз на пол.

Клавдия расширенными глазами глянула на Василия, на обидчиков, потом подхватила на руки плачущую дочку и залилась слезами. Пришлось успокаивать ее, применяя мысленное внушение и ласковые слова. Через несколько минут Василий выгрузил гостей из квартиры к лифту и сказал пришедшему в себя, подвывающему от боли низкорослому вожаку бандитов:

– Еще раз увижу – покалечу всерьез! И передай своим шефам: я их скоро навешу.

После этого Вася снова зашел к соседке, поиграл с девчушкой, успокоил ее и вернулся к себе, решив в ближайшее время разобраться с фирмой, продающей некачественные продукты и требующей справку от врача сан-эпидстанции, которая бы снимала с них ответственность.

Позвонив в контору и выяснив, что денег нет, а значит, не придется и развозить пенсии, Василий некоторое время размышлял, чем заняться, и остановился на подготовке автомобиля к грядущей поездке в Рязань и Санкт-Петербург. Откладывая свидание с двумя дорогими ему людьми Василий больше не мог. Он переоделся в старенькие джинсы и футболку, взял сумку с инструментом, ведро с водой, автошампунь с полиролем и спустился во двор, к машине. Однако там его ждал сюрприз.

В кабине «вольво» сидели двое молодых мужчин в строгих черных костюмах с сигаретами в зубах. Сидевший за рулем прятал глаза за черными очками. В ухе второго типа, с крупными чертами

лица и глазами навывкате, красовалась золотая серьга с бриллиантом. Оба явно ждали хозяина машины, каким-то образом отключив первый контур сигнализации, срабатывающей при посадке в кабину чужих людей. Они были опасны, Василий определил это сразу, как только подошел поближе, но на «отмороженных» не походили. Тех Вася вычислял мгновенно. «Отмороженными» в народе называли психопатов и прочих акцентуированных личностей, пребывающих в постоянном напряжении, разряжать которое они могли только агрессивным поведением, издевательством, физическим насилием над другими людьми. Отличались подобные типы крайней жестокостью, пониженной чувствительностью к боли, презрением к закону и моральным нормам, а также полным отсутствием сострадания к жертвам.

Впрочем, и этим, судя по их аурам, убить человека было так же легко, как раздавить муху. Василий вспомнил рассказ Виталия об убийстве его приятеля, владельца девятьсот сороковой модели «вольво». Убийцы по его описанию весьма походили на этих парней в его кабине. Почему их интересовали только авто с маркой «вольво»?

– Это моя машина, джентльмены, – открыл дверцу Вася со стороны водителя.

– Вам помочь выйти или вы сами выберетесь?

– Ключи, – протянул руку «джентльмен» в очках.

– Ага, значит, я не ошибся. – Вася сделал мгновенный выпад пальцем в висок требующего ключи и тут же выдавил из трубы автошампуня струю в глаза второго угонщика. Затем обошел машину, пока тот протирал глаза от едкой пены, рывком выдернул из кабины, вывихнув руку в локте, отобрал пистолет («ТТ» с глушителем) и сказал, участливо глядя в побелевшие от боли и изумления глаза:

– Сегодня я добрый, дружок, потому и оставляю вас в живых. Забирай своего напарника и – аллюр три креста! В случае повторения инцидента я вас сильно помну и сдам в милицию. Подходит такой вариант?

– Н-нет, – выговорил крупнолицый, держась левой рукой за локоть правой. По его лицу и шее плыл маслянистый голубой шампунь, стекая на пиджак и белую рубашку.

Василий удовлетворенно кивнул, выволок отключившегося любителя чужих «вольво» в очках, взгромоздил на плечи приятеля.

– Топай, дружок.

– Мы еще... – глухо начал крупнолицый.

– А вот этого не советую, – прервал его Василий, щелкнув пальцем по губам. – Я не всегда бываю добрый.

Провожаемый глазами обитателей двора, угонщик потащился на улицу, сгибаясь под тяжестью тела второго подельника. Глядя ему вслед, Василий подумал, что зря начал первым. Надо было дожидаться, пока выступят эти странные угонщики, обезоружить их и сдать в УВД. Но с другой стороны, связываться с милицией не хотелось вовсе. Там наверняка заинтересовались бы, кто такой Василий Котов, способный скрутить двух вооруженных бандитов.

И тут Василий снова почувствовал взгляд, тот самый взгляд, не оставляющий следа, которым умели пользоваться только профессионалы спецслужб. Если бы Вася не владел особыми состояниями сознания, пробуждающими глубинные резервы психики, способностью мгновенно и точно реагировать на любую неожиданность, он не смог бы ничего почувствовать.

«Значит, мне это не показалось позавчера, – подумал он с огорчением. – Надо было перестраховаться и вычислить наблюдателя, а не ждать продолжения. Что ж, придется заняться этой проблемой всерьез. Интересно, что за контора заинтересовалась моей физиономией? Неужели контрразведка? Кому я понадобился?»

Насвистывая, Василий принялся драить машину, потихоньку включая себя в ритм нинпо-микке, как называли современные мастера ниндзюцу систему психоэнергетического изменения принципов восприятия и взаимодействия с окружающим миром. В сущности, сканирование окружающей мысленной среды в любом месте стало для Василия даже не привычкой, а инстинктом, но отсутствие настоящего боевого напряжения сказывалось на состоянии психики не лучшим образом, и Вася несколько подзапустил один из уровней сан-го, а именно – уровень духа. Пора было выходить из состояния постоянного расслабления ожидания – сэйдза-но камаэ, как говорят японцы, в состояние хэй-хо – мгновенного определения стратегии боя, адекватного ответа.

Через полчаса он уже знал, что наблюдают за ним с двух сторон с применением технической системы, известной в контрразведке под названием «малый СЭР» – система электронной разведки. «Малый

СЭР» включал в себя лазерный сканер, фотооптический усилитель с разверткой на экран, компьютер – синтезатор изображения и видеозаписывающее устройство. Размеры «малого СЭРа» не превышали размеров компьютера системы «Notebook» и позволяли прятать его в «дипломат».

Еще через полчаса Василий вычислил одного из наблюдателей, замаскировавшегося под автолюбителя в дальнем углу двора, который тоже, похоже, вознамеривался довести свой автомобиль – джип «хонда» цвета «металлик» – до блеска. Второй наблюдатель скрывался где-то в доме напротив, скорее всего в одной из квартир, представившись сантехником на профилактическом осмотре или телемастером. Его-то Василий и решил взять первым, потому что он засек бы захват «автолюбителя», старательно наводящего блеск на капоте своего джипа.

Сделав вид, что ему не хватило воды, Василий заскочил в ближайший подъезд дома, где сидел наблюдатель, но чтобы асы слежки не заподозрили неладное, сначала вышел оттуда с ведром воды, набрав ее на первом этаже в одной из квартир. Второй его поход за водой был более продолжительным, зато удалось определить, что по квартирам ходит телевизионный мастер и проверяет подключение к общей антенне. Вылив остатки воды второго ведра на заднее стекло, Василий отправился за третьим и сразу же включил темп, дающий ему преимущество в скорости и силе почти перед любым противником.

«Телевизионного мастера», проверяющего антенны, он обнаружил на пятом этаже в пятьдесят шестой квартире. Сканер «малого СЭРа», похожий на японскую телекамеру, мирно лежал на подоконнике распахнутого окна в гостиной, а сам «телемастер» в шлеме с очками и наушниками, соединенном со сканером проводами, ковырялся в телевизоре хозяина квартиры, поглядывая на развернутую в «дипломате» приставку дисплея с клавиатурой управления. На экране во всех деталях был виден двор с Васиным «вольво», десятком других автомашин и джипом «хонда» второго наблюдателя. «Телемастер» заметил гостя лишь в тот момент, когда тот присел перед ним на корточки. Глаза его расширились, челюсть отвисла, но рука, действующая независимо от сознания, как и у каждого профессионала, дернулась к блоку «СЭРа», и Василию пришлось усыпить наблюдателя, чтобы тот не успел подать сигнал тревоги.

Сбежать вниз, прошмыгнув мимо пожилого хозяина квартиры, недоуменно разглядывающего открытую в коридор дверь, было делом нескольких секунд, и во двор Василий вышел с пустым ведром, имитируя, что несет полное. Сунул в рот сигарету, похлопал по карманам в поисках спичек и прошелся вдоль машин, делая вид, что ищет огоньку. Второй наблюдатель, у джипа, слишком поздно понял, что упустил момент, когда можно было убраться со двора, не вызывая подозрений. А когда понял, обернувшись на деликатное покашливание, увидел в полуметре от носа улыбающееся лицо того, за кем следил.

– Ну и как аппарат? – спросил Василий, жуя свернутую трубочкой бумажку, которую издали можно было принять за сигарету.

– Н-нормально, – дернулся назад «автолюбитель», оторопев.

– Работает? – Василий плавно переместился влево, сунул руку в окно джипа и достал с сиденья «дипломат» второго «СЭРа», с работающим дисплеем; кивнул удовлетворенно. – Смотри-ка, отлично все видно! Хороший аппаратик. Не возражаешь, если я его экспроприрую? Пригодится когда-нибудь. Вы не учли только одного: я не волк, чтобы на меня безнаказанно устраивать охоту, я волкодав. Же не компран па?

Рука «автолюбителя» нырнула в карман комбинезона, Василию пришлось парализовать ее хватом левой руки за предплечье.

– Не дергайся, я не люблю, когда люди нервничают и хватаются за оружие. У меня к тебе только два вопроса: кто послал и зачем?

«Автолюбитель» машинально глянул на верхние этажи дома, в котором уже побывал Вася, и тот добавил:

– Твой напарник нас сейчас не видит, можешь говорить.

– Он не скажет, – раздался сзади тихий, но четкий голос с почти незаметным акцентом. – Будьте добры, Котов, не демонстрируйте нам свои возможности волкодава, не нарывайтесь на неприятности, мы бы не хотели затевать ссору.

– Ну так и не затевайте.

Василий, который почувствовал приближение третьего и был готов к его выходу на сцену, медленно обернулся. В десяти шагах от него стоял скуластый, черноволосый, среднего роста, но гибкий, поджарый и ощутимо сильный мужчина в белом полотняном костюме, не то казах, не то туркмен. Чем-то он походил на Вахида Тожиевича

Самандара, но сходство исчезло, как только он улыбнулся: так мог бы улыбаться, скажем, копер, готовый заколотить сваю в землю.

«Автолюбитель» за спиной Василия снова сунул руку в карман, теперь уже левую, и Вася, не глядя, ударил его локтем в грудь, чуть ниже сердца, отключая на пару минут. Казах в белом костюме проследил за падением тела, но не двинулся с места и выражения лица не изменил, лишь в глазах вспыхнули и погасли огоньки интереса и вызова.

– Кто вы? Зачем «пасете»? Не обознались?

– Судя по вашему поведению – не обознались. Вы Василий Котов, он же Балуюев, бывший капитан, перехватчик класса «абсолют», ганфайтер контрразведки. Я ничего не пропустил?

Василий сцепил челюсти с такой силой, что заныли зубы. Упрекать себя было поздно, однако и играть слабака при обнаружении слежки особых причин не имелось.

– Кто вы и что вам надо?

Незнакомец в белом подошел ближе, и стало ясно, что он без оружия. Этот факт, а также грация и свободная, раскованная манера поведения явно выдавали в нем профи боя. Уж не «волна ли исключения» началась? – мелькнула мысль. Неужели Рыков спохватился и решил-таки убрать всех свидетелей, знавших, кто он на самом деле?

– Вы когда-то работали в той же конторе, что и я, – уклончиво ответил казах. – Мы понаблюдали за вами и убедились в ваших высоких кондициях, после чего, продолжая выполнять приказ, передаем вам предложение руководства. Начальник службы безопасности президента страны...

– Коржаков? Он по-прежнему в фаворе?

Командир группы филеров внимательно поглядел в желтые насмешливо-угрюмые глаза Котова.

– Вы хорошо осведомлены. Генерал Коржаков набирает команду для особых поручений под вывеской фельдъегерской службы и предлагает вам войти в нее офицером. Звание – не ниже майора, оклад...

– Условия потом. Что я должен делать? – спросил Василий, озадаченный поворотом событий и масштабом предложения.

– Все, что понадобится для блага государства. – Порученец Коржакова явно повторял чьи-то слова.

– Точнее.

Казах снова взгляделся в невозмутимое лицо собеседника, улыбнулся уже более человечно, хотя видно было, что техникой внутренней улыбки он не владеет.

– Офицер для особых поручений должен уметь делать все. – Он подчеркнул последнее слово. – Хотя ценится более всего умение держать язык за зубами. На размышления дается два дня. Если через два дня вы не позвоните вот по этому телефону в Москву, – незнакомец продиктовал номер, – мы будем знать, что вы отказались. Но лучше бы вы этого не делали, потому что... – Он не договорил – Василий, вдруг оказавшийся рядом, из невыносимого положения и в невыносимом темпе провел хоко-но кэри, от чего чужак нырнул под джип затылком вниз, успев сгруппироваться лишь в самый последний момент. Он спокойно вылез из-под машины, отряхнул костюм, заканчивая фразу:

–..налюбого крутого профи можно найти еще более крутого. – Пригладил волосы, глянул на хладнокровно ждущего продолжения Василия. – Или зомби-команду. Не так ли, мастер? До встречи в столице.

Он помог сесть в кабину пришедшему в себя наблюдателю, бросил туда же «дипломат» «СЭРа», покосился на задумчиво жующего травинку Котова.

– Надеюсь, вы не сильно травмировали моего второго наблюдателя? Это может негативно отразиться на вашей судьбе.

– Наша судьба – то гульба, то пальба, – пробормотал Вася, поворачиваясь к нему спиной.

ВЕЧЕР В КРУГУ ДРУЗЕЙ

В шесть часов вечера они с Натальей поехали на день рождения к ее друзьям, с которыми успел сдружиться и Василий. Компания была действительно веселая, добрая, неагрессивная, любившая розыгрыши и шутки, отдыхать с ними было легко и приятно.

Валентина Брускова, ближайшая подруга Натальи, снова рассмешила всех историей, которые вечно происходили с ней и с мужем. Одну из таких историй Василий помнил еще с прошлой встречи – рассказала ее не Валентина, а Наташа.

Произошла история во время празднования Восьмого марта.

Собралось на Восьмое марта на квартире у Брусковых человек десять, выпили, закусили, потанцевали, послушали анекдоты – муж Вали Алексей был мастак на это, снова выпили, а когда стали расходиться, из спальни в прихожую вдруг вышла с трагическим лицом Валентина, держа в вытянутой руке бюстгальтер, в чашки которого свободно уместилась бы мужская голова.

– Вот, полюбуйте! – голосом, соответствующим ее облику, изрекла Валентина. – Нашла за батареей отопления. Ну что мне с ним, моим суженым, делать? Как жить дальше? Посоветуйте.

Гости оторопели, переглядываясь, не зная, что сказать, – так убедительно было поведение хозяйки.

– Валь, что за шутки? – нашлась наконец одна из ее подруг, Ольга.

– Действительно, Брускова, – поддержала Ольгу Раиса, – любишь ты людей разыгрывать.

– Какие розыгрыши?! Какие шутки?! – повысила голос Валентина. – Первый раз, что ли? То трусы нахожу, то полотенце чужое, теперь вот это...

В прихожую выглянул Алексей, глянул на жену.

– Чего шумишь, гостей пугаешь? Что это у тебя в руке?

– Сам не видишь, что ли? – Лицо Валентины стало плаксивым, на глаза навернулись слезы. – Кто к тебе ходит, пока я на работе? Чей это бюстгальтер?!

– Да ты что, Валь? – забормотал изумленный Алексей. – Кто ко мне может ходить, да еще с такими... габаритами! Я ведь тоже целыми

днями на работе. Может, твоя мама забыла?

– Вот и позвони, выясни, а я послушаю.

Растерянный Алексей оглядел притихших гостей, обреченно снял трубку, набрал номер:

– Вера Васильевна? Это я, Леша... вы у нас... э-э... извините, конечно... случайно свой бюстгальтер не оставили? Нет? Очень жаль!

Все молча смотрели на взмокшего Алексея, ожидая развязки сцены, и тут Валентина не выдержала, расхохоталась до слез. Выяснилось, что бюстгальтер был податен ей коллективом парикмахерской в качестве шутки...

– Что? – опомнился Василий, выплывая из глубин воспоминаний, отреагировав на вопрос сидевшей слева Наташи.

– Что с тобой? – повторила вопрос девушка, которая всегда улавливала его состояние, хотя внешне он казался таким же, как всегда. Значит, все же следует держать себя плотнее, никто не должен видеть борьбы в его душе – его мучило предложение Коржакова.

– Все нормально, – ответил Вася, сжимая пальцы подруги, понимая, что все как раз ненормально. Однако и он не был виноват в том, что не может жить долго без круговорота друзей и врагов, без риска, взгляда или выстрела в спину, без волнений и тревог...

Расходиться начали в начале двенадцатого ночи, когда за стеной раздались звуки музыки и загудели голоса. Лица Раисы и Виктора, у которых собралась компания, поскущнели.

– Опять... – со вздохом произнесла хозяйка. – Хорошо, что мама ночует у бабули.

– А в чем дело? – остановился у порога Василий.

– С месяц не можем жить спокойно. Наши соседи переехали в другой город, а на их место переселилась одна... мать-героиня! Каждый день пьянки да гульки, шум такой, что не только мама уснуть не может, а весь подъезд! И ведь начинают, подлецы, именно в полночь, а бывает, и в час ночи, и в два.

– Не пробовали втолковать?

– Пытались, – махнул рукой муж Раисы, высокий, но худой и субтильный человек, далеко не спортсмен. – Молодые ребята, им море по колено, пригрозили, что если еще раз сунемся...

– Понятно. – Василий придержал Наталью за локоть. – Подожди меня здесь, я сейчас.

– Не ходи, – покачала головой Рая, – мало ли что случится, еще зарежут.

– Мы тоже пойдем, – сказал Алексей, которого поддержал муж Ольги и, поколебавшись, муж Раи.

– Не надо, я пойду один.

– Не переживайте, – улыбнулась с долей гордости и грусти Наталья, – пусть поговорит, все будет нормально.

Василий позвонил в соседнюю дверь, обитую черным дерматином, потом два раза звонко стукнул в косяк ладонью. Загремел засов, звякнула цепь, дверь открылась. На Василия смотрел полуголый молодой мужик, круглый от жира, заросший черными волосами.

– Чего надо?

– Поговорить, – мирным тоном сказал Василий. – Не могли бы вы слегка уменьшить звук? Уже полдвенадцатого, а за стеной больная старая женщина...

– Вали на... – Волосатый попытался закрыть дверь, но не успел. Василий подставил ногу, щелкнул парня в переносицу и спокойно вошел, не обращая внимания на его закатившиеся глаза.

В обеих комнатах квартиры и на кухне толкались парни и девчата – где пили, где танцевали, пели и целовались, занимались любовью. В одной из комнат орал телевизор, в другой аудиосистема «Сони». На вошедшего никто не обратил внимания, и Василий вынужден был привлечь внимание резким ударом в ладоши; звук при этом получался весьма похожим на выстрел. Двое-трое парней оглянулись, из кухни в прихожую выглянул верзила со всклоченной шевелюрой, в майке и спортивных штанах, с бутылкой в руке.

– Вы хозяин? – спросил Василий.

– А ты кто такой? – Верзила перевел взгляд на толстяка, сидевшего на полу, глаза его расширились. – Свист, ты что расселся? Кого впустил?

– Кто хозяин? – терпеливо повторил Василий.

– Ну, гля, ты кто? Че влез?

Василий подушечками пальцев мягко коснулся лба верзилы с бутылкой, и тот так же мягко осел на пол, закатывая глаза. Тогда Вася прошел в комнату, выключил телевизор, в другой – аудиосистему, стало тихо.

– Кто хозяин? – спросил он в третий раз.

Поднялся гвалт, крики, кто-то включил телевизор, и тут же заорала магнитола. Но не надолго. Вася выключил аппаратуру, оторвал вилки, с грохотом сбросил со стола пару тарелок. Тишина на этот раз стала более глубокой.

– Кто хозяин? – медленно проговорил Василий в четвертый раз, обводя сузившимися глазами притихшую компанию.

– Ну, я хозяйка. – Из-за спин гуляющих выглянула уже немолодая особа с жидкими крашеными волосами. – А ты чего приперся, посуду бьешь?

– Мил, чего этому козлу надо? – вылез вперед бугай в футболке, до этого лапавший пухлую девицу в платье-перчатке. – Может, дать по морде и выбросить?

– Соседка небось прислала, – пожала плечами хозяйка. – Они мне уже опостытели своими приколами. Дай ему, Брыль, чтоб не ходил больше права тут качать... – Крашеная Мила, не договорив, вздрогнула от звона еще одной разлетевшейся вдребезги тарелки.

– Слушай меня внимательно, – ровным голосом сказал Василий. – С этого дня в этой квартире не разрешается шуметь после одиннадцати часов вечера... нет, после десяти. Это закон! В случае нарушения закона я обязуюсь привлечь к ответственности каждого, кто...

– Че он мелет?! – изумленно выдохнул мордатый. – Крыша поехала, что ли?!

–..кто забудет о предупреждении, – закончил Василий, успокаивая шагнувшего к нему мордатого.

Все молча смотрели, как здоровяк складывается пополам и падает на грязный пол мордой вниз. Сзади возникло движение, и Василий на полушаге, с разворота, послал ударившего его бутылкой хилого хлопца лицом в телевизор. Телевизор при этом выдержал удар, хлопец нет.

– Хороший аппарат, – хладнокровно похвалил Василий. – Фирма. Слышали все?

– Да я тебя!.. – завизжала хозяйка и отпрянула, замолчав, с открытым ртом, после хлопка-выстрела в ладоши.

– Так я могу быть уверен, что здесь будет тихо? – спросил Василий в пространство.

– Я милицию вызову... – нерешительно проговорила Мила.

– Это было бы как нельзя более кстати. Звоните, я подожду.

По комнате пошел шепоток, стих, потом в двери появился неплохо упакованный молодой человек, не качок, но тренированный и уверенный в себе. К тому же у него был пистолет, вернее, короткоствольный револьвер.

– Сам уйдешь или предпочитаешь, чтобы тебя вынесли?

Василий лениво улыбнулся, разглядывая парня. Ему стало почему-то жаль его, компания тут была для него неподходящая.

– Ты-то как здесь оказался, крутой? Выпить захотелось на халяву?

В глазах парня мелькнула озабоченность, однако на него смотрели смазливые девицы и дружки, и лица терять перед ними он не хотел.

– Не твое дело, козел. Вали отсюда, пока не схлопотал сливу в пузо. Все подтвердят, что ты напал первым.

Вася вздохнул, теряя к парню интерес, незаметным движением кисти бросил гайку – в отличие от Матвея он пользовался ими чаще, чем голышами, – и, ойкнув, молодой человек выронил револьвер из онемевшей руки. Вася в тишине нырнул на пол, в подкате поднял револьвер (девятимиллиметровый «кольт»), высыпал из барабана и ствола патроны, кинул оружие на диван.

– В следующий раз не вытаскивай такие вещи зря.

На пороге он оглянулся: на него смотрели бледные лица полутора десятков парней и девушек разного возраста, не считая пятидесятилетней хозяйки.

– Как насчет моей просьбы?

– Поняли... будет тихо... нормально... – раздались нестройные голоса.

– Ну и отлично, спасибо за теплый прием. – Вася вышел.

В квартире Раисы его ждали возбужденные, рвущиеся в бой мужчины.

– Что так долго? Кто стрелял? Что там произошло? Как они восприняли? – закидали его вопросами женщины.

– Все в порядке, – пожал плечами Василий. – Никто не стрелял, честно, это я хлопнул в ладоши пару раз, чтобы привлечь внимание. Они все поняли, шуметь больше не будут.

– Я же говорила, – повела плечом Наташа, беря друга под руку. – Чао, ребята, до встречи.

В кабине машины она посмотрела на профиль Василия и сказала с дрожью в голосе:

– Ну, ты и даешь, Котов! Как тебе удастся утихомиривать такие хамские компании?

– Я был неотразимо красноречив, – рассеянно ответил Вася.

Наталья улыбнулась все той же грустной улыбкой, которая так ей шла.

– Представляю... и все же ты о чем-то думаешь все время. Хочешь уехать?

Василий вздрогнул, хотел сказать ей, что грядет волна перемен, но вместо этого взял руку девушки в свою и поцеловал ее холодные пальцы.

Наутро он поехал в фирму «Черная пантера», чтобы завершить дело с рэкетом соседки, врача санэпиднадзора, аудиенцией с руководством фирмы. Раздвоенности в душе поубавилось, Василий уже не комплексовал, твердо решив «выйти в жизнь» из созданной им «экологической ниши». К тому же ему нравилась формула: «справедливость – мое ремесло», – хотя едва ли он признался бы в этом кому-нибудь из друзей. Кроме Матвея, разумеется.

Фирма с громким названием «Черная пантера» – заурядное торговое общество с ограниченной ответственностью – занимала подвалы в одном из старых домов Владимира на улице Скрябина. По тому, с какой наглостью действовали боевики фирмы, запугивая бедную женщину для получения справки, Вася сделал вывод, что у боссов фирмы есть хорошие покровители в губернских верхах, однако у него не было ни желания действовать по полной форме, ни времени на все эти тонну хэн и мэкики хэн, а мивакэ хэн он собирался провести уже на чужой территории.

Войти в подвал удалось легко: охранникам Вася представился посыльным от другой фирмы, которому поручено вручить пакет лично боссу – Лаптеву Игорю Ивановичу, – и его пропустили, не ведая, что пришел к ним мастер класса «абсолют».

В стандартной, как и полагается для подобных организаций, приемной с телевизором, персоналкой, печатной машинкой «Оливетти» и юной сексуальной секретаршей Васю задержали было двое амбалов в мятых черных кожаных костюмах, далеко не интеллигентного вида, как они ни старались преподнести себя «некультурнее», но пакет – конверт с чистыми листками бумаги – Вася им не отдал.

– У нас так не принято, – сказал один из амбалов, крутоплечий, с румянцем во всю щеку, молодой, но уже с заметным брюшком. – Я должен ознакомиться с содержанием пакета, – покрутил он рукой с грязными ломаными ногтями.

– Он секретный, обойдешься, – сказал Василий невозмутимо и повернулся к секретарше. – Доложите шефу, что пришел Котов.

Второй амбал, пошире и моложе первого, но такой же неухоженный, с перхотью на воротнике пиджака, перестал заигрывать с секретаршей и нехорошим взглядом окинул Василия.

– Что еще за Котов?

Вася перешел на темп и скрылся за дверью кабинета президента фирмы, мгновенно пропав из поля зрения ошеломленных церберов.

Лаптев Игорь Иванович оказался чуть ли не пацаном, на вид ему можно было дать не более двадцати двух лет: широкое сытое лицо с капризной складкой губ, глубоко посаженные глаза неопределенного цвета, белесые брови и ресницы, волосы ежиком с вихром на затылке. Одет в серый костюм в крупную клетку, белую рубашку не первой свежести, если судить по серому налету на воротнике, малиновый галстук. На руках по три массивных золотых перстня. В зубах сигара. «Что называется – из грязи в князи», – подумал Василий с невольной усмешкой. Этот тип ярко отражал уровень самого низкого звена в торговом бизнесе.

В кабинете, кроме хозяина, находился посетитель, наглого вида юнец в кожаной куртке: он сидел прямо на столе, приставленном к громадному столу босса в виде буквы Т. Оба в немом изумлении уставились на появившегося, как чертик из коробки, Василия.

– Ты кто? – хрипло выдавил из себя Лаптев.

– Акшобхья, – ответил Василий лаконично.

Президент «Черной пантеры» не понял, вряд ли он читал что-нибудь в жизни, кроме телефонного справочника и отчетов главбуха. Прозвучавшее имя он трансформировал по-своему, созвучно своим знаниям:

– Что еще за Ашот? Как ты здесь оказался?

– Через дверь. – Василий прислушался к звукам в приемной: амбалы вот-вот опомнятся и доложат шефу о появлении странного посыльного. – Вчера я имел честь познакомиться с твоими клеветами, они шантажировали врача санэпидстанции Клавдию Новикову.

– Ах вот в чем дело. – Лаптев откинулся на спинку кресла, сцепив руки на груди, ухмыльнулся. Отрицать свою причастность к рэкет-банде он и не подумал. – Правдолюбец сыскался. Сам пришел. Жорж, это он сломал руку Биндюгу, зови ребят...

Вася пустил гайку в ухо соскочившему со стола парню, проследив за его падением. Лаптев как зачарованный уставился на лежащее тело, потянулся к столу, достал из ящика тяжелый «магнум-38». Эта мощная «пушка» красноречиво говорила о гипертрофированных амбициях президента, для которого золотые перстни, охрана, личный «мерседес», длинноногая секретарша, крутой пистолет служили доказательствами принадлежности к сильным мира сего.

– Ну что? – повеселел Лаптев, направляя ствол «магнума» на посыльного. – Не стоило бы тебе нарываться на неприятности, супермен. Как говорится, против лома нет приема.

– Есть, – равнодушно ответил Василий.

В кабинет ворвались амбалы, вооруженные не менее впечатляюще: у одного из кулака торчал ствол «люгера», второй картинно нес штурмовой пистолет «партизан». Пришлось действовать на скорости, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Большинство приемов ниндзюцу имеют исключительно красивые, поэтические названия, например: мурасимэ-но дзюцу – «искусство дождя в деревне», или оникудаки – «разрушитель демонов». Эти названия ничего не говорят непосвященным, именно для того разработчики приемов и прятали смысл каждого, чтобы сохранить в тайне секреты боевых искусств. Лишь тот, кто ступил на тропу совершенствования, гармонизации со Вселенной, что и является целью искусства ниндзюцу, в конце концов овладевал приемами, постигая их практический смысл. Вася, который за двадцать с лишним лет занятий боевыми искусствами овладел айкидо и кунгфу, прошел цикл подготовки русбоя и закончил школу «тайного искусства владения оружием», знал практически весь арсенал приемов ниндзюцу. Так, термин «оникудаки» в переводе на язык движений означал: выкручивание локтя противника вверх до вывиха плеча. Что Василий и продемонстрировал амбалу с автоматом, послав второго на пол легким касанием пятки к его ключице.

Спустя мгновение охранник обмяк, а ствол «партизана» оказался наведенным в лоб Лаптеву. Тот, впрочем, осознал свое положение не

сразу.

– Т-ты ч-что?., к-как ты?., почему? – Шеф «Черной пантеры» вспотел, опустил враз потяжелевший, как гиря, «магнум». – Успокойся, к-как там тебя... чем это ты их? – Лаптев отдернул руки от стола, кивнул на три лежащих тела. – Карате, что ли?

– Муто-дори, – доходчиво ответил Василий. В русбое эта техника имела не столь романтическое название «техники отцов и детей», но на Лаптева она не произвела бы впечатления.

– Так что вы хотите? – продолжал президент фирмы, постепенно приходя в себя, и незаметно нажал кнопку сигнализации. – Может, присядете?

– Некогда, – покачал головой Вася, передернув затвор пистолета. – Не стоит звать сюда своих цепных псов, мальчик, меня это не остановит. Давай отбой.

Побледневший Лаптев пробормотал в микрофон сотовой связи:

– Всем вернуться на свои места, проверка. – Глянул на неподвижно стоящего гостя. – Я слушаю.

Вася усмехнулся.

– Если ты еще раз, гаденыш, попробуешь приставать к Клавдии Новиковой, а тем более угрожать, посылать к ней своих горилл, жить дальше будешь без языка. Я понятно выражаюсь?

Лаптев поерзал в кресле, что-то про себя прикидывая, и Василий дал очередь из «партизана» по дверце бара, породившую звонкий грохот лопнувших бутылок.

– Как понял? Перехожу на прием.

– По-понял, – торопливо заговорил босс фирмы, забыв о своем «магнуме» начисто. – Все сделаю, не сомневайтесь...

Василий разрядил «магнум», остальное оружие бросил на пол и вышел.

Охранники на выходе посторонились, держа руки на рукоятках пистолетов, но задерживать не стали. Они еще не знали, что произошло в кабинете шефа.

С чувством облегчения Василий сел за руль «вольво» и вдруг понял, что хоть сейчас готов звонить по номеру, который ему оставили таинственные наниматели из Москвы, представители всесильного главы президентской службы безопасности. Останавливало его только врожденное чувство осторожности: следовало все же сначала

посоветоваться с Соболевым и заехать в Рязань, где жила Ульяна Митина. Очень хотелось верить, что два дня назад он в самом деле слышал ее мысленный голос.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Юрий Бенедиктович Юрьев, глава администрации президента, прибыл в городок Кош-Агач на Алтае инкогнито, изменив внешность. Устроившись в местной гостинице под видом пожилого туриста, который загорелся желанием посетить буддийский монастырь на перевале Куг-Багач, он неторопливо обошел городок, внимательно осматривая его достопримечательности, побывал на рынке, а убедившись, что никто им не интересуется и спецсредства для слежки не использует, послал тихий ментальный сигнал – раппорт, сразу же принятый тем, к кому, собственно, и прибыл Юрий Бенедиктович.

Спустя час они встретились в двух километрах от города, в небольшой долине, окруженной пихто-кедровым лесом, к югу переходившим в редкий чистый лиственный с огромными, как колонны, деревьями.

Бабуу-Сэнгэ, настоятель Храма Гаутамы, был одет в черный шелковый халат, подпоясанный алым кушаком, легкие сапоги и красивую алую шапочку в форме пирамиды. Коня, на котором он спустился с перевала, настоятель оставил между скалами, маскирующими кратчайшую тропу из долины к монастырю. Юрьев, одетый в потертые джинсы, ветровку и вязаную шапочку, вышел на поляну первым. Не боясь, что их кто-нибудь может увидеть, Бабуу-Сэнгэ спустился со склона долины и пересек поляну, раздвигая телом гигантские, в рост человека и выше, крупностебельные зонтичные травы: чемерицу, борщевик, дудник, живокость и другие. В зарослях этих трав мог бы скрыться и всадник, так что увидеть двух беседующих людей было невозможно ни со склонов гор, ни с высоты птичьего полета. Услышать же со стороны их тихий разговор тоже не представлялось возможным, потому что Юрьев для перестраховки включил особое устройство – звуковой генератор, создающий вокруг беседующих сферу не пробиваемого никакими подслушивающими устройствами «белого шума».

Обменявшись поклонами, двое Неизвестных остались стоять, закованные в броню воли и психофизической энергии.

– Положение Союза осложняется, – начал Юрьев без предисловий на метаязыке. – По сути, он распался на три группы тайновластия при двух воздержавшихся. Я имею в виду вас и Мефодия.

– Отец Мефодий избрал другой путь, перестав быть проводником идей Союза. Он давно метит на место святейшего патриарха Всея Руси и добился неоспоримых успехов, став архиепископом и первым претендентом на православноцерковный престол.

– Да, он стал силой, с которой необходимо считаться. Но главная угроза Союзу исходит не от него.

– От Германа.

– От него, Рыкова Германа Довлатовича. Уже сейчас видно, что его цель – абсолютная монархическая власть! Рождается новый Монарх Тьмы, хотя и ниже уровнем, чем первый. В его руках «Чистилище», информационная служба ФСБ, президентские структуры безопасности и связи, влияние на президента, выход на руководителей Сверхсистемы. В скором времени он подомнет ее под себя. Всю. А потом наступит черед «волн выключения»: Герман начнет отстрел конкурентов одного за другим, в первую очередь – тех, кто не подчинится ему, во вторую – тех, кто потенциально создает угрозу для его замыслов.

– То есть нас.

– А для этого он создает КОП – спецкоманду для особых поручений, справиться с которой будет очень нелегко даже нам с вами.

– Зомби?

– Нет, профи класса «абсолют» и «супер», экипированные не только по последнему слову диверсионной техники и новейших достижений науки, но и в перспективе – Великими Вещами Инсектов, о значении которых Герман знает не меньше нас. Это грозит нам если не уничтожением, то серьезным конфликтом с непредсказуемыми последствиями.

– Вся история человечества является одним бессмысленным конфликтом, – изрек настоятель Храма Гаутамы с философской невозмутимостью. – Но вы правы, Юрий Бенедиктович, угроза Союзу велика. В одном вы можете не сомневаться: «нагрудник справедливости», олицетворяющий власть высшего уровня, Герману не достанется.

– Если Герман доберется до «Иглы Парабрахмы», нагрудник ему не понадобится. Вы прекрасно знаете, что он... как и все мы, впрочем, давно ищет доступ к заблокированным МИРам, и если найдет его первым...

– Не найдет.

– И все же надо изобрести способ его остановить.

Над головами Посвященных промелькнула бесшумная тень – беркут искал в траве рябчиков и поползней. Бабуу-Сэнгэ проводил его внутренним зрением, но опасности не почувствовал.

– Я старше вас, Юрий Бенедиктович, и знаю, что Нечто, никогда не сообщаемое в виде Ответа, то есть Сила и Знание, хранимые эгрегором Внутреннего Круга, существуют, но пользоваться ими могут только Собиратели и Хранители, да и то лишь по формуле «не навреди!». Нам с вами эта Сила недоступна, несмотря на Посвящение II ступени.

– Вы хотите сказать, что способа остановить Рыкова не существует?

– Ну почему же? Такие способы есть. Во-первых, это корректор реальности, известный под названием «Игла Парабрахмы», включить который не сможет никто, в том числе и Герман. – Бабуу-Сэнгэ помолчал. – В том числе и я. Во-вторых, это эйнсоф, зона перечисления слоев «розы реальностей». Но и ее ни один из нас инициировать не в состоянии.

– Но ведь «Иглу» недавно включал обыкновенный человек...

– Соболев – не обыкновенный человек, он незавершенный аватара! Но и для него порог запрета на вход в МИРЫ Инсектов слишком высок, а где располагается эйнсоф, он не знает. И надеюсь, не узнает.

– Почему бы не привлечь его на нашу сторону? Имея такого союзника, мы выиграем войну с Германом.

– В современных войнах победу определяют не герои-одиночки на полях сражений, а политическая система и финансовое положение противоборствующих сторон. У Германа положение безупречно. К тому же Соболев не согласится участвовать в нашей войне против Рыкова.

– Попробуем уговорить. Откажется – заставим, похитим его семью, родственников – и сделает все, что потребуется.

Бабуу-Сэнгэ покачал головой в сомнении, хотя лицо его при этом оставалось чистым, спокойным и как бы отрешенным от земных проблем.

– Попробуйте, Юрий Бенедиктович. В конце концов, шансы надо использовать, даже самые минимальные. Попробуйте также выйти на друзей Соболева, Посвященных I ступени Парамонова и Самандара. Может получится сложная, взаимопересекающаяся, но потенциально выгодная игра.

– Я понял, – мгновенно сориентировался Юрьев. – Как говорится: что теряете на качелях, приобретаете на каруселях. Я найду способ привлечь к решению наших общих проблем Посвященных. Остался последний вопрос: будем ли мы сосредоточивать внимание на «волнах исключения», организуемых Германом по отношению к другим... э-э... Неизвестным? Первые в списке Рыкова стоят Хейно Янович Носовой и Петр Адамович Грушин.

– Уважаемый Юрий Бенедиктович, – бесстрастно сказал настоятель Храма Гаугамы, – внимание – это всегда ограничение диапазона восприятия. Заостряя на чем-то внимание, мы теряем широту и глубину анализа бытия в целом. Вы согласны?

– Я понял, – медленно проговорил Юрьев. – В принципе цель оправдывает средства.

– Вот и отлично. Кардиналы Союза Девяти не должны быть сентиментальны. Учтите еще одно обстоятельство: Герману удалось переманить на свою сторону Кирилла Даниловича и Виктора Викторовича, надо попытаться вбить между ними клин, это ослабит позицию каждого.

– Как это сделать?

– Подумайте, я тоже поразмышляю над этим. Времени у нас до следующего схода не так уж и много, надо успеть подготовиться.

С этими словами Бабуу-Сэнгэ шагнул назад и исчез за стеной гигантской травы.

Юрьев некоторое время слышал его шаги, потом потерял, поднял лицо к безоблачному небу и, поймав пролетавшего над ним беркута в прицел глаз, послал ему мыслеволевой раппорт. Хищная птица камнем рухнула в травы, ослепнув на лету.

Вернувшись в Москву, Юрий Бенедиктович вызвал к себе Валерия Шевченко, бывшего вице-президента Ассоциации ветеранов спецслужб, бывшего комиссара-5 «Чистилища», работавшего теперь на него. В драме полуторагодичной давности Шевченко выжил чудом, вытерпел две операции на глазном нерве, спасая зрение, а также пластическую операцию, изменившую его лицо. Нынче вряд ли кто из друзей Валерия мог узнать в прихрамывающем седом пожилым с виду человеке прежнего Валерку Шевченко, мастера рукопашного боя. В поле зрения Юрия Бенедиктовича он попал случайно, как пациент глазной клиники, где работала жена Юрьева, а на предложение работать в административном аппарате президента тот согласился сразу. Официально он числился помощником Юрьева по оргвопросам, неофициально выполнял обязанности начальника службы безопасности и курьера с особыми полномочиями.

Окно кабинета Юрия Бенедиктовича выходило на Москву-реку, и он любил подолгу смотреть на нее с высоты тринадцатого этажа, не обращая внимания на суету машин на набережной и движение речных суденышек. Войдя, Шевченко деликатно кашлянул, не дождавшись, пока начальник администрации повернется к нему сам.

– Извините, Юрий Бенедиктович, дверь была приоткрыта...

– Есть хорошее правило, – обернулся хозяин кабинета, прошелся по ковру, пожал руку помощнику и сел за стол. – Чтобы двери не ломали, их надо не закрывать. Присаживайтесь, Валерий Егорович. Вы сделали, что я просил?

Шрам под глазом Шевченко покраснел, хотя лицо осталось неподвижным и как бы сонным.

– Подобраться к архивам, а тем более к оперативной информации коржановской канцелярии очень сложно. Мы попытались вскрыть файлы секретки по кадрам, но кодово-опознавательную защиту не прошли. Не помог и ваш пароль. Вероятнее всего, они встроили «Лазерлайн», плавающий мультидинамический шифр, «убегающий» от любого сканера.

– Откуда у них «Лазерлайн»?

– Рыков не зря работал в ФСБ, у него связи со всеми разработчиками технических систем обороны. Но, как говорится, на каждую хитрую ж... есть хрен с винтом! Мы еще не все варианты опробовали.

– Очень образно, – усмехнулся на «хрен с винтом» Юрьев. – Поторопитесь, Валерий Егорович, Рыков нас опережает не намного, всего на полшага. Но опережает. Я точно знаю, что КОП, то есть команда для особых поручений, уже сформирована, необходимо как можно быстрее выяснить ее численность и состав. Фамилии. Характеристики. Возможности.

– Постараемся, Юрий Бенедиктович.

– Я хочу дать вам еще два задания. Первое: найти известных вам лиц – Вахида Тожиевича Самандара, директора МИЦБИ, и Ивана Терентьевича Парамонова, психотерапевта и целителя, и намеренно допустить утечку информации о создании КОП. Чтобы это выглядело именно утечкой.

– Это будет нетрудно сделать, – сказал Шевченко, подумав. – У меня есть приятели в МИЦБИ.

– Второе задание – найти в Питере еще одного знакомого, Матвея Соболева, и сделать ему... – Юрьев задумался, пожевал дольку лимона, проглотил, не поморщившись. – Впрочем, это я сделаю сам.

– Почему же, я справлюсь.

– Нет, необходим паритет. – Юрий Бенедиктович растянул губы в холодной улыбке. – Он станет контактировать только с равным себе. Извините, Валерий, за уничижающую вас оценку. Но он человек Круга...

– Я знаю и не обижаюсь. Разрешите приступить?

– Да, конечно. В средствах не стесняйтесь, любой ваш заказ будет обеспечен. Не нужно ли увеличить вашу команду?

Шевченко встал.

– Не стоит пока, да и любой встречный для нашей работы не подойдет. Вот если бы вы могли отыскать давнего моего приятеля...

– Василия Балугева?

Глаза Шевченко сузились, вспыхнули.

– Иногда мне кажется, что вы читаете мои мысли, генерал. Да, Васю Балугева я бы взял в свою обойму.

– Он живет во Владимире, но в скором времени всплывет в столице. Я дам знать.

Шевченко кивнул и вышел – сжатая пружина, несмотря на хромоту. Помощником он был исполнительным и надежным при полном отсутствии воображения, и, хотя это был невеликий грех,

Юрьеву пришлось приложить немало усилий, чтобы Валерий поверил, во-первых, в существование Внутреннего Круга, во-вторых, в благие намерения самого Юрия Бенедиктовича.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

В это раннее утро второй половины мая Василий проснулся с чувством нетерпеливого ожидания. Однако, натолкнувшись на волевой приказ, оно отступило, затаилось в глубинах психики, зная, что каким бы ни было самочувствие хозяина, по утрам он все равно будет заниматься сведением воедино духа и чувств для усиления сознательного контроля над личностью.

Не открывая глаз, Василий мгновенно оценил положение и состояние тела, затем перешел на отдельные телесные ощущения, перебирая их одно за другим. Прочувствовав таким образом все органы, он сосредоточился на тактильных ощущениях. Через несколько минут он добился того, что даже те ощущения, которые в нормальном состоянии считались неприятными, стали для него вполне приемлемыми. Сосредоточившись на этом, Василий приказал себе все касания считать сегодня приятными, проанализировал движения мышц при дыхании и встал. В соответствии с методикой ему предстояло в течение дня три-четыре раза расслабляться до состояния сонного тяжелого «желе» и внезапно напрягать тело, чтобы добиться как можно более полного ощущения удара. Таким образом он тренировал переход на темп, состояние сверхскорости, когда все мышцы должны действовать согласованно и со скоростью, превосходящей нормальную в пять-десять раз.

Проделав обычную процедуру: купание – завтрак – медитативное расслабление с попыткой войти в состояние меоза, – Василий собрал сумку, положив туда все, что могло пригодиться в дальнейшем, в том числе и пять комплектов «тюбетеек» – генераторов защиты от «глушака», остановился на пороге, с грустью окидывая взглядом гостиную. Он знал, что больше сюда не приедет, оттого ощущение вины было острым, как никогда.

На свою беду, Василий был устроен так, что не мог радоваться чему-то один. Ему всегда хотелось поделиться приятными вещами с другими, чтобы родные и близкие, любимые, друзья и приятели радовались вместе с ним, сопереживали и чувствовали то же, что и он.

Уезжая из Владимира, он, по сути, бросал Наташу, хотя ничего никогда ей не обещал, и все же...

Поколебавшись, он вырвал из блокнота листок бумаги, написал крупно: «Прости меня! Я приеду», – положил на стол, но еще с минуту боролся с собой, не зная, то ли приписать что-нибудь еще, то ли не оставлять ничего. Все же решил записку оставить. А взявшись за ручку сумки, вдруг почувствовал знакомое покалывание левой ладони, дискомфорт в одежде, будто брюки и рубашка стали ему малы. Это было явное нарушение гармонии мира, и виной этому ощущению были внешние обстоятельства. Так глубокое «я» Котова реагировало на появление опасности.

Василий глянул в дверной глазок и увидел давешних знакомцев, заставлявших Клавдию Новикову подписывать сертификат годности продуктов. Только на сей раз они взяли подкрепление – двух мордоворотов, на крутых плечах которых едва не лопались куртки из модного нынче дилюрекса с черным шелковым отливом. Один поигрывал концом толстой стальной цепи, намотанной на ладонь, у второго из-под мышки торчали нунчаки.

Остальные трое были вооружены, скорее всего, посерьезней и держали руки в карманах брюк.

Как они рано встают, подумал Василий с досадой и открыл дверь.

– Заходите, мужики. Говорят, ранние гости – к теплоте, а уж если они к тому же незваные – к жаре.

Последовала немая сцена, длившаяся несколько секунд, и оторопевшие гости пошагали в квартиру, сбитые с толку спокойствием хозяина.

– Чему обязан?

– Ты, что ль, лезешь не в свои дела? – пришел в себя мордовороте цепью, наверное старший кодлы. – Работать мешаешь.

– Да кому ж я мешаю? – удивился Василий. – Это вы мешаете.

– Да он это, Влас, – проблеял один из парней, посещавших Клавдию. – Биндюгу руку сломал, приемы знает. Дай ему как следует!

– А может, обойдемся мирными переговорами? – поскутнел Василий.

– Т-ты, с-сука, к-кончай п-прикалываться! – заговорил второй мордоворот, умело выхватывая нунчаки. И Василий понял, что достучаться до остатков разума в головах этих качков можно лишь с

помощью дубины. Он мог бы усыпить или покалечить их всех одновременно, в течение одной-двух секунд, но этот урок остался бы никем не понятым, в том числе и руководством фирмы «Черная пантера», и Вася решил разыграть стандартный вариант квартирной потасовки, мимолетно подумав, что Матвей не допустил бы такого развития событий.

– Если у вас есть что сказать – говорите, если нет – дверь открыта. И побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь.

– Т-ты, н-недоносок, р-решил, что с-сильно к-кру-той? – Верзила с цепью шагнул вперед, с размаху опустил цепь на голову хозяина. Только головы в этом месте не оказалось.

Василий сделал шаг вправо, принял удар цепью вдоль левой руки, захватил ее вращательным движением кисти, дернул противника на себя и от души врезал ему в лоб открытой ладонью, используя руку как поршень. Прием так и назывался в русбое – «поршень». Парень с выпученными глазами отлетел к стенке с книгами и уплыл в океан бессознания. Второй амбал в атласной куртке тут же сделал стремительный выпад, вращая нунчаки вполне профессионально, почти не моргая, но падающий нунчак вдруг завис в воздухе, встретив цепь, и оказался в руке хозяина, в то время как второй нунчак вылетел из кулака владельца и со стуком опустился на его переносицу.

Трое оставшихся бандитов проводили глазами с грохотом рухнувшее тело приятеля, перевели взгляды на Василия, спокойно рассматривающего цепь, и бросились на него с ножами. Однако первый тут же получил удар ногой в лицо, едва не сломавший ему челюсть, второй согнулся пополам, заработав удар в пах, а третий, вооруженный посерьезнее – итальянской «береттой», почувствовал страшную боль в плече, будто ему оторвали руку, заорал и потерял сознание.

Василий принес с кухни воды, брызнул на лицо первого качка, пошлепал по щекам второго и, когда они очухались, проговорил с расстановкой:

– Передайте боссу, что испытывать мое терпение – это очень плохой способ самоубийства. На пару дней я съезжу в командировку, а когда вернусь – мы побеседуем с ним на эту тему. Но лучше бы он не ждал этого момента. Все поняли?

– Он т-тебя в п-порошок... – начал было заикатый, на лбу которого лиловела огромная припухлость.

Василий щелкнул его в эту припухлость, парень взвыл, пытаясь отодвинуться.

– К-как п-понял, фраер?

– П-передам...

– Не забудь только – слово в слово. А теперь забирай свою гвардию и топай отсюда, пока я не озверел. Учти, мое терпение имеет пределы.

Команда, посланная молодым и глупым президентом фирмы «Черная пантера» Лаптевым для того, чтобы «проучить» защитника Клавдии Новиковой, убралась восвояси. Вася с грустью оглядел разгром в комнате, но беспорядка оставлять не захотел и потратил около часа на уборку. В десять утра он вышел во двор, бросил сумку с вещами на заднее сиденье машины, завел мотор, однако еще с минуту сидел, ни о чем не думая, – просто сидел и смотрел на окна старой маминой квартиры, выходящие во двор. В голове стоял легкий звон, и Валера Меладзе пел свою знаменитую песню:

Выйду, дому поклонюсь, Молча Богу помолюсь И пойду искать края, Где живет любовь моя...

Отклоняйся от дорог исхоженных, говорил когда-то Пифагор, один из Великих Посвященных, много сделавший для Внутреннего Круга человечества. Но как бы ни хотел следовать этому совету Василий, избравший автомобиль в качестве средства передвижения, он все равно не смог бы миновать шоссе Нижний Новгород – Москва, называемое по-прежнему Горьковским, и саму столицу, потому что эта дорога была кратчайшей от Владимира до Санкт-Петербурга. Зато он вполне смог ощутить прелесть еще одного изречения древнего математика и философа: дует ветер – поклоняйся шуму. В переводе с поэтического на разговорный язык это означало – внимай голосу природы, живи ее ритмом. И Вася около двух часов провел в лесу, дважды съехав с трассы – сначала возле Покрова, а потом в районе Орехова-Зуева. Надышавшись целебным настоем майского леса, повеселевший и полный сил, он доехал до МКАД за два часа с половиной, не считая, конечно, времени, проведенного в лесу.

Почему его вдруг занесло в центр, на Тверскую, он не понял – задумался, анализируя свои ощущения: при въезде в город вдруг

показалось, что поток машин накрыла мрачная смрадная туча, хотя солнце светило вовсю, было по-летнему тепло, а сквозь запахи бензина и асфальта пробивались ароматы цветущих трав. Вероятнее всего, так отреагировала на неблагоприятную психологическую ауру Москвы нервная система, чутко отзывающаяся на опасность. В общем, как ехал Василий по шоссе, так и ехал, не сворачивая, миновав Энтузиастов, Садовое, Никольямскую, Солянку, Лубянский и Театральный проезды, пока не оказался у памятника Пушкину... где и задержался на полчаса по очень простой и естественной для любого жителя столицы причине: Тверскую в оба конца перекрыли гаишники, чтобы пропустить по Тверскому и Страстному бульварам черную «волгу» с номером А001КК и российским государственным флагом на капоте.

Василий в открытое окно поинтересовался у лейтенанта ГАИ, занятого очень важным делом – передачей по рации приказа: движения пока не открывать! – чья машина, и получил ответ:

– Не твоего ума дело. Сейчас отберу документы, год будешь за ними ходить!

Василий вышел из кабины, сжал лейтенанту локоть так, что тот побелел, и сказал в перекошенное лицо:

– Так чья машина, говоришь?

– Охранники...

– Что?! Какие еще охранники?

– Это «волга» охраны председателя Конституционного суда.

– А сам он где? – не понял Василий.

– Да кто ж знает... отпусти, больно!

Вася присвистнул, изумленно глядя на «волгу» с людьми в штатском, не скрывающими, что именно они – хозяева на этом конкретном участке конкретной жизни.

– Ну, мастера машинного доения, если вы уже перед охранниками ОВП шапки ломаете, ковры расстилаете, то крыша у вашего начальства точно поехала!.. А вот этого не надо! – Вася незаметным движением раздавил рацию в руке лейтенанта, поднесшего ее к губам, похлопал его по плечу, как давнего знакомого. – Тебе же лучше будет, если не станешь качать права: погоны потеряешь... а то и кое-что поважнее. Пропускай, я тороплюсь.

Ошалевший инспектор дал отмашку жезлом, и движение по Тверской возобновилось. Вася сел в свой «вольво» цвета «голубой

перламутр» и через сорок минут был на Ленинградском шоссе. Происшествие на Тверской его не разозлило, но направило мысли в область размышлений о соблюдении законности чиновниками. Там, где чиновник на госслужбе не зависел от мнения граждан, он становился сатрапом или самодуром. Закон обратного действия все еще не работал в полную силу во всех сферах жизни. Покинув Землю запрещенной реальности, иерархи не довели до конца начатое. «А интересно, – подумал Василий, – „Чистилище“ еще работает или заглохло полтора года назад, после ликвидации координатора? Надо же, я за все это время не удосужился даже подумать об этом, не то что спросить...»

Но вопреки ожиданиям при выезде из города особого облегчения он не почувствовал. У него осталось впечатление, что кто-то проводил его внимательным и недобрый взглядом, будто предупреждая – ты здесь не нужен...

В Петергоф, где жил Матвей Соболев с семьей, Василий приехал поздно ночью. Долго не решался выходить из машины, приткнув ее к забору Соболевского коттеджа. У него было странное чувство раздвоенности и обмана: Матвей видел его и в то же время как бы отсутствовал. Словно за подъехавшим гостем наблюдали сам коттедж, сад, участок и забор. Хмыкнув, Василий решил проверить впечатление, для чего переоделся в костюм ниндзя (Н-1) и тенью перелетел через забор, переходя на темп. Производя шума не больше, чем рыба, плывущая в глубине реки, он обогнул двухэтажный кирпичный дом, определил все его коммуникации и наметил путь, по которому собирался достичь цели. Однако сделать этого ему не дали.

Из окна на втором этаже, с виду закрытого наглухо, метнулась вниз струя мрака и оформилась в фигуру человека – такого же ниндзя, каким, наверное, виделся со стороны Василий. Человек мгновенно преодолел расстояние до замершего Котова, взмахнул рукой и встретил блок, управляемый по большей части не мышцами, а внутренней энергией Ци. Блок, не пробиваемый даже ударом лома.

Несколько мгновений оба бойца стояли в положении прием – контрприем, пока не рассмеялись. Обнялись, хлопая друг друга по спинам.

– Я думал, что тебя нет дома, и решил проверить. Как ты умудряешься достигать такого эффекта? В состоянии турии я всегда

чувствую противника.

– Во-первых, я тебе не противник, – сказал Матвей, – а во-вторых, человек – лишь небольшой диапазон на шкале вибраций Вселенной, его легко можно воспринять или заэкранировать. Пошли в дом, мэйдзин.

– Только захвачу вещи в машине.

Дверь открылась бесшумно, пропуская хозяина и гостя, в коридоре вспыхнул свет. Василий с недоумением взглянул на голую спину Соболева: только что ему казалось, что Матвей одет так же, как и он – в черный костюм «демона ночи», на самом же деле на нем были только плавки.

– Дьявол! Ты же был во всем черном!

– Тебе показалось, – улыбнулся Матвей. – Раздевайся, мойся, а я пока сварганю легкий ночной стол.

Когда Василий появился в столовой, распаренный, чистый, осоловелый, его за столом ждали двое – Матвей в футболке и спортивных трусах и Кристина в халатике. И были они так похожи – выражением глаз, состоянием внутренней свободы, несуетливостью, приветливостью, спокойствием, уравновешенностью, особым пониманием сути вещей, что у Василия защипало глаза, и он сам почувствовал удивительное спокойствие и облегчение.

– Привет, Баловень, – сказала Кристина, целуя его в обе щеки.

– Рад вас видеть безумно! – ответил он искренне. – Извини, что разбудил. По-моему, ты еще больше похорошела. Неужели этот тип научился за тобой ухаживать?

– Этот тип скоро станет отцом, – улыбнулась Кристина, прислушиваясь к себе.

Василий перевел взгляд на ее живот, потом растерянно глянул на чистые лица друзей и, не удержавшись, подхватил Кристину на руки:

– Вот здорово! Поздравляю! Когда ждете?

– Тише, Стаса разбудишь, – понизила голос женщина. – Скоро уже, осенью. Поставь меня обратно.

– А я не сплю, – раздался из коридора детский голос, и в столовую ворвался Стас, с разбегу запрыгивая на грудь гостю. – Ура, дядя Вася приехал!..

Дальше начался небольшой сабантуй в два часа ночи, полный сдержанной радости, шуток, рассказов, воспоминаний, дружеских

пикировок, который закончился с рассветом; правда, Стаса удалось уложить спать раньше. Затем мужскую компанию покинула Кристина, порывающаяся убрать посуду. Мужчины, взявшие на себя благородную миссию уборки, остались вдвоем.

– Рассказывай, – сказал Матвей, когда они кончили мыть посуду и устроились со всеми удобствами в гостиной, на втором этаже коттеджа. – Что заставило тебя уехать из Владимира? Охота к перемене мест? Поиск Пути? Опасность?

– Пожалуй, первое, – сказал разомлевший Василий, с удовольствием разглядывая неподвижную и надежную фигуру друга, его непостижимо глубокое, сильное и спокойное лицо. – В последнее время я вдруг ощутил, что мне катастрофически не хватает действия. Понимаешь, я всегда был игроком второго темпа, как говорят волейболисты. Меня это устраивало, когда я служил в спецкоманде федералов и когда ты был рядом. Более того, я с облегчением ушел в «нишу» и полтора года прожил тише воды, ниже травы. И вот... Кстати, за это время я разобрал по винтику одно интересное устройство – генератор защиты от гипноизлучения.

– Тот, что мы отобрали у псов Гусева? Защита от «глушака»?

– Я эту «тюбетейку» усовершенствовал и привез несколько штук собой, можешь испробовать.

– Спасибо, – улыбнулся Матвей, и Вася понял, что ему-то как раз «тюбетейки» защиты не требуются.

– Не лыбься, Посвященный, не тебе – так Стасу с Кристиной пригодятся. А приехал я за советом. Ко мне заявились спецы из столицы с предложением поработать на них.

– ФСБ? Военная контрразведка?

– Бери выше – служба безопасности президента. – Матвей внимательно взгляделся в оживленно-смущенное лицо Котова.

– Это что-то новенькое.

– В недрах президентского аппарата под вывеской фельдъегерской службы создается команда для особых поручений. Что это будут за поручения, я не знаю, но меня предложение заинтересовало. Почему бы не выяснить на месте, что имеет в виду генерал Коржаков? Что посоветуешь?

Матвей покачал головой.

– Ничего. Я дал тебе в свое время все, что мог, дальше иди сам. Может быть, тебя нашли по инерции, но возможен и другой вариант развития мировой линии, вбирающий в себя судьбу индивидуума по имени Василий Балугев.

– Я теперь Котов. Извини, не дошло: что ты имеешь ввиду?

– Законы, движущие атомами воздуха и социальными явлениями, универсальны. Случайного в мире нет, случай – непроявленная закономерность...

– Это я уже слышал.

– Терпение, мой друг. То, что тебя потянуло на подвиги, к перемене обстановки, – уже не случайное явление, что подтверждается и передачей предложения. Где-то повернулись контакты «реле времени бытия» и сработал закон усиления событийной остроты. Ведь тебе небось уже не раз за последнее время пришлось вмешиваться в события, тебя непосредственно вроде и не касающиеся? Восстанавливать, так сказать, справедливость?

Вася вспомнил контакты с рэкетирствующими коммерсантами из фирмы «Черная пантера», с угонщиками машин – кивнул.

– Ты прав, я об этом не подумал. Но до твоего уровня мне ползти и ползти, не хватает ни терпения, ни знаний.

– Всякое знание ограничено, лишь незнание не имеет пределов. Что касается терпения, ты как мэйдзин должен знать формулу мастеров ниндзюцу: «терпение есть перевод собственного сознания в позицию стороннего наблюдателя».

Вася хмыкнул, чувствуя, что сейчас уснет.

– Не всегда получается этот перевод, знаешь ли. Ну, так что все-таки посоветуешь?

– По-моему, ты уже все решил сам. Единственный мой совет... даже не совет – сентенция: принцип Духовной чистоты не приемлет ни ненависти, ни удовольствия, ни стремления к власти. Если нет в душе единства с самим собой, Путь – какой бы он ни был – лучше не начинать.

– Зачем же так сурово... – пробормотал Василий, обидевшись, но заметил веселый блеск в глазах Матвея и бросил в него нож со столика с фруктами. – Нечего тестировать друга, когда он расслабился!

Матвей не двинулся с места, однако нож вдруг оказался в его руке. Василий ожидал ответного броска, готовясь его встретить, потом

понял, что броска не последует. И это красноречивее всего говорило о переменах в мировоззрении Соболева, Посвященного I ступени Внутреннего Крута.

– Что задумался? – услышал Василий голос Матвея, смотревшего на него без всякого превосходства и снисходительности. – Что за мысль тебя гложет?

А наши мысли, старина, Ребячески просты:

Для счастья нужен мне пустяк – Вселенная и ты.

Вася вскочил, засмеялся, прыгнул к Матвею, нанося ему рубящий хоко-но кэри и колющий китанкэн, против которых ни один «черный пояс» карате или кунгфу не нашел бы приема, но Матвей уже не сидел – стоял в свободной позе, вроде бы не отвечая, не делая каких-то движений, и удары Василия ушли, как в вату, в захваты, из которых теперь уже он не мог выйти, как ни старался, применяя умение выкручиваться, растягиваться, разъединять кости и выskalъзывать из любых захватов. Несколько мгновений они стояли как бы обнявшись, потом засмеялись оба и обнялись по-настоящему.

– Ей-богу, чертовски рад тебя видеть! – сказал Вася.

– Взаимно, – ответил Матвей. – Но даю голову в заклад – думал ты минуту назад о девушке, а не обо мне. Нет? Точнее, об Ульяне Митиной.

Василий вскинулся.

– Что ты о ней?..

– Тише, завтра поговорим, вернее, уже сегодня, но позже, иди отдыхай. Как долго ты намерен остаться у нас?

– Да я хотел только побеседовать... посоветоваться... но дня два побуду.

– Отлично. Завтра мы со Стасом и Кристой идем на яхте по Балтике, посетим пару островов, позагораем, порыбачим... Короче, вливайся в команду. Кто бы тебя ни нанимал – он подождет.

«А Ульяна подождет?» – хотел спросить Василий, но передумал.

Уснул он мгновенно, как только голова упала на подушку.

РЖАВЧИНА

Сверхсистема, или, как ее называли короче, «СС», что невольно вызывало ненужные ассоциации, не только выжила с момента разгрома ее «генералитета» во главе с маршалом Лобановым, но и упрочила свое положение, проникнув в святая святых российских коридоров власти – в окружение президента. Ее главой стал Хейно Янович Носовой, начальник информационной службы президента, некогда Тень-3 в иерархии «СС», бывший руководитель АСС – аналитического центра Тень-кабинета и он же – один из Девяти Неизвестных, образовавших куда более могущественный тайный Союз Девяти, который до описываемых здесь событий, по сути, управлял страной.

Еще до того как монолит Союза дал трещину, Носовой, Посвященный II ступени Внутреннего Круга, бывший авеша Адепта, получил известие о грядущем переделе власти в высших сферах «розы реальностей» и понял: для того чтобы сохранить власть и жизнь, ему надлежит срочно предпринять превентивные меры. Потрясение в результате разборок в абсолютных реальностях неминуемо отзовется в запрещенной реальности Земли невиданным размахом клановых войн, и не только в России – во всем мире! Предвестником этого стал невиданный разгул терроризма, поразивший даже такие относительно благополучные страны, как Швейцария и Финляндия.

Сменив Лобанова на посту маршала «СС», Хейно Янович устранил две мешающие ему фигуры из Тень-кабинета: Чирейко Якова Ивановича, префекта южной префектуры Москвы – Тень-6 в иерархии «СС», и Тень-5 – Мирзу Тогоева, друга первого вице-премьера Соскова, владельца сети ресторанов, вора в законе по кличке Аятолла. Тогоев руководил бригадами «СС», которые собирали дань с коммерческих ларьков и крупных фирм, а также контактировали с милицейскими чиновниками и устраняли недовольных. Причем сделал это Носовой не без помощи своего главного конкурента – «ККК», подкинув главному «чистильщику» – Рыкову – вместе с информацией о деятельности Аятоллы идею о его ликвидации.

Убийство Тогоева наделало тогда в Москве много шума, так как, во-первых, было организовано весьма оригинально и с ювелирной точностью (Тогоев умер от удушья, проглотив язык во время сна после одной из пирушек в кругу друзей), во-вторых, убийство вызвало перестановки в правительстве, потому что всплыли неблагоприятные связи вице-премьера Соскова и его чиновников с мафиозными структурами.

Следующим шагом Хейно Яновича была реорганизация «СС», усиление вертикали власти при сохранении структуры Тень-кабинета. По-прежнему деятельностью Сверхсистемы, всеми ее подразделениями: КСС – контрразведкой, БСС – службой безопасности, РСС – разведкой, АСС – аналитическим центром, ХСС – службой обеспечения, ФСС – финансово-экономическим институтом, – руководил штаб. Но теперь маршал, которому напрямую был подчинен ССС (спецназ Сверхсистемы), мог вмешиваться и в деятельность каждого подразделения, кроме одного – финансового. Сверхприбыли, получаемые Сверхсистемой в результате операций подчиненных ей мафиозных кланов, как и собственных проектов, должен был контролировать весь штаб. Правда, самого Хейно Яновича это мало волновало, в деньгах он не нуждался по двум причинам: как Посвященный II ступени он всегда мог иметь их по потребностям, а кроме того, являлся владельцем крупного состояния. Как и все Девять Неизвестных, он имел вклады в банках мира, позволяющие распоряжаться судьбами сотен и тысяч людей.

После всех утрясок и разборок Тень-кабинет Сверхсистемы образовали одиннадцать генералов, но лишь один из них работал в прежнем составе кабинета – Маринич Феликс Вансович, заведующий лабораторией психофизических исследований Центра нетрадиционных технологий, директором которого, кстати, являлся один из комиссаров, а ныне Судей «Чистилища» Боханов (о чем Носовой, естественно, знал). Остальные генералы были новыми, они пришли в «СС» с наработанными методами получения колоссальных прибылей и со своими кланами. В основном это были «отцы» российской мафии и крупные деятели из состава правительства и Государственной Думы. Одним из них стал вор в законе по кличке Боксер, руководитель рязанской мафиозной группировки Маракуц Николай Савельевич.

Сохранил Носовой и структуру охраны маршала, переподчинив ее новому шефу вместо исчезнувшего ликвидатора Вербицкого. Теперь спецназом «СС» командовал Дзиро Маюмура, личный телохранитель прежнего маршала Лобанова.

В принципе каждый кардинал Союза Девяти обладал такой степенью могущества, которая могла оградить его от опасности, исходящей от коллег или органов правосудия. Однако Носовой при этом опирался на мощную структуру «СС», а Рыков – на «ККК», и оба они претендовали на главенствующую роль в своей тайной организации. И тот и другой искали выход в «розу реальностей», где стремились найти поддержку и покровительство иерархов. Не оставляли они и попыток проникнуть в МИРЫ Инсектов, древнейшие храмы разумных насекомых, с надеждой найти там оружие, равного которому еще не создало нынешнее человечество, – корректор реальности, известный под названием «Игла Парабрахмы».

По сведениям Хейно Яновича, ни один из Девяти, в том числе и Рыков, доступа к МИРам еще не получил и «Иглу» не нашел. И все же шансы на скорое решение этой проблемы у Носового появились. Он наконец определил координаты местонахождения недавнего обладателя «Иглы» Матвея Соболева, закрывшего доступ к МИРам. Оставалось найти способ уговорить его на совместное деяние по корректировке социума, чтоб заполучить «Иглу», помешав при этом остальным кардиналам Союза Девяти сделать то же самое.

Основными соперниками в борьбе Хейно Янович считал Рыкова и Юрьева. Но если Юрьев не замахивался на абсолют власти, поддерживая традиции Внутреннего Круга, то Герман Довлатович эти традиции напрочь отметал, считая их устаревшими, отживающими свой век условностями, догмой, мешающей гармонизации управления реальностью. Основным принципом Рыкова была беспринципность. Впрочем, остальные Девять мало отличались от своего коллеги, исповедуя закон интеллектуальной чистоты в самой извращенной его форме: мышление не должно нести эмоциональной окраски.

Поскольку здание банка «Северо-Запад» на Мясницкой, на семнадцатом этаже которого находился один из неофициальных центров управления «СС» и кабинет маршала, было «засвечено» прежним маршалом и его сподвижником Тогоевым, Носовой для своей тайной резиденции избрал другое прикрытие – здание Управления

организационно-информационного обеспечения и кадров по Большому Комсомольскому переулку, где он часто бывал по служебным делам. Здание посещало много людей, и уследить за всеми ни одна из государственных охранных структур была не в состоянии. Конечно, у Хейно Яновича был и мобильный пункт управления – в его персональном автомобиле марки «форд-гэлэкси», мини-вэне темно-фиолетового цвета, оборудованном всеми средствами защиты, сотовой и спутниковой связью. Однако любящий комфорт маршал «СС» предпочитал стационарные кабинеты.

В понедельник двадцать первого мая Носовой прибыл в здание по Большому Комсомольскому, как и все, к девяти утра. В десять минут десятого, после стаканчика кофе, он уже работал с компьютером, составляя оперативный план для подразделений «СС» на следующую неделю. Прослушав доклады контрразведки и аналитического центра – через компьютерные сети города, – он к двенадцати часам закончил обработку информации и вызвал начальника ССС.

Дзиро Маюмура, «черный пояс» кунгфу, имеющий шестой дан, возник в кабинете босса неслышно, как привидение. Он одевался по-европейски в отличный костюм «макабре де парта», носил белые рубашки с неброскими, но дорогими галстуками и туфли на толстой подошве, почти не увеличивающей его рост – метр шестьдесят два.

– Появилась возможность потрясти наших основных конкурентов, – сказал Хейно Янович, не приглашая Маюмуру сесть. – План здесь. – Он бросил подчиненному коробку с дискетой.

Шеф ССС поклонился.

– Вторая задача несложней: надо поехать в Питер, найти одного моего знакомого, пощупать его на проф-пригодность и передать кассету. – Носовой достал еще одну коробку. – Знакового зовут Матвей Соболев, он бывший ганфайтер, перехватчик класса «абсолют», поэтому подход может быть очень жестким, но не предельно, без стрельбы. В противном случае он вас просто «погасит». Мне нужно знать его сегодняшний потенциал.

Дзиро Маюмура поймал кассету, снова поклонился.

– Ваш друг из Японии, этот... э-э... мастер айкидо, прибыл?

– Он с Окинавы, – тихо произнес начальник спецназа, – и не мастер айкидо, а мэйдзин, мастер ниндзю-цу. Он здесь.

– Очень хорошо. Объясните ему ситуацию и возьмите на задание. У меня все.

Маюмура поклонился в третий раз и неслышно исчез. Носовой в некотором сомнении смотрел ему вслед. Дзиро, которому пошел сорок девятый год, был очень сильным мастером боя и как помощник в обычных земных делах с участием обычных, пусть и тренированных, людей вполне устраивал маршала «СС», однако он знал, на что способен Матвей Соболев, и сомнения имели под собой почву.

* * *

Как сообщили средства массовой информации, двадцать второго мая в Сокольниках произошла крупная разборка между мафиозными кланами, унесшая одиннадцать жизней. Этот факт потом стал предметом обсуждения на одном из заседаний Государственной Думы, так как оказалось, что среди погибших двое были охранниками президента. По признанию следователей, прибывших к месту происшествия через два часа, разборка оказалась уникальной: лишь один из молодых парней был убит выстрелом в голову, остальные десять погибли от ударов, проломивших им головы, свернувших шеи или пробивших тело до сердца и прочих важных органов. Происшествие стало еще более загадочным, когда выяснилось, что все одиннадцать человек владели какой-либо разновидностью рукопашного боя и были тренерами либо инструкторами школ боевых искусств! А один из охранников президента даже имел черный пояс по карате! И все же всех их убили руками, в течение одной-двух минут.

Зачем эти ребята собрались вместе, можно было только догадываться, по официальной версии – на дружескую вечеринку. Однако у старшего следователя Генпрокуратуры Мирошниченко была своя версия, которой он поделился только со своим другом, начальником президентской службы безопасности Коржаковым: кто-то уничтожил подразделение «Чистилища», готовившееся к проведению своей операции. Работали суперпрофессионалы, но не из ФСБ или ГУБО, вообще не из государственных спецслужб, однако кто именно, из какой организации, оставалось тайной. Хотя и на этот счет Мирошниченко имел свое мнение – ликвидаторы были из другой

могущественной конторы – «СС». Но доказать причастность Сверхсистемы к убийству практически не представлялось возможным. Понимал это Мирошниченко, понимал и Коржаков, вызванный президентом на ковер.

– Долго ли вы еще будете решать стандартную задачу защиты государственных интересов? – спросил разгневанный глава страны. – Ржавчина «СС» разъедает корпус государственного корабля, мы скоро пойдем ко дну, если не прекратим этот процесс! Где ваша хваленая КОП-команда? Почему не работает?

– Она сформирована, – сдержанно проговорил Коржанов, глядя в лицо президента, – но не ее вина, что мафия проникла во все госструктуры. Первым делом команды и будет операция по выявлению и уничтожению бандитов, поработавших в Сокольниках.

Президент был настроен скептически, Коржаков это заметил, но сказать больше было нечего, и сразу после встречи с президентом он связался с Рыковым. Через час они сошлись в Кремле, в кабинете Германа Довлатовича. Еще через час генерал устроил смотр команде КОП, размещенной временно на территории его дачи в районе Битцевского лесопарка.

КАК ЭТО ПОНИМАТЬ?

Рыков очень быстро смекнул, что акция в Сокольниках, по сути, объявление войны, но не «СС» против «ККК», а лично Хейно Яновича Герману Довлатовичу. Однако реагировать надо было по-крупному, чтобы не потерять лица перед коллегами-Судьями, поэтому Рыков сразу же позвонил Генеральному Судье Бородкину и предложил созвать чрезвычайное совещание. В тот же день, в среду, они собрались на конспиративной квартире с видом на Кремль: Рыков, Жанболатов, несуетливый, обстоятельный Петр Прохорович Бородкин, бывший полковник военной контрразведки Холин, подтянутый, моложавый, энергичный, и кибернетик из Центра информатизации Константин Павлович Зайцев, молодой, по-спортивному настроенный на результат, презирующий законы и людей, их создающих.

Когда по криптофонному кольцу взаимостраховки прошло сообщение от охранных систем, что все спокойно, режим секретности нужной степени соблюден, все пятеро Судей «Чистилища» расселись за столом на свои традиционные места. Бородкин занял кресло во главе стола.

– Все вы уже знаете, что нам бросила открытый вызов конкурирующая структура – Сверхсистема, уничтожив две монады исполнителей, готовых к Суду над одним из криминальных лидеров. Уровень исполнения – класса «элит». Ваше мнение?

– Произошла явная утечка информации, – сказал Судья-3 Холин. – Подозреваю, что это горизонт спикеров.

– Это горизонт гранд-оператора, – тихо произнес Судья-5 Жанболатов. – Спикеры, как правило, узнают о координатах точки сбора непосредственно перед реализацией задания за два часа до начала бандлика.

Рыков, который знал об уровне исполнения лучше других, промолчал. Его коллега по Союзу Девяти Хейно Янович Носовой пока был недоступен «Чистилищу».

– Предлагаю повременить с обвинениями в тот или иной адрес, – мягко заметил он. – Пусть поработает Темир со своими следопытами,

да и каждый из нас. Случился серьезный прокол в деятельности Суда, необходим анализ и точные рекомендации.

– Всегда готов дать рекомендации, – насмешливо сказал Вансович, снимая и протирая очки. – Только предоставьте информацию.

– Решили! – хлопнул ладонью по столу Бородкин, перенявший этот жест у президента. – Прежде чем мы перейдем к конкретике, хочу поделиться с вами кое-какими размышлениями.

Судьи «Чистилища», знавшие пристрастие Генерального к обширным сентенциям, переглянулись, но Прохор Петрович не обратил на это внимания.

– Прошное заседание правительства произвело на меня удручающее впечатление. Ни один высший руководитель страны ни на одну тему не способен говорить свободно, связно, без бумажки! Министры косноязычны, как студенты на экзаменах! О культуре поведения я уже и не говорю. Старая номенклатурная гвардия ею никогда не обладала, за редким исключением, а хваленая новая генерация управленцев и политиков еще не достигла европейских высот, хотя и научилась драться. Это не ворчание старика, как вы, уверен, думаете.

Прохор Петрович неторопливо налил в стакан боржом и отпил глоток.

– Это констатация общего положения реальности: нами управляют бескультурные, жадные, меркантильные, наглые, неумные люди. Как сказал мой зам: чиновник нынче пошел необразованный и наглый. Госдума вообще превратилась в заповедник криминальных элементов, территорию, свободную от правосудия и критики. За год не осужден ни один депутат, пойманный на махинациях, воровстве и закулисных сделках!

Бородкин сделал еще один глоток, изучая пейзаж на стене: пустыня, саксаул, череп лошади.

– К власти приходят люди недалекие и циничные, люди из низов, без иных способностей, кроме рваческих, не выделяющиеся интеллектом, люди посредственные во всех отношениях, желающие только одного: попользоваться жизнью на славу! Короче – быдло! Это положение надо менять. Как – вопрос второй. Хотелось бы выслушать ваши предложения. Теперь о другом. На сегодняшний день делами

страны вершат двадцать пять министерств, двенадцать госкомитетов, двадцать три просто комитета, пятнадцать федеральных служб, Департамент налоговой полиции, Российское космическое агентство и Главное управление охраны. Итого – семьдесят восемь ведомств на сто сорок девять миллионов россиян. В СССР на излете «застоя» с населением вдвое большим и то насчитывалось лишь восемьдесят четыре! Но этого, оказывается, мало! Правительство подготовило проект расширения списка главных ведомств еще на два министерства и четыре госкомитета! Как вам это нравится? Скоро чиновничья рать станет качать более десяти процентов бюджета на зарплату и льготы. Мало того, Госдума внесла поправку в Закон «О статусе депутата Государственной Думы», где предусматривается стопроцентная оплата жилья депутата из госфондов, бесплатное пользование поликлиникой, транспортом и телефонной связью. Что будет дальше?

Судьи «Чистилища» молчали. Разговор о привилегиях депутатов они уже вели, но не пришли к единому мнению, как их отменить. Прохор Петрович грустно посмотрел вокруг, кивнул сам себе, как бы соглашаясь со всем, что о нем думали присутствующие, и повернулся к Рыкову.

– Герман Довлатович, у вас есть соображения по поводу ответа Свсрхсистеме?

– Пока нет, – ответил Рыков, хотя на самом деле они у него были. – Требуется время. Мы должны ответить не менее жестко – это все, что я знаю. Зато у меня есть три предложения по стабилизации общественного мнения. Первое: примерно наказать судью Зюзинского межмуниципального суда Гарольда Блоймермана за игнорирование первого предупреждения. Как вы помните, в Зюзинском суде установилась интересная практика по административным делам о торговле с рук в неустановленных местах. Милиция задерживала продавцов, изымала товар и передавала в суд, а судья выносил постановление из двух пунктов – одним дело прекращали в связи с истечением срока давности, вторым – конфисковывали товар. Оба пункта исключают друг друга...

– Короче, Герман Довлатович, – сказал Холин. – Мы в курсе. С разрешения судьи товар вроде бы уничтожали, а на самом деле продавали. Предлагаю этому Гарольду отрубить руку по локоть. Что еще?

– Ликвидировать секту сатанистов, действующую под вывеской «Церкви Блаженства». Настоятели секты выдвинули программу, убийство и пытки являются источниками полноты бытия. Юные идиоты слетаются на этот зов, как мотыльки на огонь.

– Да, это истинное Зло, – покачал головой Бородкин. – Родители ушедших в секту детей станут молиться не Богу, а на «Чистилище», когда мы уничтожим секту. Разумное решение, Герман Довлатович.

– И третье предложение. Несмотря на деятельность созданного внутри МВД не так давно Управления собственной безопасности, занимающегося чисткой рядов милиции, старший дознаватель отдела внутренних дел «Гольяново» майор милиции Шариков продолжает брать взятки за прекращение уголовных дел. Информация проверена. Все три операции предлагаю провести одновременно.

Бородкин взглянул на Судей, кивнул.

– Принимается. А теперь займемся старыми делами. Темир Шыныбекович, удалось установить киллер-центр, чьи люди убрали депутата Забодыко?

– Так точно, – ответил Жанболатов, ведающий разведкой, контрразведкой и обеспечением безопасности работы всего «ККК». – План операции по уничтожению центра готов.

– Давайте рассмотрим.

Жанболатов передал Бородкину дискету, и экран компьютера воспроизвел операцию во всех деталях. Закончив обсуждение, Судьи «Чистилища» приступили к анализу остальных дел, но у каждого нет-нет да и мелькала мысль, что все они находятся под пристальным вниманием чужого лазутчика, проникшего в их империю. Это же тревожило и Рыкова, но совсем на другом уровне. Он не задавал себе вопроса: как вас понимать, Хейно Яанович? – зная ответ абсолютно точно, однако ощущение взгляда в спину явно говорило об утечке информации из стана «Чистилища» больше, чем уничтожение группы «чистильщиков».

ИМЕЮЩИЙ УШИ – ДА УСЛЫШИТ

Вахид Тожиевич Самандар, президент Международного исследовательского центра боевых искусств, Посвященный I ступени Внутреннего Круга, обладал недюжинным даром прогностики – видения будущего, поэтому был готов ко многим неожиданностям, которые могла преподнести жизнь. О переменах в «розе реальностей» Вселенной он не знал, но чувствовал их и ждал ответных перемен в земной запрещенной реальности спокойно.

Характер у Вахида Тожиевича был непростой – упрямый, настойчивый и смелый. Но именно упрямство и настойчивость помогли ему стать тем, кем он стал: мастером рукопашного боя и человеком Внутреннего Круга. Он был трудолюбив и умен, но при этом мало доверял людям и рассчитывал только на себя. К чужим советам, даже дельным, прислушиваться не любил, мог иногда вести себя грубо, хотя обычно ему хватало гибкости и дипломатического такта для контактов с непосвященными. И тем не менее семейная жизнь Вахида Тожиевича складывалась неудачно.

Дважды он был женат и дважды расходился. Делал он предложение и Ульяне Митиной, с которой его свела судьба несколько лет назад, однако получил отказ. Это его огорчило, но не остановило, наоборот, заставило переоценить свое отношение к женщинам вообще и Ульяне в частности. Не то чтобы он решил добиться благосклонности Ульяны во что бы то ни стало, однако все же попыток предложить союз не прекратил, несмотря на явное нежелание девушки встречаться чаще, чем встречаются все Посвященные – то есть раз в год, на Соборе Внутреннего Круга.

Для того, чтобы пройти Посвящение II ступени, Самандару нужен был ученик, и казалось, его удалось найти полтора года назад. Но во-первых, Матвей Соболев оказался более подготовленным по меркам Внутреннего Круга, чем даже сам Вахид Тожиевич, а во-вторых, начались события с коррекцией реальности, в дело вмешались иерархи, Хранители и даже древние Аморфы – Монарх и Лекс, перворазумные Земли, и в конце концов реальность земного плана была заблокирована. Теперь, чтобы выйти за ее пределы в «розу

реальностей», в пору самому было становиться учеником. Однако переход в состояние иерарха мог потребовать всей жизни, а ждать Самандар не любил. К тому же он знал способ, как достичь более высокого уровня Посвящения и без изнурительной повседневной работы над собой. Этот способ назывался «Иглой Парабрахмы», так сказать, вариант волшебной палочки, с помощью которой можно было стать всем, кем пожелаешь. Но «Иглу», во-первых, еще надо найти, во-вторых, включить, а сделать это мог только один человек в мире – Матвей Соболев, бывший волкодав-перехватчик военной контрразведки. Повода же встречаться с ним у Вахида Тожиевича не было, напрямую он не мог просить у Соболева открыть ему доступ к МИРаМ Инсектов, к «Игле», и вовсе не из-за тактичности или неуверенности, а в силу закона Внутреннего Круга – Закона Постепенного Восхождения, преступить который означало поставить крест на дальнейшем Пути к Знанию и Совершенству.

И все-таки Вахиду Тожиевичу представился случай навестить Соболева, в последнее время жившего в Санкт-Петербурге, вернее, в Старом Петергофе, по сути – уже в черте города.

Помимо обязанностей руководителя такого специфического учреждения, как Международный исследовательский центр боевых искусств, Самандар выполнял еще и функции координатора школ боевых искусств России, что давало ему широкую свободу и возможность путешествовать во все концы огромной страны и за рубеж. Кроме того, он много времени уделял собственно тренировкам, поддерживая высокие физические кондиции и готовность к немедленному действию.

МИЦБИ имел не только административный и учебный корпуса, но и прекрасные спортзалы, где могли тренироваться как новички, так и мастера, инструкторы разных школ. Вахид Тожиевич сам руководил одной из наиболее подготовленных групп, составленной из руководителей школ. В составе группы занимался и довольно молодой, двадцатисемилетний, заместитель директора школы русбоя, единственной в Москве, Максим Усов, имеющий отличные перспективы как боец и человек, увлекающийся психологическими экспериментами. Вахид Тожиевич успел присмотреться к нему и постепенно приблизил к себе, явно выделяя из остальных обладателей разного цвета поясов. Подумывал даже: а не взять ли в ученики

именно его, сориентировать, направить на путь истинный, рассказать о Круге? Но из осторожности Самандар все же откладывал решение.

И вот Максим преподнес сюрприз.

После одной из тренировок он зашел в кабинет к директору и сказал, смущаясь:

– Ухожу я от вас, Вахид Тожиевич.

– Что так? – не понял Самандар. – То есть почему уходишь? Переезжаешь куда-нибудь?

– Да нет, в Москве остаюсь, но... понимаете... – Усов замялся. – Есть работа... очень серьезная... и по специализации. Я там тренироваться буду. Так что прощаться пришел. Не совсем, конечно, но тем не менее. Спасибо вам за все.

– Что за работа, если не секрет?

Усов снова помялся немного, потом прямо взглянул в черные непроницаемые глаза Самандара.

– Вам могу сказать. В службе безопасности президента создается особое подразделение – КОП, то есть команда для особых поручений. Мне предложили войти в эту группу, даже звание дали – майор, хотя я лейтенант по воинскому билету.

Самандар мгновенно насторожился, хотя не подал виду.

– Кто же будет руководить подразделением?

– Говорят, сам генерал Коржаков, начальник СБ. А кто на самом деле, не знаю. Но работа должна быть интересной.

«Да уж!» – подумал про себя Самандар. Сказал, пожимая крепкую руку Максиму:

– Что ж, удачи, барс! Буду нужен – заходи. А если захочешь, начну заниматься с тобой индивидуально.

– Это было бы здорово! Я прикину и позвоню. Не поминайте лихом.

Усов ушел, а Самандар некоторое время размышлял, рассеянно наводя на столе порядок. Потом подсел к компьютеру и начал наводить справки, знакомых у него было много, в том числе и среди высокопоставленных лиц.

Однако ни в этот вечер, ни на следующий день нужной информации найти не удалось. О создании команды для спецпоручений никто ничего не знал, даже контрразведка ФСБ. И тогда Вахид Тожиевич применил свои возможности Посвященного –

вошел в компьютерную сеть президентской службы безопасности с помощью мысленного усилия, подключив к компьютеру свой мозг.

Его ждало жестокое разочарование: о создании КОП и там не оказалось ни одного файла! Либо команда была засекречена «по четырем нулям», либо Усов врал. Но как раз ему-то Самандар и верил.

Лишь под утро он сообразил войти в компьютер самого генерала Коржакова, главы ведомства безопасности, не подчинявшегося никому, кроме президента, и обладавшего огромным влиянием на него самого. Все сразу стало на свои места. Идея создания КОП принадлежала Рыкову. Обдумав ситуацию, Самандар в семь утра позвонил Ивану Терентьевичу Парамонову и договорился о встрече.

Встретились Посвященные I ступени Внутреннего Круга на берегу пруда в Ботаническом саду, нимало не беспокоясь о возможном подслушивании или подглядывании. Они умели вести разговоры, которые невозможно было «засечь».

Плотная зеленая стена кустарника за спиной источала одуряющие весенние запахи, солнце светило вовсю, вода в пруду сверкала как зеркало; было тепло и тихо, и оба Посвященных почувствовали себя, как в детстве, счастливыми. На короткую минуту созерцания природы. Вглядевшись друг в друга, присели на скамеечку у бронзового фонаря, не обращая внимания на рыболова, пристроившегося неподалеку, и школьника, выгуливающего собаку.

— На сцене жизни снова появляются знакомые актеры, — сказал Самандар.

— Ты имеешь в виду Союз Девяти Неизвестных?

— Я имею в виду Рыкова. Он фактически возглавил «Чистилище» и замахнулся на «СС».

— Ничего удивительного в этом я не вижу. Действия Рыкова в частности и «Чистилища» вообще — всего лишь следствия вступившего в силу жесткого варианта Закона возмездия.

— Увы, не только. Рыков пытается реализовать пирамиду апасти, а точнее — Муравейник Власти по типу и подобию тех, что создавали Инсекты-мирмекоиды. Для этого он готов начать войну на уничтожение с вероятными соперниками и уже сделал первый шаг — создал в недрах президентской службы безопасности спецподразделение — КОП, команду для особых поручений.

– Не такой уж это высокий уровень, чтобы бить тревогу, – поразмыслив, сказал Парамонов. – Потеряв связь с иерархами и их командами ПАН и ПРОПАЛ, Герман просто нашел замену для организации предполагаемых «волн выключения». Для нас создание КОП особой опасности не представляет. К тому же у нее будет так много конкурентов. При первом же выходе ею займутся не только силовые конторы типа ФСБ, ГУБО и МВД, но и «Чистилище», и «СС». Разве не так? В последнее время они решают задачи довольно успешно.

Самандар достал из кармана горсть жареного миндаля, предложил собеседнику.

– В принципе, ты прав, Иван Терентьевич. Перечисленные тобой конторы плюс СВР действительно неплохо справляются с делом. Толково решают общегосударственные задачи – защиту от внешних и внутренних врагов, ведут борьбу с терроризмом... хотя в последнее время эта проблема вновь выходит на передний план. На равных ведут борьбу с бандитизмом и коррупцией... что там еще-то? Да, подавление недовольства инакомыслящих, это делают почти как в свое время КГБ. Но есть и другая сторона медали. Время от времени в эти конторы проникают властолюбцы и коррумпированные на корню чины и начинают использовать мощный потенциал данных служб в корыстных целях, для достижения власти, богатства, удовлетворения садистских и сексуальных наклонностей. И это бывает...

– Что-то ты заговорил по-книжному, – прищурился Парамонов. – Но я понял, к чему ты клонишь. Угроза скатывания социума к тоталитаризму существует всегда. Но даже если Рыков стартует с этой платформы... ах, прости, Вахид Тожиевич, только сейчас дошло. Под ударом могут оказаться наши друзья и сподвижники?

– Ну, друзья и сподвижники меня волнуют мало, – криво улыбнулся Самандар.

– Наши друзья могут постоять за себя сами. Зная твое въедливое стремление задать вопрос, который невозможно точно сформулировать, я ожидал от тебя другого.

– Хорошо, сформулирую вопрос иначе: что нужно Рыкову?

– Это другое дело. Рыкову нужно нечто большее, чем быть одним из Девяти, ему нужна абсолютная власть! И для этого он усиленно ищет...

- Доступ к МИРаМ Инсектов?
- Точнее, к «Игле Парабрахмы».

Иван Терентьевич с рассеянным видом сорвал одуванчик, повертел в пальцах.

– Это достаточно серьезная заявка... В последнее время я и сам чувствую, что поднимается некий темный ветер из «розы реальностей». Ты считаешь, что пришла пора перемен?

– Кто-то умело манипулирует Законом изменения энтропии. Готовит ее «пикирование», скатывание процессов структурирования к упрощению мира, к хаосу.

– Но ведь до предела еще далеко, если мы видим, что мир несовершенен.

– Кто-то постоянно опускает планку предельного уровня энтропии в нашей реальности. Предел может быть перейден в любой момент.

– Чего добьется при этом твой «кто-то»? Разрушения всех созданных за прошедшие века гармонических структур, всей реальности? Да и кто это, по-твоему, может быть?

– Не знаю пока. Но уже начались разборки между иерархами, и эхо тех боев непременно отзовется на Земле. Сначала в форме изменения социальных законов, потом физических, потом фундаментальных принципов бытия.

Парамонов встал со скамейки, подошел к воде и долго смотрел на гусиный пух, скользящий по ее глади. Сказал задумчиво:

– Я всегда считал, что в абсолютных реальных подпланах «розы реальностей» система скрытых конфликтов существует, но гармоническая, свободная от честолюбивых замыслов.

– Ты ошибался.

– К сожалению. Но если уж люди Внутреннего Круга начинают воевать...

– Все мы потомки Инсектов. Монарх не смог исправить в нас худшие черты насекомых, история человечества подтверждает это.

– Может быть, он снова пытается вмешаться в наши дела?

– Я чувствую его дыхание. Но он «дышит» в нашу Вселенную не один. Единственная надежда на то, что всем победителям нужны побежденные.

– Ты хочешь сказать, что при любом исходе Перемен люди выживут?

– Выживут муравьи, рабы муравейника, в который превратится социум Земли... если победу одержит Рыков.

– Что же ты предлагаешь?

– Я хотел бы побороться за сохранение реальности, пусть она и запрещена иерархами. Давайте объединимся: мы, наши приятели, остальные Посвященные I ступени. Я встречусь для начала с Соболевым, ты – с Ульяной Митиной. Можно и наоборот.

Парамонов улыбнулся про себя, зная отношение Вахида Тожиевича к девушке.

– Согласен наоборот.

Через несколько минут Самандар ушел, а Парамонов еще некоторое время бродил по саду, размышляя об услышанном. Но от впечатления, что ими кто-то руководит, как марионетками, дергая за ниточки, избавиться не удалось.

ОСТАВАЙТЕСЬ У МЕНЯ

За кольцевой автодорогой машина вырвалась на Рязанское шоссе, и Василий прибавил скорость. Пейзажи по обеим сторонам дороги были великолепны, они напоминали другие – морские, которыми удалось за те два дня, что Вася отдыхал с Матвеем и его семьей, вдоволь налюбоваться.

У Матвея, как оказалось, была парусно-моторная яхта «Кристина» типа «Фишер-30», старенькая, но содержавшаяся в идеальном состоянии. На ней все они – Соболев, Кристина, Стас и Василий – и отправились в пятницу двадцать четвертого мая в путешествие, сначала по Неве, вниз от Петербурга, потом вышли в Финский залив.

Купались, загорали, ловили рыбу, готовили уху и наслаждались покоем и природой, словно специально подготовившей им отличную погоду. Управлял яхтой Стас, отлично знавший ее такелаж. За год, с тех пор как Василий видел его в последний раз, мальчишка вытянулся, окреп и весьма неплохо для своего возраста владел приемами русбоя. Он с удовольствием показал «дяде Васе» комплекс приемов для боя в ограниченном пространстве, и вряд ли с ним справились бы теперь мальчишки на три-четыре года старше его.

Кристина почти все время сидела под тентом в шезлонге на юте, читала учебники и конспекты – готовилась к сессии, но мужчин это не огорчало, они с удовольствием готовили обеды сами, не прекращая своих неторопливых бесед.

Василий снова попытался соблазнить друга активной жизнью в столице и снова получил твердое «нет».

– Мне уже предлагали вмешаться в дела Союза Девяти Неизвестных, – сказал Матвей как-то вечером, когда они сидели рядом с Кристиной в шезлонгах, по обе стороны от мачты, после тренировки, в которой принимал участие и Стас. – И я ответил, что вмешиваться ни во что не собираюсь.

– Даже если появится реальная угроза жизни? – любопытно спросил ословевший от воздуха Василий. – Мало ли какой конфликт возникнет.

– Помнишь притчу о трех мастерах Дао? Один очень ловко уворачивался от камней, которые в него бросали, до второго камни не долетали, а в третьего никто не бросил ни единого камня!

Василий приоткрыл глаз, глянул на Матвея, лежащего под лучами закатного солнца с лицом кротким и потрясающе невозмутимым, и от шуток воздержался.

– Допустим. Ты хочешь сказать, что достиг уровня третьего мастера Дао?

– Можно подчинить разум любой мощности, зная гимнастику Гермеса и психотехнику оформления мысли как реальной физической силы.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился Василий. – О гимнастике Гермеса я хотя бы читал, в принципе это трансовый метод набора энергии. А что такое психотехника оформления мысли? В какой школе можно ей научиться?

– Такой школы не существует. Школы и системы, насколько тебе должно быть известно, а также Учителя, могут указывать лишь методы и пути, но не цели и работу, которую должен проделать ученик.

– Так укажи хотя бы путь.

– Ты им идешь, хотя и медленно.

– Да? Что-то я этого не ощущаю.

– Потому тебя и тянет на подвиги. Но в военные игры я больше не играю, тем более с Посвященными из Союза Девяти. Это игры, в которых все действия приводят к поражению.

– А если придется воевать за Родину?

– Это вопрос провокационный, – улыбнулся Матвей. – Ты случайно не видел фильм Никиты Михалкова «Анна от шести до восемнадцати»? Там его дочь на вопрос: «Что такое Родина?» – ответила: «Это поле... лес... ты...» Понимаешь? Она имела в виду – отца, для нее он ассоциировался со словом «Родина» вполне естественно и свободно, как поле, лес, река.

Василий повернул голову к другу, который смотрел на него с веселым прищуром, потом оглянулся на Стаса, приросшего к штурвалу, и на каюту, откуда доносился голос напевающей песенку Кристины.

– Они – твоя Родина?

Матвей снова улыбнулся и не ответил...

На следующий день они пристали к безымянному островку, состоящему из живописных скал, и высадили десант в составе Стаса и Кристины, которые принялись искать раковины моллюсков. Мужчины же, сообразив обед, снова уселись в шезлонги, подставив тела и лица солнцу.

– А кто к тебе приходил? – спросил Василий. – Ты вчера сказал, что тебе предлагали вмешаться в дела Союза Девяти.

– Ты его не знаешь.

– Секрет, что ли?

– Юрьев приходил, бывший советник президента, сейчас начальник администрации... и он же – один из Девяти. В «розе реальностей» началась какая-то свара между иерархами, что, естественно, отразится и на Земле. Связь тут прямая.

– Каким образом эта свара отразится на Земле?

– Самым непосредственным, в первую очередь – изменением существующих законов. «Чистилище» было создано, как ты уже знаешь, в силу срабатывания более жесткого варианта Закона обратного действия. Так вот Рыков начал еще больше ужесточать этот закон.

– Жив курилка... – пробормотал Василий. – Не останавливается на достигнутом. Чего он хочет?

– Власти. И его претензии так основательны, что встревожили даже коллег из Союза Девяти.

Василий некоторое время переваривал услышанное.

– А не может ли предложение присоединиться к спецкоманде Коржакова быть следствием деятельности Рыкова?

– Не исключено.

– И все же я поеду. Надоело вариться в собственном соку. А что предлагал Юрьев в обмен на твою помощь?

– У них применяется двойной стандарт к подобного рода делам. Сначала он предложил доступ к Знаниям Бездн, потом намекнул, что в результате отказа может пострадать моя семья.

– И ты?..

– Отказался, естественно.

– Я бы ему голову отвернул! – проворчал Василий. – За один только намек на угрозу. А что такое Знания Бездн? О таких я нигде ничего не читал.

Матвей долго молчал, следя за чайками у скал.

– Это информация о Безусловно Первом...

– Об Аморфе, что ли?

– Аморфы были первыми разумными существами в нашей реальности. В Знаниях Бездн говорится о Предтече всех разумных во Вселенной, о Безусловно Первом.

– Тогда мы говорим о Боге...

– Не совсем.

– Не буду спорить, тебе видней. И что дают эти Знания?

– Эти Знания практически делают человека всемогущим.

Василий скептически хмыкнул.

– Что ж сам Юрьев ими не воспользуется?

– Знаниями Бездн может владеть только просветленный, завершивший Путь. Будда, например. Иисус Христос. Юрьев, как и все Девять Неизвестных, не способен изменить себя даже с помощью «техники внутренней улыбки», доступ к Знаниям для него закрыт. Но он может знать путь к ним.

– Я так понимаю, что тебе они не нужны?

– Я еще иду. Naves – habebis, как говорил древний философ.

– Вася! – раздался голос Кристины. – Иди сюда, посмотри, что мы нашли.

– Поговорим еще о Знаниях Бездн? – Василий встал.

– Если будет настроение. – Матвей закрыл глаза, расслабленно двинул рукой. – Иди поищи вместе с ними жемчужину размером с кулак.

Рассмеявшись, Василий нырнул с борта в воду и поплыл вокруг островка на голос Кристины. Но на эту тему они потом так и не поговорили. На следующий день Василий покинул Петербург, держа курс на Москву. Пересек он ее не останавливаясь: сердце гнало в Рязань...

Машина проехала Коломну, потом Луховицы, а Василий все прибавлял и прибавлял скорость, пока на въезде в Рыбное его не остановил инспектор ГАИ. Пришлось вылезать, объясняться.

Инспектор, молодой, но какой-то угасший, с усталым взглядом человека, прожившего долгую нелегкую жизнь, молча принял документы, также молча показал на домик блок-поста: мол, заходи.

– Погоди, командир, – миролюбиво произнес Василий. – Ну, признаю, нарушил, был не прав, превысил, но ведь можно договориться. Сколько я должен?

Инспектор продолжал на ходу неторопливо изучать техпаспорт и права, и Василий вынужден был тащиться следом, заметив между прочим, что напарник гаишника только что пропустил кортеж автомобилей во главе с «мерседесом», мчавшимся с той же скоростью.

– Командир, да постой ты, я заплачу, сколько скажешь. Причина у меня уважительная – к невесте еду, вот и спешу.

Инспектор зашел в здание поста, без слов сел за стол и принялся писать справку об изъятии водительских прав.

– Черт бы тебя побрал, лейтенант! – взорвался Василий, выхватывая у инспектора ручку. – «Мерседесы» с крутыми ребятами пропускаете, а мою «вольвуху» с двумя дверцами решили задержать для статистики?

Лейтенант достал другую ручку, смерил Василия меланхолическим взглядом, сказал скрипучим голосом:

– Будешь год ходить за своим удостоверением, это я тебе гарантирую.

– Да что вам дался год моего хождения за документами! В Москве один грозился, теперь ты. – Василий вздохнул, неуловимым движением выхватил у гаишника документы, бросил ему на стол сто тысяч и пошел к выходу. На пороге обернулся:

– Не ошибись в следующий раз, болезный. Я себе другое удостоверение достану, если потребуется, а вот ты свои погоны вряд ли.

– Я сейчас позвоню в центральную... – несколько попритих лейтенант.

– Не надо. – Василий вернулся и показал свое старое удостоверение офицера Федеральной службы безопасности. – Я тебе, дураку, не хотел усложнять жизнь, предлагая калым, а теперь ты не только забудешь, кто я и на какой машине проехал, но и честного заработка лишишься. Уразумел?

– Я это... не думал... ага... – забормотал инспектор, вскакивая и вытягиваясь. На щеках его проступили лихорадочные пятна. – Так точно!

– Вольно! Не забудь о погонах. И вообще, квелый ты какой-то, не больной, случайно?

– Язва... – пожал узкими плечами лейтенант, теряя интерес к жизни.

Василий несколько секунд рассматривал лицо инспектора, анемичное и бледное, подошел ближе, бросил на стол еще четыре бумажки по пятьдесят тысяч и вышел.

Вскоре он был под Рязанью, продолжая гнать машину не ниже ста сорока в час. Вспомнились кое-какие данные по Рязанской области: площадь – около сорока тысяч квадратных километров, то есть больше таких европейских стран, как Албания и Бельгия, численность населения – миллион четыреста тысяч, пять высших учебных заведений, главная промышленная отрасль – нефтепереработка. Самой Рязани исполнилось более девятисот лет, а знаменитому Успенскому собору, который называют Рязанским кремлем, построенному в конце семнадцатого века крепостным зодчим Яковом Бухвостовым, – более трехсот. Василий вспомнил эти цифры, заметив справа от шоссе грандиозные колокольни собора с мощным пятиглавым куполом. Еще через несколько минут он проехал самое старое здание города – Михаиле-Архангельский храм, возведенный еще при последнем рязанском князе Иване, в начале шестнадцатого века, повернул к Дворянскому собранию. О том, что Рязань раньше называлась Переяславлем-Рязанским, Василий вспомнил, проезжая мимо соборной колокольни со старинным гербом, изображавшим Олега Рязанского. Герб этот не менялся три века подряд и принадлежал настоящей старой Рязани, ровеснице Киева, располагавшейся в пятидесяти километрах от Переяславля и считавшейся столицей княжества до двадцать первого декабря тысяча двести тридцать седьмого года. В тот год орды Батыя захватили Рязань, один из крупнейших на то время городов Европы – гораздо больше Рима и Лондона, – уничтожили защитников и не оставили от города камня на камне. А Переяславль стал называться Рязанью с тысяча семьсот семьдесят восьмого года...

Машина свернула на улицу Каляева, миновала здание Рязанской таможни, и через несколько минут Василий остановился во дворе, возле трех металлических гаражей-ракушек. В одном из домов жила

тетка Ульяны Митиной Анна Павловна, у которой на время учебы остановилась девушка.

Ровно в шесть часов вечера Василий позвонил в обитую черным дерматином дверь на пятом этаже, волнуясь, как мальчишка, и вдруг понял, что Ульяны дома нет. Откуда пришла эта уверенность, он не знал, но сердце сразу успокоилось, кровь вернулась к щекам, а вздох облегчения был почти искренним. Дверь открыла сухонькая старушка с морщинистым, но добрым лицом с живыми пронизательными глазами. Чем-то тетка Ульяны была похожа на бабушку Кристины Сумароковой Басю Яновну.

– А Ули еще нету, мил человек, – сказала она, признавая приятеля Ульяны: Василий уже был у них в гостях. – Сказала, что будет поздно, часов в десять.

– Где ее можно найти, Анна Павловна? – заметно приуныл Василий. – В институте?

– Так ведь друг к ней приехал, с ним и ушла. Он довольно часто приезжает из Москвы, почитай, раз в месяц.

Василий молча стал спускаться по лестнице вниз, но пересилил себя и оглянулся.

– Извините, Анна Павловна, до свидания.

– Да ты не горюй так, мил человек, – озорно заулыбалась хозяйка. – Не любит она его, хотя он видный из себя, красивый, интересный. Ищи их в ресторане «Салтыков-Щедрин», Улин любимый.

– Спасибо! – Василий не выдержал и улыбнулся в ответ. – Не любит, говорите? – Прыгая через целые пролеты, он спустился во двор, завел машину и лишь потом понял, что не догадался узнать у старушки адрес ресторана. Однако искать его пришлось недолго, ресторан «Салтыков-Щедрин» располагался на улице Радищева, почти напротив здания Медкомбанка. Теряясь в догадках, что за «интересный друг» появился у Ульяны и откуда он взялся, Василий поставил «вольво» в ряду других крутых машин и поднялся по ступенькам к парадному входу в ресторан. Одет он был в таскер, дорожный костюм из ткани, выглядевшей так, будто она полиняла после стирки, – последний писк моды, но надеялся, что в это заведение его в таком прикиде пропустят.

Однако, пройдя вертящуюся дверь, Василий вдруг почувствовал, как на затылке встопорщились волосы и по левой ладони побежали мурашки. В принципе ничего необычного в этом не было, просто «эфирная» энергетическая оболочка Котова реагировала на любые формы внешних воздействий, в том числе и на ментальное, мысленное. В данном случае кто-то коснулся психофизического поля Василия своим полем, как бы лоцируя его, ощупывая сознание, и было это ощущение странным и неприятным.

Покрывшись потом, Василий заставил себя собраться, вспомнил советы Матвея и внутренним усилием закрыл сферу сознания. «Луч локатора», ощупывающий мозг под черепом, постепенно погас.

– Вы к нам? – с полупоклоном спросил Василия швейцар в старинной ливрее.

– Оф коз, – ответил Вася, не глядя на него.

В зал он вошел осторожно, мгновенно оценив обстановку, расположение столов, число посетителей. Ульяна сидела в углу за резной деревянной колонной и смотрела на вошедшего с легкой усмешкой на смуглом точеном лице. Он была так прекрасна, что у Василия перехватило дыхание и остановилось сердце. «Женская красота – страшная сила!» – вспомнил он слова своего отца, сраженного когда-то красотой матери, кстати, тоже студентки медицинского института. Спутник Ульяны оглянулся, и Василий невольно вздрогнул, встретив непроницаемый взгляд Вахида Тожиевича Самандара. По этому взгляду Вася понял, что он здесь гость архинежелательный.

Его тонус резко повысился, и к давним своим знакомым Василий подошел с непринужденностью уверенного в себе человека. Но вот чего он не знал наверняка: кто светил его «локатором» мыслеэнергетического поля – Самандар или Ульяна.

– Привет, – сказал он, целуя руку Уле и пожимая протянутую ладонь Самандару. – Вот уж не ожидал вас здесь встретить. Разрешите подсесть?

– Конечно, мы рады тебя видеть, – ответила девушка. – Как раз мы тут вспоминали друзей.

Вася поманил пальцем метрдотеля.

– Стул, пожалуйста.

– Понимаете, – замялся распорядитель зала, – этот столик с восьми вечера записан на... важную персону... не хотите ли пересестись в другой зал?

– Вы нам этого не говорили, – удивленно произнесла Ульяна.

– Обстоятельства изменились...

– Стул, – коротко повторил Василий.

Метрдотель вздохнул и отошел. Официант принес стул и принял Васин заказ: гаспачо, салат из спаржи, фасоль в маринаде и апельсиновый коктейль. На столе уже стояла бутылка шампанского, и Василий налил себе несколько капель.

– Какими судьбами, Вахид Тожиевич? Какие интересы вашего ведомства привели директора МИЦБИ в Рязань?

– Интересы есть, – кивнул невозмутимый Самандар. – Борьба с международным терроризмом.

Вася обратил внимание на первое слово, произнесенное директором МИЦБИ, но оно его не очень задело, он помнил слова тетки Ульяны. Но вот последующие...

– С какой стороны борьба с терроризмом касается центра боевых искусств? Вы же не филиал ГУБО? Тем более что по большому счету борьба с терроризмом – это борьба с последствиями. Монарх не смог «улучшить» расу тараканов, Блаттоптера сапиенс, он оставил агрессивность и зависть основополагающими чертами людей наравне, правда, с положительными.

– Тут вы правы. Причины – в прошлом, а не в настоящем. Так что, если вы намерены вмешаться в эту борьбу, подумайте.

– А почему вы считаете, что я намерен вмешаться?

– До меня дошли слухи о создании некой странной команды... разве вы не являетесь кандидатом?

Василий помолчал, согревая в ладони бокал. Мышцы живота неприятно свело от нехорошего предчувствия. Самандар знал о предложении Коржакова.

– Во-первых, я еще ничего не решил... а во-вторых, жить по принципу непротивления злу я не умею. Да и не хочу. – Василий вспомнил реакцию Матвея на его информацию, и предчувствие недоброго усилилось. – Как вы знаете, культура – игровое пространство цивилизации, как говорил философ, но если со злом не

бороться, игровым пространством станет терроризм. Или война, к примеру.

– Вася, вы меня поражаете, – серьезно произнесла Ульяна. – Таким я вас не знала.

– Я и сам не знал, – махнул рукой Василий, одним глотком осушая бокал. Самандар усмехнулся.

– Влияние Соболева, это заметно. Он тоже ставил во главу угла жажду справедливости вместо жажды счастья.

– Как говорил один мой знакомый: характерной чертой первой половины жизни является неутолимая жажда счастья; второй половины – боязнь несчастья. Добавлю – не для всех. Во всяком случае не для Матвея.

– Мальчики, давайте поговорим на другие темы, – взмолилась Ульяна, почувствовав состояние Василия. Он уже закипал. – У меня предложение: не попутешествовать ли нам летом по Мещере? Есть два хороших лодочных маршрута по речке Пре – вверх до озера Великого и вниз до Брыкина бора.

Мужчины переглянулись, одновременно вспоминая свою встречу в Брыкином бору, возле дачи Маракуца, вора в законе и бизнесмена, упрятавшего туда строптивного конкурента, президента фирмы «Рюрик».

– А что, – пожал плечами Вася. – Я бы пошел вверх.

– А я вниз, – в тон ему ответил Самандар.

Они одновременно засмеялись... и замолчали, потому что в ресторан вошла группа молодых людей в одинаковых темно-серых костюмах, и в зале повеяло холодом и недоброжелательностью. Посетители ресторана, коих оставалось всего три пары, спешно покидали свои столики.

– А вы что расселись? – подошел один из атлетов к их троице. Мужчины, не обращая на вошедших никакого внимания, слушали Ульяну, которая с увлечением продолжала расписывать красоты Мещеры с ее болотами и комарами.

– Между прочим, Мещера считается «легкими» Москвы, – продолжала девушка, в свою очередь проигнорировав шкафоподобного молодого человека. – Она очищает воздух на площади в сорок тысяч квадратных километров.

– Эй, я вам говорю, – нахмурился квадратный. – Закругляйтесь, эти столики заказаны.

Самандар искоса посмотрел на Василия, тот понял, что отвечать придется ему. Особой тревоги не было, судя по всему, в ресторане просто захотел поужинать один из местных авторитетов. На «волну выключения» действия его охраны не походили.

– Э-э, молодой человек, – сказал Василий бархатистым голосом. – Когда мы сюда пришли, столик был свободен. Так что, с вашего разрешения, мы тут еще посидим немного, побеседуем и тихо удалимся по-английски, никому не мешая. О'кей?

– Две минуты, – шевельнул квадратными челюстями квадратный молодой человек. – Ясно?

– Спасибо, – кивнул Вася. – Через полчаса нас уже не будет.

– Что?! – повернувшийся было атлет остановился. – У вас что, со слухом плохо? Валите отсюда, и побыстрей! Не нарывайтесь на неприятности.

– Мы и не нарываемся, – мило улыбнулась Ульяна. – Но ведь вы не имеете права вышвыривать посетителей ресторана, не так ли?

К атлету подошел его начальник, как две капли воды похожий на него, только с галстуком иной расцветки.

– Что тут происходит, Жбан?

– Интеллигенты бузят, – буркнул квадратный.

– Так вышвырни их, босс вот-вот подкатит.

– Ребята, – проникновенно сказал Василий, – не превышайте полномочий, это может пагубно отразиться на вашей карьере. Вам тихо и вежливо сказано: посидим полчаса и уйдем – какие могут быть претензии?

Квадратные «братья» переглянулись, потом тот, что был с галстуком в клеточку, достал нож с подпружиненным лезвием, щелкнул кнопкой, выстреливая лезвие перед носом Василия... и замер с открытым ртом. Нож вдруг выскользнул из его руки и оказался в руках продолжавшего сидеть как ни в чем не бывало Котова.

– Не шали, а то порежешься, ножичек-то острый!

– Ах ты, супермен поганый! – Атлет с клетчатым галстуком выхватил пистолет из-под мышки, но Василий не успел его обезвредить – сзади раздался чей-то лениво-недовольный голос:

– Шпиль, убери пушку!

Из-за спины сгрудившихся мордатых парней вышел одетый в зеленый костюм широкий и обрюзгший мужчина с мощными плечами и выпирающим животом, в котором Вася узнал давнего знакомого Маракуца Николая Савельевича, вора в законе по кличке Боксер, владельца сети рязанских ресторанов и баров, а также филиала Обского пароходства и консалтинговых фирм.

– Вы необыкновенно благородный человек, маэстро, – почти серьезно сказал Василий. – Вы только что спасли жизнь вашему цепному псу. Может быть, оставите нас в покое на время? Или начнем разбираться в правах?

В глазах Маракуца мигнули злобные огоньки, он явно пытался вспомнить имя дерзкого парня, с которым встречался полтора года назад, но так и не вспомнил.

– Пусть сидят, – решил он наконец, ощупывая насмешливо улыбающуюся Ульяну масляными глазами. – Пошли, ребята, в бильярдную. – Маракуц наставил на Василия толстый палец. – Я тебя видел, паря. Вспомню – найду. Если через полчаса ты еще будешь здесь, пеняй на себя.

– Как скажете, – равнодушно отвернулся Василий.

Николай Савельевич, раздавшийся за полтора года вширь, погрузневший, побледневший, заплывший с блиноподобного лица, постоял немного, соображая, что делать с наглецом, но решил удалиться, не теряя достоинства. Лишь квадратный Шпиль, лишившийся ножа, прошипел в спину Васе:

– Я тебя, падла, еще встречу!..

– Вы гигант, Балуев, – сказал Самандар сдержанно. – Вы в Рязани всего час, а уже успели нажить врагов.

– Котов, – рассеянно поправил его Василий, понимая, что Вахид Тожиевич, несмотря на невмешательство, оказался в более выгодном свете, чем он. – Я теперь Котов. А насчет врагов...

– Мальчики, предлагаю скромно удалиться, не завязывая крупных ссор, – вмешалась в словесную дуэль мужчин Ульяна. – Действительно, не стоит раздражать сильных мира сего, доказывать им что-то – терять время и достоинство. Поехали ко мне, выпьем кофе с не меньшим комфортом.

– Я, пожалуй, откажусь, – мотнул головой Саман-дар. – Успею до темноты уладить кое-какие свои дела. Не откажетесь проводить

даму... э-э... Котов?

– Ни в коем разе, – ответил Василий, недоумевая по поводу внезапно свалившегося счастья. Отказ Самандара от вечеринки был непонятен, хотя и не говорил напрямую об отказе от главной цели – завоевания расположения девушки.

Выходу гостей из ресторана страховочная команда Маракуца не препятствовала.

На улице царил теплый и тихий майский вечер, напоенный ароматами близкого цветника. Ни о чем неприятном в такой вечер думать не хотелось.

Самандар, поцеловав пальцы Ульяны, сел в мощный внедорожник фирмы «Крайслер» и уехал, закованный в броню невозмутимого превосходства и загадочной целеустремленности. Василий оглянулся на Ульяну и увидел улыбку в ее глазах. Пожал плечами.

– Поехали?

– Вам есть где остановиться?

– Нет, – ответил он не вполне искренне, потому что в принципе он мог бы найти ночлег, прожив в городе больше года и имея кучу приятелей. Да и гостиниц в Рязани хватало – от ночлежек до пятизвездочного отеля «Рэдисон Приокская».

– Если хотите, оставайтесь у нас, тетя возражать не станет. В квартире три комнаты, разместимся...

– Согласен, – быстро сказал Василий, не веря собственным ушам.

Ульяна засмеялась, взяла его под руку – сумасшедше, жутко, таинственно красивая, женственная, неповторимая в каждом жесте.

– Давайте пройдемся пешком, а? Такой чудесный вечер. Если, конечно, не боитесь за машину.

– Не боюсь, ничего ей не сделается. И они медленно пошли по тротуару в сторону парка Есенина, наслаждаясь запахом весны.

ОПЕРАЦИЯ КОП j 1

Они собрались на второй даче генерала Коржакова, расположенной за Балашихой в густом сосново-еловом лесу: восемь молодых парней не старше тридцати лет, восемь мастеров боевых искусств, прошедших суровые школы реального рукопашного боя, испытанные в боевых условиях – в Абхазии, в Чечне, Дагестане. Четверо из них знали друг друга по службе в контрразведке, будучи перехватчиками, специалистами по задержанию преступников, еще двое были знакомы как инструкторы в спецвойсках и руководители школ русбоя и кунгфу в системе Российской ассоциации боевых искусств – Максим Усов и Дмитрий Лысков. Поскольку команда не мыслилась военной, хотя все получили звания, даже те, кто их сроду не имел, нужды жить всем вместе на казарменном положении не было, и каждый мог до сигнала сбора заниматься чем хотел. Зато после сигнала жизнь каждого принадлежала только командиру отряда, никаких уважительных причин отказа от работы не могло быть. Кроме смерти. Так сказал генерал Коржаков на первом сборе команды, добавив, что смысл работы – уничтожение «любых препятствий на пути к демократическому развитию государства». Намек был прозрачный, и все поняли его как надо.

– И последнее, – сказал одетый в тренировочный костюм генерал, похожий на мирного дачника. – Степень секретности работы отряда КОП – «четыре нуля»! Любая утечка информации о принадлежности к КОП будет караться незамедлительно... с летальным исходом в итоге. Остальное доскажет ваш командир, полковник Каледин.

Полковник был приземист, могуч телом, рыжеволос, носил белую кепку и напоминал капитана в отставке. С виду неторопливый и обстоятельный, он мог легко справиться с тремя-четырьмя вооруженными бандитами, стрелял безошибочно на звук из любого оружия, а по физическим кондициям не уступал профессиональному футболисту. До появления в КОП он работал в антитеррористической бригаде Службы внешней разведки, но был ранен и списан из оперативников в группу обеспечения в той же бригаде.

Он вышел из-под яблони, под которой сидели на траве будущие бойцы КОП, и встал перед ними, широко расставив ноги, с руками, спрятанными за спиной.

— Есть несколько заповедей, выполнять которые следует неукоснительно. Первая: вопросы задавать только во время подготовки, во время выполнения задания вы должны действовать точно по разработанной схеме. Вторая: если я передам сигнал «отбой», операция отменяется, даже если ваш палец уже надавил на спусковой крючок. Третья заповедь: каждый раз перед операцией вы обязаны пройти психологическое тестирование.

— Зачем? — поинтересовался жующий стебель щавеля Сергей Лямин, бывший спецназовец «Руслана».

— Во избежание проколов. Все вы знаете, что любого человека можно запрограммировать, сделать зомби, с помощью гипноиндуктора «удав»...

— «Глушака», что ли? — проворчал сосед Усова. — Вы что же, не доверяете нам?

— Эта процедура касается и меня, — взглянул на него прозрачными глазами Каледин. — Риск нежелательных последствий должен быть сведен к нулю. Конкретные возражения есть?

Возражений не последовало.

— Тогда слушайте расписание на сегодня. Знакомство со спецтехникой, которой нам придется пользоваться. Обучение работе на персональном компьютере с программой «Комбат-2». Тренажеры. Спортзал, где вы продемонстрируете мне свое мастерство, и специальное стрельбище. Инструктор по спецтехнике — среди вас, это Темир Жанболатов.

Сухой и жилистый, с неподвижным лицом казах, сидевший впереди Усова, привстал и, оглядев всех, снова сел.

— Инструктор по компьютерам тоже среди вас, это Эрнст Марини. Здоровяк с бритым затылком поднял руку, не оглянувшись.

— Теперь я познакомлю вас друг с другом — и вперед. — Полковник по памяти зачитал список отряда КОП. — Вопросы есть?

— Если степень секретности нашей группы и будущей деятельности столь высока, — подал голос Лямин, — то почему же мы так свободно разговариваем об этом в саду, где нас можно подслушать за километр?

– Меры предосторожности приняты, – сухо ответил Каледин. – В этом вы еще убедитесь, потому что с подобными устройствами придется работать и нам.

В течение дня бойцы КОП выполняли программу обучения, предложенную командиром. Со спецтехникой проблем не возникло, почти все свободно владели оружием, огнестрельным и холодным, знали принципы работы «глушака» и «болевика» – генератора боли, а также ультразвуковых и лазерных сканеров, радаров, подслушивающих и пеленгирующих устройств, глушителей звука, насадок, шумоподавителей и защитно-активных шлемов, с помощью которых можно было видеть в темноте и наводить оружие на цель. Труднее оказалось освоить компьютер.

Компьютерные системы анализа военной ситуации «Комбат-1» были внедрены в Министерстве обороны спустя год после провала войны в Чечне. Затем были сконструированы системы «Комбат-2», способные учитывать специфику действий групп специального назначения в операциях типа «Заложники». С учетом печального опыта отдельных соединений российских войск – в Буденновске, Серноводске, селе Первомайском. В последнем, как известно, особенно ярко проявилась бездарность генералов, командующих элитными подразделениями при отсутствии взаимодействия частей. «Комбат-2» могла разрабатывать игровые ситуации, по сложности не уступающие настоящим боевым, давать рекомендации во время реальных событий и прогнозировать последствия тех или иных действий. Как такая программа попала в руки Коржакова, знал только он сам да Рыков, приложивший к этому кое-какие из своих дарований.

День закончился своеобразным «кумитэ»: бойцы КОП показывали свое умение мастеров боя в обоюдных схватках, но с ограничением по системе ури куми го – свободный спарринг с запрещением ударов в глаза, горло, пах, колени и без добивания.

«Кумитэ» не выиграл никто, пары менялись произвольно, и Каледин останавливал бой, когда видел, что кто-то «заводится». Сам он в схватках не участвовал, только продемонстрировал удар раскрытой ладонью по кирпичу, который от удара рассыпался в порошок.

На следующий день Темир Жанболатов ознакомил бойцов КОП, которые сразу же стали называть себя «копами», с роб-комплектom –

сверхсовременным боевым костюмом для спецподразделений типа «Альфа» и «Руслан». Костюм состоял из легкого и прочного комбинезона, армированного кевларовыми нитями и выдерживающего удар ножом или штыком; шлема-каска из прочнейшего пластика с вмонтированными в него микрофоном, наушниками, сектором прицеливания с плавающим визиром, инфраочками и устройством ориентировки на местности; ранца с НЗ и компьютером, который обслуживал специальный прибор для отслеживания обстановки и анализа воздуха на предмет химического, газового или радиационного загрязнения. Этот же прибор помогал отличать своих от чужих, а также следить за противником и передавать информацию командиру группы для управления. В комплект входило и оружие – отечественный так называемый комплекс-пистолет для выживания «КП-95», состоящий из ножа «оборотень-3», мачете «тайга» и пистолета «вепрь». Комплекс имел беспроводную связь со шлемом, из него можно было вести огонь в темноте и из-за угла, не рискуя попасть под огонь противника.

Жанболатов надел роб-комплект и продемонстрировал стрельбу из «вепря», имеющего совмещенные стволы – гладкий для стрельбы боеприпасами 32-го калибра и нарезной – под усиленный патрон калибра 9 миллиметров. Емкость магазина пистолета – тридцать патронов – позволяла при меткой стрельбе отбиться от взвода солдат, а стрелял Жанболатов как Бог!

Вечером отряд получил первое задание и детально проработал его на компьютере так, чтобы каждый уяснил цель операции и свою роль в ней.

Южный муниципальный морг столицы располагался недалеко от метро «Калужская», на территории сорок первой больницы, принадлежащей Центру экспериментальной хирургии. Представлял он собой двухэтажное здание, построенное специально для хранения трупов, и оборудование имел новейшее, поставленное американскими фирмами, «собаку съевшими» на подобной технике. Обслуживался морг бригадой из восьми человек во главе с комендантом; люди одновременно выполняли и роль сторожей, дежуря по двое сутками.

Поздним вечером двадцать четвертого мая у главного входа в здание морга остановилась машина реанимации с белыми матовыми стеклами. Шофер в надвинутой на лоб кепке посигналил, когда двое

санитаров в белых халатах выкатывали тележку с лежащим на ней под простыней телом.

Двери раздвинулись. Санитары вкатили тележку в холл, где их встретил служитель морга.

– Откуда, ребята? Что-то я вас не знаю.

– Тебе и не обязательно, – буркнул санитар, протягивая ему какие-то бумаги. – Распишись.

Второй санитар в это время пересек холл, свернул в коридор и вошел в открытую дверь дежурной комнаты, где у селектора сидел еще один служитель.

– Эй, эй! – окликнул его первый, помахивая зажатой в руке справкой. – Туда нельзя... – Больше он ни чего не успел сказать, потому что «труп» на тележке вдруг ожил, сбросил с себя простыню, привстал и выстрелил в голову дежурному.

Тотчас же из дежурки донесся тихий хлопок – санитар выстрелил в голову служителя за пультом из пистолета «ТТ» с глушителем.

Санитары и «труп», одетый в робу рабочего зелен-треста, собрались в холле, протерли ваткой со спиртом ручки тележки и неторопливо покинули прохладный, овеваемый свежей струей озонатора холл морга. Мотор реанимационного «рафика» заворчал громче, машина развернулась и уехала. Убитые служители морга, один молодой, другой постарше, лежали в тех позах, в каких застала их смерть.

* * *

Ликинское стрельбище, принадлежащее Южному муниципальному училищу МВД, располагалось у станами «Новогиреево», на пустыре, окруженном смешанным, большим на вид, лесом; пустырь этот был образован на болоте свалкой мусора, которую засыпали землей и песком. Будущие работники правоохранительных органов учились стрелять здесь каждый день с десяти утра до четырех часов дня. Их обычно инструктировали трое штатных сотрудников стрельбища, но изредка, когда требовалось продемонстрировать отличную подготовку или специфичные виды оружия, в процесс

обучения вмешивались заведующий стрельбищем Коцубинский и его заместитель Чешко.

В этот день, двадцать четвертого мая, Коцубинский, худой и высокий как оглобля, и Чешко – вылитый питекантроп с висячими запорожскими усами, задержались на стрельбище до пяти часов – им сообщили по телефону, что приедет особое милицейское подразделение, которое надо натаскать в стрельбе по движущейся мишени.

Обещанная команда прибыла в начале шестого: восемь одетых в новенькую милицейскую форму молодых и не очень парней под командованием запыленного рыжего капитана в мятом летнем мундире.

– В первый раз? – кивнул на сгрудившихся на краю поля милиционеров Коцубинский.

– Для вас – последний, – равнодушно бросил капитан. – Сколько человек убил ты, лично?

– Что?! – Глаза начальника стрельбища полезли на лоб, но руки сами собой нащупали приклад автомата на деревянной стойке. – Вы о чем?

– Мы не из милиции, – сказал капитан все тем же равнодушным голосом. – О «Чистилище» слышал? Я задал вопрос – не слышу ответа.

Коцубинский рванул к себе автомат, но почти незаметным ударом капитан сломал ему руку, как спичку. Начальник стрельбища взвыл от боли. Его заместитель дернулся на голос – он раскладывал по стойке коробки с патронами, схватился за пистолет под мышкой и упал с дырой во лбу: выстрела почти не было слышно, один из «милиционеров», стоящий в двадцати шагах, стрелял из пистолета «ТТ» с глушителем.

– А-а... йя-а... – проблеял Коцубинский. – За что?! Кто вы!

– Ликвидаторы, – коротко ответил капитан, стреляя из неведомо откуда появившегося в его левой руке пистолета в голову начальника стрельбища. – Но мы не из «Чистилища», мой друг. – Проводил тело взглядом, обернулся к остальным:

– К огневому рубежу раз приехали, то хотя бы потренируемся малость из местного арсенала.

Уехали «милиционеры» через полчаса, расстреляв весь приготовленный запас патронов, оставив лежать в пыли два тела с дырами во лбу.

* * *

Андрей Бурмылов, известный в тусовочной среде под кличкой Бык, работал вышибалой в баре «Зуко» на Перовской улице. Был он широк в кости, пузат, тучен и косолап, но силен как бык, за что и получил свою кликуху. Мало кто знал, что Бык в прошлом – мастер спорта по вольной борьбе. Еще меньше было тех, кто знал о его увлечении: Андрей Бурмылов великолепно владел удавками всех сортов, ремешками, тесемками, цепочками, веревкой и прочими длинномерными предметами – если надо было кого-то тихо и без особой возни лишить жизни.

Вечером двадцать четвертого мая в бар «Зуко» зашли трое молодых людей в прикидах байкеров, хотя подъехали они не на мотоциклах, а на «жигулях» с заляпанным грязью номером. В половине одиннадцатого между ними вспыхнула ссора, полетела на пол посуда, началась драка. Бармен вызвал охрану, и Бык принялся за дело, выволакивая троицу из полуподвала. У двери он как-то неловко споткнулся и упал, сунувшись головой в порог, а троица байкеров с шумом вывалилась на улицу и сгинула, укатив на машине.

Когда бармен, озадаченный молчанием и неподвижностью Быка, подошел к нему в сопровождении приятеля, то увидел ручеек крови, лившийся из полуоткрытого рта, и понял все.

Андрея Бурмылова по кличке Бык убили ударом ножа в сердце. Удар был нанесен мастерски, сильно и точно, а главное – незаметно, что говорило о высокой квалификации исполнителей. За что его убили – знали только они и кое-кто из друзей Быка, из тех, кто встречался с ним тайно, в укромных местах и совсем по другим поводам, нежели выпивка или игра в карты.

* * *

Ахмед Моджахедович Мухамадиев, генерал киллер-центра по кличке Шах, имел в Подмоскowie две дачи – в Орехове-Борисове и в Солнцеve, обе зарегистрированные на подставных лиц.

Вечером двадцать четвертого мая он находился в Солнцеve, собрав компанию игроков в покер. Правда, лишь один человек из приглашенной компании, бригадир киллер-центра Макашин по кличке Столяр, знал о настоящей профессии Мухамадиева, остальные – полковник милиции Каипбергенов и известный продюсер Киноцентра Лабоев – считали своего приятеля крупным бизнесменом. Впрочем, они были недалеко от истины, разве что бизнес у Шаха был основан на крови.

Дачу в Солнцеve, расположенную в красивом сосновом бору на берегу речки Переделки, охраняли двое сторожей, нигде более не работавших, но за двухэтажным особняком, садом и четырьмя собаками ухаживавших отменно. Эти собаки и учуяли кого-то за высоким деревянным забором. Прекратив бегать по территории дачи, они сгрудились с рычанием и лаем у одного из прожекторов; было еще светло, и прожектор не включали.

Оба сторожа схватились было за оружие, но в этот момент через забор сиганула белка, виновница тревоги. Однако на этом инцидент исчерпан не был. Пока собаки с азартом гоняли белку, а охранники глазели на эту охоту, через забор перемахнули четыре фигуры, напоминающие робота-полицейского в сериале «Робокоп». Шесть негромких хлопков означали шесть выстрелов из странных двухствольных пистолетов с длинными дулами. Сторожа успели только оглянуться на звук прыжков и легли – пули угодили им в голову. Собаки тоже были расстреляны мгновенно, лишь одна успела взвизгнуть в агонии.

Четверо в броске преодолели сад и открытое пространство до коттеджа и выросли у открытой веранды с двух сторон, где Шах и его гости играли в карты.

Среагировал на появление четверки только Столяр, весьма опытный в таких делах и обладавший тонким слухом. Но он успел выстрелить из своего «партизана» лишь один раз, да и то не прицельно – пуля из «вепря», выпущенная одним из «робокопов», вошла ему точно в правый глаз, разбив очки.

Мухамадиев тоже схватился было за карман брюк, где грелся о тело пистолет, но два выстрела с разных сторон остановили и его движение, как и сердце.

Когда остолбеневшие гости Шаха пришли в себя от шока, возле дачи никого не было. В саду остались трупы сторожей, а на веранде в лужах крови плавали босс киллер-центра и его помощник, поздно сообразившие, что пришло возмездие.

В тот же вечер полковник Каледин доложил генералу Коржакову о выполнении задания.

– Шум? – лаконично осведомился генерал.

– Ни малейшего.

– Свидетели?

– Трое, но будут молчать, боясь за свою шкуру.

– Потери?

– Ни одного человека.

– Отбой готовности.

После этого Коржаков позвонил Рыкову и доложил об успехе операции.

– Киллер-центр отошел в мир иной в полном составе. Вы уверены, Герман Довлатович, что это именно он ликвидировал Забодыко?

– Я это знаю, – последовал ответ.

– Эх, если бы еще знать, кто заказчик! По чьему приказу действовали киллеры...

– Уже известно.

– Что?! Ты серьезно?

– Убийцы действовали по наводке Прохора Бородкина.

– Откуда ты... он же... шутишь?!

– У меня есть две пленки переговоров Бородкина. Одна – с Забодыко, где он предлагает Николаю «надавить» на комиссию по военным закупкам, а вторая – с генералом киллер-центра.

– Не может быть! Зачем Прохору убивать Николая?

Рыков молчал.

Трубка в руке Коржанова стала влажной.

– Что докладывать наверх?

– Доложишь, что убийцы Забодыко наказаны, КОП проверена в деле и идет по следу дальше. Мой приятель Котов не объявлялся?

- Пока нет.
- Дайте знать, когда позвонит. Но обо мне ни слова.
- Будь спокоен. Что у нас на очереди... после Бородкина?
- Хороший вопрос. После Бородкина начнем работать по «СС».

Пора кое-кого там поддержать за яйца.

– Как? – не поверил ушам Коржаков, который ни когда раньше не слышал от Рыкова ни одного бранного слова.

В трубке раздался смешок, затем характерный свист отключенного скремблера. Связь прервалась.

Размышляя над необычной развязностью Германа Довлатовича, Коржаков позвонил секретарю президента и, сказав, что у него срочное дело, отправился на доклад.

НАДЕЙСЯ И ЖДИ

В тот вечер они гуляли по Рязани допоздна. Вряд ли Василий вспомнил бы, что говорил Ульяне, да это было и не важно. Главное, что ему было хорошо, как никогда, а ей интересно, и Василий рассказал о себе все, вернее, почти все, в том числе и о своем серьезном намерении добиться того же, чего добился Матвей Соболев.

Женская красота и ум в большинстве случаев несовместимы, Василий не раз убеждался в этом, но в отношении Ульяны эта истина не работала. Она была обаятельна, мила, красива так, что кружилась голова, и необыкновенно умна, поэтому хотелось выглядеть в ее глазах соответственно, хотя Вася нет-нет да и одергивал себя, понимая, что увлекается. У девушки в характере не было властолюбия, желания подчинять других, однако и подчиняться она тоже особенно не хотела.

Побродив по парку Есенина, а потом по тротуарам вдоль Первомайского проспекта, они вернулись к машине Котова, терпеливо дожидавшейся хозяина возле Медкомбанка, и к дому Ульяны подъехали в одиннадцать часов с минутами.

Василий боялся, что тетка Ули спросит: а где же первый кавалер? Но этого не произошло; Анна Павловна тонко чувствовала душевное состояние молодых людей, увлеченных беседой, и обладала врожденным чувством такта. На слова Ульяны, что гость останется у них ночевать, только с готовностью закивала, озаряясь улыбкой, доброй и понимающе-озорной.

Пока Василий принимал ванну, женщины приготовили легкий ужин: салаты, рисовый пудинг, клюквенный морс, варенье, чай. Молодые люди устроились в большой комнате со старинным сервантом, низкими креслами в стиле русский ампир, с вышитыми рушниками по стенам и коллекцией фарфора в стенке и принялись чаевничать.

— У меня на языке давно вертится вопрос, — признался Вася, стараясь реже смотреть на грудь Ульяны, туго обтянутую майкой, и стройные голые ноги девушки: она надела шорты и забралась в кресло с ногами. — Зачем тебе мединститут? Ты же Посвященная Внутреннего Круга.

– Посвященная – это не профессия, – ответила Ульяна, держа чашку с чаем в обеих руках. – Я хочу стать целителем, а для этого необходимо знать и тело человека, и его болезни, и традиционные методы лечения. В последнее время появляется все больше геопатогенных зон, усиливающих отрицательное влияние на людей. Я их вижу, обычные доктора – нет.

– А как они проявляются – патогенные зоны?

– Начинают вдруг умирать дети в роддоме, молодые матери... или старики в коммунальных квартирах. Заболевают нервными расстройствами вполне благополучные и здоровые люди, целые семьи. Кто их будет лечить? Кто научит бороться со злом?

– Почему ты?

– Потому что не могу сидеть и спокойно смотреть на страдающих людей. В конце концов, я мастер Дао света.

Василий вспомнил о Наталье, которая тоже была целителем – мастером рэйки, и поспешил перевести разговор в другое русло.

– Знаешь, недели две назад я думал о тебе и... мне показалось, что ты меня позвала... Голос прозвучал так реально, что я оглянулся! Что это было?

– Трансовая связь, – улыбнулась Ульяна. – В тот момент я подумала о тебе, и наши мыслесферы соединились. Это говорит о твоём потенциале.

– Правда? – обрадовался Василий. – А я уж начал подумывать, не крыша ли поехала от чтения мистической литературы? А по Мещере на лодках поплавать ты предлагала всерьёз или чтобы проверить реакцию?

– Вполне серьёзно. Этот вид отдыха не заменить никаким другим: река, лес, грибы-ягоды, тишина, запахи... Господи, я уже целых три года не плавала по Пре на лодке, так хочется!

– Тогда попутешествуем непременно. Вот съезжу в столицу, выясню, что от меня хотят, и через пару недель приеду. Самандара брать с собой обязательно?

Ульяна слегка нахмурилась.

– Он мой давний друг и... я бы не хотела его разочаровывать окончательно.

– Что ж, пусть плывет тоже, – великодушно согласился Вася. – Третий не всегда лишний.

Ульяна откинула голову и засмеялась.

– Вряд ли Вахид считает себя третьим лишним.

– А может, пригласим тогда уж и Матвея? С семьей? – Василий тут же пожалел, что задал этот вопрос, потому что в глазах Ульяны всплыли тоска и боль. И хотя девушка сразу же заблокировала свои чувства от собеседника, улыбаться она стала реже.

– Матвей... не поедет с нами, – проговорила она с запинкой. – Он стал другим...

– Я это заметил.

– У него свой путь, длиннее и тяжелее нашего. И дело даже не в этом... Не то чтобы я боюсь с ним встречаться, но... не хочу. – Ульяна посмотрела прямо в глаза Котова. – Знаешь, если бы я захотела, он бы бросил все и пришел!

– Верю, – хрипло бросил Вася, съеживаясь до размера крольчонка. – Но Кристя...

– Да, он любит ее... – Ульяна отвернулась, успокаиваясь. – Поэтому я не спешу замуж, хотя Вахид давно предлагает мне выйти за него.

– И что же? – Василий продолжал уменьшаться, как проколотый воздушный шарик, в ушах шумело – это выходил из шарика воздух. Ульяна искоса глянула на него, веселые огоньки зажглись в ее потемневших глазах.

– Как говаривал один сатирик: брак – это всегда борьба: сначала за объединение, потом за равноправие, потом за независимость. Я начинаю борьбу с последнего момента.

Василий с облегчением засмеялся, чувствуя, как с плеч падает гора переживаний.

– В случае чего будем бороться вместе. Я всегда придерживался тезиса: любовь – дама своенравная, ее не надо ни искать, ни завоевывать. И вообще я очень медленно взрослею – все кажется, что мое детство бродит где-то рядом, за углом.

Девушка окинула Василия задумчивым взглядом, допила чай.

– Убираем, или хочешь еще?

– Все, сыт и пьян.

Она унесла на кухню поднос, зашумела вода.

Василий огляделся, только теперь замечая в углу за сервантом телевизор. Это была проекционная система «Home cinema» модели

«Thomson» с экраном в сто шестнадцать сантиметров по диагонали. Благодаря короткофокусной оптике телевизор при внушительных размерах экрана казался даже тоньше, чем обычные. И хотя «Thomson» стоил меньше, чем «Philips» или «Panasonic», все же вряд ли тетка Ули на свою пенсию могла купить такой аппарат. Скорее всего телевизор купила сама Ульяна... или его подарил ей Самандар, меланхолически подумал Василий.

Ульяна вернулась в гостиную уже в халате, от нее тонко пахло духами «Ма гриф» французской фирмы «Карвен», очень дорогами, насколько знал Вася, и снова в его душе шевельнулась ревность. Он пожалел, что не догадался где-нибудь, по пути хотя бы, купить Ульяне цветы.

– Что принимаешься? – Девушка сделала вид, что не замечает взглядов гостя и его волнения. – Духи не нравятся?

– Я думал о том, кто их тебе подарил, – честно признался Василий. – Но теперь буду знать, какие предпочитаешь ты. Аромат совершенно сногшибательный! Интересно, женщины-иерархи пользуются духами в своих абсолютных реальностях или нет?

– Не знаю. – Ульяна чинно села напротив, как школьница, положив руки на колени.

– Ты же была авешей Светлены.

– Светлену занимали совсем другие проблемы, нежели проблема выбора духов.

– Кстати, а зачем им всем – иерархам и Аморфам – наша запрещенная реальность? Что за кайф они здесь ловят?

– «Кайф» прост: именно в нашей Вселенной, на Земле в том числе, созданы и создаются шедевры искусства и культуры, равных которым нет ни в одном из подуровней «розы реальностей». Я не знаю, в чем тут дело, почему сами иерархи не могут создавать гениальные творения. Может, дело в том, что в высших сферах слишком жестко соблюдается Закон интеллектуальной чистоты, в то время как созидание и созерцание шедевра требует высоких эмоций и духовной полноты.

– Ты хочешь сказать, что там принципы духовности не соблюдаются? – удивился Василий.

– Когда-то соблюдались, теперь нарушены. Все в конце концов проходит, изменяется в ту или иную сторону. Вероятно, пришло время

недобрых перемен, время тихой жизни кончилось.

– Ничего себе – тихой жизни! – фыркнул Василий. – Ты считаешь нашу нынешнюю жизнь в полностью криминализированном государстве, воюющем с народами, тихой?

С грустной усмешкой Ульяна покачала головой, и Котов вдруг понял, что девушка на самом деле гораздо старше, чем выглядит. Может быть, даже старше его и знает гораздо больше.

– Мир еще не дошел до точки закипания, друг мой, но, если в наши дела на Земле снова вмешаются иерархи, быть беде! Разборок третьего уровня наша реальность не выдержит.

– Каких-каких разборок?

– Хорошо, что ты едешь в Москву. Столица сейчас является средоточием темных сил, всякого рода силовых группировок, готовых сразиться за передел власти, а в скором времени станет ареной крутых схваток, способных изменить статус реальности. Вахид Тожиевич как раз приезжал предупредить об этом.

– Можно подумать, что сам он ангел небесный... Но ты не объяснила, что такое третий уровень.

– Терпение, идущий. Первый уровень – выяснения отношений – ликвидация бандами друг друга, террористические акты, операции сил МВД, ОМОНа по установлению порядка. Второй уровень – устранение соперника в высших эшелонах власти путем передвижения финансовых и политических фигур, шантажа, подкупа, угроз на базе реальной физической силы. И третий – разборка с участием трансцендентных сил, с помощью слабых законов магической физики. Это уровень Внутреннего Круга.

– Тогда должен быть и четвертый уровень...

Уля с неподдельным интересом оглядела чуть мрачноватое, твердое и спокойное лицо Василия.

– Ты прав, Васенька. Четвертый уровень противостояния – игры иерархов, силовых структур абсолютных реальностей с применением сильных законов магической физики, что всегда приводит к перестройке фундаментальных принципов Вселенной. Но давай не будем больше о грустном, а то пропадет впечатление от вечера. Честно говоря, редко удается посидеть тихо и уютно в приятной компании.

– Спасибо, – засмутился Василий, одновременно стараясь не переигрывать. – По-моему, вы оба меня переоцениваете.

– Кто еще? – собрала морщинки на лбу Ульяна.

– Соболев. Он тоже был... – Вася прервал сам себя, потому что при упоминании имени друга настроение у девушки падало. – Между прочим, он проговорился об очень интересных вещах. Ты что-нибудь слышала о Знаниях Бездн?

Ульяна посерьезнела, некоторое время изучала небо в окне, свою руку, лицо Василия, пока тот не забеспокоился.

– Я что-то не то сказал? Запретная для непосвященного тема?

– В общем-то, да, разговаривать о таких материях не рекомендуется... разве что в самых общих чертах. Ты уверен, что тебе это необходимо знать?

– Да ни в чем я не уверен, просто интересно. Матвей тоже не стал распространяться на эту тему, сказал только, что Знания Бездн – это информация о Безусловно Первом. То есть о первом во Вселенной разумном существе, как я понял.

Ульяна качнула головой, что-то решая про себя.

– Знания Бездн считаются утерянными, хотя Хранители, наверное, обладают ими. Учение Моисея, дошедшее до нас, лишь слабый отзвук тех Знаний, как и слухи о тайне Гермеса Трисмегиста, которую он унес с собой.

– Но, насколько я знаю, тайна Гермеса – тетра-грамматон, настоящее четырехбуквенное имя Бога, выражающееся в звуке, зная который можно творить любые чудеса. Это если верить легенде. На самом деле, очевидно, имя Бога – формула преодоления магического порога, регулирующего в нашем мире законы магической физики. Что, не так?

– Ты меня все-таки удивляешь, Котов, – тихо сказала Ульяна. – Сам додумался или подсказал кто?

Василий не обиделся.

– У самого не горшок на плечах. Даром, что ли, я проштудировал гору эзотерической литературы? Что же это за формула? Неужели действительно – звуковой пакет?

– Слово Бога. Дико и странно звучащая фраза, содержащая Силу и Энергию Вселенной. Только человеческое горло произнести эту фразу не способно. Зато Инсекты в свое время обошли проблему с другой стороны – создали псевдоживые организмы, невероятно сложные, включающие в себя целые системы объектов, способные

синтезировать и произносить имя Бога. С действием одного такого организма ты уже знаком.

– Так это... «Игла Парабрахмы»?!

Девушка кивнула.

– Гермес пытался донести потомкам свою тайну, но в закодированном виде. В свою очередь египетские жрецы, владевшие фрагментами учения Гермеса, для сокрытия его от всех непосвященных разработали систему троякого изложения мысли. Любое слово имело обычный смысл, образный – символический и священный, трансцендентный. Их тексты мог прочитать лишь тот, кто владел ключом – системой связи смыслов в одно целое. На Земле таким ключом мог пользоваться только один человек...

– Христос?

– И он тоже, но до него – Моисей. О Перволюдях я ничего не знаю. Кстати, учение Моисея также изложено в трех уровнях понимания, а третий уровень еще и закодирован. В нынешнее время эти коды знают лишь иерархи, но они не живут в запрещенной реальности.

– А Хранители?

– О, Хранители – каста особая. Чтобы стать Хранителем, недостаточно Посвящения II ступени. Иной раз мне кажется, что Хранители образовали внутри Внутреннего Круга еще один «внутренний круг», государство в государстве, и сила их не уступает силе иерархов. Во всяком случае, они владеют тем, что в каббале называется Эхейх и Иегова. И... и давай оставим эту тему, Василий свет Никифорович. Ты действительно знаешь больше, чем я думала, и приятно меня удивил, но есть хороший совет: не поминай имя Господа всуе. Главное, что ты идешь.

Василий пожал плечами.

– Совершенство – не цель, а направление движения. Сказано не мной, но для меня. Ну что, будем укладываться? Устал я что-то...

На самом деле он готов был просидеть так хоть всю ночь, однако видел, что Ульяна хочет побыть одна.

– Я сейчас постелю тебе в этой комнате, – соскочила девушка с кресла. – Диван тут удобный.

– А я пойду проверю машину.

Василий вышел во двор, постоял немного, всей грудью вбирая полный запахов воздух, и вдруг сорвался с места, завел машину и выехал со двора, поймав не дающую покоя мысль. Через двадцать минут он заехал обратно с букетом роз, который купил на вокзале не торгуясь: с недавних пор цветы можно было купить там круглосуточно.

Глаза Ульяны вспыхнули и широко раскрылись, когда она увидела букет из тринадцати алых роз.

– Ты... ты с ума сошел! Где ты взял цветы?!

– Где взял, где взял... – передразнил ее Василий. – Украл, конечно.

Девушка уткнула лицо в букет, не боясь уколоться, не сводя с Василия темного загадочного взгляда. Этот взгляд можно было истолковать по-разному, но Василию хотелось верить, что означал он – надейся и жди!

На пороге спальни девушка полуобернулась и проговорила почти шепотом:

– Я очень рада, что ты приехал...

ГОДЕН БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Остановился Василий в гостинице «Космос» на проспекте Мира. Была у него идея посетить свой старый «схрон» – конспиративную квартиру «по четырем нулям», принадлежащую ФСБ, но рисковать он не стал, отложил проверку до лучших времен. Сначала надо было выяснить, чего хочет от него генерал Коржанов и какие условия предложит. Квартиру, во всяком случае, он должен был предоставить.

По телефону, переданному посланником генерала, Василий позвонил в условленное время – с трех до четверти четвертого дня.

Ответил глуховатый старческий голос:

– Хозотдел на проводе.

– Полковника Каледина.

Щелчок в трубке, за ним другой голос, энергичный, деловой, с требовательными интонациями:

– Каледин слушает.

– Я Василий Котов. Ваши люди предложили связаться, но прежде хотелось бы...

– Вы опоздали на неделю. – Голос стал суше. – Задержка мотивирована?

– Вне всяких сомнений. Я был занят другими делами.

– Откуда вы звоните?

– Разве у вас не работает опознаватель номера? Из гостиницы я звоню.

– Можете подъехать в Бирюлево через час?

– Вполне.

– Запоминайте адрес. – Владелец командирского голоса продиктовал координаты пункта назначения, как туда добраться, и отключил связь.

Василий подержал трубку в руке, опустил на рычаг и глубокомысленно изрек:

– Слаб человек: любит показать свою силу.

Через час он выходил из машины в Бирюлеве возле ворот и зеленой двери в высоком заборе из бетонных панелей. На двери имелась табличка: «Склад j 2. Посторонним вход воспрещен!»

Ни кнопки звонка, ни дверного глазка Василий на двери не заметил, но стоило ему приблизиться, как дверь открылась, и на пороге возник крутоплечий малый в робе с книгой в руке. Оружия у него с виду не было, но по некоторым признакам Василий определил, что парень вооружен по меньшей мере укороченным автоматом, искусно спрятанным под мышкой. Он выжидательно глянул на визитера, не говоря ни слова.

– Меня ждут, – сказал Василий.

– Фамилия?

– Котов.

Сторож отступил в сторону, и Василий прошел на территорию «Склада j 2», заставленную штабелями ящиков и поленницами дров. Располагался на территории склада и современного вида одноэтажный домик из деревянных панелей. У домика Василия ждал рыжеволосый крепыш в такой же робе, что и сторож у входа. Он прошелся по фигуре Василия цепким взглядом, протянул сильную, заросшую рыжим волосом руку.

– Каледин, командир КОП. Мне говорили о вас, но, прошу прощения, придется пройти все же тест на профпригодность.

Василий остался равнодушен.

– Надо так надо.

– Сегодня у нас день спецподготовки, вся группа в сборе. Идемте.

Вход в деревянный домик охранял еще один сторож, но уже в комбинезоне монтажника. Автомат у него висел через плечо стволом вниз.

Проводник прошел по коридору к последней двери, на которой висела табличка: «Венткамера». На самом деле здесь находился тамбур с лифтом, опустившим их в подвал. И вот тут Вася оценил масштабы «Склада j 2» в полной мере: под землей был выкопан настоящий лабиринт с широкими туннелями, множеством помещений и гаражом на два десятка машин. Кроме того, как оказалось, здесь находились тир с суперсовременным оборудованием и самый настоящий додзё – зал для занятий рукопашным боем с полным набором тренажеров. Несомненно, «склад» принадлежал хозяйству президентской службы безопасности, и вряд ли о его существовании знали в ФСБ и других силовых ведомствах.

Группа КОП ожидала своего командира в раздевалке с выходом в тренировочный зал. Дверь в раздевалку открывалась так, что входящего не было видно из-за поворота и первого металлического шкафа: Каледин некоторое время стоял в этом тупичке, прислушиваясь к разговору парней. Ждал и Котов.

– Ты не прав, Георгий, – долетел чей-то простуженный бас. – Что, федералы не знали, где сидит Шамиль Басаев? Знали! Не могли послать группу спецов «Альфы» и взять их всех? Могли! В крайнем случае накрыли бы «ковром» сверху или нанесли точечный удар подъядерным боезапасом.

– Точно, Сашок, – поддержал говорившего хриловатый баритон. – Контрразведка свой хлеб ест не даром, она всегда знала, где прячутся Дудаев, Радуев, Басаев, Шамиров и другие главари банд, но все дело в том, что их уничтожение было невыгодно политикам наверху, качающим чеченские нефтяные денежки, командующим всем этим сволочным парадом! Вспомните Буденновск, Кизляр, Первомайский, Серноводск, Пятигорск...

– Борода, ты красноречив, как Гомер!.. И так же красив. Какой вой тогда подняли газеты: позор армии! Позор спецподразделениям! Полный провал операции!.. Правильно, провал очевиден, но произошел он не из-за непрофессионализма ребят, а из-за тупости командиров! В Буденновске «Альфа» сделала все, что ей приказывали. Не было только приказа – уничтожить Басаева! Я там был, знаю. Точно так же действовали генералы и в Первомайском, и в Серноводске...

– Можно подумать, ты везде побывать успел.

– В Серноводске и Пятигорске не был, но знаю...

Каледин искоса посмотрел на невозмутимого Василия и шагнул в раздевалку. Голоса разом стихли, восемь голов повернулись к вошедшим, восемь пар глаз оценивающе оглядели нового напарника. Потом все встали. Они были разными, бойцы КОП, высокими и не очень, широкоплечими, мускулистыми и не слишком, но каждый из них был опасен, и это впечатление было общим.

– Прошу любить и жаловать, Василий Котов, бывший ганфайтер, – представил Василия Каледин.

– Надо же, волкодава откопали, – сказал светловолосый и светлоглазый парень, державшийся чуть более развязно, чем остальные. – Может, покажет свое мастерство? А мы поучимся.

– Покажет, покажет. – Каледин направился из раздевалки в зал. – Сейчас огневая подготовка, потом рукопашка. Переодеваться будешь? – поинтересовался полковник у Василия.

– Нет, – ответил тот, одетый в холщовые штаны, не стесняющие движений, и в футболку.

Пройдя хорошо освещенный зал додзё с тремя квадратами татами, группа миновала короткий коридор и оказалась в тире.

Тир Василия поразил, тем более что находился под землей. Он имел как стандартный створ с кабинками дня стрельбы по мишеням, которые перемещались и снимались автоматически, так и павильоны с игровой разверткой: улица с домами, из окон или из дверей которых выскакивали вдруг «враги», внутренности магазина-супермаркета, банка и станции метро. Видно было, что готовились здесь спецы высокого класса, способные охранять ОВП – особо важных персон – и нейтрализовать террористов.

– Сначала стандарт, – бросил Каледин. – Какое оружие предпочитаешь?

– Предпочитаю обходиться без него, – пробормотал Василий.

Светловолосый крепыш хмыкнул.

– Ганфайтер – и не умеет стрелять? Любопытно.

– Угомонись, Серж, – проговорил приятного вида молодой человек, худощавый и гибкий, шагавший с грацией барса – мастера по русбою. Посмотрел на Василия и подмигнул. Вася кивнул, отвечая на волну расположения.

– Выбирай. – Каледин подвел Котова к длинному стенду с оружием.

Василий про себя присвистнул.

На столе были разложены чуть ли не все существующие в мире виды стрелкового оружия. Особенно велик был выбор пистолетов и револьверов. Вася прошелся вдоль стенда, разглядывая «беретты», «кольты», «ЗИГ – зауэры», «глоки», «дезерт игл», «стерлинги», «браунинги», «магнумы», «ТТ», «Макаровы», «волки», «гюрзы», «узи», «бизоны», «скорпионы», «партизаны», «вепри», «ругеры» и другие модели, мельком глянул на бесшумные снайперские комплексы и штурмовые винтовки, затем вернулся к пистолетам. Бойцы КОП, одетые в одинаковые спортивные костюмы, разбирали оружие, поглядывая на новичка. Василий наконец остановился на

отечественном пистолете «волк» и австрийском «глоке». Магазин «волка» вмещал пятнадцать патронов, «глока» – семнадцать, но у обоих была одна и та же особенность: первичное нажатие на спусковой крючок лишь освобождало предохранитель крючка, одновременно взводя ударник и выключая два внутренних предохранительных устройства. Тот, кто не знал этой особенности, мог поплатиться жизнью, надеясь убить противника первым же выстрелом, то есть первым же нажатием на спусковой крючок.

Взвесив пистолеты – «волк» в правой руке, «глок» в левой, – Василий подошел к свободной кабине, не обращая внимания на ехидный шепот Сержа:

– Глянь-ка, по-македонски примеривает...

Первые два выстрела – по одному из обоих стволов – Василий сделал, тщательно прицеливаясь, чем вызвал сдержанный рокот среди зрителей. Включил механизм передвижения мишеней, сначала приблизив их, чтобы рассмотреть отверстия от пуль, затем удалив на максимальную дистанцию тира – тридцать метров. Остальные патроны он расстрелял в течение трех секунд, целя в одну мишень с вытянутых рук.

Пока Каледин вытягивал мишень и разглядывал дыру в голове мишени, куда вошли все пули, Вася перезарядил пистолеты.

– Неплохо, – сдержанно сказал полковник.

– Подумаешь... – пробормотал Серж. – Из «волка» попасть в цель невелика заслуга, пусть попробует из «ТТ».

Василий поднял пистолеты, но уже держа их в согнутых руках, и снова расстрелял патроны в течение трех секунд, только целил он теперь в две мишени сразу: правой рукой – в мишень слева, левой – в мишень справа. Все пули кучно легли в головы полуростовых мишеней.

Двое парней зааплодировали; никто из членов команды стрельбу не открывал, ожидая, пока закончит новичок.

Сменив мишени, Василий постоял немного, сосредоточиваясь, затем сделал две серии выстрелов – по одному на каждую из десяти мишеней, поразив все десять в лоб, хотя в соседние мишени пришлось стрелять под все более острым углом. Причем сделал он это приемом «двузубая вилка»: из левой руки начал стрелять по самой дальней левой мишени, из правой – по центру, смещая сектор обстрела вправо.

Несколько секунд в тире стояла оглушительная тишина, потом раздались общие рукоплескания.

– Максим Усов, – сунул Василию ладонь парень, который раньше дружелюбно подмигнул ему. – Мы тут все профи, но так у нас не стреляет никто, даже Серж, хотя он снайпер.

– Это мы еще посмотрим, – процедил, отходя, светловолосый и открыл огонь из «ТТ», заглушив возгласы остальных стрелков.

– Годится, – сказал Каледин, с некоторой озадаченностью глянув на неподвижное лицо Василия. – Снайперы нам нужны позарез.

– Снайпером я не буду, – покачал головой Вася. – Я перехватчик, волкодав и оружия почти никогда не применял.

– Посмотрим. – Каледин отошел. – Поехали, полчаса на весь артналет.

Через полчаса, пройдя стрелковый полигон с появляющимися и исчезающими фигурами, они собрались в додзё, рассевшись по периметру одного из татами.

– Кто хочет потягаться с Котовым? – выжидательно поглядел на свою команду Каледин. – Приемы разрешаются все, кроме травмирующих голову.

– Можно без исключения, – безразлично сказал Василий, подняв тонус организма до сэйдза-но камаэ, как говорят мастера ниндзюцу, – состояния расслабленного ожидания.

– Я попробую, – встал светловолосый снайпер, которого, как уже знал Василий, звали Сергеем Ляминам; парень работал инструктором по унибусу в системе подготовки муниципалов.

Василий молча ждал его с сонным видом, не вставая ни в какую стойку, вызвав мусин – состояние почти полного отсутствия сознания, потому что, естественно, ненапряженный ответ вызывается подсознательно, без участия сознания, которое всегда тормозит реакцию.

Лямин обошел Васю кругом, слегка согнув руки. Передвигался он мягко, не отрывая стопы от пола, на финты времени и сил не тратил, но двигался непрерывно, меняя местоположение в дерганой манере комба. Напал он неожиданно, как бы на переходе, целя ногой в голень Василия, но промахнулся. Вернее, ноги Котова там уже не сказалось.

Тогда Лямин попытался нанести серию ударов в технике кузнос вьетнамской школы Нятнам, но ни один из ударов цели не достиг.

Василий плавно перетекал из одного положения в другое, каждый раз опережая соперника. Среди зрителей послышались смешки.

В глазах Лямина зажглись нехорошие огоньки, и чтобы не доводить дело до ненависти, Василий наконец ответил. Конечно, он мог бы применить свое знание ТУК – техники усыпляющих касаний, освоенной им досконально, до полного автоматизма, до уровня рефлекса, но это было абсолютным личным оружием, резервным, и его стоило хранить в секрете. Поэтому Вася ответил в том же стиле Нятам, применив сакуэн, в переводе – «форму змеи». В этом куэне отражены были многие движения и повадки змеи: мягкость, пластичность, скручивание, скольжение, мгновенный выпад. Движения в нем выполняются по кривой, быстро, ловко, слитно – без выделения поз.

Василий ушел влево-назад от прямого удара, скручивающим движением правой руки отводя удар вправо; его резко отклонившееся назад тело в сочетании с движением ног создало впечатление ухода головы кобры. Затем он повернулся левым плечом влево, правую ногу поставил перед собой на носок, тут же сделал шаг назад, в то время как левая рука выполняла движение по кривой линии слева направо вверх, а потом вниз, захватывая правую руку соперника. Мгновением позже Лямин летел лицом на татами и оказался прижатым к полу спиной Василия, причем рука его осталась в болевом захвате вывернутой кверху. Схватка закончилась.

– Зараза! – сказал ошеломленный Серж, приходя в себя уже на краю татами.

Василий остался стоять в центре поля в той же непринужденно-свободной позе, словно ничего не произошло.

– Кто еще? – вынужден был повысить голос Каледин, чтобы перекрыть шум.

– Я, – встал Максим Усов, улыбаясь чуть смущенно и доброжелательно; из всей команды он нравился Василию больше всего – открытостью и какой-то хорошей детской наивностью, хотя нельзя и забывать, что команда КОП подбиралась из крутых ребят, познавших жизнь, видевших кровь и испытывавших боль.

Работал Максим в технике реального боя, легко и свободно переходя из стиля карате-дзицу на хапкидо, потом в пангай-нун и наконец в чистый русбой с его удивительными, доведенными до

совершенства, хотя и взятыми в большинстве своем из других древних стилей связками приемов, чуть ли не исключая друг друга. Если бы Василий сам не практиковал русбой наряду с ниндзюцу, ему пришлось бы туговато. Но поскольку Усов дрался беззлобно, хотя и очень увлеченно, Вася решил не отвечать по уязвимым зонам тела противника в излюбленном своем стиле атэ-вадза или атэми. Поэтому бой длился еще пару минут, пока Василий не поймал Максима на атаке и не выбросил его за ковер приемом «пропуск в хвост».

– Все, экзамен закончен, – объявил Каледин. – Годен без ограничений. Теперь общий медленный спарринг в мягкое касание. Лямин, Усов, Котов – отдыхаете.

– Я бы тоже хотел с ним... – встал кряжистый, мощный бородатый Дима Лысцов по кличке Борода.

– Хватит, я сказал, – отрезал командир. – Успеешь еще получить по ребрам.

– Повернулся к Котову. – Где проходил школу?

– Не одну и в разных местах, – уклончиво ответил Василий.

– А ты силен! – подошел к нему разгоряченный, помятый, но довольный Максим Усов. – Я считал, что знаю всех мастеров кэмпо класса ситидана. Но ты, по-моему, выше. Хатидан, кюдан?

– Выше, – улыбнулся Василий.

– Выше только черный пояс сидоси...

– Еще выше.

Максим озадаченно и недоверчиво покачал головой.

– По-моему, даже в Японии не все основатели школ и наставники имеют дзюдан.

– Ты забыл о мастерах ниндзюцу, – буркнул Каледин, с некоторым удивлением разглядывая Василия. – Этот парень мэйдзин... и еще не все показал, на что способен, не так ли?

– Что я должен буду делать в отряде? – спросил Василий, игнорируя вопрос.

– Что и остальные: особые поручения, фельдъегерская связь, контроль учреждений... ликвидация преступных групп. Что-нибудь не так?

– Все так, – флегматично заметил Василий, – кроме одного: я не специалист по ликвидации. Любой перехват в любых условиях – да, физическое уничтожение кого бы то ни было – нет.

– Что за новости, ганфайтер? – нахмурился Каледин. – КОП – не институт благородных девиц.

– В таком случае я могу считать себя уволенным. – Вася повернулся к выходу из зала. Каледин попытался схватить его за плечо, но странным образом промахнулся. Бросил в спину Котова:

– Остынь, майор, о твоих обязанностях мы еще поговорим. Ты не выслушал условия.

Василий остановился, понимая, что выглядит глупо.

– Их два, – продолжал командир КОП. – Первое: войдя в команду, будешь иметь все, что пожелаешь. Второе: откажешься – будет все наоборот.

– Это следует понимать как угрозу?

– Майор, ты видел слишком много... чтобы уйти отсюда живым и невредимым... в случае отказа. Как видишь, я предельно откровенен. Могу лишь добавить, что цели команды – не очистка высших эшелонов власти от подонков и негодяев, что вынесло себе на знамя «Чистилище», а защита государственных интересов, если хочешь – защита конституционных прав... ну, может быть, и не всегда законным путем.

– Это я понял сразу. Но, полковник, если бы я захотел уйти отсюда, я бы ушел... живым и невредимым. Веришь – не веришь, не имеет значения. Что касается заданий... Как я проверю, кто заинтересован в выполнении того или иного задания? То есть соответствует ли оно уровню лица, отдавшего его? Я имею в виду президента.

Каледин невольно оглянулся, понизив голос:

– Потихе, ганфайтер, здесь не все тянут на осмысление упомянутого тобой... уровня. Я получаю задания напрямую от генерала Коржанова. Этого достаточно?

– Нет.

– Черт бы побрал, Котов! Не заносит ли тебя на поворотах? У меня нет никаких указаний насчет твоей личности и особого к ней отношения.

– Так выясни.

– Черт бы тебя!.. – Каледин сдержал резкое слово с трудом. – Ладно, потом поговорим, после занятий и разборки задания.

Василий не ответил. Он в этот момент думал над тем, не ошибся ли он в выборе дальнейшего пути. И не прав ли был Матвей Соболев, считавший Путь Воина необязательным этапом на пути к совершенству?

НОВАЯ ЦЕЛЬ

Главный консультант управляющего администрацией президента Прохор Петрович Бородин был убит выстрелом в голову из снайперской винтовки особой точности прямо у выхода из здания Государственной Думы. Стреляли из гостиницы «Москва», это удалось установить быстро, была даже найдена винтовка калибра 7,62 миллиметра «паркер-хейл» модели 85 – с оптическим прицелом, глушителем и сошками, с коробчатым магазином емкостью на десять патронов. Такая винтовка обеспечивает стопроцентное поражение цели первым же выстрелом на дальности до шестисот метров, в данном же случае между стрелком и мишенью было всего лишь около ста двадцати метров. Пуля попала Бородину в левый висок почти под прямым углом и вышла из другого виска, проделав на выходе дыру величиной с кулак. Прохор Петрович, прослуживший консультантом многих влиятельных фигур государства около десяти лет, ставший незадолго до смерти Генеральным Судьей «Чистилища», умер мгновенно.

Так как маршал «СС» Хейно Янович Носовой имел не меньше возможностей по добыче разведанных, чем Судья-2 «Чистилища» Рыков, возможностей не только технических, но и трансцендентных, Герман Довлатович вынужден был принимать специальные меры для обеспечения секретности заседаний Генерального Суда и вообще любых встреч Судей между собой. Удавалось это все с большим трудом, разведка Сверхсистемы все чаще выходила на прямые контакты с защитными системами «ККК». Приходилось применять контрмеры, блокировать эфир, используя электронные методы защиты каналов связи, кодирование линий, тестирование абонентов и специальное стохастическое программирование координат очередной встречи. Чтобы угадать, где в очередной раз собираются Судьи «Чистилища», надо было перебрать миллиарды вариантов соединений, даже если у тех, кто попытался бы это сделать, были эвристические сканеры и ключевой файл.

Сигнал экстренной встречи Судьи получили спустя час после убийства Бородина. На сей раз наручные пейджеры, которые носили

руководители «ККК», играющие роль компьютеров связи и часов, высветили две цифры – 33, что означало: встреча назначена в поселке Агашин Луг, расположенном в Одинцовском районе в двадцати пяти километрах от Москвы.

Коттедж, в котором собрались Судьи, в общем-то, ничем не примечательный снаружи, как и десятки ему подобных в поселке, располагался неподалеку от культурно-делового комплекса с бассейном, сауной, рестораном, барами и офисными помещениями, магазинами и теннисными кортами. В другие времена Судьи нередко с удовольствием посещали комплекс, отдыхая от «судов праведных» в сауне или за карточными столами, однако нынешняя встреча не располагала к отдыху, «Чистилищу» был нанесен новый чувствительный удар, даже два – если учитывать уничтожение боевой группы в Сокольниках, и следовало проанализировать случившееся, чтобы понять причины провалов и степень угрозы.

Четверо Судей, встретившись в зале заседаний коттеджа, имеющем два потайных выхода – подземный и надземный, – молча расселись вокруг стола, поглядывая на пустующее кресло Генерального Судьи.

– Что происходит, милостивые государи? – произнес наконец полковник Холин, исполняющий с недавнего времени обязанности начальника военной контрразведки. – По моим каналам – ноль информации! Кто убил Прохора Петровича?

– Еще не знаю, – бесстрастно ответил Жанболатов, отвечающий за безопасность руководителей «Чистилища». – Но, судя по всему, у нас происходит прямая утечка информации.

– Что ты хочешь этим сказать, Темир? Уж не среди нас ли ты собираешься искать источник утечки?

– Э-э, коллега... – встрепнулся Рыков, повернувшись к соседу, Константину Зайцеву, Судье-4. – Вы не скажете, зачем в вашу контору вчера вечером заходил Хейно Яанович Носовой?

Брови Зайцева, всегда бледного, с тенями под глазами – молодой кибернетик страдал почками, – взлетели вверх.

– Носовой? Он же шеф информслужбы президента...

– Вы контактировали с ним?

– Конечно, ведь он курирует аналитические программы... К чему вы клоните, Герман Довлатович?

– К тому, что Носовой, похоже, начал «курировать» и наши программы.

– Это исключено!

– Вы уверены? Вы часто уходите с рабочего места, не выключая монитор?

– Н-ну, бывает... а что? Неужели вы?.. Чушь какая-то!

В то же мгновение Жанболатов достал из-под мышки пистолет «ТТ» и выстрелил в голову Зайцева. Судьи молча смотрели, как во лбу Судьи-4 возникает круглая дырочка, оттуда выплескивается струйка крови, голова падает на стол... Потом выхватил свой пистолет Холин и направил на Жанболатова.

– Что здесь происходит, черт возьми?!

Темир спокойно спрятал пистолет, отпил томатного сока из стакана на столе. Вместо него ответил Рыков:

– Хейно Яанович Носовой, по моим данным, маршал Сверхсистемы. Выводы можете сделать сами.

Холин с шумом выдохнул, подумал немного, хотел сказать: бред! – но посмотрел на голову Зайцева, под которой скопилась лужица крови, и передумал. Спрятал пистолет, криво усмехнулся:

– Ну и дела! Зайцев же был вашим ставленником, Герман.

– Никто не застрахован от ошибок, – меланхолически ответил Рыков.

– И что же мы теперь будем делать? Или я тоже... мешаю?

– Будем работать. – Герман Довлатович пропустил второй вопрос мимо ушей.

– Только теперь у нас появились более важные цели.

– Сверхсистема?

– Первая цель – выжить. – Рыков пожевал губами. – Вторая более глобальна – подчинить «СС».

Холин присвистнул, по-новому взглянув на малоподвижное, невыразительное лицо Судьи-2.

– Зачем?

– Прямую войну со Сверхсистемой мы не выиграем, – уклончиво ответил Рыков. – Покончить с ней можно, лишь подчинив ее изнутри.

Начальник военной контрразведки хмыкнул, постучал пальцами по столу, оценивая услышанное.

– Ну-ну... дикая идея... но интересная... надо подумать.

– Думайте.

– А как же наши программы? Мы хорошо почистили Думу, добрались до правительства, подошли вплотную к администрации президента...

– Носовой как раз оттуда.

– А я хотел предложить классный объект... Не пора ли нам взяться за «партию войны» в парламенте и правительстве? Конкретно за тех, кто санкционировал и поддерживал войну в Чечне и Дагестане?

– Идея хорошая, – тихо сказал Рыков. – И мы ее непременно осуществим. Но сначала разберемся с «СС».

– Хорошо, допустим, я согласен. Кто заменит Генерального? И... этого? – Кивок на мертвого Зайцева.

– Его – никто, мы справимся втроем.

– Понятно. Значит, теперь Генеральный – ты?

Рыков натужно улыбнулся.

– У вас есть возражения, Вадим Мартынович?

Холин покатал по столу ручку, поднял голову.

– Пожалуй, нет.

– Тогда приступим к обсуждению планов на будущее. Темир, убери труп и принеси чай.

Вечером Герман Довлатович позвонил Мурашову:

– Виктор, надо срочно слетать в Питер.

– На кой ляд?

– Есть сведения, что Матвея Соболева посетил Юрьев.

– Ну и что? Разве Соболев согласился работать на него?

– Нет, но нас начинают опережать. В ближайшее время следует ждать визита Хейно к Соболеву, а я не уверен, что тот устоит.

– Если так боишься их альянса, лети туда сам, у меня много нерешенных проблем.

– Меня он... не поймет. В свое время я готовил «волны исключения» Соболева и его семьи... В общем, нужен нейтральный человек Круга. Тебе он поверит. А не поверит, так пощупаешь его, выяснишь слабинку, сильные стороны, планы, задачи, чем живет и дышит.

В трубке сквозь тихое пощелкивание кодирующего устройства – оба тем не менее разговаривали на метаязыке – послышался зевок.

– Нет, Герман, это дело не моего уровня. Если хочешь, могу поговорить с Кириллом Даниловичем, он дипломат хороший, все выяснит.

Рыков, подумав, согласился, Головань действительно умел выбрать нужный тон в разговоре с любым оппонентом. Он был умен, хитер, непрост и, как и Рыков, отстаивал всегда лишь один принцип – беспринципность.

– Хорошо, звони. Позже я его навещу.

– Как тебе удалось убрать Бородкина? КОП работала или мейдер «Чистилища»? Говорят, действовал отменный снайпер. Но не рассчитывай, что ему удастся убрать так же просто и Хейно.

– Я не рассчитываю, есть вариант получше. Что, если предложить вакантное место в Союзе Девяти... кое-кому из честолюбивых Посвященных I ступени?

Мурашов понял Рыкова мгновенно.

– Чтобы он сам освободил себе место? Недурно. Но я не вижу подходящей кандидатуры.

– Директор МИЦБИ.

– Вахид? – Мурашов помолчал. – Что ж, пожалуй, хотя я знаю его плохо.

– Вот и узнаешь. Самандар – твоя забота. Если он справится с Хейно... натравим его на...

– Бабуу? Ты страшный человек, Герман! Так загребать жар чужими руками умел только один человек из прежнего состава Девяти – Сталин. Но я согласен. Кстати, не ты ли метишь в координаторы Союза вместо Бабуу? Готовишь это место якобы для меня, а займешь его сам... Шутка. – В трубке раздался смех, и связь прервалась.

Усмехнулся и Рыков. Мурашов не догадывался, насколько он близок к истине.

НЕПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

Международный исследовательский центр боевых искусств (МИЦБИ) располагал собственным пятиэтажным зданием возле речного порта, в районе Нагатинской поймы, на проезде с оригинальным названием Проектируемый. За это название чиновнику Госкомархитектуры, автору сего крестинического шедевра, стоило бы поставить памятник.

К началу описываемых событий штат Центра имел свыше четырехсот сотрудников и более трех десятков федераций: контактного карате, кикбоксинга, айкидо, славянских стилей, западного и восточного бокса, вьет-во-дао и так далее. Имел МИЦБИ спортивные залы, оборудованные спецтренажерами, душевые, сауну и бассейн, а также собственное кафе и безалкогольный бар. Но главной достопримечательностью Центра, несомненно, был научно-исследовательский медико-биологический комплекс с уникальным оборудованием и компьютерным залом для обработки данных. Он занимал весь пятый этаж здания, и трудились в нем весьма увлеченные, в большинстве своем молодые ученые, кандидаты и доктора наук. Вахид Тожиевич Самандар, директор МИЦБИ, будучи доктором медицинских наук, чаще находился там, нежели в своем кабинете на третьем этаже. Он как раз работал с физиологами тренинг-группы, когда сотовый телефон в кармане его халата произнес голосом секретарши:

– Вахид Тожиевич, к вам посетитель.

– У меня сегодня неприятный день, – буркнул Самандар, разглядывая на экране компьютера цветные схемы взаимодействия гемоглобина с кислородом.

– Он говорит, что вы примете.

– Кто это у нас такой уверенный?

– Мурашов Виктор Викторович.

Самандар мгновенно привел себя в состояние сатори и ощутил касание к своей эмоциональной сфере потока чужой воли. Сомнений быть не могло: его посетил один из Девяти Неизвестных!

– Продолжайте без меня, – сказал Самандар сотрудникам отдела, – вечером представите рекомендации.

Сняв халат, он спустился на третий этаж и вошел в приемную, где его ждал корректно-вальяжный господин с породистым лицом – Виктор Викторович Мурашов, главный военный эксперт при правительстве, секретарь Совета безопасности, фигура номер три в иерархии Союза Девяти Неизвестных.

– Добрый день, Вахид Тожиевич. Говорят: нежданный гость хуже татарина...

Самандар протянул руку, приглашая гостя войти в кабинет. Там он молча сел в свое кресло, продолжая ощущать давление на психику. Наконец сказал, когда молчание затянулось:

– Слушаю вас... татарин. Какими судьбами?

Вахид Тожиевич знал о существовании Союза Девяти, знал также и кое-кого из Неизвестных, но не думал, что кто-нибудь из них вот так запросто явится к нему.

– Вы знаете, кто я?

– Кто этого не знает? – усмехнулся Самандар. Улыбнулся и Мурашов.

– Ценю ваш юмор. Ну, раз представляться не надо, давайте сразу брать быка за рога. Или вы предпочитаете прелюдию?

– Быка.

– Тогда у нас есть к вам деловое предложение.

– У кого – «у нас»? В Совете безопасности или в Совете Девяти?

Мурашов остался внешне рассеянно-невозмутимым, но волна давления на мозг Самандара резко усилилась. Пришлось напрягаться, снимая раппорт гипно-атаки.

– Что вы знаете о Союзе Девяти, Посвященный?

– Что он существует, и только.

– Ценю вашу скромность. С вами легко разговаривать. Итак, я представляю Союз... вернее, если быть точным, некоторую часть его. А предложение такое: не хотите ли вы войти в состав Союза? Настала пора менять его структуру.

Самандар скептически поднял бровь.

– Генитальная идея, как сказал бы один мой приятель. Вместо кого же, если не секрет?

– Вы хорошо схватываете ситуацию, Вахид Тожиевич. В принципе возможны замены трех из Девяти, но для вас конкретно подходит статус распорядителя регламента и чайной церемонии, которым наделен Хейно Яанович Носовой.

– Носовой... один из Девяти?

– Кроме того, он маршал Сверхсистемы.

– Это не главное... – Самандар помолчал. – Быстро вы меняете кресла... как-то несерьезно... Неужели так сильно осложнилась ситуация?

– Ну что вы, Вахид Тожиевич, только на первый взгляд все кажется очень сложным, на самом деле все гораздо сложнее. Вы принимаете предложение?

– Его следует понимать так, что я должен... устранить Носового?

– Возможно, до этого дело и не дойдет, мы уговорим его, но в любом случае наша поддержка вам обеспечена.

– Я должен подумать.

– Думайте. – Мурашов встал. – Но не слишком долго, иначе мы найдем другого претендента. Позвоните мне в секретариат Совета безопасности, когда надумаете.

– Может быть, выпьете чего-нибудь? Коньяк, ром, водка, вино, кофе?

– Спасибо. – Виктор Викторович поклонился. – В другой раз непременно. Всего доброго.

Мурашов ушел, и вместе с ним исчезло ощущение неприятного давления на мозг. Это еще не было психическим нападением, один из Девяти просто прощупывал собеседника, выяснял его пси-потенциал, но противником он был очень сильным.

Самандар прошелся по кабинету, прислушиваясь к себе, потом сел за стол и попросил секретаршу сделать кофе.

Во второй раз Юрьев и Бабуу-Сэнгэ встретились в Екатеринбурге, так сказать, на нейтральной территории, сняв номера в четырехзвездочной гостинице «Большой Урал».

Настоятель Храма Гаутамы был на сей раз одет как обычный сельский житель – серый пиджак, полосатые брюки и сапоги, а головной убор, напоминающий кепку и смятую шляпу, не снимал даже в номере: имитировал он деревенского мужичка-алтайца весьма артистично.

В отличие от него Юрьев играл роль тихого и незаметного клерка одной из коммерческих фирм, боящегося всех и вся, но играл тоже весьма убедительно.

Они встретились в номере Бабуу, убедившись, что за ними никто не следит, никто даже не обращает внимания – ментальные щупальца остальных Неизвестных не тянулись к Екатеринбург в попытках определить координаты главы Союза Девяти и его неформального заместителя. Установив прямой мысленный контроль за всеми подозрительными пси-флуктуациями в сфере радиусом до двадцати километров – с захватом автовокзалов и аэропорта, – они повели беседу на метаязыке.

– Поиски Великих Вещей Инсектов продолжают все без исключения Посвященные, – начал Юрьев. – По этому поводу готовится Собор Внутреннего Крута, обеспокоенный несоблюдением законов. Рано или поздно кто-нибудь найдет доступ к заблокированным МИРам, и тогда начнется хаос.

– Что ж, люди остаются насекомыми, чего вы хотите? Соблазн абсолютной власти слишком велик, чтобы от него отказаться. Что вы предлагаете?

– Попытаться вскрыть пакет Знаний Бездн.

Настоятель Храма Гаутамы на мгновение явился тем, кем был, – координатором Союза Девяти: лицо его стало твердым, как бы металлическим, глаза засияли, спина выпрямилась, фигура налилась сдержанной силой. Под рубашкой координатора шевельнулся и засветился «нагрудник справедливости». Юрьев заметил это, но не удивился, хотя Бабуу-Сэнгэ уже не имел права носить «нагрудник» после публичного отречения.

– Знания Бездн – спящий демон, – медленно проговорил он. – Разбудить Память Мира о Безусловно Первом можно, даже вопреки воле Хранителей, стереть ее – нельзя. Безусловно, Первый давно ушел из нашей запрещенной реальности, но След Его сохранился, как матрица мира, каркас Вселенной... Трогать этот каркас не рекомендуется. Иерархи уже однажды пробовали...

– До них это не раз проделывали Аморфы, но «роза реальностей» уцелела.

– Терпение Вселенной не вечно.

– Может быть, у нас не останется другой возможности, чтобы уцелеть. Я предвижу скорую бурю.

– Но даже если мы захотим воспользоваться Знаниями, наших сил не хватит. Нужен инициатор восьмой и девятой сил – Элохим Цабоат и Шаддай, Эль-Хай...

– Матвей Соболев.

– Разве он... знает?

– Еще нет. Я был у него, он отказался помочь нам в борьбе против Рыкова, и даже соблазн доступа к Знаниям Бездн оставил его равнодушным.

– Значит, пока не знает.

– Но он, безусловно, незавершенный, идущий к завершению. По моим данным, он научился спускаться по памяти предков в глубокое прошлое, за рубеж расщепления реальностей, и вполне способен на ретроактивное действие.

– К сожалению, я упустил его из виду. Вы правы, Юрий Бенедиктович, Соболев – огромный шанс... для всех. И все будут стараться заполучить его в свою свиту. Может, его лучше ликвидировать, пока не поздно?

– Я еще не все рычаги влияния использовал. Один из них – его семья к друзья, второй – Хранители. Можно попытаться спровоцировать их на «волну выключения»... и предложить Соболеву нашу помощь.

Бабуу-Сэнгэ полуприкрыл глаза и превратился в монгольского божка. Спустя минуту он изрек:

– Мудро!

БЕЗ КАЙФА НЕТ ЛАЙФА

В операции по устранению Прохора Петровича Бородинки Василий не участвовал ни в качестве исполнителя, ни в группе поддержки. Каледин не настаивал, хотя Вася ожидал крутого разговора, – просто дал распечатку досье на Бородинку, а также на генералов «СС»: следующей операцией КОП было уничтожение одного из подразделений штаба Сверхсистемы – РСС, то есть разведки. Василию в этой операции отводилась роль перехватчика шефа РСС Кочкина. В иерархии штаба «СС» Кочкин имел «звание» Тень-4.

Изучив схему операции, Василий скрепя сердце согласился на вариант своего участия в ней, хотя понимал, что в реальной ситуации может случиться всякое, и тогда придется пускать в ход не только кулаки и зубы, но и оружие помощней. В связи с этим огнестрельное оружие Василий брать отказался. Каледин и здесь не спорил. Он уже убедился в высоких кондициях бывшего ганфайтера, теперь же предстояло проверить его в деле. В пятницу Котов был отпущен с базы в Бирюлеве, как и остальные «копы», для «домашнего успокоения нервной системы». Подумав, Василий решил навестить приятеля, с которым не виделся уже почти два года, Костю Злобина, в то время служившего охранником в частной хлебопекарне. К удивлению гостя, хозяин оказался дома: увлеченно мастерил модель самолета – сверхсовременного «СУ-31».

– Племяшу делаю, – смущенно пояснил он, кивая на стол с деталями самолета, когда приятели поздоровались и ответили на стандартные: «Ну, как ты?» – «Нормально...» – «А ты?» – «Тоже ничего себе...» – Три года стервецу, а выглядит на все пять. Я с ним гулял намеренно по парку, купил арбуз – их у нас теперь с апреля продают, – а он косточки глотает. Я ему: выплевывай кости, а то арбуз в животе вырастет. Послушался. Идем дальше, навстречу мужик прет с пузом, видать, любитель пива, ну, Сашок мой и говорит: смотри, у него уже вырос... – Константин прыснул. – Пока домой шли, он все свой живот щупал – не растет ли арбуз.

Василий засмеялся, плюхаясь на огромный злобинский диван, вспомнил умершего Володю Абуткина, который тоже любил рассказывать о своем внуке, и погрузился.

– Хорошо иметь племяша, а я вот бездетный со всех сторон, да и не женатый. Впрочем, ты, я гляжу, тоже не остепенился?

– Рано мне. – Злобин скрылся в ванной, чтобы смыть с рук клей, крикнул оттуда:

– А бабу найти – не проблема. Могу познакомить. Посиди, я сейчас.

Вася нашел на диване пульт-дистанционку и включил хозяйский «Панасоник». Почти по всем каналам шла реклама, лишь по тридцать первому крутили какую-то мелодраму, да по второй российской показывали футбол.

Появился Константин, на ходу вытирая руки и лицо полотенцем, кивнул на экран, где прилизанный диктор в белом халате талдычил что-то о кислотном дисбалансе, о кариесе и о том, как легко с ним бороться с помощью жевательной резинки «Полистирол».

– У тебя не возникало желания поубивать всех рекламистов наподобие этих кретинов? Сценариста, режиссера, артиста в халате?

– Я телик не смотрю, – сказал Василий. – Разве что программу «Время». Да и не виноваты рекламисты, они лишь исполнители, убивать следует тех, кто заказывает музыку.

– А я иногда готов взорвать Останкино, посмотрев очередной рекламный шедевр. – Костя переключил каналы, остановился на футболе. – Ладно, пусть эти бегают. Ну, рассказывай, какими судьбами тебя занесло в столицу. Впрочем, есть предложение: не махнуть ли нам в какой-нибудь ресторанчик или в кафе, как в прошлый раз? А то у меня холодильник почти пустой.

– Пожалуй, – согласился Вася. – Давно не сиживал в уютном тихом уголке.

– Без кайфа нет лайфа, как говаривал классик... то есть я сам. В конце концов, почему бы двум благородным донам не посидеть в ресторане? Поехали. У меня машина во дворе, доберемся за пять минут.

– У тебя же раньше не было.

– Растем, богатеем, – хохотнул Константин, переодеваясь в белую рубашку с галстуком и модные брюки. Атак как раньше он не имел

обыкновения носить галстуки, Василий сделал вывод, что девушка у него появилась – с выходом на серьезные намерения.

Сели в машину Злобина – темно-синий «пежо» с мигающей через стекло охрансистемой «Маус-2». Свой «вольво» Вася решил оставить во дворе, не особенно переживая за его сохранность: вряд ли кому-нибудь удалось бы его угнать.

Ехали действительно около пяти минут, на Новопесчаную. На двери, которую открыл Константин, висела табличка: «Бизнес-клуб „Невка”».

Их встретил вежливый молодой метрдотель, поздоровался, проводил в зал, ничего не спрашивая. Видимо, Злобина в клубе знали.

– Еще бы, – ухмыльнулся Костя, – я же здесь работаю, в охране. Штат небольшой, но дружный и умелый, и клуб популярный. Хочешь, сходим в сауну?

– В другой раз, – пообещал Василий, с любопытством оглядывая небольшой, но уютный зал, аквариум во всю стену, картины по стенам, выполненные в стиле «Ecusson»: соединение рисунка на медной фольге со скульптурными изображениями животных. – Как тебе удалось попасть в столь крутое заведение? Клуб-то небось элитарный?

– Связи, дружище, связи, – засмеялся Константин, беря из рук официанта кожаную папку с меню. – Спасибо, Витя. Выбирай, мон шер, на цены не смотри, фирма платит.

Они заказали соленые грибы – лисички и маслята, форель, салаты – крабовый и овощной, лобстер, копченый угорь, а Злобин еще и телятину в кляре. Оба спиртного не употребляли, но чтобы не обидеть службу клуба, заказали бутылку шампанского. Затем принялись вкушать пищу и вести неторопливую беседу. И впервые за много дней Василий позволил себе слегка расслабиться. Говорил больше Костя, он же только слушал, изредка ловя себя на мысли, что хорошо бы вот так посидеть вдвоем с Ульяной...

Два с лишним часа пролетели незаметно.

В двенадцатом часу ночи приятели добрались до квартиры Злобина и расстались, хотя Костя предлагал заночевать у него. Но у Васи были другие планы на поздний вечер. Он узнал, что хотел, удостоверился в боеготовности товарища и мог на него положиться в трудную минуту. Что такие минуты появятся, сомневаться не приходилось.

А во дворе злобинского дома Василия ждал Вахид Тожиевич Самандар, сидя на лавочке у детских качелей с тросточкой в руке. Вася почувствовал его не сразу, лишь когда подошел к машине: на спину легла невесомая «трасса» чужого взгляда и включила несколько расслабившуюся сторожевую систему организма. Оглянувшись, Вася узнал Самандара – было уже темно, и фонарь во дворе не горел, но это не мешало Котову видеть ночью почти как днем, – подошел к скамейке и сел рядом.

– Добрый вечер. Вы случайно не ко мне?

– Не буду отрицать.

– Поехали, я сейчас временно живу на Рязанке.

– Я знаю, но поговорить можно и в машине.

Они сели в «вольво», Василий включил двигатель и выехал со двора на улицу Зорге.

– Говорите.

– Мне предложили вакантное место в Союзе Девяти. Понимаете, о чем идет речь?

Василий увеличил скорость, помолчал.

– При чем здесь я?

– Это вакантное место предстоит еще освободить.

– Кому понадобилось менять состав Девяти?

– Союзу Девяти. Точнее... его части.

– Кто занимает это место сейчас?

– Хейно Яанович Носовой, начальник информ-службы президента. И он же – маршал «СС».

Василий вдруг засмеялся. Самандар посмотрел на него с удивлением.

– Что вас развеселило?

– Обратите внимание на номер машины впереди.

Вахид Тожиевич глянул на идущую впереди «четверку» и невольно улыбнулся: у машины действительно был примечательный номер – Х-345-ЕР.

Василий посерьезнел.

– Извините. Однако я не знал, что Носовой – один из Девяти.

– Не хотите же вы обвинить меня во лжи. К тому же эта информация смертельно опасна. Обладающий ею в конечном счете...

исчезает. Поэтому о деятельности Союза Девяти не знают даже люди Внутреннего Круга... кроме разве что Собирателей и Хранителей.

– Чего вы хотите от меня?

– Помогите мне войти в Союз. Думаю, что смогу быть вам полезным ответно. Но хорошо бы еще подключить к этому и Соболева.

– Исключено. Матвей не пойдет на ликвидацию Носового... и вообще кого бы то ни было. Я – тоже. Во всяком случае, без серьезных мотиваций.

– Моих уверений недостаточно?

– Нет.

– А если я представлю полный пакет информации?

– Посмотрим.

– Что ж, и на этом спасибо. Высадите меня, пожалуйста, у Белорусского вокзала.

Василий послушно свернул с Ленин градского проспекта направо к вокзалу.

– Хочу вас предостеречь по-дружески, – уже вылезая, сказал Вахид Тожиевич. – Команда КОП – не президентская команда, как вы считаете. В этом вы убедитесь в скором времени.

– А чья же? – озадаченно спросил Василий.

– Это смертники, предназначенные для игр, проводимых небезызвестным вам Рыковым, теперь – советником президента по безопасности.

– Не может быть!

– Вы этого не знали?

– Коржаков не обмолвился ни одним словом... Но зачем Рыкову еще одна команда профи боя и перехвата? У него же, как и у всех деятелей Союза Девяти, наверняка есть дружина телохранителей-зомби.

– Я же сказал: КОП – жертва, объект подставки. Рано или поздно ее накроют, и тогда полетят головы, в первую очередь – Коржакова, во вторую – президента.

– В первую – ребят из команды...

– Это далеко не главное, особенно для Рыкова.

– Зачем это ему? Власть? Но ведь Известные предпочитают работать в тени.

– До свидания. Позвоните мне в МИЦБИ, если надумаете, я буду ждать. И поберегите себя, не увлекайтесь рыцарскими поединками с разного рода бандитской шушерой.

Вася мог бы сказать, что вся эта шушера профессионалу не опасна, что она просто самоутверждается и драться не любит, обожает поговорить, получая наслаждение от своих собственных угроз и криков. Но ничего этого Вася говорить не стал.

Самандар вышел из машины и растворился у входа в метро. Василий только сейчас сообразил, что не успел спросить Вахида Тожиевича – кто сделал ему предложение войти в состав Девяти. С другой стороны, Самандар мог сообщить о Рыкове еще в Рязани, тогда не пришлось бы решать проблему сейчас.

«Впрочем, я бы все равно позвонил Коржакову, – честно признался сам себе Василий, трогая машину с места. – Что же нам теперь делать, а, ганфайтер? Выйти из КОП по собственному желанию уже сейчас, немедленно, или подождать чуток? И как относиться к предложению Самандара? Отказать? Вроде бы неэтично, неудобно, приятель Ули все-таки... а с другой – соперник! Эх, посоветоваться бы с кем...»

Подъезжая к дому, Василий решил немедленно поговорить с Матвеем, а также и с Ульяной. В принципе это был хороший повод для встречи.

Однако участвовать в следующей операции КОП Вася согласился. Совпали некоторые обстоятельства, внезапно дополнившие друг друга, а также разрешились душевные сомнения, мучившие его с момента встречи с Самандаром. И еще очень не хотелось свою деятельность «фельдгегеря» начинать с конфликта с начальством. Обстоятельства же оказались любопытными: работать «копам» предстояло по верхушке «СС», что совпадало и с устремлениями Вахида Тожиевича, устранить маршала «СС» Носового. Короче, Василий согласился, хотя и помнил напутствие Самандара «поберечься». Появилась интересная задача: разобраться, зачем Рыкову, одному из Девяти, и без того обладавшему мощной армией «чистильщиков», понадобилось создавать КОП, команду для особых поручений, все функции которой, по сути, сводились к ликвидации явного и потенциального противника. Эти функции спокойно могла бы выполнять и «ККК»

Два дня ушло на подготовку операции, прогон ее модели на компьютерах, утряску управления и связи. Ранним утром первого июня, в субботу, КОП в полном составе выехала на задание на трех машинах. Василию на этот раз отводилась роль контролера, ответственного за «зачистку» операции. В случае каких-либо осложнений и нестыковок он должен был обеспечить успешное завершение дела или же убрать следы деятельности КОП. Что этими «следами» могли стать члены команды, полковник Каледин по рассеянности не сказал.

По данным Коржанова, из пятисот с лишним депутатов Государственной Думы двенадцать имели явно криминальное прошлое. Как они оказались избранниками народа – вопрос другой. Но погоду в Думе делали другие депутаты, так или иначе связанные с «СС», а их было ни много ни мало – более двухсот! Двое из этих «служителей народа»: Серапион Кочкин, председатель комиссии по информационным технологиям, и Евгений Мореман, секретарь подкомитета Думы по проблемам обеспечения работы депутатов, одновременно возглавляли РСС, разведотдел Сверхсистемы.

Серапион Кочкин, сорокатрехлетний шатен с глазами навывкате, не красавец, но дамский любимец, имел четырехкомнатную квартиру на Арбате и дачу в Воронове, неподалеку от замечательных архитектурных сооружений старинной усадьбы графа Ростопчина – голландского домика, роскошного дворца и церкви Спаса, построенной более двухсот лет назад архитектором Бланком.

Много десятилетий отдыхающим в Воронове не давала покоя тайна усадьбы: в тысяча восемьсот двенадцатом году, когда на Москву шли войска Наполеона, граф приказал спрятать в обширных «тайных лазах» Воронова свои коллекции скульптуры, живописи, фарфора, а саму усадьбу сжечь; постройки потом были восстановлены, а вот коллекции графские так и не нашли, хотя кладоискатели облазали усадьбу и окрестности с миноискателями, лозовыми прутиками и просто с лопатами.

Неизвестно, по какой протекции построил свою дачу в Воронове господин Кочкин и участвовал ли он в поисках сокровищ, однако его загородное пристанище по роскоши не уступало дворцу Ростопчина, разве что сделано было из современных материалов и в ином стиле: трехэтажное, с резными чайными башенками, с куполом телескопа

(любил депутат глядеть на звезды), ну и, как водится, с подземным гаражом, сауной, кухней, столовой на двадцать персон, двенадцатью комнатами разного калибра, четырьмя спальнями и каминным залом. Охраняли дачу пятеро сторожей и натасканные собаки – ирландские волкодавы и лабрадор-ретриверы, черные как ночь. Кроме того, Кочкина всегда и всюду сопровождала бригада телохранителей из четырех человек, бывших «черных беретов» из состава морских сил быстрого реагирования.

Усадьба Вороново расположена на шестидесятом километре Калужского шоссе, от станции метро «Теплый стан» до нее можно доехать на пятисот восьмом автобусе, но Кочкин никогда, естественно, не ездил на автобусах, имея лимузин марки «бьюик лесабре астом». Обычно он приезжал на дачу под вечер, в сопровождении еще двух машин, в одной из которых находилась очередная пассия депутата. Но первого июня Кочкин собирал на даче «малый кворум» – то есть руководителей разведотдела РСС, поэтому приехал в Вороново очень рано, в девять часов утра. Правда, команда полковника Каледина прибыла значительно раньше и была готова к встрече высокого гостя. Точнее, хозяина.

Операция по уничтожению боссов разведки Сверхсистемы началась практически в то же мгновение, как только Серапион Кочкин переступил порог своего дворца.

Первыми сработали снайперы КОП Лямин и Лысцов, уничтожив четырех собак в течение двух секунд. Затем с двух сторон на территорию дачи проникли шестеро бойцов команды, одетые в пятнистые комбинезоны типа «барс». Такими комбинезонами экипировались лишь секретные подразделения ФСБ «Витязь», «Руслан» и «Щит».

Сторожа, охранявшие дачу, в принципе неплохо знали свои обязанности, но, во-первых, были все же любителями, а во-вторых, давно не верили в возможность нападения на босса, а посему находились далеко не в боевом состоянии. Двое из них расстались с жизнью сразу же – они курили в саду, держа свои помповые ружья за спинами. Еще двое играли в карты в дежурке, небольшом дощатом строении возле вторых ворот, во дворе дачи, их взяли тихо, без борьбы, отключив ударами в голову и связав. Пятый сторож, исполнявший

обязанности начальника ОБЕД, отсутствовал – уехал в Москву еще вечером и не вернулся.

Телохранители Кочкина в каком-то смысле были профессионалами, но опыта охраны ОВП не имели, поэтому и действовали далеко не лучшим образом. Во-первых, они вошли в коттедж-дворец депутата все четверо, не подстраховав наружную охрану дачи. Во-вторых, услышав шум во дворе, выскочили из дома все сразу, где их и встретила атакующая шестерка КОП. В-третьих, опытная охрана обычно действует по принципу «спина к спине», если попадает в засаду, прикрывая охраняемый объект или прорывая цепь атакующих, чтобы спасти его. Телохраны же Кочкина, вместо того чтобы вернуться в дом и защищаться изнутри, спасти шефа, приняли бой у главного входа.

Все они были хорошо тренированы, «черные береты» как-никак, владели приемами рукопашного боя и многими видами оружия, но лишь один из них успел открыть огонь из пистолета-пулемета («НК МР5А3» фирмы «Хеклер и Кох», калибр 9 мм, модель, пользующаяся популярностью как у охранников, так и у террористов во всем мире). Очередь из «МР5» прошла одну из машин у входа в центральное строение усадьбы, беседку в глубине сада, но не задела никого из нападавших. После чего стрелявший получил пулю в висок и прекратил сопротивление. Остальные продержались совсем недолго, пока не были выведены из строя жестокими приемами школы унибос, далекими от этики спортивных видов единоборств.

До этого момента операция КОП шла по плану, укладываясь в отрезки времени, просчитанные на компьютере. Но, как известно, реальная жизнь отличается непредсказуемостью, поэтому случилось то, чего не предусмотрели разработчики операции: Серапион Кочкин, будучи человеком опытным в подобных разборках, не вступая в войну с превосходящими силами противника, мгновенно сбежал в подвал, где у него было оборудовано потайное убежище со спецтелефоном, и позвонил в милицию. Правда, его это не спасло, потому что об убежище знали и «копы», но все же этот шаг начальника РСС их задержал, ибо металлическую дверь пришлось взрывать.

А пока бойцы КОП возились с Кочкиным, к даче подъехали и остальные участники «малого кворума»: Евгений Мореман, заместитель начальника РСС «со товарищи» – тремя сотрудниками

разведслужбы и десятком телохранителей. И операция КОП сразу потекла по другому сценарию, выйдя из-под контроля Каледина. Не то чтобы он не предвидел появления других действующих лиц, но не ждал их так скоро.

К счастью, прибывшие не сразу разобрались, что происходит. Пятнистые комбинезоны «копов» издали походили на форму ОМОНа, и многих гостей, имевших криминальное прошлое, а также и настоящее, данное обстоятельство напугало. Поэтому кое-кто кинулся обратно к машинам, остальные же приостановились, глядя на двух омовцев с автоматами, направившихся к ним. Первым стрелять начал один из телохранителей Моремана, определивший настоящую армейскую принадлежность комбинезонов, он и погиб первым – от пули снайпера, контролировавшего территорию дачи. Затем началась полупаника-полувойна, в которой были убиты все приехавшие боссы разведки «СС» и сам Евгений Мореман. Однако зацепило и двух «копов» – Эриха Тропа и Максима Усова. Тротт сумел вырваться из боя и скрыться в саду, где его подобрал Борода – Дмитрий Лысцов, а Усов вынужден был после ликвидации Кочкина ретироваться под защиту стен дачи. А так как времени на отступление у командира КОП уже почти не оставалось, вот-вот должны были прибыть вызванные по тревоге наряды настоящего ОМОНа и милиции, Каледин выпустил наконец контролера – для ликвидации «следов».

– Мы отвлечем их, – бросил он Василию, – у тебя будет всего три-четыре минуты. Убереешь Усова, захватишь его спецуху и оружие, и в овраги. Там тебя подберет один из наших водил на «даймлере». Пошел!

Василий не прореагировал на слова полковника «убереешь Усова», он вспомнил их потом, в данный же момент он жил боем и думал, как выполнить задание чисто и быстро. Темп он включил, как только выбрался из машины управления – не приметного фургона с полосой на борту: «Перевозка грузов».

Сад пробежал за минуту.

Еще одна минута ушла на проникновение в коттедж Кочкина через окно кухни: рывок за решетку окна, удар по стеклу, прыжок внутрь.

Минута понадобилась на поиск Усова; помогла стрельба – Максим изредка огрызался короткими очередями из своего «вебря»,

лежа в холле первого этажа здания и не имея возможности передвигаться. Он был ранен в обе ноги – в бедро и голень. Услышав шум за спиной, он чуть было не вlepил очередь в Василия, и тому пришлось в прыжке выбивать пистолет из рук ослабевшего «копа».

Глаза Усова расширились, он упал на спину, вжался в угол коридора, облизнул губы, бледнея.

– Давай кончай...

– Не дури. – Василий взял его за руку и за талию, рывком поднял, перебросил через плечо. – Потерпи, пока не выберемся, покарауль спину.

Пробежав коридором до кухни, Василий преодолел подсобку, кухню, где у плиты затаилась поварская прислуга, и выскочил во двор, готовый стрелять или драться. Ни того, ни другого делать не пришлось, охрана РСС практически прекратила существование, приехавшие остались позади, у фасада здания, а машины ОМОНа, судя по сиренам, еще только въезжали в Вороново со стороны шоссе.

Усов не шевелился, потеряв сознание от тряски, и Василию выпало тащить его на себе целых три километра по лесу и оврагу, пока он не вышел к месту, где его ждал один из водителей КОП на пятиместном, ржавом, помятом донельзя «даймлере».

Когда они прибыли на базу в Бирюлево, встретивший машину Каледин стал сначала багровым, потом белым.

– Спасибо, – слабо улыбнулся Усов, когда его выносили из машины. – Я теперь твой должник.

– Сочтемся, – равнодушно ответил Василий, провожая взглядом носилки, не обращая внимания на переговаривающихся бойцов отряда, обступивших машину.

– Ты, герой! – раздался над ухом Василия сдавленный от бешенства голос Каледина. – Ты понимаешь, чем рисковал? Ты должен был... замести следы... твою мать!

– Пошел ты, полковник, – любезно ответил Василий. – Я в такие игры не играю. Эта была последней.

– Да я тебя... без суда и следствия! Наши законы ты знаешь...

Василий медленно повернул голову к полковнику, смерил его ничего не выражающим взглядом, и Каледин умолк.

НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...

У директора Федеральной службы безопасности, коим после отставки Коваля стал начальник Управления «К» генерал-майор Владимир Алексеевич Бондарь, проблем хватало. Поэтому донесение соответствующих подразделений о нешуточном бое в Воронове, после которого там обнаружили одиннадцать трупов, повергло Владимира Алексеевича в состояние крайнего раздражения. В тот же день он вызвал к себе начальников Управления «Т» (по борьбе с терроризмом и бандитизмом) и «СО» (спецопераций).

Генералы Баканов и Первухин явились в кабинет минута в минуту, хотя оба ехали на Лубянку с разных концов города: один с Рязанского проспекта, другой из Крылатского. Насколько Первухин был высок, худ, лысоват, подобран, настолько Баканов был широк в кости, вальяжен и прочен. Вдобавок он носил усы. Но обоих генералов роднило умение быстро принимать решение и быстро действовать.

— Слушаю вас, товарищи генералы, — скрипучим голосом произнес директор ФСБ. — У меня на столе запрос Думы: когда мы остановим наконец волну терроризма, захлестнувшую страну? Что происходит? За две недели убиты четыре депутата, двадцать с лишним сотрудников спецслужб! Чем занимается ваша служба, Игорь Владимирович?

Генерал Баканов выдержал взгляд из-под косматых бровей, помолчал немного, потом сказал в обычном своем стиле:

— Работаем.

— Плохо работаете! Взяли убийц Забодыко?

— Их же «взяли»... «чистильщики».

— Я не уверен, что «чистильщики», — тихо заметил генерал Первухин.

— Вот именно! Кто-то вырезает весь киллер-центр, а мы даже не знаем, чьих это рук дело! А кто убил Бородкина, уже выяснили?

Баканов и Первухин переглянулись.

— Работали профессионалы...

— Это я и сам знаю! Кто именно? Из какой конторы? «СС»? «ККК»?

– Появилась третья сила, – все так же тихо сказал Первухин. – Явно не Сверхсистема, но и не «Чистилище», хотя работают эти люди сверхпрофессионально.

– Есть предположение... – через силу выдавил из себя Баканов, не любивший раскрывать карты раньше времени. – Кто-то из высшего эшелона создал команду для ликвидации потенциальных соперников...

– Чушь! Бородин всегда сидел в стороне от всех политических разборок, не высывался. Кочкин же был связан с известными нам криминальными структурами, ему шум тоже был ни к чему. Но убрали именно их. Почему?

Вопрос был из разряда риторических, и Баканов промолчал.

– Я согласен с мнением Игоря Владимировича, – сказал Первухин. – Какой-то очень большой человек на самом верху создал свою собственную команду. Вас не удивляет, Владимир Алексеевич, одно обстоятельство? Почему президент вдруг перестал теребить нас за убийства депутатов? Когда он вызывал вас в последний раз?

Коваль задумался, машинально закуривая.

– После убийства Забодыко, пожалуй...

– Потом убили Бородина, Кочкина, Моремана, Винокура, Петросяна... и ничего? Где благородный гнев? Где разносы? Внеочередные заседания Совета безопасности? Почему не летят головы?

Директор ФСБ озадаченно разглядывал строгое лицо Первухина, и даже Баканов глянул на сослуживца с удивлением.

– Что ты хочешь этим сказать, Федор Ильич?

– Ничего, – последовал лаконичный ответ. – Я просто думаю.

– А поконкретней? Сказал «а», говори «б».

Начальник Управления спецопераций покачал головой. Он был достаточно умен, чтобы понимать: инициатива всегда наказуема, даже если ты просто размышляешь вслух. У него, конечно, была версия относительно волны смертей депутатов Госдумы и сотрудников спецподразделений, но высказывать ее до времени он не хотел.

– Не знаю, Владимир Алексеевич, данных недостаточно для конкретных выводов.

Директор ФСБ понял своего подчиненного, помрачнел.

– А когда будет достаточно? Когда ваша «третья сила» перестреляет половину парламента? – Он перевел взгляд на ерзавшего

на стуле Баканова. – Генерал, чтоб через три дня у меня был результат по делу Кочкина! То, что президент не вызывает на ковер, еще ни о чем не говорит. Но головы полетят, я уверен. А вслед за моей...

– Понял, товарищ генерал! – вытянулся Баканов, вставая. – Разрешите выполнять?

Встал и Первухин, разглядывая над столом за спиной директора портрет президента в натуральную величину. Бондарь оглядел их, понимая чувства обоих, усмехнулся.

– Ладно, не тянитесь, исполнительных служаек вы изображаете плохо. Работайте быстрее, генералы, ФСБ должна стоять над ситуацией, а не под ней. Ясно?

Начальники управлений молча наклонили головы.

– А вам, Федор Ильич, все же придется высказать свои соображения по поводу... э-э, «третьей силы». В письменной форме.

– Вряд ли у меня получится, – возразил Первухин. – Я исполнитель, а не аналитик.

– Идите.

Генералы вышли.

– Ну, что ты об этом думаешь? – закурил в коридоре Баканов. – Не было печали...

– Был такой польский писатель, Станислав Лем...

– Почему был? Он и сейчас живет, пишет.

– Я как-то читал его интервью, где он высказал мнение о политиках. Постой-ка, вспомню... Ага, он сказал так: политик не должен быть слишком умным. Очень умный политик видит, что большая часть стоящих перед ним задач совершенно неразрешима.

– Ну правильно.

– Эта формула вполне отражает уровень директора. Меня-то он зачем вызвал? Я действительно не анхтатик и не следопыт. Хочет повесить «мертвяка»?

– Вполне возможно. Пути отхода и ему нужны. Однако я о другом. Кому понадобилось создавать спецкоманду? Может, Коржанову?

Первухин иронически прищурился, и Баканов понял, что ответа не получит.

ОТКАЗ j 2

Несмотря на основательный опыт трансовых путешествий – по мировой линии рода Соболевых, во время которых Матвей как бы внедрялся в память своих предков и мог видеть мир прошлого их глазами, ему никак не удавалось опуститься по времени в прошлое ниже определенного предела: все его «погружения» заканчивались в телах Перволюдей – полульвов-полулюдей-полунасекомых. То есть, если брать определенный отрезок земной истории, период, в который попадал Матвей, соответствовал стыку протерозоя и кембрия – около пятисот пятидесяти миллионов лет назад, когда природа Земли после колоссальной встряски Изменения реальности снова испытала бурный всплеск жизни, и по суше наряду с первыми измененными Инсектами уже бродили гигантские рептилии, динозавры и быстро прогрессирующие отряды млекопитающих.

Все попытки Матвея «нырнуть» за предел Изменения – хотя бы на миллиард лет назад, в мир Инсектов – терпели неудачу.

Вот и на сей раз, погрузившись в трансовый сон, он выплыл из временного «водопада» в теле одного из своих первопредков, видимо курьера или разведчика, посланного каким-то из кланов Перволюдей в один из районов материка, где когда-то обитали Инсекты.

Вход в сон напоминал зеркало: Матвей как бы продавил телом отражающую поверхность, преодолел залитый светом проход, не обращая внимания на тихие шорохи, шепоты и вздохи, пережил состояние невесомости, потом приятной расслабляющей эйфории и превратился в стремительный поток энергии, пронизывающий пространство генной памяти отца, деда, прадеда...

Сознание в этом полете не участвовало, прочерчивая штриховую трассу смысловых вспышек. Личностью Матвея, его «я» управляло подсознание, и именно оно останавливало падение в прошлое, непостижимым образом внедряя душу Матвея, его сознание, память, интеллект, чувственную сферу в сознание одного из предков...

Он недвижно стоял на склоне горы и смотрел вниз, на расстилавшуюся у подножия горы холмистую равнину. Холмов было много, и располагались они не как попало, а в шахматном порядке, и

кое-где на их вершинах еще сохранились грибообразные башни – палеоменгирь, жилища древних разумных термитов – Изоптеров. Один из палеоменгиров был особенно велик и сложен, он, очевидно, принадлежал царской семье Изоптеров, а в его чешуйчато-рельефную стену уткнулся гигантский скелет колеоптера, похожий на танк, собранный из костей. Матвей, вернее, тот, в сознании которого он устроился тайным лазутчиком, задержал взгляд на скелете, потом достал ктар – бинокль, позволявший перестраивать фасетчатое зрение Инсектов в бинокулярное – людей.

Колеоптер приблизился – жуткое творение природы, задолго до появления человека и его машин для уничтожения себе подобных – танков реализовавшей эту же форму в живых существах. Еще труднее было вообразить, что «танк» – скелет разумного жука...

Окинув взглядом небосвод, Матвей-носитель (в отличие от Матвея-наездника) обогнул скалу и тяжело влез на гигантское шестипапое животное, заменяющее Перволюдям коней. Пока всадник спускался по склону горы на равнину, Матвей-второй осмотрел его снаряжение, и уверенность в том, что его неведомый предок – разведчик, окрепла: всадник был вооружен арбалетом, копьем, мечом, целым колчаном метательных ножей, набором дротиков и плетью с колючим шаром на конце. В случае чего он мог отбиться от небольшой стаи измененных Инсектов или от шайки грабителей, существовавших уже и в те времена.

Тяжелой иноходью шестипап вынес своего повелителя к первому ряду холмов, пошел медленнее. Матвей-первый снова приставил к глазной щели ктар, вглядываясь в покосившиеся башни термитников, но все было тихо, ветер посвистывал в щелях входов, играл текучими струями пыли, шевелил высохшие ленты ползучих растений. Приблизившись к царскому дворцу, всадник спрыгнул на землю, достал арбалет, несколько ножей, какую-то короткую палку с белым наконечником и полез на холм. Остановился возле скелета колеоптера, внимательно осмотрел его со всех сторон и шагнул в треугольную щель главного входа во «дворец». Матвей-второй успел заметить пористо-глазурованную поверхность стен башни и понял, что «дворец» Изоптеров когда-то горел. А может быть, перенес термический удар, оплавивший стены, изменивший его геометрический рисунок.

Матвей-первый что-то сделал второй парой рук, обычно прятавшихся под панцирем на животе, и белая нашлапка на конце палки загорелась ядовитым пронзительно-зеленым пламенем, стреляя искрами, как бенгальский огонь. Мимо потянулись крупнопористые, почерневшие, в пятнах лишайников стены коридора, который, дважды повернув, вывел разведчика в тронный зал «дворца». Матвей прошагал к центру зала и поднял выше свой необычный факел. В его неверном свете Матвей-второй разглядел расколотый надвое трон – бликующий многогранный шатер с тонкими витыми ножками и глыбой саркофага. От шатра несло пылью, запустением, давней смертью и безнадежной древностью. Было ясно, что хозяева «дворца» Изоптеров давно исчезли с лица земли, а если кто и жил здесь, то лишь летучие мыши и одичавшие потомки Инсектов – пауки, мокрицы и тараканы.

Тяжело топая в застывший рябью пол, Матвей-первый приблизился к трону, грохнул рукой в перчатке по вздутию саркофага, и тот внезапно раскрылся, как раскрывается коробка под действием пружины. Внутри трехметровой ячейки на толстом слое не то паутины, не то ваты лежали почерневшие останки Изоптера, командира семьи, древнего разумного термита. Несколько секунд Матвей-первый смотрел на останки, потом повернулся к саркофагу спиной.

До этого момента Матвей-второй не вмешивался в действия хозяина тела, теперь же его интересы разошлись с интересами предка. Усилием воли он «выпрямился» внутри тела и занял весь объем сознания Первочеловека. С этого мгновения он мог командовать телом сам, и с этого мгновения вся человеческая история могла измениться от каждого его шага! Именно это имели в виду Посвященные из Союза Девяти, когда говорили о ретроактивном воздействии, именно этого боялись они, и не только они, но и Хранители Внутреннего Круга. Однако Матвей не догадывался о своих возможностях, считая свое ретропутешествование пусть необычным, но сном.

Он повернулся к саркофагу Изоптера, преодолел внутреннее сопротивление и суеверный страх, пошевелил останки «царя», легкие, пустотелые, как скорлупа, и нащупал некий изогнутый предмет. Медленно вытащил его из-под хитинового панциря Изоптера: нечто вроде старинного кремневого пистолета с рифленой рукоятью, толстым пупырчатым стволом и сложным курком. «Пистолет» отсвечивал тусклым золотом и был тяжел, как двухпудовая гиря.

Хмыкнув, Матвей перехватил «пистолет» поудобнее, направил ствол на стену зала и нажал на спуск. Вернее, хотел нажать. Кто-то с невероятной силой вырвал «пистолет» из его руки, а удар по голове бросил Матвея в беспамятство...

«Выплыл» он из этого состояния уже в каюте яхты, стоявшей на якоре возле любимых Стасом и Кристиной островков.

Рядом, на соседних койках, спокойно спали Кристина и мальчишка. В каюте стоял тонкий запах духов женщины, в последнее время она предпочитала «Жеозе» французской фирмы «Карвен».

Матвей несколько мгновений ласкал ее взглядом, потом встал с койки и принял на полу подмасану. Наклонил вперед голову, пока подбородок не прижался к груди, позволил телу свободно реагировать на происходящие в нем процессы и спустя минуту перешел на так называемое «огненное дыхание», при котором брюшная полость расширяется во все стороны равномерно. Через несколько минут, закончив массаж внутренних органов, он был полностью спокоен и воспринимал большинство полей и излучений, пронизывающих воздух, море, всю Землю как планету. Непосредственной опасности будущее – утро по крайней мере – не предвещало, но состояние мира было тревожным. Темные облака эгрегоров – психических излучений основных групп людей – постепенно сгущали цвет, что говорило о негативном изменении общего пси-фона; мир сдвигался к резонансу зла, несмотря на видимость внешней стабилизации обстановки во всех странах. Но усиливающаяся волна терроризма вскоре грозила превратиться в цунами, в ураган, сметающий все на своем пути. Человечество шло к гибели, как разумный вид, подвластное Закону изменения энтропии. И в этой общей разбалансированности добра и зла готовилась кем-то «ниша страданий» и для семьи Матвея Соболева. Тонкие струйки враждебного дыхания этой «ниши» Матвей уже ощутил...

Закончив медитативный сеанс успокоения и оздоровления, он вышел на палубу яхты и долго любовался луной, спящим морем, лунной дорожкой, звездным небом... О своем сне-путешествии думалось как-то отстраненно, словно он видел фильм, а не был его участником. И вот ему показалось, что кто-то огромный, как Вселенная, тенью навис над морем, посмотрел на человека сверху задумчиво и строго, с долей недоумения, и погрозил пальцем...

Кристина все еще спала, когда мужчины (Стас приучился вставать рано утром, почти с восходом солнца) приготовили завтрак и разбудили ее утренней молитвой:

— О, святая Кристина, покровительница сирых и слабых семейства Соболевых, смилуйся над нами и отведай пищи, которую послал Бог, оцени мастерство слуг твоих и отринь сон, и восславь природу, дарующую радость...

— Аминь! — звонко закончила Кристина, появляясь на пороге каюты, потянувшись всем телом, и мужчины, глядящие на нее с высот разного опыта и возраста, но с одинаковым восхищением и любовью, бросились перед ней на колени.

Потом они завтракали, купались, ловили крабов, а когда Кристина легла с книгой в шезлонг, заслонясь от солнца зонтиком, Матвей и Стас принялись играть в дартс, метая стрелки в мишень с разной дистанции и азартно споря, кто удачнее бросал. Одновременно Матвей тренировал свое новое умение контролировать сознанием рефлекторные процессы — сердцебиение и дыхание. На уровне высокого напряжения нервной системы это удавалось легко, в обычном же состоянии организм сопротивлялся, то и дело останавливая сердце. Именно это обстоятельство и объясняло промахи Соболева-старшего во время игры. Правда, радость Стасу промахи отца доставляли искреннюю.

Играть он прекратил, почувствовав внутренний дискомфорт. Сторожевая система организма проснулась и тихо «зарычала» на тончайшее дуновение опасности.

В принципе для Матвея само понятие «неожиданность» перестало существовать. Ему давно стали подвластны не только острые ощущения опасности — сакки, как говорят японцы, что в традиции ниндзюцу обозначает «ветер смерти», интуитивное ощущение внезапного нападения — но и более тонкие полевые нарушения вакуума, сдвиги внешних состояний структур — от элементарных частиц до массивных скоплений материи — зданий, сооружений, машин, лесных пространств и гор. На природном равновесии отражается не только действие человека, но даже его слово и мысль, просто надо знать законы, позволяющие уловить воздействие, прочитать его. Матвей знал.

Поэтому, когда на горизонте появился быстроходный катер с двумя пассажирами, он был готов к приему гостей. То, что они ищут его, он не сомневался. Не сомневался Матвей и в недобрых намерениях гостей, потому что дисгармония от появления катера не уменьшалась по мере его приближения.

– Па, смотри – катер! – обернулся на звук мотора Стас. – Похоже, к нам идет.

– Спустись с мамой в каюту, – тихо произнес Матвей, глянув на встрепенувшуюся Кристину. – Крис, посидите несколько минут в каюте, хорошо?

– Что-нибудь не так? – Кристина посмотрела на идущий полным ходом катер, нахмурилась. – Ты думаешь...

– Идем, мадэ Крис, – дернул ее за руку мальчишка, понимавший Матвея с полуслова. – В карты поиграем, пока па с ними выяснит отношения. Спорим, обыграю?

Матвей улыбнулся, подмигивая парню. Он научил всех играть в белот, и Стасу очень понравилась эта сложная игра. Кристина, также хорошо улавливающая настроения мужа, спокойно улыбнулась в ответ.

Катер сбавил ход, подошел к яхте впритирку, качнув ее слегка волной, и на палубу, держась за леер, ловко перебрались пассажиры катера, как оказалось, японцы. Прищурившись, Матвей разглядывал обоих, не вставая из шезлонга. Оба, явно профессиональные воины, были очень сильны, судя по ауре и несуетливым раскованным движениям, но один из них скорее всего обрусел, переняв западную манеру поведения, а второй вел себя как все мэйдзины, мастера ниндзюцу, свободно читающие противника.

Несколько мгновений Матвей и японец (лет сорок, возраст наивысшего расцвета мастерства при соблюдении всех традиций нинпо тайдзюцу) смотрели друг на друга не шелохнувшись, потом японец отступил назад, поклонился и прыгнул на корму катера, сел на сиденье в кабине и застыл. Второй гость покосился на него, но отступать не стал, не потому, что реакция спутника не произвела на него впечатления, а по причине более прозаической: ему дали задание, он должен его выполнить.

– Я Дзиро Маюмура, – сказал японец практически без акцента, что указывало на правильную оценку Соболевым его личности –

мастер долго жил в России, может быть, с рождения. – Меня послал Посвященный с предложением...

– Стоп! – прервал гостя Матвей, поднимая руку. – Не стоит продолжать. Я не хочу знать, кто этот Посвященный, хотя вычислить его нетрудно. Я не жду никаких предложений, это первое. Не стремлюсь ни к славе, ни к власти, ни к богатству, это второе. И последнее: передайте вашему хозяину, что я не потерплю ни малейшего давления, от кого бы оно ни исходило. Человек я сугубо мирный, но всегда готов ответить адекватно. Ваш друг из Страны восходящего солнца, честь ему и хвала, это понял.

– Я закончу, – невозмутимо продолжил Маюмура. – Не хотите участвовать в коррекции – я передаю слова моего хозяина, – ваше дело, но тогда сообщите хотя бы координаты мира, где хранится действующий «трон».

Матвей понял, что речь идет о МИРе – «модуле иной реальности» Инсектов, в котором остался включенным саркофаг последнего «командира» Арахнидов. С его помощью полтора года назад Матвеем удалось заблокировать все входы в уцелевшие МИРы и перекрыть границу запрещенной реальности Земли. Но многим из Посвященных, членов Союза Девяти Неизвестных, захотелось исправить положение, при котором они потеряли былую власть и вес, откорректировать реальность по-новому – и ради этого они были готовы на все. Первым к Соболеву пришел Юрьев, подчеркнуто открыто, не убоившись раскрыть себя. Он попытался прощупать мыслесферу Матвея, пробить блоки и подчинить волю, но натолкнулся на непробиваемую пси-защиту и отступил. Его предложение дать доступ к Знаниям Бездн в обмен на доступ к МИРам Матвей посчитал несерьезным. Если бы Юрий Бенедиктович имел этот доступ, ему не понадобилось бы уговаривать Соболева открыть вход в МИР Арахнидов.

Матвей не раз вспоминал своего тезку Матфея-Хранителя, предупредившего о возможных появлениях Посвященных, однако только теперь понял, что его действительно не оставят в покое, пока он не согласится или не предпримет какие-то контрмеры. Этот японец, мастер «гашения обликов», посланец таинственного Посвященного (скорее всего Рыкова или Носового), вряд ли догадывается, кто его хозяин на самом деле и что такое МИР, упомянутый им, но настроен

весьма решительно. Господи, подумал Матвей, как не хочется возвращаться на тропу войны!..

– Я не знаю координат входа в МИР, – сказал он, более не излучая доброжелательности. – Передайте Хейно Яновичу – я правильно определил имя вашего хозяина? – что ему я не сказал бы этого, даже если бы знал координаты. Впрочем, как и любому другому из Девяти. Вы запомнили?

Что-то быстро-быстро сказал по-японски спутник Маюмуры, сидящий в катере. Судя по интонации, он предлагал приятно отступить.

Маюмура был шокирован, но природная невозмутимость помогла ему прийти в себя.

– У меня приказ, – проговорил он, вытаскивая из-за ремня под рубашкой тяжелый пистолет. На Матвея выплеснулась волна угрозы – деловой, рабочей, так сказать, без ненависти и злобы. Японец действительно имел приказ заставить Соболева заговорить.

Но как ни быстро двигалась рука Маюмуры, направляя ствол пистолета (не пистолета – «глушака»!) в голову полулежащего в шезлонге Соболева, как ни спешил палец нажать на спуск, Матвей действовал быстрее. За сотую долю секунды до выстрела он ушел с трассы луча, в стиле кайтэн достиг Маюмуры и, коснувшись его колена, послал японца в состояние ступора. Подобрал выпавший из руки «глушак», бросил в воду, мягко похлопал гостя по щекам.

– Ну как, все в порядке? Идти сможете?

Маюмура потряс головой, огляделся вокруг все еще затуманенными глазами и, деревянно переставляя ноги, двинулся по палубе яхты к борту, с трудом перелез на корму катера, сел к штурвалу.

– Вы все запомнили? – вежливо спросил Матвей, глядя на обоих пассажиров сверху.

Маюмура включил мотор, катер взревел и прыгнул вперед, задев борт яхты. Из каюты на корме выглянул Стас, на лице которого читалось восхищение.

– Ты даешь, па!

Появилась Кристина в халатике, подошла к Соболеву, чмокнула его в щеку.

– Ты был великолепен!

– Так вы подсматривали? – Матвей напустил на себя сердитый вид. – Я же велел не высовываться.

– Мы и не высовывались, – засмеялся Стас. – Ты забыл про перископ. Ну что, купаться? Или продолжим бросать стрелки?

– Я покемарю. – Матвей прошлепал ко второму шезлонгу и улегся рядом с женой.

– Чего они хотели? – тихо спросила женщина.

– Предлагали хорошо оплачиваемую работу.

– Ты согласился?

– Я сказал, что неплохо живу на стипендию жены.

Кристина фыркнула.

– А если серьезно? У меня нехорошее предчувствие...

– Не волнуйся, все будет хорошо. Как он? – Матвей бросил взгляд на живот жены.

– Шевелится изредка, но вообще спокойный парень, весь в тебя. Но ты не сказал, кто это был.

Матвей сделал вид, что заснул. Потом позвал Стаса:

– Эй, матрос, готовь корабль к походу, меняем дислокацию.

– Есть, шкип! – с готовностью отозвался мальчишка и закричал звонким голосом:

– Бом-брам-рею развернуть! Эрнс-бакштаги закрепить! Брасы и шкоты вытравить! По марсеям стоять, с якоря сниматься!..

О ЧЕМ ГОВОРИТЬ, ЕСЛИ НЕ О ЧЕМ ГОВОРИТЬ?

Полковник Каледин оказался умнее, чем обычный армейский командир. Он не стал задерживать Василия после разборки операции по ликвидации разведотдела Сверхсистемы и ни словом не обмолвился, назначая сбор команды на воскресенье второго июня.

Поэтому ничего не подозревавший Котов, собиравшийся встретиться с самим Коржаковым и перейти в его непосредственное подчинение, был весьма неприятно удивлен, когда Каледин завел его в дежурку на территории базы и сказал сухо:

– Вы арестованы, Котов. До выяснения позиций. Сдайте оружие.

И тотчас же в комнату размером три на четыре метра, с решетками на окнах, со столом, двумя стульями и монитором телеобзора территории вошли трое «копов» с автоматами в руках: Скворцов и Бразаускас – с «узи», Лямин – с «ником».

Василий бегло оглядел ребят: Андрей Скворцов выглядел явно смущенным, Витас Бразаускас был холоден, как всегда, Сергей Лямин играл сверхкругого профи, которому сам черт не брат. В принципе он был неплохим рукопашником и отличным снайпером, но гонор и презрительное отношение к противнику мешали ему стать настоящим мастером боя.

– Во-первых, я не ношу оружия, – спокойно сказал Василий. – Во-вторых, за что я арестован? Какие позиции должны быть выяснены, когда и с кем?

– Ты задаешь много вопросов, ганфайтер, – произнес брезгливо Лямин. – Пошли, посидишь в КПЗ денек-другой, подумаешь, как надо выполнять приказы командира.

– Никуда я не пойду. – Вася уселся за стол, заняв с виду предельно неудобную позицию для человека в этом положении. Опытные в подобных делах бойцы должны были оценить это, но именно на такую оценку он и рассчитывал, зная, как расслабляет людей уверенность в своем превосходстве. И он не ошибся: Скворцов и Бразаускас опустили автоматы, Лямин перехватил свой «никон» левой рухей.

– Итак, полковник? В чем дело?

Каледин сдвинул брови, озадаченный поведением подчиненного.

– Ты знал, на что шел, когда звонил мне. Или будешь подчиняться без всяких условий, или...

– Договаривай, здесь все свои. – Вася сделал широкий жест рукой, наблюдая, как на него прореагируют конвоиры. Никак. Очень хорошо!

– Или мы больше не встретимся, – совсем уж сухо закончил Каледин.

– Ах, даже так? – Вася покачался на стуле вперед-назад. – Говорил мне дед: не увлекайся беспорядочными сексуальными связями, сразу подхватишь, а я не послушался. Помнишь, полковник, что я сказал при первом знакомстве?

– Давай двигай! – замахнулся прикладом автомата Лямин.

И Василий ответил ему одним из приемов «импоссибл», разработанных специально для кажущихся безнадежными и невыгодными положений; применять космек он не мог – ребята были ни в чем не виноваты, а ТУК – не хотел.

Конечно, общеизвестно, что самый быстрый удар ногой в прыжке значительно медленнее выстрела из пистолета и даже профессионального удара ножом, например, мечом или кулаком. Но когда помещение очень тесное, развернуться негде и удар не виден из-за тела соратника, такой удар проходит.

Уколов Лямина в сонную артерию, Вася тут же врезал ногой Бразаускасу в подбородок, а Скворцову рукой в живот, пробивая мускульный каркас. И бой закончился. Автомат, отобранный у Лямина изящным круговым движением с уклоном и поворотом, смотрел Каледину в грудь.

Полковник ошарашенно проследил, как падают гаранты его безопасности (Лямин – тихо, как мягкая игрушка, Бразаускас – с грохотом, ломая стул, Скворцов – согнувшись), поднял глаза на Василия:

– Не дури, Котов. Ты же понимаешь, уйти отсюда тебе все равно не удастся.

– Ошибаешься. – Василий ловко крутанул в руке «никон», удобный, увесистый, грозный и красивый автомат, один из лучших в мире, если не лучший. – Я уйду. Но прежде я все же хотел бы поговорить с начальством.

– Я к вашим услугам, – раздался из-за двери тихий, ничего не выражающий голос, и в комнату вошел Рыков Герман Довлатович собственной персоной. За ним бесшумно просочился один из «копов» – Темир Жанболатов, и по тому, как он держал внимание на Рыкове, Василий понял, что Темир – телохранитель Рыкова, а может быть, и помощник. Оглядев поле боя, медленно приходявших в себя бойцов КОП, Герман Довлатович искривил губы в понимающей усмешке и сел у стола на уцелевший стул.

– Я не успел... – начал Каледин.

– Выйди, Семен Петрович, – сказал Рыков, – и мальчиков заberi. Я хочу поговорить с Котовым наедине.

– Но он...

Рыков с кротким укором посмотрел на полковника, и тот вышел, жестом приказав остальным следовать за ним.

– Садись, ганфайтер, поговорим.

Василий ногой подвинул к себе табурет, сел.

– О чем пойдет речь?

– О чем говорить, если не о чем говорить, так? – улыбнулся бледными губами Герман Довлатович, и Василию показалось, что под черепом у него зашевелились-побежали муравьи. Он напрягся, ощущение прошло.

– Примерно так.

Улыбка Рыкова погасла.

– Не бузи, ганфайтер. Ты в самом деле знал, на что шел, соглашаясь на предложение Коржакова. КОП – не спортивная команда, законы ее жизни значительно суровей, зато и возможности гораздо шире. А ты – человек действия, и путь твой – карма марга, а не нивритти марга.

– Я не подражался работать обыкновенным киллером.

– Согласен. Это была моя инициатива – пригласить тебя в команду, я исправлю положение. Тем не менее хочу уточнить: ты еще не сакши, как твой друг Соболев, а садхака, которому полезен опыт ликвидации других людей. Надеюсь, терминология йоги тебе знакома?

– Соболев – не сакши. – Вася проглотил обидную нотку насмешливого превосходства в голосе собеседника. – И пусть я садхака, ликвидатором все равно не стану. – Василий подумал и добавил:

– Если только меня не вынудят защищаться. Что касается Матвея, то он скорее самахитачитта, а не сакши.

– О Соболеве разговор особый. Давай решим, что делать с тобой. Итак, работать в КОП ты отказываешься...

– Я отказываюсь только от «мокрых» дел, – сказал Вася чуть резче. – Могу, в конце концов, работать фельдъегерем, контролером, порученцем, поваром наконец... если рентабельно ганфайтера держать за «шестерку» на побегушках.

– Но и отпустить тебя на все четыре стороны мы не можем. Согласись, после всего, что узнал, ты прямая угроза утечки стратегически важной информации по уровню «четыре нуля». Даже если тебе удастся уйти отсюда живым, всегда отыщется исполнитель более высокого класса и приведет приговор в исполнение.

– А что, приговор уже готов? – угрюмо любопытствовал Василий. – Боюсь, исполнителя такого класса вы будете искать долго.

– Вопрос времени – не главный. Но оставим схоластические споры. У меня есть более сильное предложение. Ты ведь знаком с Вахидом Тожиевичем Самандаром, президентом МИЦБИ?

– Вы прекрасно знаете, что знаком.

– Он кандидат в Союз Девяти. О чем идет речь, понятно? Желательно, чтобы ты ему помог. Для чего необходимо убрать маршала «СС» Хейно Яновича Носового. Думаю, в этом случае проблема этики решена, потому что Носовой по всем законам – носитель зла. Не так ли?

– Кто взвесит зло? Может быть, вы по тем же законам не меньший носитель зла. – Василий, уже получивший предложение Самандара, продолжал соблюдать внешнюю невозмутимость. Рыков не мог знать о визите Самандара к Котову и о его просьбе помочь, но совпадение предложений навевало кое-какие ассоциации.

– Почему именно вы проявляете заботу о Самандаре?

– Дело не в нем лично, просто он подготовлен к работе в Союзе, дело в Хейно... э-э... Яновиче. Носовой перестал быть одним из, некоторые его действия идут вразрез с волей Девяти. Он должен уйти.

– А разве Союз не решает сам вопросы отставки того или иного члена? Путем голосования, например? И разве вы не теряете секретность деятельности Союза, привлекая к своим проблемам непосвященных? Ведь ваша организация называется Союзом Девяти

Неизвестных. Неизвестных! А я уже, по сути, знаю троих. Или вы меня потом, после выполнения задания, ликвиднете?

– Отвечаю по порядку. – Рыков был само терпение и кротость. – К сожалению, голосование на нынешнем этапе отношений невозможно, в Союзе образовались три коалиции, и решающего большинства голосов набрать не удастся. Что касается тайны... да, Неизвестные должны оставаться неизвестными, но и они при выполнении своих планов опираются на простых смертных. А особо приближенные иногда становятся людьми Внутреннего Круга. Так что у тебя есть перспектива.

– Благодарю покорно. Я и сам иду в нужном направлении. А если я откажусь?

Рыков не ответил, но и без того ответ его был ясен.

– И все-таки мне надо все взвесить.

– Взвешивай, – неожиданно легко согласился Генеральный Судья «Чистилища», встал и словно навис над Василием огромной стеной, хотя даже стоя едва ли доставал ему, сидящему, до макушки. Постоял немного и тихо удалился, не сказав больше ни слова. Это было мысленное предупреждение, слабый энергоинформационный выпад, смявший эфирную оболочку – ауру Котова, но он этого не понял, посчитав свои ощущения реакцией на разговор.

Через минуту в дежурку зашел озабоченный Каледин.

– Что он тебе сказал?

– Посоветовал думать, прежде чем совать голову в петлю.

– Хороший совет. Мне приказано оказывать содействие... – Каледин с любопытством глянул на отрешенно-безучастное лицо Котова. – Ну, ты и фрукт, ганфайтер! Что ж молчал?

Вася глянул непонимающе.

– О чем?

– Герман сказал, что ты – резерв главного командования. То есть, я так понимаю, самого президента. Верно?

– М-м-м... – сказал Василий.

– Понятно. Можешь убираться... или оставаться, как пожелаешь. На территорию базы вход для тебя открыт в любое время суток. Пожелания какие-нибудь будут?

– Нет.

– Тогда прими еще один совет: остерегайся Серегу Лямина. Ты его побил дважды, а такие не прощают.

– Переживу, – равнодушно произнес Василий. – Врага нынче иметь выгодней, чем друга.

– Это почему?

– По крайней мере он не предаст.

Василий вышел из здания дежурного поста, глянул на замолчавших парней – Скворцова, Лямина, Бразаускаса, Тротта, помахал им рукой и направился к стоянке машин, где стоял его «вольво» и откуда только что уехал Рыков в сопровождении Жанболатова. Что делать дальше, Василий не знал. С одной стороны, Рыков был прав: по характеру он человек действия, скорее трудолюбивый, чем талантливый. Но это не означало, что он не умел размышлять и принимать решения на основе размышлений. Он мог быть жестоким – при необходимости, но чаще поступал великодушно, уходил от дела, если считал, что это необходимо, так как организовывал ритм жизни по внутренней оценке смысла, но тут же брался за дела, практически его не касавшиеся. Однако данный случай был особым. С одной стороны, Василий не прочь был помочь Вахиду Тожиевичу стать одним из Девяти, все же полтора года назад они сражались на одной стороне. С другой – эта помощь могла выйти боком, потому что тут замешан Рыков, личность темная и неприятная.

«Взвешивай», – сказал он. Что ж, хороший совет. А что бы посоветовала Ульяна? Может, все-таки съездить к ней, поговорить?

Еще не приняв решения, Василий понял, что поедет в Рязань во что бы то ни стало, имея все основания для визита.

Они встретились на Новопесчаной у знакомой двери с медной табличкой «Бизнес-клуб „Невка“»: Василий, Костя Злобин и его девушка, которую звали Светлана. Симпатичная курносая девушка с длинными русыми волосами и серыми глазами, и она хорошо дополняла Константина, человека, в общем-то, незлобивого, несмотря на фамилию, но весьма независимого и свободолюбивого.

– Видно пана по халяве, – шепнул Вася Косте на ухо, когда они познакомились, имея в виду его подругу. Костя понял это как комплимент.

– Ты еще не знаешь, какова она в постели, – самодовольно шепнул он, пока Светлана приводила себя в порядок у зеркала.

Вася засмеялся.

– Мне нравится твое «еще». Красивая девушка, видно сразу. Где ты с ней познакомился?

– Так она в той самой пекарне работает, откуда я ушел. Не сразу разглядел ее, да и ухажер имелся.

– Ты его не зашиб часом?

Теперь уже засмеялся Константин.

– Столкнулись как-то, он думал, что сильно крутой... как же – замдиректора пекарни! В общем, мы поговорили, и Светланка меня оценила. Ну, что заказываешь?

– Давай сам.

Пришла Светлана, разговор сразу стал интереснее, веселее, друзья расслабились, и даже Василий, обычно в компании больше слушающий, чем говорящий, рассказал пару анекдотов и сам смеялся над анекдотами Кости. Жалел он только об одном – рядом нет Ульяны. В десять часов вечера они вышли из клуба и двинулись в сторону улицы Куусинена. Машину Вася оставил у «Невки», решил пройтись пешком, благо Света жила недалеко, в двух кварталах.

Шли медленно, в разговоре перескакивали с темы на тему, обсуждая достоинства то политических деятелей, то артистов и писателей, то просто приятелей и знакомых. Вечер выдался тихим и теплым, и домой идти не хотелось. И вдруг Василий почувствовал: по тыльной стороне ладони левой руки бегут холодные мурашки, и настроение его подувало. Подсознание – предупреждение об опасности.

Они свернули за угол, в переулок Чапаевский, где жила Светлана, и сразу же стали свидетелями нападения трех парней на молодую пару. Девушку они отшвырнули в сторону, а сами принялись избивать парня в белом костюме. Парень сначала сопротивлялся, но, получив удар в лицо каким-то черным предметом, упал, и добивали его уже ногами.

Девушка, заметив появившихся Костю, Васю и Свету, закричала.

Трое громил в одинаковых шелковистых куртках оглянулись, но не побежали, а с ленцой двинулись в глубь переулка, явно не принимая возникших молодых людей за серьезного противника.

– Догоним? – предложил Злобин.

Василий подошел к упавшему парню, который зашевелился, пытаясь подняться на ноги. Его рыдающая подруга пыталась ему

помочь.

– Что происходит? – хмуро спросил Василий.

– П-подонки!.. – Дрожащие губы мешали девушке говорить. – Роман журналист... второй раз уже... с-сволочи... Помогите ему встать... г-гады! Говорила: не трогай их – не послушался...

Костя и Василий переглянулись, помогли парню подняться. Лицо у него было в крови, рубашка разорвана, сквозь дыры проглядывали ссадины и лиловые пятна.

– Вот подлецы... – с трудом сказал пострадавший, морщась. – Они меня сначала электрошокером в грудь...

– Вы уверены?

– Еще бы!

– За что? Может, просто хотели ограбить?

– Роман журналист, – снова сказала спутница пострадавшего, всхлипывая. – Написал статью в «Сегодня», «Джентльмены удачи» называлась... о строительстве дач депутатами. Ему сначала звонили, грозили голову отвернуть... а когда другая статья вышла – о даче депутата Подгорного, сначала облили бензином дверь квартиры и подожгли, а теперь вот... видите...

– Так это заказ?

Журналист неловко дернул рукой, сморщился, помассировал бок, грудь.

– Один из этих амбалов все время ходит с Подгорным, телохранитель, наверное. Я запомнил.

– Идти можете?

– Дойду, мы недалеко тут живем. Катя поможет. Спасибо.

Василий и Костя проводили глазами заковылявшую прочь пару, глянули друг на друга.

– Да ну их к дьяволу! – проворчал Злобин. – Не стоит связываться.

– Так они же снова к нему придут. Ты иди со Светой домой, а я вас догоню, – решил Василий. – Не волнуйся, я только вежливо поговорю с ними.

– Вася, не надо, – попыталась было отговорить его девушка, но Василий уже исчез, оказавшись далеко впереди, в круге света от следующего фонаря.

Он догнал напавших буквально на следующем перекрестке: трое не спешили, привыкнув считать себя хозяевами положения, и не

боялись милиции, с которой у них наверняка были неплохие отношения. Они уже садились в машину, красную «лянчию», когда неслышно возникший сзади Василий окликнул:

– Эй, мордовороты, поговорить надо.

Фонарь в этом месте не горел, однако Вася хорошо видел выражение изумления, проступившее на лице оглянувшегося парня (богатырское сложение, явно из спортсменов, но слишком сытый).

– Тебе чего, глиста?

– Пару оплеух, и на ночь в катух, – насмешливо ответил Василий, приблизившись на расстояние уверенного приема – два метра. – Хочу кое-что выяснить, мурло. Кто давал задание на устранение журналиста?

Парни переглянулись, обменялись нехорошими усмешками, двое начали заходить с обеих сторон, доставая черные пеналы, в которых Василий опознал полицейские электрошокеры «павиан».

– Ты кто такой, шибздик? Жить надоело? О каком задании речь?

– О том самом, какое ты, рожа, получил от Подгорного. Или от другого депутата? От кого именно, харя?

– Он офигел! – обратился спортсмен к своим поделщикам, тоже спортивного вида малым, с печатью рэкетиров на квадратных физиономиях. – Надо привести его в чувство...

Василий сделал выпад левой рукой, вдвигая кадку парня слева в горло, отобрал электрошокер и тут же разрядил его в физиономию того, что приблизился справа. Сказал, переждав два сдавленных крика и падение крупных тел, не повышая голоса:

– Так от кого ты получил заказ, рыло?

Спортсмен изумленно перевел взгляд с упавших приятелей на Котова, схватился за карман и, охнув, ударился спиной о дверцу автомобиля, сполз на асфальт.

Ударов он не заметил, но рука онемела, а под ребрами застрял горячий кирпич, мешая дышать и говорить. Вася вплотную приблизил лицо к его вспотевшей небритой физиономии, так что, дернувшись назад, спортсмен ударился затылком о ступеньку машины.

– Не слышу ответа, рожа.

– Да кто ты...

Удар по ушам заставил атлета завопить от боли. Пришлось вбить ему в рот пачку сигарет, валявшуюся на переднем сиденье «лянчии».

– Спрашиваю в последний раз!

Атлет замычал, Вася вытащил у него изо рта смятую пачку.

– Николай... Подгорный... мы предупреждали этого борзописца, он не унимается...

– Вот и хорошо, жлоб, наконец-то я услышал, что хотел. Предупреди и ты Николая... как его там, Подгорного. Если он не уймется, я займусь всерьез его дачей и им самим. Передашь?

– Да кто ты такой в самом де... – Парень выставил вперед руки, заметив сдвинувшиеся брови обидчика. – Передам, передам.

– Ну, совсем хорошо, – миролюбиво закончил Василий, затем вспомнил однажды примененный им ход и добавил:

– Заодно передай ему привет из «Чистилища». Не дай Бог ему получить такой привет письменно!

Оставив помятую троицу возле машины, Василий вернулся в переулок, ведущий к дому Светланы, но догонять Злобина с подругой не стал. Он вдруг почувствовал себя неуютно, прислушался к ощущениям и сделал четкий вывод: пришла пора перемен. Учащение случайных на первый взгляд разборок с подонками разного сорта, ситуаций с восстановлением справедливости говорило о грядущей волне враждебного противостояния. В запрещенную реальность действительно просачивалось отравленное дыхание Монарха Тьмы... Ульяна предупреждала об этом, но лишь теперь Василий поверил в ее прогноз.

ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, ЧТО БУДЕТ?

Президент был раздражен и не скрывал этого. Коржаков впервые видел его таким, поэтому стоял навтыжку и молчал, преданно глядя в лицо патрону.

В принципе Илье Ильичу повезло, что судьба свела его с Коржаковым. Генерал окружил президента такой охраной, что не снилась ни Горбачеву, ни Ельцину. Его система защиты была на порядок надежнее, чем даже у Брежнева, несмотря на то, что на «девятку» (Девятое управление КГБ, под эгидой которого находилось подразделение охраны) работал весь Комитет с его штатными и внештатными осведомителями.

В начале девяностых годов в КГБ начали компьютерно моделироваться ситуации с покушением на Горбачева, и его охрана в этих играх проигрывала безнадежно, потому что ориентировалась только на физическую защиту от не вполне нормальных людей. Охрану Ельцина строили уже по другому принципу, учтя прошлые ошибки и включив в службу профессиональных диверсантов, способных поделить опытом покушений. К охране же нынешнего президента Коржаков подключил еще и команду экстрасенсов и научное подразделение, «балующееся» вероятностными прогнозами и психическими экспериментами с генератором боли «пламя» (небезызвестный «болевик») и гипногенератором «удав» («глушак»). Генерал хорошо знал, что главное – не закрыть шефа грудью, когда начнется стрельба, а сделать так, чтобы стрельбы вообще не было, снять заказ на убийство. Как известно, заказывают ликвидацию обычно бывшим спецназовцам, десантникам, грушникам, бандитам, профессиональным киллерам, и у того, кто возглавляет службу безопасности, связи должны быть везде. У Коржанова они были. Он уже однажды решал проблему, повлекшую заказ на устранение Ильи Ильича, но смог добиться того, чтобы заказчик отозвал исполнителей.

Всех этих тонкостей президент не знал, поэтому вел себя иногда по отношению к своему главному телохранителю не совсем сдержанно.

– Читайте! – Илья Ильич бросил Коржакову конверт из плотной белой бумаги с вытисненным в углу золотым кинжальчиком. Это было письмо «Чистилища», неведомо какими путями попавшее в канцелярию президента. В нем Генеральный Судья «ККК» рекомендовал главе государства освободиться от некоторых помощников и советников, погрязших в коррупции. Среди них Николай Владимирович с удивлением увидел имена Хейно Яновича Носового, Юрия Бенедиктовича Юрьева и Петра Адамовича Грушина, людей, чей авторитет не вызывал сомнения ни у президента, ни у оппозиции.

– Вы понимаете, чего они требуют? – осведомился Илья Ильич, оценив мимику генерала.

– Понимаю.

– А я думаю, не совсем. Это объявление войны! В предыдущем послании «чистильщики» потребовали отставки министра обороны и директора ФСБ. Если так пойдет и дальше, окажется, что в правительстве нет ни одного честного человека!

– Но, может быть, «чистильщики»... в чем-то правы?

– В том все и дело, что правы! Но система управления страной в нынешнем виде существует уже почти сто лет! Лишь наивные люди полагают, будто что-то меняется при смене власти. Ленина сменил Сталин, потом Хрущев, потом Брежнев, Ельцин... а что изменилось? Ничего! Как говорится, нет иных властителей, кроме тех, кто более всего печется о благе народа!

Коржаков промолчал, продолжая поедать глазами президента, семенившего из угла в угол кабинета.

– Представляете, что будет, если «ККК» начнет войну на уничтожение? Власть сметут... и нас с вами тоже, несмотря на все защитные бастионы... даже если нас будет защищать ваша легендарная КОП. Кстати, вам не кажется, Николай Владимирович, что она слишком рьяно взялась за дело? Почерк команды настолько отличен от почерка других спецподразделений, что даже в кулуарах Думы заговорили о «третьей силе». У меня недавно был Бондарь... короче, ФСБ сильно встревожена! Начался поиск команды по «четырем нулям»... Мне этот шум сейчас ни к чему, нужна определенная стабилизация положения. Ясно? Придержите КОП... до особого распоряжения, законсервируйте. А лучше расформируйте

вообще. Стоит какому-нибудь досужему крикуну из оппозиции узнать о ее существовании... В общем, подумайте, что можно сделать.

– Законсервирую, – сказал Коржаков. – Слишком много средств потрачено на ее создание, чтобы отказаться от услуг КОП. Сами же говорите – «Чистилище» активизируется, надо применить превентивные меры, а лучше КОП никто этого не сделает.

Президент остыл, перестал бегать вокруг стола с резными ножками, инкрустированного слоновой костью и перламутром.

– Заткнуть всем рот пулей все равно не удастся, надо хотя бы внешне поддерживать имидж демократического государства.

Коржаков позволил себе улыбнуться.

– Помните анекдот о демократии? Встретились американец и русский, еще во времена Клинтона, заспорили, у кого страна демократичней. Американец говорит: «Да я свободно могу подойти к Белому дому и кричать: «Билл Клинтон – свинья!» И ничего мне не сделают – имею право». – «Подумаешь, – отвечает русский. – Я тоже могу подойти к Кремлю и кричать: „Билл Клинтон – свинья!“

Анекдот был с бородой, но Илья Ильич засмеялся. Он был отходчив.

– Николай Владимирович, разговоры о «третьей силе» надо прекратить. Прикиньте – как, посоветуйтесь с Германом Довлатовичем. А что касается КОП... Вам не кажется опасным то обстоятельство, что ваши «копы» не интересуются, кого и за что уничтожают? Как бы это не вышло боком...

– Во-первых, все они перед операцией получают исчерпывающую информацию по объекту, во-вторых, им платят не только за работу, но и за молчание, и платят не меньше, чем министрам. Есть и «в-третьих». Вы никогда не задумывались, почему солдаты в команде расстрела не спрашивают, в кого и за что они стреляют? Почему повинуются без колебаний, сомнений и нервных срывов?

– Не задумывался, – озадаченно проговорил президент, которому подобное в голову не могло прийти.

– А я как-то проанализировал и нашел ответ: они являются господами положения, властителями последних мгновений жизни казненных!

– Ну и что?

– Профессионалы КОП чувствуют то же самое, только возможностей у них больше. Когда они вместе и составляют управляемую боевую единицу, они действительно – сила!

– Вы меня не убедили, – после недолгого размышления сказал Илья Ильич. – А откуда вы знаете, о расстрельной команде?

– Службу я начинал с нее, – ответил Коржанов.

* * *

Обедал Рыков в клубе «Экипаж» в Спиридоньевском переулке, где изредка бывали и высокие официальные лица – вице-премьеры, министры, депутаты. Поэтому Герман Довлатович не удивился, когда в ресторан клуба заглянул начальник информобеспечения президента ХейноЯнович Носовой. Подошел, поздоровался учтиво и сел рядом.

Рыков заказал блины с черной икрой, севрюгу с хреном, салат крабовый, седло барашка под чесночно-сметанным соусом, страпопретти «Лингвини» с ветчиной и розовой семгой и на десерт клубнику со взбитыми сливками. Алкогольные напитки он не употреблял.

Носовой попросил принести классический коктейль «Singapore sling», красную икру, стерлядь в шампанском, лангусты и бараньи ребрышки.

– Слушаю вас, Хейно Янович, – сказал Рыков, перейдя от салата к закускам.

Со стороны они смотрелись как обычные завсегдатаи ресторана, собравшиеся откусать чем Бог послал и побеседовать о приятном, на самом деле контакт Посвященных, двух из Девяти Неизвестных, замахнувшихся на кресло координатора Союза Девяти, был полон внутреннего драматизма и напряжения.

– Необходимо разграничить сферы влияния, – сказал Хейно Янович, не заходя издалека. – И договориться о границах.

– Сферы влияния может разграничить только сход Девяти, – ответил простодушно Рыков. – К тому же я не вижу причин столь серьезного шага.

– Ваши люди начали активную охоту за моими исполнителями.

– Прости, Хейно, однако ваши люди начали раньше. Мои ответили. Теперь мы квиты.

Носовой потрогал свой крошечный носик, будто сомневаясь, на месте ли он.

– Чего ты хочешь, Герман?

– По-моему, этот вопрос должен задать я. – Рыков доел салат, промокнул губы салфеткой. – Ты просил встретиться, я пришел.

– Хорошо, будем говорить прямо. В планах «ККК» появились новые цели, причем большинство из них – мои люди.

– Люди «СС», – уточнил Герман Довлатович. – Судьи «ККК» обеспокоены некоторыми тенденциями, возникшими в государственной системе власти после появления там ваших... э-э... людей. Государство снова начинает вставать над обществом, над личностью, сваливаться к тоталитарному режиму. А правительство продолжает действовать по остаточному принципу: сначала – себе, что останется – народу...

– Передергиваешь, Герман, – поморщился Носовой. – Популистские заявления в устах Посвященного смешны. Чего ты хочешь добиться?

Рыков неторопливо принялся за седло барашка. Хейно Янович подождал немного, потом подвинул к себе блюдо с бараньими ребрышками. Напряжения защитных пси-оболочек обоих Неизвестных сгустились, хотя по-прежнему со стороны они казались мирными собеседниками, занятыми хорошей едой. Наконец Герман Довлатович покончил с мясом и взялся за клубнику. Сказал закончившему трапезу Носовому:

– Хейно, я вижу на троне Союза другую кандидатуру.

– Я знаю, но Мурашов не созрел для...

– Не Мурашова.

– А кого же? – озадаченно глянул на собеседника Носовой.

– Себя, – невозмутимо ответил Рыков. Наступило минутное молчание. Герман Довлатович доел клубнику, попросил у подскочившего официанта чашечку капучино.

– Вряд ли это известие изменит наши отношения, – изрек наконец Носовой. – У меня насчет трона свои замыслы.

– Разве ты стараешься не для себя?

Хейно Яанович выдержал огненно-алчный высверк взгляда собеседника, покачал головой, помедлил.

– Какая разница, Герман? Я считаю, ты не фигура для координатора. И я не одинок в своем мнении.

Рыков погасил взгляд, способный остановить сердце обыкновенного человека.

– Оставим эту бесплодную дискуссию. Говорят, твои церберы навещали Соболева... Что он им ответил?

Носовой усмехнулся.

– А ты пошли к нему своих – узнаешь.

– Пошлю, – спокойно проговорил Рыков. – Хотя не уверен, знает ли он хотя бы один незаблокированный МИР.

– Даже если знает – не скажет.

– Скажет. – От тихого голоса Рыкова повеяло могильным холодом. – Или исчезнет.

– Но даже если Соболев скажет, тебе не удастся в одиночку проникнуть в МИР и овладеть «Иглой».

Рыков вздохнул – незаметный, маленький человечек, с виду клерк или бухгалтер, мягкий, уступчивый, всего и всех боящийся, не претендующий на роль лидера, но способный на все.

– Хейно, переходи в мою команду, пока не поздно. Когда придет Монарх, у тебя не будет шансов остаться... в живых. – Рыков поднялся.

Носовой с любопытством глянул на него снизу вверх.

– Ты считаешь, он... придет? Зачем? Как это ему удастся? Кто его вызовет?

– Всего хорошего. – Герман Довлатович поклонился и просеменил к выходу из ресторана. Хейно Яанович задумчиво смотрел ему вслед, отмечая внутренним зрением, как засуетилась на улице команда телохранителей Рыкова, ведомая Темиром Жанболатовым, хотя Герман в ней не особенно-то и нуждался.

Их разговор не мог подслушать никто, даже другие Посвященные, оба заблаговременно приняли защитные меры, однако у Носового осталось в душе тягостное впечатление, что в беседе незримо присутствовал кто-то третий.

ОТКАЗ j 3

Недаром говорится, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Матвей убедился в этом, попытавшись повторить путь предка, который добрался до «трона» Изоптеров – разумных термитов – и нашел там некий предмет, по виду кремневый пистолет, на самом же деле – инициатор «Иглы Парабрахмы», вернее, его последнюю ступень, спусковой механизм. Сама «Игла» включала в себя сложный набор сооружений и систем, в который входила и часть природы данного конкретного места, и оператор – человек ли, Инсект или Аморф.

Дважды трансовый сон выводил Матвея в Египет, к моменту строительства пирамид, точнее, к моменту обкладывания каменными блоками скульптурных сооружений Инсектов Перволюдями. С упорством, достойным маньяков, строители хоронили под пирамидами следы деятельности древних разумных насекомых. Участвовал в этом «строительстве» и кто-то из предков Соболева – командовал отрядом каменотесов, выравнивающих грани пирамиды.

Лишь на третий раз Матвею повезло, «выплыл» он в теле того же самого разведчика Перволюдей, углубившегося на территорию, которую контролировали измененные Инсекты, потерявшие былую власть и силу, но еще способные воевать с пришедшими им на смену разумными существами.

Осознал себя Матвей в тот момент, когда разведчик выехал на своем шестиногом «коне» на обрывистый скалистый берег моря. Внизу, под обрывом, начинался лабиринтовый ландшафт, означавший, что здесь когда-то стоял город Пауроподов – разумных многоножек: узкие «улицы» города, похожие на ущелья, разъединяли массивы «зданий» с плоскими крышами, создавая удивительный гармоничный рисунок, геометрически красивый «такыр». Как и все Инсекты, Пауроподы были прекрасными строителями.

Впрочем, не все, подумал Матвей, вспоминая, что ни разу не видел в своих снах-путешествиях сооружений разумных тараканов. Похоже, настоящие предки людей, Блатгоптеры, не строили никаких убежищ, пользуясь чужими при надобности. Это говорило о том, что

они были кочевниками, изначально ориентированными на агрессию, на завоевание мира.

Гигант в перепончатых латах, в сознании которого «окопался» Матвей, тронул шестиного с места, не спеша двинулся вдоль обрыва, обозревая берег и часть моря в бинокль. Задержал взгляд на громаде «танка» – скелете колеоптера. Как уже отметил Матвей, скелеты разумных жуков встречались довольно часто, видимо, Изменение, совершенное Монархом Тьмы, затронуло их меньше, чем остальных Инсектов, так как жили они не стаями, а небольшими группами по три-четыре особи. Кстати, строили они себе самые грандиозные «замки», используя труд «рабов» – захваченных в плен термитов, ос и муравьев, но эти «замки» всегда имели одну форму купола. Один из таких куполов диаметром в километр и высотой не менее трехсот метров Матвей однажды проезжал в своих снах-путешествиях.

Что-то заставило его насторожиться.

Остановился и хозяин – Матвей-первый, мазнул биноклем по горизонту, потянул к себе копье со слабо светящимся наконечником.

Над морем медленно плыл зоэрекс – воздушный город Веспидов, разумных ос, представляющий собой фрагмоциттарный тип гнезда (с внешним скелетом), чудо природы, удивительно красивое и сложное сооружение. Матвей наравне с восхищением испытал чувство грусти и сожаления: эти потрясающие совершенные творения в большинстве своем исчезли в веках. Лишь единицы их были законсервированы Хранителями в МИРах Инсектов и хранились под землей, недоступные взгляду человека.

За летающим городом Веспидов проплыла над морем еще одна необычная конструкция в форме ажурно-сотового колоссального – с километр длиной! – веретена. Такого гнезда Матвей еще не видел, зато его предок видел и знал, очевидно, насколько обманчив мирный вид веретена. Он погнал «лошадь» во весь опор прочь от берега, но не успел преодолеть и половины расстояния до скал, как обитатель веретена догнал всадника. Это был гигантский, четырехметровый подлине и с шестиметровым размахом крыльев, шмель! В памяти всплыло название этого подсемейства пчел – *Bombus*. Но Матвей ошибался. Это был представитель семейства *Psythyrus*, шмелей-кукушек, гнездовых паразитов шмелей, которые, как оказалось, имели и разумных прототипов. Пситирусы сами гнезда не строили, они

захватывали готовые гнезда Бомбусов, убивали царицу-матку, самку-основательницу и заставляли работать на себя рабочих особей Бомбусов. Это были самые жестокие хищники из всех видов разумных Инсектов, даже Блаттоптеры уступали им в безумном насилии и безжалостности.

Пситирус, издавая крыльями свистящий вой, атаковал первым.

Впереди мчавшегося во всю прыть всадника вдруг вырос веер ослепительного радужного огня, проделав в голой скале десятиметровую ложбину, тут же заполнившуюся озерцом расплавленного камня. Прапрапрадед Матвея резко свернул влево, остановился, выстрелил вверх из арбалета и тут же метнул в Пситируса засветившееся еще сильнее копьё. Он не промахнулся. Стрела арбалета попала шмелю в крыло, а копьё вонзилось в чешуйчатое брюхо, и следующий удар Пситируса пришелся по стене какого-то зубчатого строения, похожего на крепость, внезапно выросшую на пути. И тотчас же из огромной неровной дыры в стене крепости выскочило кошмарное существо, похожее на гигантского тарантула. Впрочем, это и был тарантул, но разумный – Ликозид, он тоже уцелел при Изменении и доживал свой век в уединении и размышлениях. Однако нарушения границ своего жилища он не потерпел.

Всадника на шестиногом животном Ликозид не тронул, словно не заметил, сразу направив свой изогнутый хвост с хищным жалом в небо, где кружил Пситирус. С жала сорвалась фиолетово-зеленая молния, вонзилась в брюхо разумного шмеля, и бой закончился.

Крылья Пситируса остановили вращение, тело его растрескалось, словно глиняный горшок, по которому ударили молотком, и рассыпалось на мелкие осколки, выпавшие каменным дождем. Крылья упали отдельно, планируя, как громадные полупрозрачные одеяла.

Ликозид мгновение всматривался в небо, потом чисто насекомым движением повернулся к застывшему – копьё в руке, взведенный арбалет в другой – всаднику. Еще мгновение – и оба начнут смертельный бой, имея одинаковые шансы уцелеть. Однако тарантул вдруг заговорил, Матвей уловил его мысленный шепот:

– Привет, Посвященный! Не стреляй.

Реакция у Матвея была неплохой и на уровне трансового сна, поэтому он успел овладеть сознанием предка и предотвратить выстрел.

Первочеловек на шестиноге, закованный в своеобразные доспехи, и уцелевший Ликозид застыли напротив, внимательно разглядывая друг друга. Теперь Матвей смог рассмотреть разумного тарантула во всех подробностях. Но странное дело, отвращения сложное тело Инсекта не вызывало, разве что тревогу и удивление.

Да, Ликозид имел общие черты тарантула, но были и различия, особенно в строении головы и глаз. К тому же Ликозид был одет в полупрозрачный золотистый «комбинезон», скрывающий многосложное тело до хвоста.

– Кто ты? – задал мысленный вопрос Матвей.

– Своих надо узнавать, мастер, – долетел насмешливо-сочувственный мысленный «голос», и Матвей едва не выронил копьё от изумления.

– Тарас? Горшин?!

– Ну, не совсем я, только наведенная пси-копия, но для выполнения миссии и это сгодится.

– Какой миссии?

– Ты слишком рано овладел трансовым скольжением, незавершенный, и это обеспокоило не только Союз Девяти и Хранителей Внутреннего Круга в вашей запрещенной реальности, но и властелинов «розы реальностей».

– Иерархов, Аморфов?

– Кроме иерархов и Аморфов, абсолютные уровни Вселенной населяет множество других существ, в том числе и твои приятели Монарх и Лекс. Но суть не в этом. Прекрати ходить в прошлое слишком часто, иначе рискуешь не вернуться в собственное тело. И еще: я послан предупредить...

– Кем? Инфархом? Светленой?

– Ох и любишь ты определения! Не отвлекайся, тебя очень трудно поймать во время твоих путешествий, другого случая может не представиться. Ты помнишь последнее свое путешествие?

– Когда я проник во дворец Изоптеров? Кто-то врезал мне... то есть предку, конечно, по затылку...

– Никто ему не врезал, это сработала «Игла Парабрахмы».

– Но я же ее не... постой! Я нашел нечто вроде старинного пистолета и хотел испытать...

– Это был инициатор «Иглы», а твоя фантазия представила его в форме пистолета. Ты забыл, что со времени нашего последнего боя с Монархом и Лексом полтора года назад ты остался включенным в контур саркофага? Да, ты откорректировал реальность, заблокировал входы в МИРЫ Инсектов, но... остался в контуре! То есть ты сохранил способность влиять на события в любой точке пространства и в любой момент времени. Даже в прошлом! Что, кстати, наиболее пугает всех перечисленных мною лиц, людей и магов, монстров с нечеловеческой психикой, негуманоидов, иерархов... Аморфов, как ни странно, тоже.

– Им-то какое дело до наших внутренних разборок?

– У них свой взгляд на жизнь и смерть, и они привыкли опираться только на свои желания и соображения.

– Значит, в том моем походе я включил «Иглу»?

– Ты ее разбудил. Предок твой – ты сейчас в его теле, но только чуть раньше, до подхода к замку Изоптеров – каким-то образом успел тебя вышвырнуть из своего сознания... Вполне возможно, тебе кто-то помог... поэтому большой беды не произошло. Но знай, если ты снова появишься там, может произойти ретроактивное воздействие на реальность, изменится вся мировая линия...

– Каким образом?

– Скорее всего ты изменишь собственное будущее. Как – я не знаю сам, что именно изменится – тоже не знаю. Но будь осторожен... и прощай. Я ухожу. Беги отсюда, куда сознание Ликозида не вышвырнуло меня, иначе от твоего предка останется пепел.

– Но я еще...

– Беги, я сказал!

И Матвей дернул «коня» за поводья, направляя его в глубь материка, к горам. Проехав несколько сот метров, оглянулся, но тарантула с проекцией психики Тараса Горшинауже не было, скрылся в своей мощной крепости-«келье»...

Вернувшись в свое собственное тело, лежащее на кровати в позе спящего, Матвей проанализировал полученную информацию и решил кое-что предпринять для проверки сделанного вывода. Но для этого надо было обезопасить семью, и он решил отправить Кристину и Стаса в Рязань, к родителям. Какой-никакой присмотр они обеспечивали, но главное – в Рязани жила Ульяна Митина, которая

могла в случае чего защитить родных Соболева лучше любого спецназа.

В субботу первого июня Матвей отправил Кристину и Стаса в Москву самолетом, откуда они должны были, не задерживаясь, выехать в Рязань. В душе он был спокоен за своих близких, но подстраховался, позвонив Василию и попросив его позаботиться о них.

Звонок поверг Котова в радостное изумление.

– Конечно, я все сделаю, – сказал он в трубку громче, чем следовало. – Но ты поймал меня в последний момент: дело в том, что я тоже собрался в Рязань.

– К Ульяне? – тихо рассмеялся Матвей.

– Ты что-то имеешь против?

– Как раз наоборот. За моими надо присмотреть, а я собирался просить об этом Ульяну. Теперь за меня это сделаешь ты.

– Я и сам их поберегу, пока буду там. А что, есть основания? – понизил голос Василий.

– Потенциально возможные состояния Вселенной имеют широкий спектр квантовых переходов, – дипломатично ответил Матвей, заканчивая разговор. Представил себе лицо Василия, усмехнулся. Пусть думает сам, интуиция у него развита неплохо.

В тот же вечер Матвей собрал свою машину к походу.

У него были две «тачки»: трехдверный «порше-959» цвета «маренго» и мини-вэн «форд-транзит» цвета «фиолетовый перламутр». Он остановил выбор на «форде» с дополнительными элементами системы безопасности. Обе машины Матвей держал на платной стоянке в двух километрах от дома, охраняемой по европейскому классу, хотя у него был и свой гараж. Угонов он не боялся, но не потому, что обе машины имели экранированные дверные замки и блокираторы двигателей, а из-за кое-каких встроенных дополнительно устройств, внушающих злоумышленникам идею не трогать частную собственность. Однажды «порше» попытались угнать – прямо от дома, где его оставил Матвей, внаглую, но угонщики испытали недюжинное нервное потрясение, когда машина вдруг сказала:

– Советую покинуть салон, иначе пущу газ!

Никакого баллона с газом, естественно, в кабине не было, но хватило одного предупреждения, тем более что, подождав три секунды, автомат включил сирену.

Матвей собирался выехать в начале девятого, однако задержался – к нему пожаловали гости: Кирилл Данилович Головань, заместитель директора Международного института стратегических исследований, и четверо его телохранителей, бывших спецназовцев из группы ФСБ «Альфа».

Телохранители на территорию дома заходить не стали и предпочли не демонстрировать свой профессионализм, просто умело и неприметно рассредоточились, что говорило об их хорошей подготовке. Впрочем, Головань вряд ли нуждался в особой охране, будучи не просто Посвященным, а одним из Девяти, таким образом он всего лишь продемонстрировал хозяину свою значимость.

Несмотря на теплый вечер, на замдиректоре МИСИ был строгий темно-синий костюм, ослепительно белая рубашка и галстук с изображением старинной часовенки. Глаза Кирилла Даниловича, в которых светился мощный интеллект и угрюмое высокомерие, никогда не улыбались. Правда, вел он себя вполне корректно, не задаваясь целью показать превосходство над собеседником. Последнему соображению Матвей улыбнулся в душе: с ним бы подобный номер не прошел, и Головань понимал это.

Они поднялись на веранду. Матвей принес фрукты, сыр, тосты, чай, и оба принялись за неторопливое чаепитие, будто встретились старые друзья. Головань попытался прощупать мыслесферу хозяина, получил отпор и отступил. В свою очередь Матвей почуял беспокойство, огляделся в пси-диапазоне, без выхода в состояние меоза, определил источник беспокойства и сказал, погрозив собеседнику пальцем, с мягкой улыбкой:

– Ай-ай-ай, Кирилл Данилович, не ожидал, не ожидал. Это ваш снайперок сидит в трехстах метрах отсюда, на водонапорке, и смотрит на нас в прицел «паркер-хейл» модели восемьдесят пять?

Головань ответил беглой улыбкой, тронул карман пиджака на груди и тихо проговорил:

– Первому отбой. – Кивнул сам себе, вернее, голосу из наушника рации, прятавшейся в дужке очков. – Каюсь, переусердствовал, Матвей Фомич. Но уж очень о вас много легенд ходит...

– К делу, – лаконично ответил Матвей. – Я знаю, кто вы, вы знаете, кто я, стандартные обороты речи ни к чему.

– Может быть, перейдем на метаязык? Во избежание, так сказать...

– Не возражаю.

Дальнейшая беседа шла на метаязыке и заняла всего несколько минут.

– Мы знаем... – начал Головань.

– Кто – мы? – перебил его Матвей. – Кого вы представляете? Союз Девяти? Ваш институт? Правительство? Органы правопорядка? Точнее, пожалуйста.

– Я представляю себя лично. – Кирилл Данилович пожевал губами, наливаясь темной силой, но сдерживаясь. – Впрочем, будем говорить о некой фракции Союза Девяти, пожелавшей обновить состав Союза. Так вот, мы знаем о ваших походах в прошлое...

– Это не походы, всего лишь трансовые сны.

– Это именно походы, Матвей Фомич. Если вы еще не знаете, то я сообщу вам истину: время – скольжение сознания вдоль мировой линии индивида в будущее! Для большинства людей это скольжение вперед необратимо, но Закон изменения времени открывает путь и в другую сторону – назад, в прошлое, существующее почти так же абсолютно, как и настоящее. Почти – потому что наряду с другими в «розе реальностей» выполняется Закон вероятностного размыва мировой линии... Об этом можно говорить долго. Суть в другом. Вам удалось преодолеть порог срабатывания закона в обратную сторону?

– Допустим, что из этого следует?

– Вы становитесь опасным для человечества.

– Говорите о себе лично, человечество само побеспокоится о своей безопасности.

– Хорошо, вы опасны и нам, Посвященным II ступени, и даже Хранителям...

– Я же сказал: говорите о себе!

Глаза Голованя вспыхнули свирепо и угрожающе, но тут же погасли.

– Хорошо. У нас предложение: помогите нам, и мы поможем вам. Вы ведь ищете в прошлом место захоронения Знаний Бездн, не так ли?

Мы подсказем, где их искать. Но и вы помогите нам отыскать доступ к системе МИРов, заблокированных по вашей же милости.

Над верандой нависло молчание.

Где-то далеко на окраине Петергофа тарахтел трактор, кудахтали куры в соседнем дворе, вскрикивал петух, в саду чирикали воробьи, ветер шевелил ветви деревьев, приносил запахи трав и цветов. И в то же время пространство вокруг ощутимо прогибалось под массой сосредоточенных здесь психофизических энергий. Кто-то, кого Матвей ощущал как далекую галактику, а его опасный гость не чувствовал вовсе, знал о встрече и прислушивался к разговору. Так расшифровал для себя сигналы подсознания Соболев. Наконец он оторвался от созерцания заката.

– Я не смогу вам помочь, Кирилл Данилович. Входы в сохранившиеся МИРы Инсектов не просто закрыты, данное состояние приняло форму физического закона! Понимаете? Для того чтобы разблокировать модули, необходимо взломать глубины Мироздания, сделать новое Изменение.

– Ну так сделайте, – равнодушно бросил Головань.

Матвей глянул на него заинтересованно и засмеялся. Но, судя по тону, один из Девяти не шутил. Правда, он поспешил отступить, сгладить впечатление разверзшейся под ногами пропасти, но Соболев уже схватил мысль, задумался, пряча слабый свет прозрения в глубинах памяти.

– Что вы можете предложить в обмен... если я попытаюсь? – сказал он.

– Мы откроем вам туннель сквозь временной барьер, – поспешил с ответом Головань. – Ведь вы в своих ретропутешествиях не смогли уйти в прошлое за порог Изменения? То есть ниже миллиарда лет? Мы поможем пройти глубже, до Изменения, и подсказем, где искать след, ведущий к Знаниям Бездн. Последним, кто ими владел, был Аморф Конкере, Монарх Тьмы.

Матвей поднял похолодевшие глаза на гостя, сказал тихо и просто:

– Нет!

– Что?! – не сдержал удивления Головань.

– Обмен не состоится. И передайте своим партнерам по «фракции», чтобы они не беспокоили меня больше по этому поводу. Я

сильно рассержусь, хотя с недавнего времени и проповедую доктрину ненасилия. Кстати, ваши партнеры случайно не Рыков с Мурашовым?

Головань встал, поправил галстук. Лицо его было каменным, тяжелым, властным, глубоким, и какое-то время Матвей ждал психофизической атаки на мозг, но один из Девяти Неизвестных воздержался от этого шага.

– Подумайте еще немного, – сказал он с показным смирением, пряча в глазах хищный блеск. – Я знаю, вы человек рискованный, но не рискуйте чрезмерно.

– Постараюсь, – также кротко ответил Матвей.

Визит Посвященного II ступени к Посвященному I ступени закончился. Но это был явно не последний визит. Матвей ничего не мог изменить в психологии властителей запрещенной реальности, жаждущих абсолютной власти, он мог изменить лишь свое отношение к происходящему – ответить на насилие насилием. Но не хотел этого.

Через полчаса он был в пути.

БУДЬТЕ С НАМИ

Встречая Кристину и Стаса, Василий от нечего делать прошелся по залу Шереметьева-1 и вопреки желанию стал свидетелем некрасивой сцены возле столика с набором призов и игровым автоматом. Две женщины, одна лет сорока, другая вдвое моложе, может быть, ее дочь, чуть не плача безуспешно пытались вернуть проигранные деньги.

Василий знал механику игры.

Играющий делает взнос, нажимает кнопку, и ему выпадает счастливый или несчастливый номер. Пока ставки невысоки, «свежак», он же «лох», понемногу выигрывает, привлекая тем самым внимание других «лохов», а когда, увлекаясь, ставит все свои деньги на кон, вдруг оказывается, что счастливых номеров два! Второй, естественно, всегда выпадает подставному игроку. А по правилам выигрыш на двоих не делится, надо играть дальше. После чего «счастливчик» проигрывает на первом же ходе.

То же самое произошло и с парой деревенских, судя по всему, женщин, соблазненных кажущейся простотой игры.

Вася наблюдал за происходящим несколько минут, раздражаясь от собственной нерешительности, хотя вмешиваться в события не собирался, но когда к шумному столику подошел милиционер и сообщил женщинам, что «все нормально, у них лицензия, а игра есть игра, не хочешь – не играй», Котов не выдержал. Определив обслуживающий персонал игры: ведущий – вежливый молодой человек с прилизанными волосами, двое кидал – подставных игроков приличного вида, охранник – угрюмый мордоворот недалеко от киоска, плюс контролер игорного бизнеса в Шереметьеве, отличный белый летний костюм, галстук с изумрудной булавкой, цепь на шее, перстни на руках, – Василий подошел к столику, придержал отходящих в слезах женщин и сказал, приятно улыбаясь:

– Можно, я сыграю?

Ведущий оглядел Василия, неохотно разложил по столу картонки с номерами, однако появившийся у столика «директор», почуяв опасность, решительно махнул рукой:

– Мы закрываемся. Тем более что игроков должно быть четверо.

– А вот они будут играть, – кивнул на удивленных женщин Вася, шепнув им: «Все будет хорошо, мы вернем ваши деньги». – А четвертым пусть будет представитель закона. Не возражаете?

Последовала немая сцена, могущая развеселить любителей пантомимы, затем «директор» столика, считая, что кругом все свои и он ничем не рискует, отступил:

– Давай, Витек, пусть гражданин получит удовольствие.

Игра длилась ровно три минуты. Милиционер, молодой, но придурковатый, вошел в азарт – деньги-то он рассчитывал вернуть, а Василий увеличил ставки до двухсот тысяч, расплачиваясь за себя и за женщин, сбитых с толку, но поверивших ему. Затем наступил момент торжества владельцев игры – запуск компьютера. И в этот миг Василий, войдя в темп, коснулся кнопки раньше времени, а когда выпал его номер – незаметным движением сменил картонку с таким же номером, переданную одним из кидал милиционеру.

– Они выиграли, – объявил Василий сокрушенным тоном в наступившей тишине, собрал деньги, отдал их ошеломленным женщинам, подтолкнул в обступившую столик толпу. – Идите, ваш самолет объявили. – Повернулся к милиционеру с виноватой улыбкой. – Извини, командир, не повезло нам. – Глянул на ошарашенные лица «директора» и его подельников. – Я приду через полчаса, поиграть хочется, но лучше бы вас здесь уже не было, мальчики.

Объявили посадку самолета из Петербурга.

Василий спокойно направился к залу прилета, а в коридоре его, как он и рассчитывал, перехватил контролер игорного бизнеса аэропорта. Он вырос на пути Котова, а трое телохранителей тут же окружили «объект», прижимая его к стене. У них были такие скучающе-ленивые лица до предела уверенных в себе людей, что Вася подумал: уж не зомбированы ли качки охраны?

– Вам чего, мужики? – миролюбиво сказал Василий.

– Да вот решили посмотреть, какой ты крутой, – ответил прекрасно одетый молодой человек. – Пришел, нашумел, начал права качать...

– А что я такого сделал? – удивился Вася. – Сыграл в жучка, причем проиграл кровные денежки... а то, что мент проиграл, так я его

не заставлял рисковать.

– Не понимаешь? Ладно, пойдем пройдемся, поговорим.

– Не, ребята, я спешу...

Контролер кивнул, двое качков попытались взять Васю за руки и тихо сели на пол, держась руками за животы и хватая ртом воздух. Третий сунул было руку в карман и застыл, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть; лицо его начало синеть.

– Извини, перестарался. – Вася похлопал парня по щеке, повернулся к ничего не понявшему молодому человеку в белом костюме, сказал назидательно:

– Честный бизнес всегда приносит больше прибыли, чем криминальный. Учти это в дальнейшей карьере, говнюк.

Крестину Васьилий увиел раньше, чем она его, и, окинув ее взглядом, подумал, что по красоте Крис ничем не уступает Ульяне. Просто они разные. Фигура же у Крестины Сумароковой была от Бога! После паралича ног, вылеченного полтора года назад с помощью своеобразной шоковой терапии, формы Крестины быстро восстановились, длинные от природы ноги пополнили, стали стройными, вернулись грация и особый акцент походки, не вызывающий, но заставляющий оглядываться мужчин. Да и одевалась она, следуя моде, используя силуэт «песочных часов», подчеркивающий тонкую талию и красивые бедра. Правда, в настоящий момент талия у Крестины слегка располнела, но не настолько, чтобы испортить фигуру. На женщине была просторная маечка, скрывающая живот, и обтягивающая бедра юбка до колен (из коллекции Сони Ракель), плюс сандалии с ремешком, обвивающим лодыжку. Смотреть на нее было одно удовольствие, и Васьилий даже почувствовал некое облегчение: подруга-жена у Матвея была достаточно красивой, чтобы уберечь его от соблазна... Вася имел в виду Ульяну.

Стас в джинсовом костюмчике, свежий и деятельный, как мужчина, которому доверили жизнь женщины, увиел Васьилия издалека, но не подбежал с криком, а степенно подошел. Все трое обнялись, и Васьилий повел их к машине, забрав багаж – всего две сумки.

Кабина «вольво» тут же пропиталась тонким ароматом духов Крестины, и Вася не сразу сообразил, что запах ему знаком: точно

такие же духи имела Ульяна.

Не заезжая в Москву, обогнув ее по кольцевой дороге, Василий выехал на Рязанское шоссе и погнал машину, выжимая из нее все, на что она была способна.

За разговорами время пролетело незаметно. Через два часа с момента посадки самолета в Шереметьеве они были уже в Рязани. Кристина пригласила Василия поужинать с ними и вообще остаться ночевать, чего очень хотел Стас, но Вася отказался, сославшись на дела, зато пообещал приехать – и успокоил этим мальчишку. Кристина, тонко чувствующая состояние друга Матвея, улыбнулась и проводила Василия до машины.

– Может, все-таки останешься ночевать? Когда решишь свои проблемы.

– Нет, – засмеялся в ответ Вася, понимая, что Кристина осведомлена о его сердечных делах. – Приду навеселе, еще перепугаю твоих родичей.

– Не перепугаешь. Разве что тараканов? Кстати, в прошлом году мы с Матвеем приезжали сюда, и произошла странная вещь: Матвей вошел в квартиру, и началось повальное бегство тараканов! Такого я еще не видела. С тех пор в доме – ни одного!

– Что с него взять, с Посвященного, – фыркнул Вася, у которого екнуло сердце. – Ты же не собираешься убежать от него?

– Я – нет.

– Ну и отлично. Спокойной ночи. До завтра.

Василий уехал, уже в машине сообразив, что Кристина намекнула о возможности другого варианта их отношений с Соболевым. Какой бы причина ни была, уйти мог он! Настроение слегка упало, но впереди Котова ждала встреча с Ульяной, и все его мысли резко свернули в другое русло.

В воскресенье вечером Василий пошел с Ульяной на показ высокой моды: в Рязани с разрешения губернатора проходила Неделя «прет-а-порте». Конечно, это была не Парижская «прет-а-порте», где за восемь дней совершаются восемьдесят показов одежды, но и в Рязани модельеры – Иссей Мияке, Соня Ракель, Ив Сен-Лоран, Вивье Вествуд, Слава Зайцев, Валентин Юдашкин и другие – тоже неплохо потрудились. Показ в воскресенье второго июня был заключительным, и на него съехался весь местный бомонд во главе с губернатором

Рязани, театральными и эстрадными деятелями, а также всякого рода авторитетами. Были гости и из столицы.

Настроение у Василия трудно было назвать хорошим. Ульяна на этот раз вела себя сдержанно, ночевать не пригласила и вообще словно не видела его переживаний; внешне он держался достойно, сразу приняв предложенную дистанцию. Ночевал у одного из прежних своих учеников, которого тренировал полтора года назад в бытность инструктором Школы защиты частного предпринимательства.

Так прошел вчерашний вечер, начался день, а после обеда Ульяна нашла Котова по новому адресу (хотя он ей его не сообщал) и предложила сходить в Рязанский манеж, где гостил салон высокой моды. Естественно, Василий согласился.

Встретились они у театра оперетты в начале шестого вечера. Василий приоделся – летний костюм цвета «седой граф», белая рубашка с высоким воротником и белые туфли, – выглядел не хуже манекенщиков на подиуме. Кстати, это произвело впечатление и на Ульяну, привыкшую видеть его в повседневной джинсе. Но стоило Васе увидеть девушку, как дыхание у него перехватило, голова закружилась, и с мыслями он собрался нескоро.

На Ульяне был костюм-компромисс, отражающий тенденцию сезона: комбинация кисейно-белых хламид, сквозь которые загадочно проступали контуры молодого, сильного, красивого тела, удачно подчеркивалась черной жилеткой из латекса, и завершалась композиция черными туфлями на высоких каблуках. И Вася, целуя руку девушке и передавая ей цветы, лишь сказал хрипло:

– Разрази меня гром, если я не понимаю Самандара!

– У нас еще есть время, – засмеялась Ульяна, тоже немного заинтригованная видом кавалера, – погуляем?

– Как скажете, мадам! – шаркнул ногой Василий.

Они гуляли больше полутора часов, посидели в кафе, побывали в парке, пока не открылся манеж, успели обсудить погоду, климат вообще, экономическое состояние страны, политику президента, коснулись даже деятельности силовых структур и слухов об угрозах здравствующего и поныне «Чистилища» коррумпированным верхам. Ульяна первой заговорила на интересующие Васю темы, и он порадовался, что выдержал толчки внутреннего «я» направить разговор в нужное русло.

Оказалось, что девушка уже приобрела в турбюро путевки на один из лодочных маршрутов по реке Ире – ровно восемь штук.

– Зачем так много? – удивился Василий. Ульяна искоса посмотрела на него, спрятала веселый блеск в глазах.

– С нами пойдут как минимум еще трое. Разве мы не возьмем с собой Кристину и Стаса?

Василий подумал немного, кивнул, оживляясь, понимая, что это идеальный выход из положения. Одним ударом соединялось приятное с полезным и железно необходимым, то есть решалась проблема семьи Матвея.

– Отличная идея! Третий – Матвей?

– Третий Самандар. Вахид подъедет позже, уже на маршрут. Возможно, присоединится и Соболев, а также кое-кто еще.

– Не Иван ли Терентьевич? – Василий со вздохом попрощался с мечтой отправиться в путешествие наедине с Улей. – А что, отличная компания получается!

– И я так думаю, – засмеялась Ульяна, крепче прижимая к себе локоть кавалера, чем привела его чуть ли не в состояние обморока.

Однако, как известно, к бочке меда нередко в качестве противовеса придается ложка дегтя. Этой ложкой оказалась для Василия встреча с квадратными телохранителями господина Маракуца, с которыми он уже имел удовольствие общаться в прошлый приезд в Рязань. Судьбе угодно было распорядиться таким образом, что Маракуц, четверо его лбов, а также мэр города Печеньев с двумя спецназовцами и Котов с Ульяной оказались в одной ложе напротив подиума, по которому отрабатывали дефиле тощие манекенщицы. По мнению Василия, ни одна из них не могла даже сравниться с Ульяной по красоте и женственности.

Василий ни за что не стал бы поднимать шум, хотя и узнал «шестерок» Маракуца: чернявого, со шрамом на лбу, и белобрысого, подбритого по моде «селедка». Однако именно они начали бузу, грубо предложив подошедшей паре пересесть на одно место левее. Васю они не признали, все же одет он был «от кутюр». Но его задело, что придется уступать Маракуцу, которого он когда-то с Матвеем учил «уму-разуму», и, как оказалось, впустую: бывший вор в законе по кличке Боксер не изменился, вполне искренне считая, что этот мир принадлежит ему. Точно так же думали и его служки.

– Мы сядем на свои места, – тихо сказал Василий, предлагая Ульяне кресло.

– Сдвинься, фраер! – сдавленно просипел белобрысый. – Здесь будет сидеть босс. Перо схлопочешь после фильма...

Вася покосился на Ульяну, делавшую вид, что ничего не происходит, хотел было последовать совету и пересесть, но передумал. Сказал еще тише, прямо в ухо квадратному:

– Отвали, урка, карасем сделаю! И не поднимай кипеж, твой босс не лучше моего короля. Усек?

С этими словами Вася уселся рядом с Ульяной, не обращая внимания на шум за спиной.

Пришел мэр со своими защитниками, потом Маракуц, сел со стороны Василия, никак не прореагировав на торопливую скороговорку подскочившего охранника. И началось представление.

Василий посмотрел его с удовольствием, отключившись от мирских дел, от присутствия мерзких соседей, вслушиваясь только в голос Ульяны и всматриваясь в ее профиль. Надо отдать ему должное: он успевал посматривать и на подиум. Но напрасно он посчитал инцидент с соседями исчерпанным.

Их перехватили возле машины все те же клеветы господина Маракуца. Вася предчувствовал это и мог бы уйти в любой момент, с шумом или без оно, однако с ним была Ульяна, и это заставляло его искать другие пути решения конфликта.

– Ну? – осведомился он спокойно, продолжая поддерживать спутницу под локоть.

– Я же тебя предупреждал, – прошипел белобрысый. – Помнишь ресторан «Салтыков»? Вот мы и встретились. Отпусти руку... руку отпусти, говорю!

Вася отпустил, и белобрысый завалился лицом вниз. Трое его приятелей молча смотрели то на него, то на противника, который, казалось, не сделал ни одного движения. В этот момент из-за мощных спин телохранителей вышел Николай Савельевич Маракуц, безучастно глянул на скорчившегося парня, перевел взгляд на Котова.

– И все же, где я тебя видел, малый? Никак не припомню.

– Вы ошиблись, – любезно ответил Вася. – Разрешите пройти? Мы с дамой спешим.

– Он же Серого примочил... – заговорил чернявый «квадрат» со шрамом.

Маракуц повел бровями, и тот замолчал.

– Где-то я тебя определенно встречал. Может, сам скажешь?

– У меня память тоже слабая, – ухмыльнулся Вася.

– У тебя что, паря, крыша поехала? – угрожающе придвинулся чернявый.

– Не, арендована, – спростодушничал Вася. – Так мы можем пройти? Не хотелось бы принимать крутые меры.

– Он какого-то короля вспомнил, – шепнул Маракуцу глыбистый телохранитель справа.

– Так на кого ты работаешь, голубчик? – Николай Савельевич был настроен почти мирно, но уже закипал. – Намеки какие-то делаешь... жесты ненужные... В Рязани-то другие законы, мы не любим таких шустрых и независимых. Что за контора тебя прислала? Зачем? Говори, не стесняйся, ты же не хочешь, чтобы мы твоей даме сделали больно.

– «Чистилище» меня прислало, – буркнул Василий, теряя терпение. Безошибочно ткнул Маракуца в четвертое межреберье от средней грудной линии, в точку тянь-чи, регулирующую перикард. Затем мгновенно обошел остальных сподвижников Боксера, усыпляя их уколами в точки на шее и на затылке. Угрюмо буркнул молча стоявшей Ульяне, проследив за картинным падением всей пятерки:

– Извини, не сдержался. Куда тебя отвезти?

– А разве ты не останешься ночевать? – задумчиво спросила Ульяна, по-новому разглядывая Котова.

Вася медленно повернул к ней голову, взглядом спрашивая, правильно ли он ее понял, и почувствовал себя вознесенным на седьмое небо. Правда, во время вечерней беседы девушка отрезвила его, заметив, что вполне можно было избежать открытой конфронтации. Вася скрепя сердце согласился. В отличие от людей Внутреннего Круга, обладающих всеми формами сознания и внушения, он пока владел управлением среды лишь на уровне рукопашного боя.

– Чего же ты не вмешалась, если могла предотвратить конфликт в зародыше иным способом? – с обидой сказал он.

– Во-первых, хотела посмотреть, как это сделаешь ты, – ответила она с обезоруживающей улыбкой. – Если не возражаешь, я научу тебя «технике внутренней улыбки», исключаящей любые конфликты. Во-вторых, я все же немножко вмешалась.

– Не понял. Когда?

– А разве ты не заметил, что они не обратили на меня практически никакого внимания? В то время как в практике бандитов самое естественное в подобных случаях давить на мужчину через женщину. Пригрозили бы убить меня, пытать или... там, изнасиловать... – Ульяна искоса глянула на Васю. – Ты бы и сдался.

– Конечно, сдался бы, – остыл Василий, отвечая ей в тон. – А что ты им внушила?

– Что я старая карга, хромая, слепая и крючконосая.

Василий засмеялся.

– Представляю! К сожалению, я внушением на таком уровне не владею. Да и Соболев тоже не сразу овладел этой вашей «техникoй улыбки», насколько я помню.

– Да, не сразу, – кивнула Ульяна. Легкое облачко легло на ее лицо. – Тебе не кажется, что Матвей... как бы это сказать... проповедует в последнее время эскапизм? Стремится уйти от реальности, уклоняется от нормальной общественной жизни, тяготеет к абстрактным рассуждениям? Не замечал?

– Что-то в этом есть, конечно, – проямлил озадаченный Василий. – Но не в такой уж степени... Соболев есть Соболев, он всегда был не от мира сего. А что?

– Да так, ничего, – задумчиво проговорила девушка. – Он остается незавершенным... Что же будет, когда он пройдет Путь до конца? Кем станет?

Василий промолчал. Таких вопросов он себе не задавал, предпочитая действовать, а не размышлять над смыслом жизни.

На следующий день он обрадовал Кристину и Стаса, что они все вместе идут на лодках в турпоход по Пре, дал им на сборы три часа и отправился по магазинам, чтобы приобрести недостающее снаряжение: надувные матрасы, прозрачные накидки от дождя, репшнур, полиэтиленовую пленку для защиты палаток, сапоги, спортивные костюмы для всех, фонари, репеллент от комаров, фляги

для воды, рукавицы, мыло, клеенку, бадминтон и волейбольный мяч. К обеду он был готов.

Собрались и остальные. Кристина и Ульяна обнялись, обрадовавшись друг другу, а Стас – тот и вообще парил в облаках от счастья. Повеселел окончательно при виде оживленных лиц и Василий. В конце концов отдохнуть от суеты городской жизни, постоянного напряжения и тревог захотелось и ему.

До турбазы «Мещера», расположенной в двух километрах от городка Спас-Клепики, доехали за сорок минут. Оставили машину на платной стоянке и принялись за комплектацию отряда. В стоимость путевок входила аренда двух лодок, четырех палаток, кострища, инструмента и снабжение продуктами. Больше всего времени ушло на выбор концентраторов и загрузку продовольствия, но Василий был опытным туристом и справился с задачей блестяще.

В пять часов вечера они закончили подготовку и спуск лодок на воду, загрузили снаряжение и продукты, и в этот момент на турбазе появился Самандар.

Вахид Тожиевич был одет как дипломат на приеме, в строгий темно-серый костюм и лакированные штиблеты, но имел с собой большой рюкзак типа «охотник». На вопрос Василия, после того как они поздоровались: имеет ли уважаемый директор МИЦБИ представление, что такое лес и палатка? – Самандар лаконично ответил: «Я взял с собой все необходимое».

И правда, через пятнадцать минут он появился у лодок уже переодетый в черный спортивный костюм и кроссовки.

Василий глянул на Ульяну, предлагая ей рассадить всех «согласно купленным билетам», но ему помогла Кристина:

– Вахид Тожиевич, не согласитесь ли сесть в нашу лодку? А Вася пусть едет с Улей, мы им зато больше груза положим.

Неизвестно, что чувствовал Самандар, на лице его не дрогнул ни один мускул, но Вася был обрадован инициативе Кристины капитально. Недоволен остался лишь Стас, да и то относительно, все равно они плыли вместе.

И начался «великий поход» Посвященных по Мещере, в верховьях реки Пра, ознаменовавший новый этап отношений людей Внутреннего Круга и обычных людей, поход, длившийся ровно пять дней вместо рассчитанных десяти. Но об этом путешественники в момент

отплытия не догадывались, увлеченные перспективой чудного отдыха. Из них лишь Василий не однажды ходил в походы на лодках (четырёхвесельных шлюпках по Селигеру и на байдарках по реке Белой) да Ульяна, остальные шли впервые, даже рязанка Крестя не представляла себе, что такое лес вообще и Мещера в частности. И уж тем более не знал особенностей местной флоры и фауны Вахид Тожиевич, уроженец Ферганской долины. Впрочем, Василий тоже лишь понаслышке знал, что Мещера – край спокойных рек, многочисленных озёр, заливных лугов, болот и необъятных лесов с великолепными беломошниками – сосновыми борами с лишайниковым покровом, зеленомошниками – борами с черникой и брусникой, дубравами по долинам реки березово-осиновыми светлянниками, выросшими на местах вырубок и гарей.

Бабье болото, занимавшее центральную часть Окского заповедника, они преодолели по протокам за четверть часа, выплыв из камышовых зарослей возле дома отдыха «Лось» в десять вечера, когда уже стемнело. Быстро поставили палатки, разожгли костер, приготовили чай, бутерброды, поели и легли спать.

Василий, утомленный непривычным трудом – на веслах он не ходил уже года два, – забыл даже о репелленте, уснув в спальном мешке мгновенно, но ни один комар его не тронул, как и остальных. И Ульяна, и Самандар знали секрет, как отпугивать кровососов, потомков древнего рода разумных комаров – Хирономид.

На следующий день они достигли мыса Мачтового, и к отряду присоединился Иван Терентьевич Парамонов. Оставалось ждать последнего участника экспедиции, Матвея Соболева. Отдых без него казался неполным не только Кристине.

МЕТЕОРА

В конце третьего века нашей эры первые христианские отшельники удалились в пустыни Египта и Сирии, надеясь найти уединение, отойти от мирской жизни и жить в молитвах и медитациях поближе к Богу. Самыми знаменитыми из них стали Святой Антоний Египетский и Святой Симеон Столпник, проведший сорок лет жизни в горах Сирии на столбе высотой восемнадцать метров.

В массовом порядке отшельники начали селиться в пещерах на обрывистых склонах Пинда в Фессалии в двенадцатом столетии, но лишь в тысяча триста шестидесятом году здесь поселился монах Святой Афанасий с горы Афон, который и основал два главных монастыря – Гегало Метеорон и Магало Метеорон – на отвесных скалах высотой в двести с лишним метров. Достроил монастыри спустя тридцать-сорок лет его ученик Йоасаф, сын сербского короля. А когда в пятнадцатом-шестнадцатом столетиях Фессалия была захвачена турками, в этих местах возникло свыше тридцати монашеских общин. Увеличилось, естественно, и количество монастырей. Этот комплекс монастырей и скитов, которые и в самом деле словно витают в небесах, греки называли Метеора, что означает – «парящий в воздухе».

Монастыри сложены из камня на вершинах одиноких скал, покрыты красной черепицей, как правило, имеют деревянные галереи, нависающие над бездонными провалами скалистых склонов. Вид, открывающийся с вершин монастырей и с галерей, настолько живописен, так захватывает дух бездна под ногами, что слава Метеоры достигла даже других материков, и с конца девятнадцатого века в этих краях появились первые паломники и путешественники. С тех пор Метеора стала скорее музеем, нежели монашеской общиной, все больше привлекая посетителей.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что в одном из монастырей Метеоры – Николаосе, расположенном на трехсотметровой скале, к которому можно было пройти только по веревочному мосту над пропастью, однажды появились туристы. Их собралось сто сорок семь человек, небывало много для тургруппы,

ведомой экскурсоводом, однако, во-первых, прибыли они по одному и из разных стран, во-вторых, монастырь Николаос перед их появлением буквально вымер: все его посетители ушли, как и монахи впрочем. У каждого нашлись дела в соседних монастырях или в соседнем городе Ларисе.

Таким образом собравшиеся оказались предоставленными сами себе – до тех пор, пока не прозвучал гонг сбора.

Монастырь Николаос вмещал множество тесных монашеских келий, церковь, кухню и общую трапезную с лоханями и черпаками. В скалах северной стороны под стеной были вырублены ниши для цистерн с питьевой водой. В церкви сохранились фрески, изображавшие сцены адских пыток и страданий мучеников: отсечение головы, убийство мечом и кинжалом, распятие, бичевание, сожжение на костре. Фрески эти были созданы еще в шестнадцатом веке живописцем Феофаном из Креты. Но прибывшие «паломники» не смотрели на красоты монастыря и близлежащих гор. По сигналу гонга они собрались во дворе монастыря и обратили лица к тому, кто собрал их здесь со всех концов света, – Хуану Франко Креспо, Генеральному секретарю ООН, Посвященному II ступени, куратору Союзов Неизвестных во всех странах мира, контролирующему уровень международных отношений.

Среди собравшихся был и координатор Союза Девяти России Бабуу-Сэнгэ.

По сути, в Метеоре собралось тайное, но отнюдь не мифическое, а самое реальное правительство Земли, способное в течение очень короткого срока сменить любое формальное правительство любой страны, которое мнило себя единственно претендующим на власть, убрать любого политика, переместить любого чиновника в самых мощных эшелонах власти.

– Начнем, господа, – звучным голосом произнес Хуан Франко Креспо на метаязыке. – Но сначала, как обычно, послушаем нашего Покровителя.

Во дворе монастыря раздались странно звучащие фразы странного языка, содержащие Силу и Энергию Вселенной, не имеющие аналогов ни в одной языковой, семантической, звуковой или музыкальной шкале. Эти особые звуки были по легенде фрагментами речи первого Вселенского Будды – Махавайрочаны, завещавшего

следовать его Путем всем остальным буддам. На самом же деле это был коан гипервнушения, кодирующий сознание Посвященных, превращавших их в своеобразных зомби, подчинявшихся единой программе, которую разрабатывал и претворял в жизнь Верховный координатор контроля. Этот коан был создан еще во времена Перволюдей, уже тогда замышлявших построить пирамиду Абсолютной Власти. Он передавался из поколения в поколение «серыми кардиналами» структуры, контролирующей реальность Земли. Хуан Франко Креспо принял его около ста лет назад. Только он один знал, что такое «речь Первобудды» и для чего ее слушают кардиналы рангом пониже, правящие государствами на всех материках Земли. Впрочем, некоторые из них догадывались о смысле «речи», слышимой человеческим ухом, но не воспроизводимой человеческим языком. Среди этих догадливых был и Бабуу-Сэнгэ, один из самых опытных и знающих Посвященных, готовый стать соискателем трона, главным преемником Верховного координатора.

При первых же звуках «речи Первобудды» он машинально взялся за «нагрудник справедливости», защищавший его в числе других опасностей от гипнотического внушения, и встретил пылающий взгляд Хуана Креспо с невозмутимым смирением.

Необыкновенные журчаще-вибрирующие, стонущие, прерываемые мерными ударами металла о металл звуки стихли. Но сто сорок семь Неизвестных стояли еще некоторое время, полузакрыв глаза, словно пребывая в трансе, пока Верховный координатор не развеял чары, сказав:

– Продолжим нашу встречу, господа.

– Один вопрос, господин председатель, – подал голос немолодой по годам, но совсем зеленый по опыту работы координатор Союза Пяти Украины, созданного совсем недавно, в тысяча девятьсот девяносто первом году. – Я не заметил достаточных мер по обеспечению... э-э... безопасности высокого собрания...

Координатор Украины, как истый хохол, уроженец Ивано-Франковска, был хитер, нетороплив, исключительно осторожен и любил трижды перестраховаться, прежде чем что-либо предпринять. Он и на чрезвычайный сход координаторов приехал только после всестороннего анализа предполагаемой угрозы, выбрав стохастически запутанный маршрут следования и взяв с собой бригаду «хлопцев» в

двадцать пять человек, обеспечивающих его безопасность в пути. «Хлопцев» на территорию Метеоры не пустили, и господин Крольчук, советник по национальным приоритетам нынешнего президента Украины Корчмы, нервничал.

– Господин Крольчук, – улыбнулся Хуан Франко Креспо. – Крупней операция по обеспечению безопасности была организована лишь во время празднования пятидесятилетия ООН в Нью-Йорке. Вы можете не волноваться, все необходимые меры предосторожности приняты. Мы можем защитить вас лично от любых посягательств вплоть до пункта назначения. Ведь вы летите в Киев? Или прежним маршрутом через Англию, Финляндию, Турцию, Германию, Швейцарию, Львов... э-э?

– Это нереально, – не смутился Крольчук, умудрявшийся даже здесь выглядеть провинциалом, степенным «козацким головою».

– А что сейчас реально? – проворчал сосед Бабуу-Сэнгэ, аргентинец. – Единственная реальность в мире насилия – смерть!

– Если все сомнения разрешены, я продолжу. – Хуан Франко Креспо обвел ряды стоящих посуровевшим взглядом. – Причины, по которым я вынужден был собрать вас, две. Первая: события, происшедшие в абсолютных планах «розы реальностей», начинают сказываться у нас, в запрещенной реальности, грозя дестабилизировать состояние мира и сорвать контроль за ним. На уровнях физических законов это отразится мало, на уровне социума – очень сильно, вплоть до его полного разрушения. Чем в таком случае мы будем управлять?

Выражается же влияние абсолюта двумя стихийно-причинными процессами: ужесточением Закона возмездия и распадом наших Союзов, призванных корректировать реальность по единому сценарию. Если с первым процессом мы еще кое-как могли справляться, локализуя его с помощью создания всякого рода антиправительственных группировок типа «красных» и «черных бригад», «Ирландской республиканской армии», «Команды контркрим», движения «Хамас», исламских «серых братьев» и «защитников веры», неонацистских славянских отрядов, то с процессом распада Союзов можем не совладать.

– В моем регионе этот процесс не наблюдается, – с заметной долей скепсиса проворчал Крольчук.

– Ваш Союз слишком молод, – парировал Верховный координатор, – и монотеистичен, ибо исповедует черный национализм. Впрочем, это нас не волнует, важен результат, а не путь его достижения. Итак, проблема номер один для большинства из нас – распад системы. Какие меры вы предпринимаете в связи с этим?

– Необходима ликвидация смутьянов, – бросил горячий аргентинский лидер. – Никакие другие меры не помогут. Если бы у нас был доступ к МИРам Инсектов, проблема была бы решена в сжатые сроки и бескровным путем.

– Вторая причина, по которой мы собрались, и есть блокировка МИРов, – усмехнулся Хуан Креспо. – Все вы знаете, когда и по чьей инициативе доступ к МИРам был закрыт. Была инициирована так называемая «Игла Парабрахмы», чье включение всегда приобретает характер и силу физического закона. По сути, произошла прямая коррекция реальности, отменить которую мы не в силах. На Земле сохранилось около трехсот памятников культуры Инсектов, получивших название МИРЫ – модули иной реальности, и все они закрыты.

– И что же, открыть их не удастся никогда? – подал голос лидер Союза Незвестных Канады. – Нельзя ли заставить того, кто инициировал «Иглу»?

– Заставить – нет, есть путь похитрей. Этот Посвященный по имени Матвей Соболев овладел методом смещения временных потенциалов, то есть способом глубокого проникновения в прошлое по цепи генной памяти предков. Мало того, он в потенциале способен на ретроактивное действие. Надо подтолкнуть его сделать то, что нам нужно, запрограммировать.

– И кто это сделает?

– Наш уважаемый настоятель Храма Гаутамы Бабуу-Сэнгэ, координатор Союза Девяти России, на территории которой проживает наш герой.

Взоры всех ста сорока шести координаторов обратились на Бабуу-Сэнгэ.

– А он справится? – раздался скрипучий голос Крольчука. – Господин Бабуу хорошо ориентируется на Алтае, а Соболев живет где-то в Питере, а?

– Господин украинский гетман хорошо ориентируется на Украине, – разжал зубы Бабуу-Сэнгэ. – Если понадобится его помощь, я попрошу.

– Но до этого момента возможны перевороты Союзов, – сказал канадец. – В моем Союзе образовалась оппозиция режиму...

– И в моем... и у меня фракции... – раздались голоса.

– Есть одна идея, – поднял руку Верховный координатор, успокаивая собрание. – В России создано оружие психофизического воздействия, гипноиндуктор «удав», известный в среде спецслужб под названием «глушак». Возможности его невелики, то есть я хочу сказать, что воздействует он лишь на мозг нормального человека, но хотя программа по его дальнейшему усовершенствованию свернута...

– Чем он поможет нам, людям Круга? – саркастически осведомился аргентинский лидер. – Каждый из нас способен защититься от пси-атаки любой мощности.

– Не каждый и не от любой, – парировал Хуан Креспо. – Во-первых, существует забытый всеми... до поры до времени... источник Силы – Знания Бездн. Найдите его, и ваша воля станет единственной Силой, регулирующей законы данной реальности. Во-вторых, иерархи, Собиратели и Хранители, наши старшие братья, давно овладели психотехникой оформления мысли как реальной физической силой, на базе нижних планов «розы реальностей». Против этой силы, реализующей сплав физики, магии и воли, нет никакой защиты... кроме еще более высокого уровня того, кто послал целенаправленную Мысль.

– Но иерархи там, а мы здесь! Хранители же свято соблюдают доктрину невмешательства.

– Да, иерархи живут выше нас, но... – Верховный координатор сделал паузу.

– Я имею возможность получить оттуда кодоны, способные запрограммировать любого из Неизвестных. Этими кодонами, пси-программами высшего класса, можно модулировать излучение «глушаков».

Во дворе монастыря возник и стих ропот. Все присутствующие поняли идею председателя.

– Вы правильно поняли, – показал свою ослепительную улыбку Хуан Креспо. – Самое интересное, что этот способ зомбирования

людей уже был описан в литературе около тридцати лет назад русским писателем Мирером в романе «Дом скитальцев». Но вряд ли он предполагал, что Вселенная реализует почти что любую человеческую фантазию.

– Не проще ли сбросить на оппонентов... э-э, на отщепенцев, пытающихся развалить Союзы, небольшой атомный заряд? – спросил в наступившей тишине все еще скептически настроенный координатор Украины.

– Проще, – согласился Верховный координатор. – Но ведь вы не захотите управлять радиоактивной пустыней вместо государства? У вас, господин Крольчук, и так хватает проблем с Чернобылем, не так ли? Не стоит превращать в Чернобыль еще и Киев. Итак, что решим, коллеги?

Над толпой Посвященных всплыли золотые и серебряные облачка света, означавшие согласие или воздержание. Золотых было больше. Погасли.

– Осталось решить две маленькие задачки, – меланхолически заметил китайский лидер Союза Двадцати Девяти. – Где приобрести «глушаки» и как мы получим кодоны.

Верховный координатор помолчал, оглядывая недвижные ряды людей Внутреннего Круга. По сути, он сейчас поднялся по властной лестнице на ступень выше, потому что жизнь каждого координатора теперь зависела от его решения более, чем раньше. Он готов был принять сан иерарха. А на свое место подготовил хорошего заместителя, от которого теперь тоже зависело многое.

– Кодоны я буду вручать в индивидуальном порядке, – произнес наконец Хуан Франко Креспо. – После вызова. А получение «глушаков» будет зависеть от представителя России господина Бабуу-Сэнгэ. Вам придется договариваться с ним также индивидуально.

Сто сорок шесть координаторов Власти на Земле молча смотрели на невозмутимого настоятеля Храма Гаутамы, прекрасно понимая значение слов, произнесенных Верховным координатором.

НАД ОБРЫВОМ

«Форд-транзит» бегал быстро, до двухсот километров в час, и до Москвы Матвей доехал за четыре часа. Ночь – он прибыл в начале второго – провел в машине на Кольцевой дороге, недалеко от поста ГАИ, чувствуя себя вполне комфортно: в салоне «форда» можно было разместиться и четверым.

Спал спокойно и без сновидений, хотя изредка сторожевая система отмечала тихие призрачные всполохи пси-полей, очень тонкие, почти неощутимые, на уровне шумов, означающие слабую десинхронизацию его динамической пространственно-волновой структуры энергетической эфирной оболочки, деформацию силового каркаса. На нормальный человеческий язык это состояние переводилось как реакция на ментальный взгляд, взгляд, не оставляющий следа.

В шесть утра Матвей вышел в астрал и позвал того, с кем задумал встретиться. В семь с минутами он подъехал к надвратной церкви Спаса, расположенной на территории Зачатьевского женского монастыря на Остоженке.

Матфей ждал его на скамеечке за резной чугунной оградой в окружении лип и тополей. За миниатюрной ротондой, играющей роль привратной будки, начиналось небольшое, на два десятка надгробных плит, старинное кладбище, которое посещали только служители церкви. Хоронили здесь когда-то основателей монастыря и его послушниц, роды которых угасли, поэтому посетителей в этом уголке Зачатьевского сада никогда не было.

– Спасибо, что откликнулись, Хранитель, – поклонился Матвей.

Матфей, с виду – пожилой, убеленный сединами пенсионер, одетый в маечку и серый пиджачок, в брюки зеленоватого цвета и неизменные сапоги, встал и сделал ответный поклон. Жестом предложил сесть.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к тишине, пропитываясь торжественно-печальным настроением здешних мест, достигая дхьяны, затем дхараны и пратъяхары, пока не ощутили

полное единение с природой и Вселенной. Потом Соболев негромко сказал:

– Хранитель, я имел несколько странных встреч... в настоящем и в прошлом... и хочу выяснить: что происходит? Если вы не имеете права на информационный контакт, скажите, я уйду.

Матфей не ответил, погруженный в свои мысли, и Соболев в который раз поразился его сходству с теми, кого знал: с Тарасом Горшиным, Буддой, с инфархом. Это было скорее не внешнее сходство, а печать внутреннего состояния полной свободы и сдержанной силы, производящая неизгладимое впечатление.

Наконец Матфей проговорил:

– Происходит то, что и должно происходить по Закону изменения энтропии. И ничего сверх того. Вам должно быть известно, что человечество своей конструктивной деятельностью уменьшает энтропию Земли, и при достижении критического уровня ее организации срабатывает Закон изменения энтропии, в данном случае – Закон возрастания. Он порождает процессы, уничтожающие излишек организации, причем по инерции всегда разрушается чуть больше, чем диктует сам закон. Но это – объективное следствие нашего мироустройства. Вот и все.

Матвей не пошевелился, глядя на ползущего по земле муравья. Хранитель искоса посмотрел на него, усмехнулся.

– Я имел в виду самый общий случай, распространяющийся не только на нашу запрещенную реальность, но и на всю Вселенную, на «розу реальностей». В принципе это изначальный дефект мира, заложенный в него Творцом, а нами, людьми, интерпретируемый как противоречие между добром и злом. Это противоречие вечно, смиритесь с ним.

Соболев снова не ответил, словно замороженный гортанным голосом собеседника.

– А теперь перейдем к частностям, – не торопясь продолжал Матфей. – Закон изменения энтропии уже сработал в абсолютных планах, к нам докатится его ослабленная волна. Но все же хаоса не избежать. И это тоже объективное следствие первоначального замысла Творца. Относиться к нему следует как к стихийному бедствию, не более того.

– Что вы хотите сказать? – очнулся Матвей.

– Не вмешивайтесь в действие закона, идущий! Судя по моим впечатлениям, вы избрали Истинный Путь духовной самореализации, ну так не сходите с него. По большому счету вы ничего не измените.

Матвей, которому уже в третий раз предлагали не вмешиваться (не считая тех случаев, когда толкали на противоположное), остался спокоен.

– Каждая душа идет в ту сторону, куда привела ее духовная эволюция. Разве не так?

– О да, этот принцип незыблем, но он не более чем пакет неопределенности. Выбирать Путь вам. В связи с чем у меня встречный вопрос: зачем вы все чаще погружаетесь в прошлое? Что вы там ищете?

Матвей поставил ногу в кроссовке перед муравьем и некоторое время наблюдал, как тот безуспешно пытается понять, что за преграда возникла у него на пути.

– Вы знаете, это как наркотик! – Он улыбнулся, поворачиваясь к собеседнику и встречая его пыливый взгляд. – У меня родился интерес даже не исследователя, а философа. Я хочу понять: зачем Монарху понадобилось экспериментировать над Инсектами? Чего он добивался, превращая род Блаттоптера сапиенс в род Хомо сапиенс? Какой в этом смысл? И еще один попутный вопрос: зачем иерархам надо было постоянно вмешиваться в бытие запрещенной реальности? Ну вышли они оттуда в высшие сферы, ну и живите себе там!

Хранитель качнул головой.

– Неужели вы еще не нашли ответа на свои вопросы?

Матвей не обиделся. На учителей не обижаются, а хотел этого Хранитель или нет, но он давно стал для Соболева Учителем. Впрочем, он наверняка понимал ситуацию, только никогда не признался бы в этом напрямую. Хранители Внутреннего Круга не имели права вмешиваться в «мирскую жизнь». Стать для кого-либо из них Учителем означало – вмешаться. Поэтому Матфей нередко ставил Соболеву задачи, как до Посвящения, так и после, которые не могли быть решены с помощью разума и логики. И Соболев давно понял его: целью этого метода было уничтожить, превзойти концептуальное мышление во имя постижения сущностной, неповторимой природы всех вещей.

– У меня есть лишь догадки, – прямо сказал Матвей. – Интерес Монарха скорее всего – интерес исследователя плюс жажда безжалостного экспериментатора. Что касается иерархов, то в глубинах психики они остались Инсектами, жаждущими абсолютной власти... Я не прав?

– Bravo! – серьезно ответил Хранитель. – Вы почти угадали. Добавлю кое-какие несущественные детали. Среди иерархов на высших планах «розы реальностей» вспыхнула война за абсолютное лидерство... что, естественно, уже отразилось и на Земле, поскольку все «реальности» вложены одна в одну и возможно подбарьерное просачивание виртуальной информации.

– Каким образом отразилось? Уж не распадом ли Союзов Неизвестных?

– Именно. Многие иерархи уничтожены или «опущены» в низшие миры; вам, наверное, интересно будет узнать, что существуют еще и «инфернальные реальности», отраженные в мифологии человечества под названием «чистилища» и «ада». Земная реальность – не самая низкая, хотя по сути она представляет собой нечто вроде исправительного учреждения. И последнее: инфарх низложен! Власть в абсолютных реальностях «розы» захватила группа иерархов, поддерживаемая Аморфом Лексом. Помните встречу с ним?

Матвей кивнул. Бой с Лексом и Монархом Тьмы полтора года назад забыть было невозможно.

– У вас еще есть вопросы, идущий?

– Почему вы сообщили мне все это? Нарушили запрет...

– Потому что я уже не Хранитель. Вернее, срок моей деятельности в качестве Хранителя истекает. Скоро я уйду...

– Уйдете?! Куда? Зачем? Совсем?!

Матфей улыбнулся, так что от глаз на щеки побежали лучики морщинок.

– Я прошел Посвящение IV ступени и достиг сана иерарха. Мой Путь земной закончен, я иду выше. Для меня настало время осознания во Вселенной незримого и невыразимого Плана Бытия. Того, что создал Безусловно Первый.

– Но там же... вы сами говорите... война!

– Война не вечна, – спокойно сказал Матфей. – Наступит время созидания. К тому же инфарх мой друг, ему нужно помочь. Все, чего я

хочу, – только восстановления справедливости. Прощайте, идущий. Может быть, еще свидимся.

– Подождите... вы сказали... произнесли слова – Безусловно Первый... Не значит ли это, что вы знаете, где искать... Знания Бездн?

– А зачем их искать? В закодированном виде они содержатся в глубокой памяти любого человека.

– Как это?! – не поверил Матвей. – Мне говорили, что они спрятаны в прошлом... предлагали помочь преодолеть временной барьер, пройти за порог Изменения... Якобы я могу изменить прошлое... и, соответственно, будущее...

– Это неверно. Все разговоры о возможностях ретроактивного действия – не более чем разговоры. Ваши погружения в прошлое – на самом деле погружения в вашу личную память. Время не есть скольжение сознания вдоль мировой линии, как вам сообщил Кирилл Данилович и как думают Посвященные нижних ступеней. «Скольжение» – лишь одна из версий о сущности времени.

– Но как же тогда... – Ошеломленный известием Матвей не сразу собрался с мыслями. – Выходит, все мои прежние походы в прошлое... фикция? Сны? Трансперсональные переживания? И изменить прошлое невозможно?

– Если бы это было возможно, иерархи давно сделали бы изменение, причем даже более жестоко, чем когда-то Монарх и вообще Аморфы. Нет, время – это Процесс, Движение, Делание, вспять его повернуть нельзя, примиритесь с этим.

– Да я и не собирался...

– Другое дело, что вы можете изменить Настоящее... и, соответственно, Будущее, как вы изволили выразиться, совершенно случайно, неосознанно, и вот за это на вас лежит колоссальная ответственность. На вашем месте я бы не брался за такую задачу.

– Но я в самом деле не... – Матвей с трудом сдержал свой растерянный лепет. – Извините, Хранитель. Я попытаюсь идти избранным Путем. Просто на меня давят...

– К сожалению, вы действительно стали пациенсом кардиналов Союза Деятели. Избегайте контактов с ними. В скором времени они попытаются запрограммировать вас с помощью известных вам суггесторов «удав».

– «Глушаков» я не боюсь.

– Доработка требуется незначительная, излучение «глушаков» будет модулироваться с помощью особых программ – кодонов, которые уже переправлены в наш мир из «розы реальностей».

– Но ведь «роза» отделена от нашей запрещенной реальности граничным потенциалом...

– Этот барьер не абсолютен. Позволю подсказать вам кое-что. Вы знаете, почему Перволюди строили свои сооружения в форме пирамид? Нет? Дело в том, что форма зданий и предметов играет в нашем мире огромную роль: она организует вакуум! Более всего структурируют полевую ситуацию пирамидальные сооружения, поляризующие вакуум, концентрирующие спин-торсионные поля. В принципе пирамиды – первые торсионные генераторы, воздействующие на сознание людей. Вот почему древние строили храмы с куполами и шпилями, мечети, часовни, церкви, пирамидальные и готические залы – для прямого воздействия на верующих, на психику людей. Так вот, на Земле и вне модулей иной реальности, оставленных Инсектами, существует по крайней мере три храма, образующих точки бифуркации.

– Простите, Хранитель, я не физик по образованию...

Матфей кивнул, не выражая своего превосходства или неодобрения ни единым жестом.

– В точках бифуркации все уровни реальности проявляются одновременно виртуальным образом. Они как бы «вморожены» в ткань Вселенной, в тело Земли, в недра других планет и звезд. Подчиняются они лишь полю сознания, торсионному полю, организованному определенным образом – в форме иглы.

– «Игла Парабрахмы», – медленно проговорил Матвей.

Хранитель улыбнулся, встал.

– Прощайте, Соболев. Мир висит над обрывом, решите для себя, где вы находитесь – над обрывом или под ним. Удач вам...

И Матфея не стало. Лишь над скамьей остался медленно тускнеющий отпечаток его мысленной сферы.

Матвей закрыл глаза, сосредоточиваясь на пространственном поиске, но ни в астрале, ни в ментоле не нашел отклика на свой зов. Хранитель ушел, искать его было бесполезно. И Матвей почувствовал вдруг такое безмерное одиночество и отчаяние, какое не испытывал даже после похорон деда.

Посидев еще с минуту, он проследил за муравьем, который наконец обошел преграду – ногу сидящего, встал и тихо направился через парк в сторону набережной Москвы-реки. Получив гораздо больше, чем надеялся, но потеряв поддержку того, на кого рассчитывал.

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ НАКАНУНЕ МОРДОБОЯ

Никогда еще Василий не чувствовал себя так хорошо, как во время похода по рекам и озерам Мещеры.

Во-первых, рядом была любимая девушка, во-вторых, появилась уникальная возможность пообщаться с загадочными Посвященными, людьми Внутреннего Круга, в-третьих, можно было не думать о бытийных проблемах, наслаждаться тишиной природы и мечтать, как в юношеские годы.

В среду после часовых занятий со Стасом – мальчишка всерьез подавал большие надежды стать мастером боя уже через пару лет – Василий увлек Ивана Терентьевича на рыбалку и завел разговор о возможностях человеческого тела.

– Мне кое-что непонятно, – сказал он, когда рыбаки отплыли на лодке по протоке к небольшому озерцу в окружении сосен, осин и берез. – Каким образом люди стали четырехконечными существами? Ведь Монарх, когда экспериментировал с тараканами, оставил их шестипапыми. Да и Матвей говорил, что Перволюди, прямые потомки Блатгоптеров, были двуногими и четырехрукими.

– Монарх запустил особую генетическую программу, – ответил Парамонов, экипированный как завзятый рыбак: джинсовый костюм, накидка, кепка, высокие – выше колен – сапоги. – Рудименты, – продолжил он, – как-то: лишняя пара рук, некоторые отделы кишечника насекомых, сердечные надстройки, фасетчатые глаза – отмирали постепенно, в течение сотен поколений. Больше всего времени ушло на формирование человеческого мозга и черепа.

– Черепа? Но ведь это всего лишь... э-э... сосуд для хранения мозга. Горшок. Почему потребовалось много времени на его эволюцию?

Парамонов улыбнулся на слово «горшок».

– Функции человеческого черепа не только и не столько защита мозга от внешней среды, сколько защита Вселенной от человеческой мысли, могущей потрясти основы мироздания, вырвись она из-под эндокрана. Монарх то ли случайно, то ли по ошибке, то ли намеренно

заложил в нас возможности владения магической физикой, после чего ему пришлось долго корректировать собственное творение, чтобы оно не разрушило «розу реальностей».

– Ни хрена себе! – пробормотал Василий, вытаскивая из воды первого щуренка. – Это что же получается? Каждый человек – потенциальный маг? Колдун?

– Почему это вас расстраивает?

– Да не расстраивает... я не знал... нигде в литературе этого нет. Почему же человек не воспользовался своей силой... еще тогда, миллионы лет назад?

– О, Монарх – мощный интеллект, он кинул человечеству иной соблазн – идею рая, идею наслаждения, отрицающую духовное совершенствование – единственный путь, ведущий к овладению магией. С тех пор синтез физики и воли, Слово Власти, способность творить чудеса стали уделом немногих.

Вася, получивший новую порцию информации для размышлений, некоторое время молчал, механически меняя наживку, но в течение часа так больше ничего и не поймал, в то время как Иван Терентьевич таскал и таскал из воды рыбу: лещей, красноперок, щурят и даже небольшого сома.

– Значит, возможность легкого получения удовольствия, – наконец проговорил Василий, – мешает развитию у человека магических сил?

– Удовольствие в предельном случае, то есть наслаждение – это утонченное искусство, для овладения которым требуется время и талант. Этим искусством человек в массе своей не владеет. Зато его индивидуальное сознание способно производить изменение структуры пространства-времени, то есть порождать флуктуации вакуума. А флуктуация вакуума подобна горному обвалу, лавине: нарушается равновесие, симметрия, и лавина материи извергается из недр вакуума в проявленный мир... как уже и случилось, когда родилась наша Вселенная.

Иван Терентьевич глянул на ошеломленно-задумчивое лицо Котова, но шутить не стал.

– Я не знаю, чем руководствовался Тот, Кто Создал наш мир; можете называть его Творцом, Демиургом, Богом, Безусловно Первым... Но он предусмотрел в нашей Вселенной, разбитой на множество подуровней-реальностей, возможность нового рождения

вселенных, новых подуровней. Конкретные же побудительные причины для этого могут быть самыми разными – от чисто случайных спонтанных флуктуации до целенаправленных действий высокоразвитых, точнее, высокодуховных существ. Или вовсе бездуховных, как Аморфы.

– Аморфы... не близки нам? Хотя бы по мысли...

– По мысли – да, – погрузился Иван Терентьевич. – Но ни Аморфов, ни даже иерархов нельзя отнести к высокодуховным существам. Как говорится, и Бог может ошибиться в своем творчестве. Возможно, это еще один изначальный дефект Мира... а может быть, только нашей запрещенной реальности.

На этом беседа закончилась, потому что подплыла на лодке Ульяна и присоединилась к рыбакам. Она тоже любила созерцать удочки, текущую воду и лилии на водной глади.

После обеда экспедиция снялась и направилась к Белому озеру, проплыв мимо поселка великолепных вилл, двух-и трехэтажных коттеджей в стиле модерн, построенных с использованием архитектуры и дизайна европейского типа. Неожиданно разговорившийся Самандар поведал об устройстве вилл: первый этаж – холл, кухня, столовая, каминный зал, гостиная, бильярдная, застекленный зимний сад, второй этаж – три-четыре ваннные комнаты, от четырех до восьми спален, кабинет, третий этаж – библиотека, компьютерный комплекс для видеоигр, еще один кабинет, зал для конфиденциальных встреч. Кроме того, каждая вила имела гараж, сауну с бассейном, спортзал, прачечную и винный погреб. Стоимость одного такого еврокоттеджа с прилегающим садовым участком в пятнадцать соток составляла от двухсот до шестисот тысяч долларов.

– Кто же там живет? – невольно воскликнула Кристина.

– Все, кто может заплатить такие деньги, – безразлично отозвался Вахид Тожиевич. – Депутаты Госдумы, вице-премьеры правительства, бизнесмены... бандиты. Кстати, здесь где-то стоит и дача Маракуца. Вы должны его помнить, Василий.

Вася и Ульяна переглянулись. В последнее время их дороги все чаще пересекались с дорогами Николая Савельевича Маракуца, вора в законе по кличке Боксер.

К вечеру через извилистую протоку выплыли на Белое озеро и быстро разбили лагерь, приобретя некоторую сноровку после трех

переходов, разожгли костер. Пока женщины готовили ужин, Василий снова подсел к Парамонову, устроившемуся на чурбачке над обрывом и созерцавшему плес, поле на другом берегу озера и лес, за который садилось по-вечернему ласковое солнце.

– Можно, Иван Терентьевич?

Парамонов, не терявший благожелательности ни при каких обстоятельствах, кивнул.

– Не думал, что попаду в место, где кончаются проблемы и начинается полное растворение индивидуальности, – продолжал Вася со смешком. – Мне не хватало общения с природой, большего кайфа я не получаю ни от какого другого вида отдыха.

– Даже от женщины? – подковырнул его Парамонов.

Вася невольно оглянулся на хлопчущую у костра Ульяну, понизил голос:

– Честно говоря, с тех пор как я с ней... других женщин мне не надо, хотя... зов плоти иногда становится непереносим. Но мы с ней еще не...

– Понимаю, ваши души соприкасаются чаще, чем тела. Что это с вами, Василий Никифорович? Неужто зацепило по-настоящему?

Василий насупился.

– А что, разве мне это недоступно?

– Не обижайтесь. – Парамонов положил руку на локоть Котова. – Вы Близнец по гороскопу, человек действия, а для таких людей постоянство нехарактерно. Эмоции у них зачастую стоят между умом и волей. Я чувствую у вас стремление к глубинности, однако больше всего вам мешает чрезмерная легкость обращения с людьми. Любовь ведь требует колоссальной отдачи, а не слепого обожания. Готовы вы к ней?

– Любовь бывает разная... – пробормотал Василий, вовсе не рассчитывавший, что разговор пойдет на эту скользкую тему.

– Само собой разумеется. Любовь – огонь и вихрь – удел юных, любовь – безбрежный океан и вечное волнение – доля зрелых, любовь – материк с редкими землетрясениями – участь стариков. Вы еще молоды, Василий, все ваши ураганы и тайфуны впереди. Могу только пожелать удачи. Но судя по объекту внимания, вы уже в центре урагана, так что покоя не ждите.

– Покой нам только снится, – снова пробормотал Василий рассеянно. – Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль... Спасибо за добрые слова. Не возьмете меня в ученики? – Слова вырвались сами собой, и Вася прикусил язык, с испугом взирая на собеседника, понимая, что сморозил глупость. Но Парамонов не стал ни иронизировать, ни высмеивать, ни экзаменовать.

– Всеу свое время, идущий, – сказал он с необидной улыбкой. – Магия симпатий еще не гарантирует интеллектуальный комфорт общения учителя и ученика. Вы не готовы к получению бодхи путем размышлений. Вы еще не в состоянии воспринимать информацию напрямую из общего энергоинформационного поля Земли.

– Из астрала...

Парамонов не обратил на реплику внимания.

–..без взаимодействия объекта и наблюдателя. Выход в астрал вам пока недоступен, потому что явления высшего порядка невозможно наблюдать обычными средствами и повседневным состоянием сознания.

– Я понимаю... закон восхождения...

– Но вы не безнадежны, друг мой, – снова пропустил мимо ушей бормотание собеседника Парамонов, позволив себе малую толику теплой иронии. – Обычный человек в толпе слабеет, вы – нет, умеете сохранять индивидуальность. Без вызова и кризиса вы зачахнете, они – основа вашего Пути, не позволяющая расслабляться и деградировать. И вы не боитесь боли, что внушает надежду. – Голос Ивана Терентьевича стал едва слышен, словно он размышлял сам с собой.

– Хотя этот параметр обладает глобальностью: стремление избежать боли равнозначно гибели вида.

– Простите, я не совсем... – начал было Василий. Парамонов очнулся.

– Вам надо научиться принимать информацию от любого иерархического уровня мирового информационного континуума, я попытаюсь помочь. Ну а там – посмотрим...

– Спасибо! – с чувством сказал Василий.

– Дядь Вась, – подбежал загорелый до черноты Стас. – А как можно определить, где мы находимся?

Василий встал, разминаясь, сказал очень серьезно:

– Поверни ухо на тринадцать градусов к востоку и прислушайся. Или позвони ближайшему дилеру.

Стас округлил глаза, потом засмеялся:

– Это же реклама «хот бёрд». Ты шутишь?

Засмеялись и Василий с Иваном Терентьевичем.

– Я очень люблю «хрюкламу» подобного типа. А насчет того, где мы находимся, могу сказать абсолютно точно: в ста пятидесяти километрах от Москвы. Купаться вечером будем?

– Не, я уже. Я тут огромный муравейник нашел, с тебя ростом, не хочешь посмотреть?

– Хочу. – Василий взял мальчишку за руку, и тот повел его по речному откосу в лес.

Парамонов задумчиво смотрел им вслед.

На Белом озере они задержались на два дня, уж очень хороша была здесь рыбалка.

Муравейник, обнаруженный Стасом на холме в сосновом бору, в ста метрах от лагеря, действительно впечатлял. Высота его достигала двух метров, а диаметр основания и того больше – метра четыре! Василий дважды ходил к нему, испытывая непонятную тягу понаблюдать за деятельностью потомков Формика сапиенс, разумных муравьев. Во второй раз с ним пошел и Парамонов.

– Представить страшно, – поежился Василий, – что муравьи когда-то были ростом с лошадь!

– Они выглядели несколько иначе, – флегматично заметил Иван Терентьевич.

– Но все равно впечатляет.

– А над чем вы работаете? Я имею в виду – как Посвященный, человек Круга?

Парамонов обошел муравейник, присел на корточки, наблюдая за суекой его обитателей, сказал вдруг:

– Хотите фокус?

В то же мгновение все муравьи как по команде замерли! Движение вокруг прекратилось, перестали петь даже птицы неподалеку. А затем все бесчисленное муравьиное войско кинулось к муравейнику и полезло внутрь, грозя смести его с лица земли. Исчезло! Муравейник вымер, словно поздней осенью, перед холодами.

Пробежал последний муравей, скрылся в одном из окон. И снова тишина и неподвижность.

– Что вы с ними сделали? – прошептал Василий. Парамонов встал с корточек.

– Я передал им раппорт опасности, сигнал, что сюда летит колеоптер. Сработало.

– Колеоптер – это...

– Жук. Во времена Инсектов колеоптеры наравне со шмелями – пситирусами – были одними из самых агрессивных хищников. Так что вы хотели узнать, Василий Никифорович?

– Над чем вы работаете...

– Ах, ну да, вы спросили... Это не очень интересно для неспециалиста. Я исследую воздействие фохата на метрику пространства.

– Фохат... э-э, это из индийских эзотерических...

– Тексты Веданты. Фохат в них понимается как универсальный движущий принцип, всемирная жизненная сила. Безусловно Первый реализовал его сначала в Аморфах... ну, и так далее.

– Я читал, что прежде всего сущего была Калаханса, Птица вне пространства и времени.

– Это и есть Безусловно Первый, Творец, понимаемый древними йогами как символическая птица, Брама, роняющая яйцо в Хаос, который и превратился во Вселенную. Таким образом, Тьма Хаоса есть лишь средство для мысленного творчества, а не изначальное зло, иерархия темных неструктур. Наша Вселенная была образована по принципу образования любых сложных систем, дихотомически, с заданным вектором предпочтения «лучше-хуже». То есть «добро» и «зло» в ней являются самостоятельными образованиями и через посредника между информационным и вещественным мирами могут влиять на вещественные объекты.

– Вы хотите сказать, что зло – изначальное состояние мира?

– Добро и зло как две категории предпочтения, не более того. Это уже люди сделали их конкретными, насыщенными эмоционально. Так что, увы, мой друг, зло вечно! И поединки с ним – это срок, потерянный для созидания, истинного творчества. Отвечая на ваш вопрос, я мог бы сразу сказать, что занимаюсь проблемами высшего

творчества, но тогда вам пришлось бы задавать мне кучу дополнительных вопросов.

Парамонов рассмеялся, увлекая Васю за собой.

– Пойдемте, скоро обед. Вахид готовит плов, а повар он прекрасный.

– Скажите, Иван Терентьевич... недавно мне довелось узнать о существовании Знаний Бездн... якобы это сведения, оставленные Безусловно Первым, обладающие огромной силой. Тот, кто завладеет ими, будет всемогущ. Это правда?

– Как вам сказать... – Иван Терентьевич неторопливо побрел по лесу, сшибая прутиком головы мухоморов. – С одной стороны, Знания Бездн – это отпечатки событий начала Времен на эфирном теле Вселенной, с другой – Нечто, никогда не переводимое на язык Ответа... но способное повлечь очень серьезные и пагубные последствия для всей реальности, особенно изменением мировоззрений. Ибо в Знаниях Бездн помимо Сил Бога, как принято говорить, сосредоточены все разрушительные демоны человеческих страстей. Овладев Знаниями, человек приобретет не просто красоту, милосердие, понимание, мудрость, но – Дьявольское Милосердие, Дьявольскую Жестокость, Дьявольскую Мудрость... понимаете? А Дьявольская Жестокость, между прочим, во сто крат превосходит человеческую.

– Понимаю, – пробормотал Василий. – А от кого зависит, что именно приобретет владелец Знаний? Разве не от его воли?

– От воли – нет, от духовного потенциала. – Парамонов помолчал немного. – Да и то не всегда.

– А что за Силы Бога кроются в Знаниях?

– Это трудно объяснить словами, разве если призвать на помощь теории древних мудрецов и святых, зашифровавших свои знания в текстах учений: Гермеса, Иисуса, Моисея, апостолов Петра и Павла. В каббале тоже есть упоминание о Силах Бога...

– Кажется, припоминаю: первая Сила Бога – Эхейх, то есть – Я Есмь! Вторая – Иегова, Сущность Бытия... По-моему, этих сил всего семь...

– Люди Внутреннего Круга владеют двумя первыми, Хранители – тремя-четырьмя, иерархи – не менее чем пятью. Полным набором – разве что Аморфы, да и то я не уверен. Друг мой, это не тема для

философских бесед. Недаром говорится: не поминай имя Господа всуе...

Василий, собиравшийся задать еще несколько вопросов, прикусил язык.

Вечером Парамонов отозвал его в сторонку:

– Пройдемся, Василий Никифорович.

Василий, наметивший прогулку на лодке с Ульяной, с неуверенностью в душе догнал его на тропинке, огибавшей озеро со стороны крутого берега.

– Может быть, попозже поговорим?..

Впереди замаячила фигура человека, и Вася приумолк, понимая, что Парамонов не зря увел его от лагеря: это был Самандар. Не говоря ни слова, все трое отмахали с полкилометра и остановились у поваленного бурей дерева. Прислушались к звукам лесной жизни.

– Пора кое-что прояснить, судари мои, – сказал Парамонов. – Я недавно узнал о ваших контактах с господином Рыковым и хотел бы поговорить об этом.

Василий покосился на неподвижно стоявшего Самандара, однако в начинающихся сумерках нельзя было разглядеть выражения его глаз.

– Первое и главное: откажитесь от предложения. Оба! Вахид, я понимаю, соблазн велик. Стать одним из Девяти – это прецедент! Но Рыков не тот человек, который способен на широкий жест, филантропию и благодарность. Устранив Носового вашими руками, он возьмется за вас! Свидетели и исполнители всегда становятся лишними на «пиру жизни», а уж тем более для Неизвестных, желающих оставаться неизвестными и дальше. – Иван Терентьевич с силой потер ладонь о ладонь, и руки его засветились, облачко розоватого сияния вспорхнуло над ними, приобрело форму человеческой головы с острыми волчьими ушами, затем пролилось струйками света на землю.

– Рыков хочет занять место координатора Союза и ни перед чем не остановится. А ваша команда КОП, Василий Никифорович, – Парамонов повернулся к Василию, – не что иное, как подставка, на которую Рыков собирается свалить все грехи. Сам он останется в стороне, на «копов» же организует охоту... после того как они, естественно, устранят всех неугодных Герману действующих лиц.

Помолчали, вслушиваясь в торжественную тишину вечернего леса. Вверху над вершинами деревьев проступили первые звезды, издалека доносился смех и тихие женские голоса, где-то звенели комары, но близко не подлетали.

– Все? – осведомился Самандар.

– Второе предупреждение не столь важно, как первое, – глухо сказал Иван Терентьевич. – Между иерархами в высших горизонтах «розы реальностей» вспыхнула свара. Контроль границ нашей родной запрещенной реальности практически отсутствует, что дает возможность Монарху Тьмы подготовить и провести новое Изменение. Об этом он мечтает давно, люди ему стали неинтересны, а теперь появился и повод.

Самандар с любопытством посмотрел на ссутулившегося психотерапевта.

– Откуда у вас такие сведения, Иван?

– Вообще-то я не имел права говорить вам об этом, – совсем тихо проговорил Парамонов. – Я готовлюсь к Посвящению II ступени... но вы мне оба симпатичны, просто не мог не предупредить.

– Вот как?! Почему же я ничего не знаю о Посвящении? С каких это пор канцелярия Круга перестала информировать нас о Посвящениях?

– Канцелярия упразднена. Теперь каждая каста Круга подбирает себе преемников сама.

Самандар секунду молчал, потом шагнул прочь и растворился в темноте между соснами. Неизвестно, о чем думал Парамонов, но у Василия осталось чувство, будто он обидел Самандара.

– Мне почему-то жаль его...

– Мне тоже, – со вздохом признался Иван Терентьевич. – Вахид очень упорный Посвященный и способен на многое. – Последние слова прозвучали двусмысленно, однако объяснять, что он имеет в виду, Иван Терентьевич не стал. – И еще мне кажется, что он изменился...

Утро следующего дня началось с тревоги. Охарактеризовать бы ее смог только Соболев, помнивший слова Хранителя, что «мир висит над обрывом». Наступил момент, когда «мир спрыгнул с обрыва».

Первым, еще в четыре часа утра, проснулся в палатке Парамонов, ощутивший изменение психоэнергетических потенциалов на

гигантской площади болот Мещеры. Затем рядом заворочался Самандар. За минуту они оделись, выскользнули из палатки и оказались на берегу, над которым лежала рыхлая подушка тумана. Уже рассвело, хотя солнце еще пряталось за горизонтом, воздух был свеж и прохладен, птицы начинали свои пока еще тихие утренние разговоры.

Иван Терентьевич подошел к палатке, где спали Василий и Стас, но будить Котова не пришлось: его инстинкт проснулся раньше хозяина, насторожил и заставил прислушиваться к своим ощущениям. Полог палатки отогнулся, и оттуда высунулась голова Василия.

– Что-то стало холодать, господа офицеры. Похоже, к нам гости?

Самандар, стоявший неподалеку в позе Железного Стержня, безмолвно нырнул в кусты.

– Их человек пятнадцать, – тихо и быстро заговорил Парамонов. – Уйти по воде не сможем, они перекрыли реку, мост и две дороги. Надо уходить лесом.

– Зачем уходить? Мы их встретим на подходах...

– С нами женщины и ребенок, – сухо напомнил Парамонов.

– Но и бегать от кого-то – не лучшее решение, – окрысился Василий. – Кто они?

– Судя по их аурам – это просто бандиты, хотя среди них имеется и какой-то темный профессионал. И они очень хорошо вооружены.

Из палатки, где спали женщины, бесшумно вылезла Ульяна, подошла к оглянувшимся на нее мужчинам.

– Что будем делать, мастера?

– Предлагаю отступать, – сказал Парамонов.

– Предлагаю отогнать, – эхом отозвался Василий. – Если не дать им отпор, они будут идти за нами до тех пор, пока не загонят в ловушку.

Ульяна окинула Котова насмешливым взглядом.

– Экий ты у нас не гибкий. Но зачем мы им нужны? Вы уверены, что объект охоты – мы?

– Объект нападения – я! – дошло вдруг до Василия. – Так, Иван Терентьевич? Или Самандар. Это не вы накаркали вчерашними рассуждениями? Кто-то из наших подопечных решил перестраховаться и начать первым. Уж не Рыков ли?

– Не похоже, – нехотя ответил Парамонов. – Скорее, это люди Хейно Яновича. Кстати, Маракуц, по слухам, принят в «СС» на

правах одного из боссов. Тень-2, кажется. Вполне может быть, что Носовой дал ему приказ усмирить потенциального противника. У него ведь тоже разведка поставлена по высшему классу.

Появился Самандар, невозмутимый, стремительный, налитый упругой силой.

– Шесть человек идут по двум дорогам, с оружием, еще четверо со стороны леса и пятеро по реке. На болотах, очевидно, снайпер, там появляться нельзя, все протоки как на ладони. Предлагаю женщин и Стаса увести на озеро, к старице, туда они не сунутся, топко. Остальных разберем – кому кого.

– Согласен! – кивнул Василий. Ульяна и Парамонов с одинаковыми чувствами глянули на обоих. Вася и Вахид Тожиевич были людьми боя, в то время как Иван Терентьевич – человеком мирного решения конфликтов, но и он мог постоять за себя. Как и Ульяна.

– Я с вами, – заикнулась было девушка, но Парамонов потечески погрозил пальчиком.

– Ты уводишь Кристу и Стаса. Буди их тихонько и вперед. У нас в запасе не больше двадцати минут.

Мужчины подождали, пока Ульяна уведет растерянную Кристину и зевающего мальчишку, переглянулись.

– Кто их навел на нас?

– Не важно кто. Как пойдем?

– Каждому по группе, – отрывисто сказал Самандар, – Я возьму шестерых на обеих дорогах.

– Тогда я реку, – предложил Вася.

– Ясно. – Иван Терентьевич придержал приятелей за локти. – Только умоляю вас, не увлекайтесь дракой без нужды. Достаточно выяснить, кто они, кто их послал, и обезоружить.

– Кто бы их ни послал, я его достану, – с угрюмой угрозой проговорил Самандар.

– Ну, ни пуха...

– К черту! – ответили все трое дружным шедотом.

УТЕЧКА «ГЛУШАКОВ»

Прямой вызов координатора, да еще в Москве, где он избегал появляться, оказался для Юрьева полной неожиданностью. Он понял, что произошло что-то исключительно важное, что побудило Бабуу-Сэнгэ покинуть свой укрепрайон на Алтае и прилететь в Москву.

Юрий Венедиктович прислушался к себе, к внешнему миру – источников особого беспокойства не обнаружил и немного успокоился. Настоятель Храма Гаутамы звонил по криптофону, был деловит и тревоги не излучал.

– Где вы? – спросил Юрьев, находясь в своем первом рабочем кабинете в «черно-белом» доме; второй его кабинет располагался в Кремле.

– Я в Шереметьеве, – ответил Бабуу-Сэнгэ. – Необходимо встретиться. Вы сможете приехать сюда через два часа? Вечером я улетаю к себе, а до того времени надо решить одну проблему.

Юрий Бенедиктович посмотрел на часы, покачал головой, но отказать не решился, хотя ему вовсе не улыбалось сломя голову мчаться в аэропорт.

– Хорошо, ждите.

Через два часа они пересеклись в ресторане Шереметьево-2 на втором этаже здания аэропорта как случайные посетители, встретившиеся за одним столом. Заказали обед. Бабуу-Сэнгэ был одет в безукоризненно черный костюм. Длинные волосы он связал в пучок, изменил цвет и пропорции лица и стал похож на китайского дипломата. Впрочем, он и паспорт имел китайский на имя товарища Чжоу Щужэня. Юрьев всегда одевался проще и прибыл в джинсовой рубашке с распахнутым воротом и серых слаксах. Правда, в ресторан его пропустили без звука.

– Я был на всемирном сходе Круга в Греции, – сказал наконец Бабуу-Сэнгэ, начиная трапезу. – Появилась возможность укротить наших оппонентов.

Юрьев доел салат из овощей, принялся за грибы.

– Как?

– Хуан Франко Креспо располагает особыми программами внушения, кодами, сопротивляться которым не сможет ни один Посвященный.

Юрьев доел грибы, подвинул к себе тарелку с овощной солянкой.

– Что он хочет в обмен?

– Вы прекрасно все понимаете, Юрий Бенедиктович. Ему необходимо повиновение, лишь тогда он сохранит влияние. Естественно, мы вынуждены были согласиться. Однако и ваш покорный слуга неожиданно поднялся на ступень выше. – Бабуу-Сэнгэ доел овощи и перешел к рису. – Дело в том, что кодоны могут быть применены в качестве модуляторов для наших отечественных гипногенераторов «удав».

– «Глушаков»? – поразился Юрьев.

– Именно. И теперь многое будет зависеть от нас... от вас лично, Юрий Бенедиктович. Мы сейчас, по сути, монополисты, и этот факт позволит нам преодолеть кастовый барьер.

– Посвящение III ступени? Это возможно?

– Кто сказал – нет?

Некоторое время Юрьев ел молча.

– ФСБ свернула программу разработки психотропного оружия. Лаборатория Овечкина работает сейчас над сугубо мирной техникой – нейролептическим генератором, снимающим многие синдромы. А «глушаков» было сделано всего с десяток...

– Не хитрите, Юрий Бенедиктович. Я знаю, что партия «глушаков» второго поколения, как и «болевики», была передана в Управление «Т» ФСБ.

Юрьев, продолжая жевать, выдержал острый взгляд «китайского дипломата».

– Да, я вспомнил.

– Нам будут нужны все «глушаки».

В воздухе снова повисло молчание.

– Я попробую, – сказал наконец Юрьев. – А нельзя ли испытать ваш кодон на Соболеве? Если он откроет нам вход в МИРЫ...

– Попытаться можно, надеяться – не стоит.

– Тем не менее это шанс. Куда переправить груз? В Москве его держать долго нельзя.

– Думаю, территория монастыря – самое подходящее место. Или у вас другое предложение?

– Пусть будет монастырь. Но... – Юрий Бенедиктович хладнокровно допил заказанный облепиховый сок. – Я должен быть уверен...

– Разумеется, – кивнул Бабуу-Сэнгэ. – Мне нужен не только союзник, но и преемник. Кандидаты, предложенные Рыковым и Носовым, не подготовлены в должной степени, так что вы – единственный реальный претендент. Что касается мистерии Посвящения... патриархи касты уже уведомлены о наших притязаниях и будут следить за развитием событий. Все теперь зависит от нас самих. Вам понадобится помощь моих людей?

– Справлюсь, – ответил один из Девяти, вставая из-за стола и раскланиваясь с «китайцем».

* * *

Генерал Баканов, начальник Управления «Т» Федеральной службы безопасности, был взбешен и с трудом скрывал свои чувства, меряя шагами кабинет Первухина. Начальник Управления спецопераций смотрел на него сочувственно, однако пока не знал, как помочь.

– Что мне докладывать наверх? – наконец остановился Баканов. – Что офицер охраны склада и два прапора проникли в помещение, вскрыли спецбункер и, похитив контейнер с грифом «четыре нуля», скрылись?!

– Но ведь ты же их потом нашел...

– Они ни черта не помнят! Контейнер исчез! Полный «глушаков»! Плюс комплект генераторов боли «пламя»...

– Сколько всего?

– Двадцать штук «глушаков» и пять «болевилов».

– Н-да, брат, это хреново. Ты сам охрану допрашивал или кто-то из замов?

– Миронов. Я же говорю, ничего не помнят!

– Значит, кто-то их обработал. Где ты их держишь?

– В Солнцевском армейском СИЗО.

– Поехали поговорим.

– Зачем? – вытаращил глаза Баканов. – Ты думаешь, мы не применили «третью меру»? Глухо. Теряют сознание и молчат.

– Поехали, попытка не пытка, авось заговорят.

Через полтора часа оба генерала, одетые в штатское, въехали на территорию следственного изолятора на окраине Солнцева, законспирированного под воинскую часть. Правда, все местные жители отлично знали, что за «часть» здесь расположена, и называли ее «тюрьмой ГПУ».

В камеру, где сидел проштрафившийся майор охраны секретного склада ФСБ, генералы спустились в сопровождении офицера охраны изолятора и первухинского адъютанта, игравшего роль телохранителя. Майор лежал на койке в форме. Когда в камеру вошли двое незнакомых в штатском, он зашевелился и сел. Бледный до зелени, с мешками под глазами, майор двигался с трудом.

– Сидите, – сказал Первухин, присаживаясь на единственный привинченный к полу деревянный табурет. Баканов остался стоять. – Повторите, что вы помните.

– Ничего, – глухо ответил майор. У него задергался мускул под глазом, задрожали руки и губы. Но все же он справился с собой. – Пытайте не пытайте, мне сказать нечего.

– Хорошо, поступим иначе. Подойдите, станьте ко мне спиной. Не бойтесь, я бить не буду. – Первухин усмехнулся.

Офицер-охранник с усилием встал с койки, подошел, пошатываясь, повернулся и замер. Первухин достал из кармана пиджака пистолет, направил в затылок арестованному – Баканов округлил таза, открыл рот, собираясь крикнуть: ты что?! – и нажал на спуск. Выстрела не последовало. Вернее, выстрел произошел, но в руке генерала был не обычный пистолет, а «глушак», Баканов сообразил это мгновением позже.

Майор вздрогнул, обмяк и едва не упал, пришлось поддержать его под руки и усадить на койку, так что его широко раскрытые глаза невидяще уставились в зарешеченное окно.

– Имя, фамилия? – четко спросил Первухин.

– Сергей Буркин.

– Звание?

– Майор.

– Подразделение?

– Спецподразделение «Щит» по охране секретных объектов.
– Что случилось шестого июня перед вашим дежурством на объекте «Склад j 3»?

– Ко мне домой зашли двое федералов...

– Точнее.

– Двое федеральных агентов, показали удостоверения.

– Вы их запомнили?

– Так точно. Полковник Семашко и капитан Балугев. Один приземистый, седой, крепкий, с усами, второй высокий, плечистый, русоволосый.

– Узнать сможете?

– Смогу.

– Что они вам предложили?

– Ничего не предлагали, сунули в лицо пистолет и...

– Дальше.

– Все. Они исчезли. Я посчитал, что это галлюцинация. Пошел на дежурство. Потом меня взяли ваши люди на шоссе.

– Что вы там делали?

– Не знаю.

– Куда девался контейнер спецхранения?

– Не знаю.

– Но вы помните, что вы его забрали со склада?

– Не помню.

– Ложитесь и спите.

Майор послушно закрыл глаза и завалился на койку. Лицо его еще больше позеленело.

– Вызови врача, – сказал Первухин, пряча «глушак».

– Но он же...

– Он больше ничего не скажет. Прапорщики тоже. Все они были зомбированы с помощью «удавов».

Генералы вышли из камеры, направились по коридору к выходу из изолятора.

– Откуда у тебя «глушак»?

– От верблюда, – ответил Первухин.

– Понятно. Мне бы найти такого верблюда... А нельзя было заставить его вспомнить, кто все же приходил, что приказал сделать и куда они отволокли контейнер? Выстрелить в него еще раз...

– Выстрелить – значит превратить в идиота. Ему и так досталось, а мужик, в общем-то, ни в чем не виноват. Память его сейчас заблокирована командой запрета, внушенной с помощью «глушака» теми, кто к нему приходил. Пробить этот блок другим «глушаком» невозможно, нужны другие средства. А Семашко и Балув – фамилии подставные, наверняка в штате таких нет. Хотя... фамилия Балув кое-кого мне напоминает.

– Кого?

– Одного бывшего ганфайтера, работал такой года два назад у нас, еще при прежнем директоре.

– Ну и что мне делать?

Генералы вышли из прохладного помещения в жаркий июньский день, сели в джип, на котором приехали, адъютант Первухина завел мотор и вывел машину с территории СИЗО.

– Ничего не говори Бондарю, – посоветовал наконец начальник Управления спецопераций. – Он не знает, что у нас хранились генераторы «удав» и «пламя». Следствие ведем, но тихо. Потом подумаем, что делать дальше. Одно могу сказать, операция проведена по классу «элит», а значит, разработчик ее – кто-то из наших аппаратчиков, знающий о «глушаках». А таких знающих наберется всего три-четыре человека. Попробуем поработать с верхов.

– Спасибо, Федор Ильич. С меня магарыч...

– Я не пью, – без улыбки ответил Первухин.

Спустя полчаса после отъезда генералов ФСБ из Солнцевского СИЗО один из офицеров охраны изолятора, сопровождавший их до камеры с подследственным, зашел в гараж, достал сотовый телефон с кодовой приставкой и набрал нужный ему номер. Трубку снял начальник военной контрразведки полковник Холин. Выслушав донесение, сказал:

– Пленку доставить мне немедленно!

Еще через час ему привезли пленку с записью беседы начальников Управлений «Т» и «СО» с находящимся в изоляторе майором Буркиным. Прослушав запись дважды, Холин соединился с Рыковым и попросил аудиенции.

Встретились они на территории катрана, в сауне, где подслушивающих устройств не имела ни одна из заинтересованных сторон.

– Что случилось? – спросил Герман Довлатович, залезая в парьлку.

– Кто-то похитил из спецхрана партию «глушаков», – сказал Холин, замачивая веник. – Что будем делать?

– Париться, – подумав, ответил Рыков.

БОЙ В ЛЕСУ

Василий увидел охотника раньше, чем тот его: высокий, подобранный, в пятнистом комбинезоне, с копной светлых нечесанных волос, он крался вдоль протоки, изредка скрываясь в кустах или в камышовой крепи. В руках у него был скорострельный «никонов», оружие очень серьезное, мощное и точное.

Второй охотник шел следом, метрах в двадцати от первого, и вел себя довольно шумно – по оценке специатиста-перехватчика. Видимо, он считал, что находится в безопасности, и надеялся на сигнал первого. Одет он был в джинсовую безрукавку и брюки, а в руке нес «мосберг» модели 5Q0.

Еще один член группы шумел осокой где-то справа, с другой стороны протоки, и как он был вооружен, Василий не видел.

Остальные двое плыли в байдарке, бесшумно опуская весла в воду, держа свое оружие – штурмовые винтовки «штейер» калибра 5,56 миллиметра – перед грудью.

По тому, как была укомплектована группа, Василий сделал вывод, что готовили операцию армейские спецы, но боевики группы явно не были кадровыми военными. Самандар не ошибся, эта группа стерегла отход туристов по воде, в ее задачу не входила прямая атака.

Сконцентрировавшись на муладхаре-чакре, Василий перешел в состояние боевого транса и перестал мыслить и чувствовать, как обыкновенный человек. Теперь он был истинно мэйдзином, Мастером ниндзкшу, владевшим сидзэн и ногарэ – естественностью и текучестью движений, которые обеспечивали раскованность, свободу, уверенность и отсутствие излишнего напряжения психики и мускулатуры. Он еще раз провел мэпки хэн – анализ географических данных местности предполагаемого боя, проверил свою пространственно-ситуативную ориентацию, убедился, что высчитал положение всего отряда противника правильно, и бесшумно скользнул влево от первого охотника группы, чтобы зайти в тыл.

Второго боевика он перехватил у ракитовых кустов, внезапно возникнув у него за спиной и нанося удар по шее ребром левой ладони. Охотник, икнув, упал лицом вниз, в обросшую мохом

валежину. Василий прихватил с собой ружье бандита, рацию («шоубой» третьего поколения, сделано в Германии) и, не издав ни малейшего звука, исчез в кустах.

Первого охотника пришлось брать в прыжке через полусгнивший ствол упавшего клена: тот отреагировал на писк рации (!) в кармане Василия, мгновенно развернулся в его сторону, скидывая «никонов». Выстрелить, однако, не успел. Зато успел подставить кулак, на который Вася налетел щекой. Чтобы боевик не выстрелил, ему пришлось принять на себя еще один удар, и лишь после этого он в стиле кентай-итиё нанес ответный удар головой в нос противника, локтем отбил ствол автомата вниз и добавил выпад суставом согнутого среднего пальца в живот «пятнистому» верзиле на выдохе, с переносом энергии. Если бы он резко убрал бьющую руку, создалась бы мощная ударная волна, способная вызвать серьезные внутренние повреждения – разрывы селезенки, почек, сосудов, кишечника. Но Вася пока не был полностью уверен, что отряд идет по его душу (или душу Самандара) с целью уничтожения, и противника щадил. Вспомнив прочитанное в книге, пробормотал назидательно:

– Информация об объекте есть изменение параметра наблюдателя, вызванное взаимодействием наблюдателя с объектом.

Потрогал щеку, сплюнул кровь. Такое «взаимодействие» с объектом приятным не назовешь.

«Никон» потерявшего сознание боевика он разрядил и бросил в болотное оконце неподалеку. Подумав, сунул туда же ружье второго охотника. В случае нужды автомат и ружье можно было разыскать.

Рации в кармане Василия и еще одна – на груди упавшего – снова запищали. Далекий голос командира операции требовал доложить обстановку.

– Нормально, – вполголоса ответил Василий.

– Повтори, Пятый, – потребовала рация.

– Все нормально, – зашипел Василий. – Кончай связь, лагерь близко!

Рации умолкли, но Вася без жалости по очереди раздавил их в кулаке.

Следующим на очереди был боевик, шедший справа от протоки. Берег там низкий, топкий, бедняге приходилось несладко, и он отстал, ворочаясь в зарослях осоки и камыша как кабан.

Вася пропустил лодку с гребцами, перешел протоку вброд и настиг легионера – бедняга застрял в бочажине, грязный с ног до головы, он матерился шепотом и, похоже, забыл начисто, для чего здесь находится. В другое время Василий непременно придумал бы какую-нибудь шутку или напугал бы человека, уж очень смешон был несостоявшийся «охотник» на людей, однако настоящий мэйдзин, исповедующий принцип ин-син тонкэй – достижение максимального результата минимальными средствами, никогда не усложняет себе путь, и Вася, свалившись на несчастного легионера, тут же усыпил его касанием пальца за ухом. Подивился на оружие – «помпушку» MAG-3М-1 12-го калибра, прекрасного дизайна: под пистолет-пулемет, с удлинненным магазином на десять патронов, и утопил его в реке. Интересно все же, черт возьми, подумал он, где эти ребята откопали такое мощное современное оружие? И зачем оно им в делах «гашения обликов»? Засветишься с таким, считай – пропал, Настоящие профи действуют пушками попроще...

Оставались боевики в лодке, уже забеспокоившиеся, что их напарники, идущие по суше, перестали отвечать. Вася «сделал» их очень просто; зашел вперед, за поворот протоки, лег на дно, глядя вверх, держась за космы водорослей, чтобы не всплыть до времени, и, когда появилась байдарка, рывком перевернул ее вверх дном. Придержал лодку, чтобы гребцы наглотались воды, потом дал им возможность освободиться, вынырнуть, и точными уколами в нервные узлы на шее послал обоих в глубокий сон. Вытащил тела на берег, оружие и рации побросал в воду, отдохнул немного и снова взял темп. До сих пор все было тихо, он справился со своими подопечными за четверть часа, но у Самандара задача была посложней, боевиков было шестеро, и шли они вдоль дорог, по открытым пространствам, поэтому Вахида Тожиевича следовало подстраховать.

Обойдя топь и старую гарь крюком, Вася вышел в тыл второй группы, снова убеждаясь в том, что шли не профессионалы: группа перла по двум дорогам – если можно было назвать дорогами две почти параллельные тропы, по которым с трудом проехал бы мотоцикл, – не додумавшись выставить хотя бы одного человека для арьергардного прикрытия. Однако вмещаться Вася не успел, Самандар начал атаку раньше.

Вахид Тожиевич сделал это довольно изобретательно. Поскольку боевики шли двумя группками по три человека в каждой, растянувшись в цепь: один топает по дороге, двое по бокам, – а дороги то и дело петляли, и боевики часто теряли друг друга из вида, Самандар на одной из таких петель вышел на тропу и сел на выступавший из земли корень сосны – просто сидит и отдыхает старый грибник. Как и Котов, он тоже владел сити-хо дэ – методами маскировки, переодевания и игры в роли другого человека, древним искусством ниндзюцу. К тому же он, как Посвященный Внутреннего Круга, мог воздействовать на мозг любого человека, подавляя волю, внушая ему любой образ, включая воображение и тормозя реакцию. Волевой раппорт, посланный им строго по вектору, был достаточно силен, чтобы идущая по дороге и вдоль нее троица приняла его за старика.

Действовали боевики расторопно – по их понятиям, разумеется, – не решаясь стрелять, чтобы не нарушить тишины.

– Эй, отец, – передвинув автомат за спину, окликнул Самандара вполголоса гот, кто шел по дороге; он был одет в стандартный пятнистый хэбэ, его напарники – в нейлоновые куртки не первой свежести. – Ты здесь никого не видел?

«Старик» слеповато прищурился на подходившего парня, не переставая жевать бутерброд. Второй боевик в это время бесшумно заходил ему со спины.

– Никого, – буркнул «грибник». – Тут на двадцать верст людей нема – болото.

Сзади вырос бандит, без размаха опустил на голову сидящего приклад автомата и... сел рядом, разом осоловел. «Старик» как ни в чем не бывало продолжал есть, и тут до предводителя в камуфляже дошло, что ест он не что-нибудь, а бутерброд с красной икрой! Правда, открытие ему не помогло. «Старик» вдруг оказался рядом, и парень отключился, так ничего и не сообразив.

Третий член группы, выбравшись из кустов, с удивлением обнаружил, что никакого «старика» на дороге нет, а его напарники лежат и не двигаются.

– Вы что там, охренели?! – засипел он, высовываясь. – Отдыхать вздумали? Где это пугало?

Бандит не договорил, заметив боковым зрением шевельнувшуюся тень. Повернул голову и не поверил глазам: рядом стоял незнакомый черноволосый мужик и выжидательно смотрел на него. Рука парня дернулась к автомату, палец лег на курок, но внезапно рухнувшее на голову дерево выбило из нее все желания и мысли.

Вторую группку из трех камуфлированных мальчиков, одинаково – под ноль – постриженных, одинаково играющих роль бывалых спецназовцев, Самандар взял не совсем чисто, с шумом, но вины его в этом не было.

Начал он с крайнего legionера, уложив его броском кинжала в шею; кинжал он отобрал у предводителя первой тройки. Когда командир второй тройки, шагавший по дороге, как Рэмбо, оглянулся на шум упавшего тела, его встретил точный удар кулаком в гортань, и возглас удивления застрял у парня в горле вместе с воздухом. И тотчас же из кустов справа выскочил на дорогу третий член группы, получивший по рации приказ открывать огонь на любой шум или движение. Он успел дать очередь из своего «никона», затем из лесных зарослей вылетела шишка, врезалась ему в затылок, и, пока парень поворачивался и палил по кустам сзади, Самандар в три прыжка преодолел отделявшее его от боевика расстояние и длинным ура суюто вырубил парня окончательно.

На дорогу выскользнул Василий. Мгновение они смотрели друг на друга, потом в полукилометре от них раздалась еще одна автоматная очередь, и оба бросились в ту сторону, молясь в душе, чтобы никто из женщин не пострадал.

Ивану Терентьевичу Парамонову досталась самая трудная задача, несмотря на малочисленность группы, которую надо было обезвредить. В число этих четверых входил Дзиро Маямура, личный телохранитель Носового. Он-то и руководил операцией. Остальные боевики принадлежали окружению Маракуца, получившего приказ от босса «СС» уничтожить в лесах Мещеры тур-группу в составе шести человек: трех мужчин, двух женщин и пацана.

Ведомая Маямурой четверка вышла точно на лагерь туристов – очень мирный и сонный. Впечатление было такое, что тут все еще спали, кроме кого-то из дежурных, кто жег костер. Именно такого впечатления и добивался Иван Терентьевич, предпринимая первую свою ментальную атаку.

В крайней палатке «кто-то зашевелился», собираясь вылезать, по жесту Маюмуры туда нырнул один из его помощников с финкой, вонзил несколько раз свое орудие убийства слева и справа, распарывая матрац, который со свистом и шумом лопнул. И тогда остальные начали стрелять по палаткам, причем одна из пуль попала первому боевику с финкой в спину, перебив ему позвоночник.

Пока они палили по кустам и палаткам, Иван Терентьевич возник за спиной второго парня и внушил ему, что враг слева. Дитина под два метра ростом ответил очередью влево и достал своего напарника.

Маюмура сообразил, что происходит нечто не предусмотренное планом, и дал по радиации приказ всем группам мчаться на помощь, а сам нырнул в лес, отвечая ливнем пуль на любой шум, не жалея патронов и лесной фауны – белок, лягушек, ящериц и ужей.

Парамонову пришлось задержаться, чтобы справиться с великаном в камуфляж-комбинезоне. А когда он догнал Маюмуру, одетого в черное трико ниндзя (комплект Н-1 для российского спецназа), произошло то, что меньше всего ожидали оба: прямо на телохранителя Носового выбежала Ульяна Митина.

Тут же на поляну с двух сторон выскочили Самандар и Котов. И Дзиро Маюмура сделал то, что сделал бы на его месте любой профессионал: прыгнул к Ульяне, заломил ей руку и приставил к виску пистолет. Неестественно звонкая тишина оглушила всех. Затем вперед шагнул Самандар, и тут же Маюмура выстрелил ему под ноги из автомата, продолжая держать Ульяну и целиться ей в голову.

– Не делайте лишних движений, – сказал японец хладнокровно. – Сейчас сюда придут мои мальчишки, и мы...

– Не придут, – буркнул Самандар.

– Ах вот как? Что ж, чудесно. Тогда я вызову транспорт, мы с этой мадам сделаем марш-бросок по дорожке на пару километров...

Щелчок выстрела заставил вздрогнуть всех, в том числе и японца, рука его дернулась, и Василий прыгнул вперед, закричав:

– Нет!

Однако Маюмура удержал палец на курке. Автомат его смотрел на Самандара, который только что стрелял из пистолета, целясь в голову Маюмуры.

– Вахид! – металлическим голосом произнес Парамонов, лицо которого заблестело от пота: гигантским напряжением психических

сил он пытался подавить волю Маюмуры, но у него это почему-то не получалось. Как и у Ульяны, ошеломленной случившимся.

Самандар нехотя бросил пистолет на землю, Вася взглядом пообещал ему запомнить этот инцидент надолго. Шагнул вперед, не обращая внимания на метнувшийся к нему зрачок автомата:

– Слушай сюда, урка. Нам от тебя ничего не надо, даже жизни. Твои мальчишки уже все рассказали. В том числе и то, что они из команды Маракуца, которого мы достанем везде, даже на том свете. Ты же – столичная крыса, и с тобой наша разборка будет другой. Пойми одно: случись что с этой девушкой, у тебя будет три кровника! Три, сука! Считать умеешь? Я же предлагаю честную сделку: ты отпускаешь ее – мы отпускаем тебя. Даю слово ганфайтера – уйдешь живым! Но если... – Голос Васи упал до шепота.

– Понял, – с прежним невозмутимым видом ответил Маюмура. – Я принимаю предложение. Надеюсь, вы умеете держать слово?

Василий скрипнул зубами, преодолевая порыв броситься к врагу и убить его одним касанием пальца.

Маюмура опустил пистолет, выпустил руку Ульяны, которая смотрела на него, прикусив губу, и бросил автомат на землю.

– Я могу идти?

Никто ему не ответил, и японец тихо исчез за стеной кустарника, Василий бросился к девушке, обнял ее, но Ульяна отстранила его, все еще глядя вслед Маюмуре.

– Ничего не понимаю! Я же пыталась его...

– Я тоже, – со вздохом признался Парамонов. – Как об стену горох! Неужели он владеет пси-блоком?

– Кажется, я знаю, в чем дело, – сказал Василий. – Вы пытались его загипнотизировать? А не может он защититься от внушения с помощью генератора пси-защиты? Я же говорил, у меня есть несколько штук, сам дорабатывал. А у него может остаться стандартный колпак, разработанный в лабораториях ФСБ и предназначенный для экранизации мозга от излучения «глушака».

– Как же я мог забыть?! – пробормотан с облегчением Иван Терентьевич. – Это меняет дело. Но я не знал, что генератор способен защитить человека от раппорта. Что ж, будем знать. Итак, господа отдыхающие, что предпримем?

– Пойду догоню, – бросил Самандар, собираясь нырнуть в лес, и наткнулся на стальную руку Василия.

– Я дал ему слово! – Вася поглядел в непроницаемые глаза Вахида Тожиевича. – Он должен уйти.

– Он может вернуться.

– Не вернется.

– Вы не понимаете разве, зачем он пришел сюда во главе целого отряда?

– Понимаю. И все же мы отпустили его. Пусть идет.

– Он не отстанет, пока не выполнит приказа Хейно...

Вася отвернулся, подошел к Ульяне, прислушивающейся к их разговору, сказал с улыбкой:

– Кажется, отдых наш закончился? Пойдем свертывать лагерь.

– Спасибо... за освобождение, – улыбнулась в ответ девушка, целуя вдруг Василия в щеку, она взмахнула рукой. – Твоя речь меня потрясла обилием сленга. Идем за Соболевыми, Стас там, наверное, весь испереживался.

Ульяна и Василий скрылись в лесу, не боясь разговаривать во весь голос и смеяться.

– Молодость, молодость, – задумчиво проговорил Парамонов, глядя им вслед.

– Я, конечно, не хочу вмешиваться, Вахид, но у вас очень сильный соперник. Я имею в виду не Носового, с ним-то вы еще справитесь...

– Котов мне не соперник, – растянул в улыбке губы Самандар. – Уровень мальчика слишком низок.

– Как сказать... он идет, а это главное.

Парамонов проследил передвижение Маямуры по лесу с помощью гипервидения, отметил очаги некроизлучения – Самандар оставил на поле боя три трупа, да у палаток остывали еще три – и со вздохом поплелся за Вахидом Тожиевичем в лагерь. Они и раньше, в общем-то, не были близкими друзьями, попав в зону отторжения людьми Внутреннего Круга по разным причинам, что их, в сущности, и сблизило, однако последние события заставляли Ивана Терентьевича переоценить свое отношение к образу жизни директора МИЦБИ. В его психике наметился излом, и произошло это не без воздействия Рыкова, предложившего заманчивую перспективу стать одним из Девяти.

ВЫ НЕ ПРАВЫ, ГЕРМАН ДОВЛАТОВИЧ

Всю пятницу Матвей колесил по Москве в поисках церкви или монастыря, хотя бы отдаленно похожих на храм, где, по намеку Хранителя, «все уровни реальности проявляются виртуальным образом». Но ни в одной из ста сорока церквей столицы, в том числе и в кремлевских соборах, не обнаружил ничего, что влияло бы на его психику глубже, чем торжественное молчание храма веры. Выдохся он на церкви Николая Чудотворца в Мытищах. Выйдя из церкви, сел в машину и некоторое время размышлял, правильно ли он понял Хранителя. Потом поехал в «Метрополь», где снял стандартный по европейским меркам двухкомнатный «турккласс».

Ужинал он в ресторане «Боярский», хотя мог бы выбрать и ресторан «Метрополя» подешевле: «Европейский», например, или «Гоголь», «Достоевский», «Бунин» или «Савва Морозов». Однако именно в «Боярском» Матвею пришла мысль, что храм с «зоной бифуркации», во-первых, должен быть известен во всем мире как притягивающее всех место паломничества, а во-вторых, располагаться он может и не в России, а в других странах. Стоило поискать его в других городах, в знаменитых монастырях и соборах.

Мысль была хороша, и Матвей оценил ее бокалом шампанского, после которого пришла еще одна мысль – трезвая. На то, чтобы обследовать все земные храмы на предмет нахождения там «вмороженной» в ткань Вселенной сферы, где реализовались законы магической физики, потребовался бы не один год! Поразмышляв над этим обстоятельством, Матвей понял, что грядущие перемены не дадут ему возможности путешествовать по Земле спокойно. Судя по судорогам астрала, Союз Девяти деятельно готовился к переделу власти, а это означало, что в скором времени они снова придут к Соболеву за «ключами» от МИРов Инсектов... которых у него нет. И тогда, отчаявшись, от переговоров они перейдут к делу, и снова под удар попадут те, кто меньше всего повинен в существовании Внутреннего Круга и его жутких тайн: Кристина, ее родные и близкие, Стас, Вася Балусев...

Надо поспешить, сказал сам себе Матвей, расплачиваясь за ужин. В номере, переодевшись в шорты и майку, он принял окончательное решение – вести поиск храма с «зоной бифуркации» в астрале или ментале, в предельно осторожном режиме.

Матвей не был физиком по образованию, естествоиспытателем, но после разговора с Хранителем нашел необходимую литературу и знал теперь механику связи человеческого мозга с общим энергоинформационным полем Земли, называемым астралом. Сознание оператора, которое проявлялось через спин-торсионное поле, давало возможность доступа оператора не только к любым процессорам без трансляционной периферии (именно этим способом Матвей и добыл информацию из компьютеров ФИАНа), но и через торсионный канал обмена информацией свободно проникало в астрал, откуда могло черпать любые сведения (зная, как это делается) из любых областей существующего или утерянного человеческого знания. Конечно, далеко не каждый человек мог свободно путешествовать по астралу, этому странному информационному «болоту», многие проникающие туда без должной подготовки сходили с ума. Но у Матвея был накоплен достаточно большой опыт астральных путешествий, и затеряться в колоссальном океане информации он не боялся. Боялся только одного: что, если Посвященные из Союза Девяти запеленгуют его во время сеанса и предпримут психофизическую атаку. А в том, что он выиграет бой, Матвей отнюдь не был уверен.

Тем не менее поздно ночью, приняв в роскошной постели позу звезды – панчасану, он вошел в медитативный транс, поднимаясь «по ступеням» в горние выси астрала: первая «ступень» – дхияна, созерцание собственного «я», вторая – дхарана, сосредоточение на погружении в психическое пространство, и, наконец, третья «ступенька» – пратьяхара, освобождение ума от влияния чувств, полный отказ от чувственного восприятия. Состояние меоза, или по-другому – самадхи или турий, то есть ментального просветления, наступило, как и всегда, незаметно. Сознание Матвея слилось с космосом, с волнующимся океаном информационных матриц и полей...

Сначала он «обошел» знаменитые монастыри, соборы, храмы и церкви Европы, начав с Шартрского собора во Франции. Изучал лишь

те сооружения, которые реализовали форму торсионного генгретора – пирамиды или же конусы.

Шартрский собор Нотр-Дам (что в переводе означает буквально «Нашей дорогой госпоже»), одно из величайших творений готической архитектуры и христианской культуры средневековья, был посвящен Деве Марии и построен на месте кельтских святынь, которое испокон веков считалось священным. Начиная с трехсот пятидесятого года нашей эры здесь неизменно стояли церкви. Последняя из них сгорела дотла в тысяча сто девяносто четвертом году, и на ее пепелище был возведен новый собор.

Матвей неосязаемым облачком мысли медленно облетел две колокольни высотой более девяноста метров, примыкающие к собору, задумчиво повисел над своеобразным лабиринтом на полу собора, предназначенным для кающихся грешников, затем еще раз полюбовался издали на грандиозную панораму Нотр-Дам с его десятью тысячами скульптурных изображений из камня и стекла и двинулся дальше, в Париж, в церковь Сакре-Кёр, расположенную на пересечении бульваров Клиши и Рошфора. Создана она была в конце прошлого столетия, но по праву считалась одним из чудес света. Матвей же решил ее посетить из-за великолепных резных каменных куполов, наверняка способных организовывать вакуум, быть торсионными генераторами, влияющими на сознание верующих.

Однако Сакре-Кёр (Sacre Coeur – церковь Сердца Христа), расположенная к северу от центра Парижа, как и родственный ей собор Сан Фро, построенный в византийском стиле в одиннадцатом веке, в Перигё, на юго-западе Франции, с его пятью куполами, пси-сферу Матвея не затронули. Покружив над главным куполом церкви, напоминающим скорее восточный тип архитектуры, чем европейский, Матвей прыгнул в Англию.

Здесь он осмотрел собор в Солсбери с его высокой, устремленной в небо колокольней и собор Святого Павла в Лондоне, построенный в семнадцатом веке. Не обнаружив того, что искал, переместился в Германию, где «пощупал» мыслевидением знаменитый Кёльнский собор, начатый еще в тысяча двести сорок восьмом году и строящийся и подстраивающийся на протяжении всех семи с половиной веков своего существования. Изумительная готика продольного и поперечного нефов, хора и двух стопятидесятисемиметровых башен

действительно потрясала, но Матвею было не до наслаждения эстетикой построек, и из Кёльна он перелетел мыслью в Баварские Альпы, где стоял замок Людвига Баварского – Нойшванштайн.

Король Баварии Людвиг II был натурой романтической, страстным почитателем германской мифологии и себя, очевидно, отождествлял с рыцарем-лебедем Лоэнгрином. Недаром он в тысяча восемьсот шестьдесят первом году стал меценатом Вагнера, оплатив все долги композитора и пригласив его в Мюнхен. Одновременно семнадцатилетний Людвиг распорядился начать строительство замка, которое длилось более семнадцати лет.

Всю эту информацию Матвей черпал прямо из астрала, не прилагая никаких специальных усилий. Напрягался он, лишь когда просеивал через собственную пси-ауру пространство залов и башен в поисках резонанса. Однако замок Нойшванштайн не таил в своих недрах пересечений с иными реальностями.

Из Германии Матвей перенесся в Венгрию, где осмотрел здание парламента, возвышавшееся над Дунаем, интереснейший образец неоготического архитектурного стиля. Парламент начали строить в тысяча восемьсот восьмидесятом году, а закончили в тысяча девятьсот втором. Неповторимый облик ему придавали шпили неоготических башен и мощный купол, высота которого – девяносто шесть метров – символизировала дату завоевания Венгрии мадьярами. Повисев в центре шестнадцатиугольного Главного зала под куполом, Матвей перелетел сначала в Испанию, посетил Эскориал – монастырь и королевский дворец одновременно, а потом церковь Саграда Фамилия.

Здесь он невольно задержался, потому что церковь Саграда Фамилия, расположенная к северу от центра Барселоны, задуманная как символ незыблемости католической веры, поразила Матвея неповторимой самобытностью и буйной фантазией.

Архитектор Антонио Гауди, соорудивший этот шедевр, подходил к строительству как к органическому созидательному процессу: камень превращался под его руками в живую форму, орнамент и резьба вырастали из него, как листья и ветви. Он строил церковь тридцать пять лет, отклоняя другие заказы, с тысяча восемьсот девяносто первого по тысяча девятьсот двадцать шестой год, когда внезапно погиб под колесами трамвая. Церковь осталась незавершенной, продолжить творение гениального мастера оказалось

делом немислимым, хотя и было сделано несколько неубедительных попыток. Но необычайная причудливость, ажурность, пластическая выразительность сооружения, подчеркнутая силой искусства мастера, еще ждали своего гения, способного завершить архитектурное чудо....

Утомившись, Матвей вышел из транса, отдохнул на диване, переключая программы телестены, пока не заинтересовался футболом. Играли «Спартак» и «Ливерпуль» в Кубке европейских чемпионов. Первым забил «Спартак» – с пенальти. Потом забили игроки «Ливерпуля» – с острого угла, после великолепной игровой комбинации, показав настоящий класс, и Матвей выключил телевизор, уже зная, чем все закончится.

Во втором часу ночи он снова начал погружение в астрал, торопясь закончить поиск неведомого лревата в иные реальности, а по сути – точки опоры, взявшись за которую можно было перевернуть мир.

Путешествие по храмам Матвей начал с посещения одной из исламских святынь – «Купола скалы», сооруженного в иерусалимском Старом городе. Сияющий золотом купол, символ священной скалы, по традиционному поверью расположенной в сердце и центре мира, действительно мог претендовать на роль главного торсионного генератора с «провалом иномерия» посредине, но оказался пустым.

Так же не затронули струны души Матвея исламские святыни в Турции – Голубая мечеть в Стамбуле с ее каскадом куполов, другие мечети города и страны, Золотая мечеть – мавзолей Мусы аль-Кадима в Ираке, мечеть Мекка-Масджид в Хайдарабаде, Голестан в Тегеране, мечеть Шах-Джахана в парке Баш-Бабур в Кабуле, мечеть Омейядов в Дамаске и бесчисленное множество мечетей во всех городах и уголках мусульманского мира.

Не нашел «провала иномерия» Матвей и в Японии, потратив некоторое время на изучение монастыря Тодайдзи с его Дайбуцудэн – Залом Великого Будды. Монастырь представлял собой самое большое деревянное здание в мире, множество раз горевшее и восстанавливаемое. Зал Великого Будды со статуей Будды, отлитой из четырехсот сорока четырех тонн бронзы, был построен в восьмом веке по приказу императора Шому и олицетворял могущество японского властителя и одновременно размеренность и гармоничность образа жизни японцев. Матвей созерцал бы яйцо Будды – высотой почти в

пять метров и шириной в три – долго, получая при этом самое настоящее благословение, душевное спокойствие, но время торопило, и прямо из зала Матвей перелетел в Индонезию, где в сорока двух километрах от Джокьякарты, главного города Центральной Явы, располагался храмовый комплекс Боробудур.

Но и в Боробудуре (название означало: «Много Будд») Соболев не задержался, несмотря на то, что комплекс иллюстрировал собой сакральный символ – мандалу, то есть диаграмму мироздания, по форме представлял собой ступенчатую пирамиду и был пропитан таинственными шепотами истории, буддийского учения и магии.

В течение немногих минут Матвей облетел Ангкор-Ват, самый знаменитый и большой храм на территории кхмерского государства, расположенный в нескольких километрах от города Сиамреап в Камбодже; Запретный город в Пекине с императорским тронном во Дворце высшей гармонии; Храм Минакиш в Мандураи, построенный на территории индийского штата Тамилнад; мавзолей царицы Мумтаз-Махал, несравненной Арджуманд Бану, известный как символ Индии Тадж-Махал.

Из Азии Матвей перенесся на Американский континент и некоторое время бродил по величественным руинам древнеиндейских цивилизаций. Перед его мысленно-эфирным взором прошли пирамиды в Тикале, религиозно-культовом центре, расположенном в Гватемале недалеко от города Флорес, бывшего некогда центром культуры майя; красивые и величественные, многоступенчатые пирамиды Теотиуакана, древнего и таинственного города на территории Мексики, происхождение которого все еще остается загадкой и в наши дни; пирамиды и скульптуры в Чицен-Ице, точке рокового столкновения культур майя и тольтеков, захвативших город в десятом веке нашей эры. После вторжения тольтеков Чицен-Ица стала новой столицей изгнанного верховного вождя и богочеловека Тогшльцина, известного в культуре майя под именем Кукулысана. Посвященная ему девятиступенчатая пирамида получила название Кастильо (Замок), но построена она была на развалинах более древнего сооружения и тоже – пирамиды. Матвей потратил на ее осмотр больше времени, чем на десятки других, однако печати особенности и чужеродности не обнаружил.

Как бестелесная молния он облетел все культовые сооружения Южной Америки, добрался до Северной и с разбегу пронзил Храм Христовой Церкви Святых Последнего Дня в США, известный больше под названием Храма Мормонов, – строгий готический замок с шестью остроконечными башнями, затем изучил замок Херста близ небольшого городка Сан-Симеон на Калифорнийском побережье, Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке и памятник Линкольну в Вашингтоне.

Порыв астрального путешественника иссякал, слишком много энергии отобрало это путешествие и слишком большим становился риск дальнейшего погружения в невидимые вихри информационной бездны.

Уже на исходе терпения Матвей облетел Канадиан Нэшнл Тауэр – смотровую башню в Торонто высотой в пятьсот пятьдесят три метра, статую Спасителя высотой в тридцать метров, водруженную на вершине холма Корковаду на высоте семисот метров, которая нависает над панорамой Рио-де-Жанейро, и Сиднейскую оперу в Австралии, завораживающую взор комплексом бетонных «парусов» – эллиптических параболоидов высотой в шестьдесят семь метров.

Но метнувшись в Африку, Матвей застрял там дольше, чем мог себе позволить. Сначала он долго рассматривал руины пирамид в Мэроэ, столице могущественного эфиопского государства шестого века до нашей эры. Затем так же внимательно, с трепетом изучал любимые свои пирамиды: Хуфу, Хефрена и Микерина в десяти километрах от Каира. Чувства, вызываемые созерцанием пирамид, Матвей смог бы только обозначить, но не назвать. Лишь одно из них было переводимо на человеческий язык: благоговение...

В свое тело, лежащее в постели гостиницы, он вернулся совершенно без сил, с колоссальным ощущением жажды, будто проработал в знойной пустыне без воды и пищи не один год.

То, что его запеленговали во время выхода в астрал, Матвею стало ясно уже ранним утром, когда третья сигнальная система, настроенная на поиск и обнаружение опасности в любое время суток независимо от состояния хозяина, включила внутреннюю «сирену тревоги». Матвей мгновенно проснулся, «надел» на себя состояние меоза – ментального озарения, как надевают рубашку, и сразу определил причину тревоги: возле «Метрополя» стояли две машины со специфическим нервным

наполнением, охраняемые пятнистыми комбинезонами. Вход в «Метрополь» был перекрыт, как и все его лифты, а по коридорам крались на полусогнутых три отряда «пятнистых», которых Матвей насчитал пятнадцать человек. Тот, кто его запеленговал, знал о возможностях объекта и укомплектовал команду перехвата мощными бугаями с мощным вооружением: все парни были вооружены суперкомпактными многозарядными ружьями «neostead» 12-го калибра, предназначенными для гарантированного поражения живой силы в ближнем бою. А поскольку такими ружьями вооружались лишь следподразделения ЮАР и полиция некоторых африканских стран, Матвей сделал вывод, что парни в камуфляже работают на какую-то очень крутую частную контору, а не на Федеральную службу безопасности или любую другую государственную службу. Это давало «жертве» возможность действовать адекватно в широком диапазоне приемов «охотник – мишень». С другой стороны, воевать Матвей не хотел ни под каким предлогом.

Он открыл дверь номера, как только трое «пятнистых» расположились за ней в позиции для штурма, а четвертый – портье (они взяли его с собой, идиоты!) поднял руку, чтобы постучать.

Секунду длилась оторопелая тишина, потом заученно, оттолкнув растерявшегося благообразного вида старикана, в комнату ворвались спецназовцы в черных масках-чеченках, окружив спокойно стоявшего Матвея и направив на него стволы своих необычного вида, с зализанным приклад-ложем, с двумя трубчатыми магазинами под стволом, ружей. Пользоваться такими Матвею не доводилось, но он знал их особенности. Скорострельностью ружья «neostead» не отличались, однако этот недостаток компенсировался повышенной точностью и эффективностью оружия, его малыми габаритами. При стрельбе дробью калибра «00» дробовой сноп на дальности пятнадцати метров ложится в круг диаметром не более двадцати сантиметров.

– В чем дело, господа актеры? – хладнокровно спросил Матвей.

Из-за широких спин здоровяков штурмовой группы вышел еще один великан в комбинезоне без погон, показал издали красную книжечку с тисненым золотым орлом. Парень был без маски.

– Служба безопасности президента. Матвей Соболев, вы арестованы.

– Во-первых, молодой человек, вы уверены, что я Соболев? А во-вторых, в чем его обвиняют?

– Вы Соболев, и в конторе вам все расскажут.

– А ордер на арест у вас имеется?

– Вот он. – Здоровяк сунул в лицо Матвею пистолет «глок-24». – Ну-ка, ребятки, наденьте на него браслеты, а будет трепыхаться...

– Конечно, буду, – хмыкнул Соболев, разгоняя темп.

И уже войдя в сверхскоростное вальсирование вокруг бойцов президентской СБ, он понял, что совершил ошибку. От его усыпляющих касаний парни не падали, замирали на несколько мгновений и снова лезли в бой. Они были зомбированы! Выключить их можно было только с помощью смертельных уколов, остановив сердце.

Бой поэтому продлился еще несколько секунд, пока Матвей рассчитывал дозировку ударов по длительности и энергетическому наполнению: отключение сердца у закодированных парней должно было длиться не больше минуты-двух, чтобы они имели шанс выжить.

Великана с документом Матвей взял на прием последним, когда тот разобрался в обстановке и собирался отступить в коридор и вызвать по рации подмогу. Уложил на пол, заломив руку до затылка, тихо спросил:

– Кто вас послал? Зачем?

Здоровяк заерзал под коленом Соболева, выдохнул сквозь стиснутые зубы:

– Ты покойник, падла!

Матвей повернул голову командира отряда к себе, глянул в его мертвые, лишённые всякого выражения глаза и понял, что гигант ничего не скажет: он тоже находился в состоянии зомби. Мгновение Матвей решал, что делать, потом сконцентрировался на мысленной атаке и вошел в сознание спецназовца. Через несколько секунд, разобравшись в его не слишком интеллектуальном психологическом пространстве, Матвей выяснил, что хотел.

Посланная за ним команда «Туз» действительно принадлежала Коржакову, начальнику службы безопасности президента, но направлена она была с подачи Рыкова Германа Довлатовича, нового советника президента по безопасности. Один из Девяти просто решил выключить Матвея Соболева из процесса, на всякий случай, как

реальную угрозу своим планам. Что же он такое запланировал, господин Рыков? К чему такая серьезная перестраховка? Чего следует ожидать в ближайшее время? Почему Рыков боится вмешательства того, кто отказал ему в помощи недавно?

– Вы не правы, Герман Довлатович, – вслух проговорил Матвей, одновременно приказывая командиру – на уровне волевого раппорта – свернуть отряд и уезжать.

Гигант обмяк, но потом все же встал, оглядел завопившихся на полу бойцов, потер виски, глянул на Матвея, стоявшего со стаканом воды, взял стакан и залпом выпил. Глаза его стали осмысленными, сузились.

– Дьявол, ничего не понимаю!.. Ты кто?

– Да я постоялец...

– Ага... зачем мы сюда залезли, не знаешь? Ну ладно... Подъем! – рявкнул командир на парней. – Что расселись? По машинам!

Четверка убралась из комнаты, в дверь заглянул растерянный, ничего не понимающий портье и скрылся, тихо прикрыв дверь за собой. Через минуту покинул номер и Матвей. У него в запасе еще было несколько минут, пока первоначальная программа в мозгу командира боролась со второй, полученной в результате внушения.

И все же Матвей отнесся к происшедшему как к досадному, но несерьезному инциденту, не принял его за предупреждение, о чем впоследствии пожалел.

ПОДАЧА НАВЫЛЕТ

В Рязань они вернулись в пятницу седьмого июня, отказавшись на турбазе от продолжения похода под предлогом болезни одной из женщин. «Сердце», – лаконично объяснил Самандар решение закончить маршрут раньше директору базы, хотя мог бы спокойно сослаться на беременность Кристины.

Иван Терентьевич в Рязань не поехал, отправившись прямо с турбазы в Спас-Клепики, где у него, по его словам, жили какие-то дальние родственники. Остальные устроились в Васиной машине и в безрадостном настроении отправились домой. Особенно горевал Стас, но и он понимал – какой теперь отдых!

Вася развез всех по квартирам, пообещав на следующий день навестить и Ульяну, и Стаса с Кристиной, а оставшись наедине с молчаливым всю дорогу Самандаром, сказал:

– Что будем делать с Маракуцем? Ему надо устроить сладкую жизнь.

– Какой смысл? Боксер сейчас не только вор в законе и бизнесмен, но один из лидеров «СС». В табели о рангах он Тень-2, второй после Носового.

– Тем более! Возьмем его, разузнаем все тайны...

– Вряд ли Боксер знает много. Для Хейно он «шестерка», удобный исполнитель, имеющий кое-какое влияние.

– А откуда у него такое оружие?

– Запасы Носового. «СС» давно торгует оружием вне государственного контроля. Естественно, в страну попадает и оружие с Запада.

– Что конкретно велел Маракуцу сделать Носовой? Уничтожить всю группу или только нас? И почему вы уверены, что, когда мы уйдем, Маракуц не предпримет еще одно нападение – на Ульяну и родственников Матвея?

Самандар молчал.

– Вас куда?

– К главпочтамту.

Василий остановил машину на улице Подбельского, Самандар вышел, наклонился к дверце.

– Встретимся вечером у памятника Есенину.

– Лучше вечером у меня на квартире. – Василий продиктовал адрес друга.

– Спокойно поговорим.

Вахид Тожиевич явился по указанному адресу в начале двенадцатого вечера, когда друг Васи Саша Антошкин уже спал.

Квартира у Саши была однокомнатная, поэтому решили расположиться на кухне под видом чаепития.

– Какие будут предложения? – спросил Василий, налив гостю кружку кипятка и бросив туда пакетик «Липтона».

– Начнем с ваших, – осклабился Самандар.

– Пожалуйста, – пожал плечами Василий. – Лучше всего брать Маракуца на его квартире. Однажды мы с Матвеем уже были у него, вряд ли он ожидает повторения чего-либо подобного. Как известно, короля играет свита, а свита у Николая Савельевича не производит впечатления интеллектуалов.

– Это все?

– Все.

– Тогда у меня другое предложение. Маракуц построил недавно на берегу Оки большой спортивный центр с первоклассными теннисными кортами, а для того, чтобы заявить об этом миру, пригласил известных теннисистов, есть даже пара ребят из первой десятки. Завтра открытие комплекса и начало соревнований под громким названием Кубок Рязанского кремля. Лучше всего брать Маракуца там.

Василий хлебнул кипятку, чуть не обжегся и некоторое время пил чай молча. Наконец сказал свое слово:

– А что? Вполне бредовый план. Может сработать. Там-то уж он наверняка не будет нас ждать. Давайте обсудим детали.

Самандар достал из кармана пиджака сложенный вчетверо план спортивного комплекса и разложил на столе.

Через полчаса они закончили обсуждение плана операции, и Самандар ушел. Был ли он сердит на Котова за Ульяну или просто не мог вести себя иначе, но говорил он коротко, отрывисто и только по делу, ни разу не коснувшись имени Ули. Вася даже почувствовал

облегчение, когда Вахид ушел. В принципе он и контактировал-то с ним вынужденно, понимая, что один с гвардией Маракуца-Боксера не справится. Но с приближенным Носового, ставшим Тенью-2 в кабинете «СС», надо было кончать.

В субботу восьмого июня Василий подъехал к центральному проходным спорткомплекса за час до начала соревнований. Публика уже начала собираться, в основном элитарная – на «девятках», «шестнадцатых», «фордах», «тойотах» и «мерседесах». День обещал быть солнечным, безветренным, температура к девяти часам утра поднялась уже к двадцати двум градусам.

Через центральный вход Василий все же не пошел. Понаблюдав за толчеей у турникета через стекла автомобиля, он обошел здание зимнего корта и предъявил дежурному служебного входа удостоверение офицера ФСБ. Охранник, молодой мужик в кепи, с побитым оспой лицом, постарался вытянуться «во фрунт», но ему помешал живот. Сконфуженный, он открыл дверь во двор комплекса, и Василий гордо продефилировал дальше. Одет он был в черные легкие брюки и шелковую куртку с эмблемой пепси-колы, на голове имел точно такое же кепи, как у охранника, а светлые усы и накладные брови сделали его практически неузнаваемым.

Хорошо изучив расположение спортзалов, кортов и подсобных помещений, Василий знал, куда идти, и вскоре проник на территорию главного корта с изумительным травяным покрытием и многоярусным амфитеатром для зрителей.

С размахом строил себе игрушку Боксер! – подумал Василий. Когда-то он играл в теннис, но любительски, ради удовольствия, однако игру эту любил.

К половине десятого на корт прибыла бригада обеспечения безопасности Маракуца, ведомая знакомым Васе квадратным качком со светлыми волосами и глазами навывкате. Расставив людей: двоих – на входе корта, шестерых – за сеткой тренерского ложа, еще двоих – у входа в ложу, где должны были сидеть влиятельные люди города от мэра до начальника УВД, и четверых – за спинами гостей, – квадратный молодец исчез.

Ровно в десять появился сам Маракуц: в ослепительно белом костюме, ковбойской шляпе, громадный, толстопузый, потеющий не столько от жары, сколько от массы тела, улыбающийся ослепительной

улыбкой кинозвезды, довольный жизнью. Жена Боксера, мэр Рязани, чиновники помельче шли в кильватере главного «благодетеля». Спину Маракуцу прикрывали два широких шкафа, отодвинувшиеся в тень, как только Николай Савельевич сел на свое место под козырьком ложи.

Затем началась процедура открытия соревнований.

Подождав минуты две и не заметив среди зрителей Самандара, Василий начал действовать.

Сначала он подошел к одному из сторожей Маракуца, оставленному на входе, и сказал тихо, незаметно показав удостоверение:

– Нужна твоя помощь. Зайди в раздевалку.

– Но мне приказано... – заикнулся было парень, одетый, как и вся команда телохранителей Боксера, в светло-серый костюм, бежевые туфли, серую рубашку и белый галстук.

– Готовится шухер, – сказал Василий с нажимом. – Мы должны защитить твоего босса и его друзей. Иди!

Парень глянул на своего напарника, с которым разговаривала какая-то дама в зеркальных очках, и поплелся по главному проходу, ныряющему под землю, в раздевалки и душевые. Не заметив ничего подозрительного, Василий сбежал по ступенькам вниз, догнал охранника, настороженно следящего за суетой спортсменов и обслуживающего персонала в коридорах под амфитеатром стадиона, и махнул рукой: за мной. В первой же из пустующих раздевалок он с ходу воткнул парню указательный палец в солнечное сплетение, раздел обмякшего и переоделся в его костюм. Свой аккуратно свернул и спрятал в один из шкафчиков. Уложил уснувшего подручного Маракуца на лавку, чтобы кто-нибудь, увидев, принял его за уставшего спортсмена. После чего направился в средний ярус трибун, где располагалась центральная ложа для Очень Важных Персон. У парня в карманах обнаружили карты, складной нож, электрошокер «павиан», зажигалка, сигареты, расческа и портмоне с пачкой зеленых. Все это хозяйство Васе было без надобности, но выбрасывать его он не стал.

Расположившись так, чтобы видна была вся ложа, Василий принялся считать эйсы, подаваемые одним из фаворитов Кубка, хорватом Гораном Иванишевичем. На третьем эйсе к мэру города, сидевшему рядом с Маракуцем, подошел его секретарь, склонился к уху. Выслушав, мэр кивнул, сказал что-то соседу, встал и вышел из

ложи. Сопровождал его всего один телохранитель, и Вася посчитал это удачей.

Они пересеклись в холле административного здания спорт-комплекса: мэр, телохранитель, секретарь, Котов и Самандар. В результате на ногах остались стоять лишь Василий и Вахид Тожиевич.

В холле никого не было, все работники центра смотрели игру, но переодеваться сподручнее было в закрытом помещении, и тела потерявших сознание людей перенесли в кабинет директора спорткомплекса. Самандар надел костюм мэра, Василий – его телохранителя, хотя в костюме этого шкафообразного представителя мужского пола можно было бы влезть двоим нормального телосложения мужчинам. Василию пришлось выпячивать грудь, чтобы не выглядеть манекеном.

– Второй раз переодеваюсь, – проворчал он, приносиваясь: чужой костюм пропах ментолом. – Как вам удалось вызвать этого кабана сюда? – полубопытствовал он.

– Обладание полной информацией об объекте есть сила, – назидательным тоном обронил Самандар. – Пришлось поднять досье на всех приятелей Маракуца, Мэр оказался единственным человеком, побаивающимся жены. Она ему позвонила... отсюда. Пожелала увидеть.

– Ясно. Ну что, пошли, пока сюда не нагрянул весь форс де фрап Боксера? Сколько у нас... – Вася не договорил.

Самандар вдруг исчез. Вернее, превратился в мэра! Перед Котовым стоял вылитый «кабан» – с мясистым багровым лицом, с бородавкой под глазом, с тремя складками подбородка, с залысинами, носом-картошкой и маленькими, глубоко посаженными глазками. Если бы Вася не был свидетелем операции переодевания, он принял бы этого человека за первое лицо города.

– Похож? – хрюкнул «мэр».

– Впечатляет!

– Тогда не отставай. Не предпринимай ничего без команды, действовать буду я.

Самандар-«мэр» потопал из кабинета, слегка потрясенный и возбужденный Котов поспешил следом. Он понимал, что Вахид Тожиевич владеет внушительной волевой индукцией, гипнотической силой, но не думал, что эта сила способна влиять и на него. Вася

напрягся, сдвигая психические колебания своего сознания в другой диапазон частот, как его учили Матвей и Парамонов, и сквозь ставший прозрачным слой ауры «мэра» разглядел контуры тела и лица Самандара. Но этим приемом вряд ли владели телохранители Маракуца и обычные люди вокруг, и Вася успокоился.

Не обращая ни на кого внимания, «мэр» и сопровождающий вернулись в ложу. Вася остался стоять рядом с верзилой в светлом костюме, охранником Боксера, за спинами высоких гостей, а «мэр» сел на свое место рядом с Маракуцем.

Гигант-охранник, покосившись на Васю, снова обратил свой бдительный взор на широкую спину патрона, а Василий принялся считать секунды, не спуская взгляда и с фигур Маракуца и «мэра». О чем они разговаривали, слышно не было, доносились лишь удары по мячу да выкрики судей с корта. Наконец, когда Василий решил несколько расслабиться, снять напряжение мышц, «мэр» обнял Маракуца за талию, похлопал его по плечу и поднялся, собираясь, видно, выйти по нужде.

И все закончилось бы благополучно, без суеты и шума, если бы не непредвиденное, но оттого не менее досадное и лишнее обстоятельство: возле Васи возник квадратный командир маракуцевской команды обеспечения. Надо отдать ему должное – несмотря на внешний дебильно-воинственный вид, оценивать обстановку он умел и память имел неплохую.

– Эй, ты что здесь делаешь? – окликнул он Василия негромко, останавливаясь за его спиной.

Вася повернул к нему голову, окинул лениво-пренебрежительным взглядом и отвернулся.

– Я тебе говорю, – тронул его за плечо начальник охраны. – Откуда ты взялся?

– Убери лапу, – процедил сквозь зубы Василий, судорожно вспоминая, как зовут мэра.

– Он с Егоровым, босс, с мэром, – вмешался верзила-охранник рядом. – Пришли вместе.

– Что-то раньше я у Егорова в команде его не видел, – сбавил тон квадратный. – А где Витек? Мэр же с ним пришел.

– А ты у него спроси, – равнодушно кивнул Василий на поднимающегося по ступенькам вверх «мэра».

Квадратный посторонился, пропуская обоих, и в этот момент в ложе начался шум. Оглянувшись, Вася понял, что это упал с сиденья Маракуц.

Квадратный понял все мгновенно. Однако Василий действовал быстрее. Шепнул, проходя мимо:

– У тебя ширинка расстегнута...

И когда начальник охраны машинально глянул вниз, на брюки, Вася легонько коснулся его шеи костяшками пальцев. Так же «ласково» погладил двух сопровождавших начальника качков и гиганта-охранника, так ничего и не сообразившего. Упали все четверо почти одновременно, уже когда Самандар и Василий в темпе преодолевали спуск по лестнице к выходу под трибуны, в раздевалки. Начавшийся на трибунах шум отрезала вертящаяся стеклянная дверь.

Не останавливаясь, они проскочили раздевалки, где Вася прихватил оставленный им личный костюм, вышли с другой стороны и, бегом преодолев двор, нырнули в здание административного управления спорткомплекса. Быстро переоделись в кабинете директора в свои костюмы (мэр и его телохранитель все еще находились в отключке) и спокойно вышли через служебный вход с другой стороны комплекса.

– Что вы узнали? – спросил Василий уже в машине.

Мимо с воем пронеслись машины милиции с мигалками и «уазик» ОМОНа. Вася глянул им вслед, перевел взгляд на невозмутимое лицо Вахида Тожиевича.

– Маракуц... жив?

– Вряд ли, – хладнокровно отозвался директор МИЦБИ. – Задание ему давал действительно Носовой. Нас должны были убрать чисто и оставить в болотах навсегда. Если бы эта операция не удалась... а она не удалась... нас нашли бы в Рязани или в Москве. Хейно Янович никогда ничего не делает своими руками, а исполнителей у него как босса «СС» хватает.

– Я знал, что он не остановится на достигнутом. Надо его гасить... пока он не добрался до наших друзей. – Вася вспомнил взгляд Ульяны, когда ее держал Маюмура, приставив к виску пистолет, и почувствовал жаркий прилив ненависти. – Но Маюмура мой!

– Не возражаю, – равнодушно сказал Самандар.

– Куда теперь?

– В столицу. Звонил Рыков...

– Когда?

– Мы ему нужны, – проигнорировал вопрос Вахид Тожиевич. –

Оба. Я выезжаю через два часа. Вы же... – Самандар искоса посмотрел на водителя, – можете выезжать позже. Вам ведь необходимо кое с кем повидаться?

– А вам? – огрызнулся Василий, понимая, кого имеет в виду собеседник.

– Мне необязательно. Высадите меня у главпочтамта.

Василий остановил машину у здания главпочты, проводил угрюмым взглядом прямую сильную фигуру Самандара и вдруг рассмеялся. Что бы ни имел в виду соперник, Уля была к нему равнодушна. С легким сердцем Вася повернул и погнал машину к дому девушки, будучи абсолютно уверенным, что его там ждут.

НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ

Совещание Судей «Чистилища» проходило в здании-башне на Сенной площади. С тех пор как убили Генерального Судью, Прохора Петровича Бородину, и Судью-4 Зайцева, Суд «ККК» уже не напоминал прежнее торжественно-значимое действо, однако Рыкову, занявшему пост Генерального Судьи, на это было наплевать. Большую часть функций, выполняемых Бородинным и Зайцевым, он взял на себя, а кое-что передал Холину, неожиданно для себя ставшему вторым лицом «ККК».

Вслед за Рыковым в кабинете появился Темир Жанболатов, присел в уголке, по обыкновению ожидая, когда Генеральный закончит нескончаемый диалог с компьютером, но тот подозвал его движением пальца:

– Это не твоя работа?

Жанболатов глянул на дисплей, мотнул головой. На экран была выведена суточная сводка криминальных происшествий, в которой был отмечен красным один эпизод: в мужском туалете ресторана «Саппоро» был взорван директор коммерческого Континентбанка. Ударной волной повредило перегородку между кабинками, вышибло окна, двери, полностью разрушило два унитаза и сушильный агрегат. Кроме директора, погибли еще двое ни в чем не повинных посетителей ресторана, трое были ранены.

– Мы так грязно не работаем, – сказал Жанболатов. – Хотя по этому директору давно петля плакала. Слава Аллаху, кто-то из своих пришил.

– Когда будет готов бандлик по ЦБ? – Рыков имел ввиду «Церковь блаженства». Послушники Церкви, находящиеся в моральном родстве с сатанистами сект Хаббарда и Холокоста, проповедовали программу убийств и пыток как «источников наслаждения и полноты бытия». Церковь после ареста ее руководителя «иеромонаха Михаила», в миру – Ковальчука, ушла в подполье, однако деятельность свою не прекратила.

– Через два дня будем готовы, – пообещал Жанболатов. – Но ведь вы дали ориентировку на Цоду...

Судья-3 имел в виду депутата Государственной Думы Валентина Цоду, избличенного в финансовых аферах. Мошенническая деятельность Цоды началась еще в мае тысяча девятьсот девяносто второго года в Хабаровске, где он изготовил фальшивые платежки со штампом «уплачено» для приватизации концерна «Оспо». На основании этих «документов» тогдашний министр Кулак, состоявший с Цодой в приятельских отношениях, подмахнул документы и признал его законным собственником. Были у Цоды и другие прегрешения: незаконное приобретение автомашины «лендкрузер», незаконный опять же отпуск товаров народного потребления концерном «Оспо» фонду «Дальневосточные журавли», которым заправляла его жена, незаконное получение премии работниками «Оспо» и многое другое. Но по-крупному Цода развернулся, став депутатом Госдумы. Один только перечень его темных дел занял бы несколько страниц текста. Он и в Думу-то пробился, одолев семнадцать соперников, благодаря поддержке утвержденных им через подставных лиц и взятых им же на содержание четырех газет и трех теле-и радиокompаний, а переехав в Москву и став заместителем председателя думского Комитета по информационной политике, и вовсе замахнулся на глобальный контроль телерадиовещания всей России.

Никого он, судя по неудачам прокурорских расследований его махинаций, не боялся, зато журналистов и следователей, пытавшихся вывести его на чистую воду, сам преследовал с неиссякаемой энергией, жестоко и беспощадно.

«ККК» уже давно вынесла вердикт на ликвидацию Цоды, однако Рыков, внезапно выяснивший, что Цоду поддерживает Мурашов (оттого этот «бизнесмен» и осмелел), решил не торопиться с исполнением бандлика.

— Пусть поживет малость, — сказал наконец Герман Довлатович. — Я определил еще не весь круг лиц, помогавших ему. Нанесем удар сразу по всему кусту.

Жанболатов пожал плечами и промолчал.

Пришел Холин, умылся с дороги, снял пиджак и повесил на стул. И.о, начальника военной контрразведки был чем-то взволнован, и Рыков посмотрел на него выжидательно.

— Что-нибудь случилось, Вадим Мартынович?

Полковник пригладил волнистые волосы, внезапно успокоился, сел на стул у стены и закурил.

– Мне не удалось установить, куда делся контейнер с «глушаками» и «болевиками».

– Понятно. Выходит, я зря на вас понадеялся. – Рыков повернулся к компьютеру, ввел пароль, пробежал пальцами по клавиатуре.

– Я не Бог! И опираюсь тоже на людей, обычных осведомителей, а не на экстрасенсов. Федералы, кстати, тоже контейнер пока не нашли.

Минут десять Рыков работал с компьютером, пробираясь в сети ФСБ, Минобороны и МВД, наконец откинулся в кресле, побарабанил пальцами по столу. Проговорил невыразительно:

– Выйдите в соседнюю комнату.

Холин и Жанболатов переглянулись.

– Что ты хочешь, Герман?..

– Выйдите, попейте кофе, я позову.

Судья-2 и Судья-3, несколько обескураженные просьбой, вышли в соседнюю комнату с телевизором в телефонном, закрыли за собой дверь. Еще мгновение Рыков оставался неподвижным, словно в оцепенении, потом откинул спинку кресла почти в горизонтальное положение, лег на нее и одним коротким и мощным импульсом ушел в ментал, второй уровень энергоинформационного поля Земли.

Через несколько минут, ослабевший, побледневший – расход энергии для поддержания трансового канала требовался колоссальный, – но довольный, он вызвал коллег. Кивнул на стулья, не обращая внимания на взгляды Судей, пораженных его видом.

– Садитесь, поговорим.

– Что-нибудь удалось узнать? – поинтересовался Холин.

– Удалось.

– Что делать мне? Я не могу продолжать поиск своим официальным аппаратом, надо обращаться к директору.

– Шум нам не нужен. «Удавы» пригодятся и «Чистилищу»... если мы их возьмем. Ваше дело – сторона, Вадим Мартынович.

– Но я могу...

– Вы не задумывались, почему улитка, ползущая по лезвию бритвы, не режется, не ранит себе брюхо? Потому что ползет она медленно. Вы поняли?

Холин сжал зубы, нехотя кивнул.

– Займитесь окружением Цоды, – продолжал Герман Довлатович. – Среди них немало военных чиновников. Этого подонка явно поддерживает кто-то из военных спецов высокого уровня. Собирайте досье.

– Хорошо, займусь. Но может быть, мои ребята помогут в поиске «глушаков»?

– Это все, Вадим Мартынович. Риск вам противопоказан. Спасибо, что вовремя предупредили. Встречаемся теперь лишь по звонку.

Холин помедлил, хотел задать какой-то вопрос, но передумал, надел костюм и вышел. Жанболатов, проводив его, вернулся в зал.

– Контейнер еще в Подмоскovie, – сказал Рыков, массируя себе затылок. – Где именно, пока не выяснил. Вывозить его собираются на Алтай. Дорога длинная, так что перехватить успеем.

– Почему на Алтай?

– Потому что заказчик сидит там. – Рыков не стал распространяться на эту тему, так как Темир не знал и даже не догадывался о существовании Бабуу-Сэнгэ, Храма Гаутама на Алтае и вообще Союза Девяти Неизвестных.

– Готовить свой мейдер?

– Перехват груза будет осуществлять КОП... не зная, что на самом деле находится в контейнере. А ты готовь акцию по Вадиму Мартыновичу.

Жанболатов прищурясь, но без удивления глянул в пустые уставшие глаза Генерального Судьи.

– Разве он?..

– Он будет нам мешать, – покривил губы Рыков. – Этап парламентского управления «Чистилищем» закончен, начинается этап монархического управления. Ты чем-то недоволен? Возражаешь?

– Конечно нет, – четко ответил Жанболатов.

– Тогда отправляйся к Каледину на базу. КОП должна быть готова к перехвату завтра утром. На цель ее я наведу лично.

КОНТРАВЕДЕНИЕ

Единственной крупной организацией в Москве, до сих пор сопротивляющейся контролю Сверхсистемы, оставалась сеть городских кладбищ, объединены обществом «с очень ограниченной ответственностью» «Ритуал». В принципе Хейно Янович пока и не брал за эту мощную организацию всерьез, полагая, что босы «Ритуала» в конце концов сами придут к нему на поклон, однако шли месяцы, годы, кладбища оставались «терра инкогнита» для «СС», а прибыль своему начальству приносили немалую.

В субботу восьмого июня Хейно Янович вызвал свой кабинет на Якиманке (не официальный, необходимый ему по должности, а «эсэсовский») заместителя мэра столицы Щербака, который недавно стал Тенью-4, то есть четвертым генералом «СС», и поделился с ним планами завоевания кладбищенской сети.

Владимир Яковлевич Щербак к идее обложить данью «Ритуал» отнесся скептически.

– Вы плохо знаете эту систему, – сказал он бабьим голосом, поминутно вытирая лунообразное лицо платком; тучный, страдающий одышкой, потел он нещадно, однако был удивительно проворен. – Знаете, сколько в столице действующих кладбищ? Около шестидесяти! И каждое охраняется, как укрепрайон! Это армия, Хейно Янович! Я живу рядом с Калитниковским, отца там а хоронил и хорошо знаю их порядки.

– А вы все же попробуйте выйти на верхи «Ритуала», пощупайте их базу, – ровным голосом ответил Носовой. – Воевать с крутыми мальцами, стерегущими кладбища непосредственно, мы не собираемся. Пусть работают как работали. А вот подчинить верхушку «Ритуала» можем. Соберите досье на президента фирмы, или как он там называется, на заместителей, на исполнителей, проследите за каналами передачи средств, какую информационную базу они опираются, ну и так далее.

– Попробую, – без особого оживления покачал головой Щербак, – но мне известно, что кладбища курирует мой непосредственный шеф...

– Мэр? Луговой? Тем лучше, с ним мы всегда найдем общий язык.

Отпустив, Щербака, Носовой включил компьютер – для него это было своеобразным ритуалом, потому что только по компьютерной сети он выуживал немало ценных и важных сведений, используемых в работе «СС», – и полчаса работал с компсетью под названием «Вист», запущенной мэрией два года назад. Однако звонок по кодовому телефону оторвал его от пульта.

– Пимандр на связи.

– Привет, пастух, – раздался в трубке голос Грушина. – Сильно занят?

Носовой не ждал звонка от своего союзника по «фракции» в Союзе Десяти, поэтому несколько смешался.

– Петр Адамович? Ты откуда?

– С Луны, – пошутил заместитель председателя Нацбанка. – Надо встретиться.

– Где ты находишься?

– На кладбище.

– Где?! – Носовой, который только что имел разговор о сети кладбищ, не сдержал изумления.

– На Ваганьковском, – долетел смешок Трушина. – Не хочешь присоединиться? Очень дисциплинирует, знаешь ли. Заодно повстречаемся со знаменитыми людьми, лежащими здесь.

– В другой раз, – сухо оценил шутку Хейно Янович.

– Тогда я еду к тебе.

Носовой бросил трубку, посидел немного в задумчивости и вызвал Маямуру. Японец неслышно возник в кабинете виноватой тенью. Вряд ли он особенно переживал неудачу с покушением на Самандара и Котова, но, как профессионал, оценивал себя невысоко.

– Сейчас ко мне приедет гость. Встретишь внизу и проводишь. Если он будет не один, свиту оставишь внизу. Вежливо, но непреклонно.

– Мы вообще можем ее ликвидировать.

– Хватит ликвидации... ты уже отличился под Рязанью. Выполняй.

Маямура безмолвно исчез.

В принципе он был не виноват, встретившись в болотах Мещеры с противником, на голову превосходящим его лично и отряд Маракуца.

Но Хейно Янович и не рассчитывал на иной результат, давая задание уничтожить Самандара с целью прощупать его оборону. Что ж, шесть трупов, уложенных на алтарь проверки, не ахти какая потеря. Зато ясно теперь, что Вахид Тожиевич ждет момента и готов к ответной атаке. Пусть ждет. Придет время, и он забудет о своих претензиях на место в Союзе Девяти. Что же касается отношений со своим телохранителем, Носовой намеренно подчеркивал его несостоятельность – как в эпизоде с Матвеем Соболевым, так и в эпизоде на болотах Мещеры. Злее будет, подумал маршал «СС» равнодушно.

Грушин приехал через час с небольшим.

Вошел, улыбаясь, разводя руки для объятий, будто они не виделись, по крайней мере, несколько лет. Носовой подал руку, кивнул на кресло, отпустил движением брови Маюмуру и сел сам.

– Плохие новости? Плохое настроение? – спросил гость, одетый в неизменный строгий костюм в полоску «парис классик» цвета «беж».

– Не до сантиментов, – отрезал Носовой, переходя на метаязык. – Что случилось, Петр? Что побудило тебя навестить маршала «СС»?

Грушин перестал улыбаться, лицо его стало жестким, надменным, недобрым, карие глаза посветлели, обрели желтый кошачий блеск.

– Видно, ты слишком увлекся делами фирмы, – сказал он, мельком оглядывая интерьер комнаты, задержал взгляд на работающем компьютере. – Но постоянное увеличение скорости топтания на месте не дает положительных результатов. Можешь опоздать к финишу.

Носовой выключил компьютер, зная, как легко Посвященный может входить в память машины, буркнул:

– Конкретнее.

– По моим сведениям, Юрьев организовал похищение партии «глушаков» из спецхрана ФСБ.

– Ну и что? Я в курсе.

– А перед этим он имел встречу с Бабуу.

– И это я знаю.

– А перед встречей координатор посетил Метеору... Не хочешь связать все это в одну цепочку?

Носовой задумался.

– Ты думаешь, сход координаторов принял какое-то важное решение?

– И для его выполнения потребовались «глушаки».

– Зачем? Гипноиндукторы «удав» способны подавлять волю и зомбировать лишь обыкновенных людей. Нам они не опасны.

– Кто знает? Юрьев начал какую-то свою игру... с Бабуу вместе. Какую? Зашевелился Рыков...

– Да уж, – позволил себе усмехнуться Носовой. – Разработал «волну выключения», натравил на меня ликвидаторов, перехватил несколько операций.

– Кто ему помогает? Головань?

– И Виктор.

– Блохинцев на нашей стороне?

– Колеблется. Но я заставлю его присоединиться.

– А кого задействовал Герман в «волне выключения»?

– Одного из Посвященных I ступени... и бывшего ганфайтера.

– Самандара и Соболева?

– Если бы Соболева... Котова, его дружка. Не волнуйся, Петр, мне они не соперники. Конечно, Вахид землю будет рыть, чтобы выполнить задание Германа, тот ему пообещал мое место в Союзе. – Носовой снова растянул губы в улыбке.

– Хотя задача его скромнее – отвлечь меня от деяния.

– Но он может нанести и удар на уничтожение.

– Может, однако и я не дремлю. Есть у меня идея – ответить Герману тем же, нанять ликвидаторов из Круга.

– Никто не согласится.

– Есть один человек... незавершенный.

– Я знаю лишь одного незавершенного, Соболева. Но разве ты не посылал к нему людей с предложением объединиться?

– Посылал, и он отказался. Однако я не все способы давления испробовал. У него есть семья, жена, сын...

Грушин скептически поджал губы.

– История нас учит плохо, Хейно. В свое время жену у Соболева уже похищали. Что из этого вышло, ты знаешь.

– Почему бы не попробовать еще раз?

– Ну, если так... пробуй. Лично я – пас. Не связывайся с ним, не советую. Он контактировал с Хранителями... свободно ходит по менталу... нет, не советую.

Хейно Янович помолчал и перевел разговор:

– Что ты делал на Ваганьковском кладбище?
– Искал похищенный холуями Юрьева контейнер с «глушаками».
– Интересная мысль. Нашел?
– У них там разработана целая стохастическая система хранения: каждые шесть часов меняется грузовик, охрана, стоянка, маршрут следования. Колесят по Москве и Подмосковию. Но скоро отправятся к месту назначения.

– Куда?

– На Алтай.

– Значит, инициатор все-таки Бабуу. А что это ты проявляешь такую заинтересованность в этом деле? Рискуешь, отслеживаешь?

– Меня тоже беспокоит вопрос, что задумал Юрьев. Надо перехватить груз. Тогда мы сможем диктовать Бабуу свои условия. Ты маршал «СС», у тебя есть исполнители, тебе и карты в руки.

– Как мы вычислим маршрут?

– Выйдем в астрал, пощупаем эгрегоры...

Хейно Яанович невольно покачал головой.

– Ловок ты, однако, Петр. Я выйду, меня тут же запеленгует Бабуу или Юрьев, а ты в это время...

– А я, дорогой Хейно Яанович, поставлю шумовую пси-завесу во время твоего сеанса, чтобы тебя не запеленговали. Зови своего японца, будем обсуждать детали. Ты небось его пошлешь с командой на перехват?

Носовой несколько минут сидел за столом без движения, словно превратился в соляной столб: думал, взвешивал, решал, – потом вызвал Маямуру.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Неизвестно, чем руководствовался Рыков, посылая команду КОП по следу таинственных похитителей контейнера с «глушаками», но Каледину без труда удалось перехватить их в Зарайске, на территории историко-художественного музея, располагавшегося на площади Революции.

Дело происходило в семь часов вечера, в воскресенье девятого июня; по площади гуляли немногочисленные семейные пары и шумные молодежные компании. Когда началась стрельба, не все сразу поняли, что происходит. Многим показалось, что начался фейерверк. Однако после того, как на площади с визгом шин развернулась четыре легковые автомашины и джип «крайслер» с мощным бампером, гуляющие бросились врассыпную, спасаясь от пуль.

Если бы нашелся сторонний наблюдатель, способный объективно описать все детали начавшегося боя, он сразу бы отметил, что центром событий является грузовик «газель», потому что в течение нескольких секунд он был окружен сначала одним кольцом нападавших, потом другим. Но стороннего наблюдателя здесь не оказалось. Вернее, был наблюдатель, но вовсе не сторонний, а заинтересованное лицо, подключившееся к действию в нужный момент. Этим лицом был Вахид Тожиевич Самандар, который вышел на цель самостоятельно.

Однако первыми на грузовик с контейнером напали люди Носового. В двух машинах, «феррари» и «паджеро», набралось одиннадцать человек. Мгновенно приткнув машины с двух сторон от «газели», боевики Маюмуры рванулись к грузовичку, но вынуждены были задержаться, потому что мирный грузовик с брезентовым фургончиком вдруг огрызнулся автоматным огнем – эти выстрелы гуляющие и приняли за фейерверк. Однако все же нападавших было много и двигались они умело, хотя «качать маятник» обучены не были. Четверо из них, в камуфляжной форме спецназа, преодолели два десятка метров и добрались до грузовика, где были встречены защитниками. Защитников оказалось шестеро.

Маюмура довольно легко справился со своими двумя более рослыми и сильными на вид противниками, рывком ушел от очереди

из-под брезентового полога, вспорол его ножом и вскочил в кузов машины.

И в этот момент подоспели еще три транспортных средства с командой КОП, ведомой полковником Калединым: джип «вранглер» с дополнительно усиленным бампером и два восьмиместных микроавтобуса «синержи». Действовали бойцы КОП еще стремительнее, чем люди Маюмуры, сказывалась подготовка, да и экипированы были как суперполицейские из американских боевиков. Спецкостюмы со шлемами, множеством приспособлений и кармашков превращали их в «робокопов».

Василий выбрался из «вранглера» в числе последних, но не из-за плохой реакции, а в соответствии с поставленной ему задачей. Он должен был контролировать точное выполнение группой задания и в случае нужды «зачищать» операцию. А нужда выявилась тут же, потому что два десятка штурмовых винтовок и автоматов, заговоривших в полный голос с обеих сторон, заставили атакующих, защищавшихся и контратакующих залечь и снизить темпы движения.

Конечно, более подвижные, защищенные кевларовыми бронежилетами бойцы КОП имели некоторое преимущество перед своим противником, но и они не желали идти напролом, сквозь плотный огонь обороны «газели». Теперь у защитников грузовика и парней Маюмуры появилась общая цель.

Однако вмешаться Василия вынудила не задержка атаки, а действия телохранителя Носового. Убив двух охранников контейнера внутри фургона, Маюмура с помощью одного из своих подчиненных уже вытащил контейнер из фургона и стремительно удалялся к узорчатой ограде музея. Почему он направился именно туда, а не к своей машине, Васе стало ясно, когда он увидел у здания музея еще одно авто – «порше-турбо-928», развивающее скорость до двухсот восьмидесяти восьми километров в час. Сомнений не оставалось: вездесущий телохранитель Хейно Яновича знал, что в перехвате бесценного груза будет участвовать еще одна спецкоманда, и тщательно подготовился.

Взяв темп, Василий обошел поле боя, которым стала площадь Революции, и достал Маюмуру, когда тот засовывал в багажник «порше» контейнер с партией суггесторов «удав» и генераторов боли «пламя».

Пока напарник японца палил из двух стволов по людям Каледина, бросившимся преследовать ускользающую добычу, к нему присоединился и водитель «порше», вооруженный посерьезнее – штурмовой винтовкой с подствольным гранатометом «скорпион». Первым же выстрелом он взорвал одну из машин КОП, вторым снес голову одному из «копов» (как потом узнал Василий, это был Жора Баранович). Пришлось отвлечься от выполнения прямой задачи и выключать гранатометчика, который оказался серьезным противником, потому что был зомбирован и держал не только удары, но и выстрелы в упор. С трудом уложив парня одним из приемов космек, Вася понял, что перехватить Маюмуру уже не успеет. И в этот момент в бой вмешался еще один неожиданный соперник, и события для обеих сторон приняли непрогнозируемый оборот. Этим соперником, внимательно наблюдавшим за разворачивающимся действием от начала до конца, был Самандар.

Он нанес удар именно тогда, когда этого натребовала ситуация: ни секундой раньше, ни секундой позже.

Маюмура, уже севший за руль «порше», застыл в нелепой позе, потом оглянулся, глаза его расширились. Несмотря на то, что он действительно носил на голове под волосами генератор защиты от гипноизлучения, ментальный импульс Вахида Тожиевича дошел до цели, ослабив на несколько мгновений волю японского мастера. Этих мгновений хватило Самандару на преодоление двух десятков шагов от стеклянной двери в здании музея, где он прятался до сих пор, до появления машины Маюмуры.

И все же телохранитель Носового оказался крепким орешком. Он успел выхватить «глушак», выстрелить, метнуть в надвигающуюся страшную тень сюрикэн, причем попал Самандару в плечо, однако это было и его ошибкой, потому что противником японца был не обычный человек, а Посвященный, прошедший Путь воина длиной, по крайней мере, в полста лет. Если бы Маюмура сразу нажал на акселератор вместо того, чтобы пытаться вывести врага из строя, он успел бы набрать скорость и скрыться. Ни выстрел из «глушака», ни бросок сюрикэна Вахида Тожиевича не задержали, и Маюмура вылетел из кабины машины, как камень из пращи, едва не сбив подбежавшего в этот момент Котова.

Вася с ходу врубил японцу «колун» в стиле русбоя, остановился, не зная, что делать.

– Садись! – рывкнул басом Самандар. Василий нырнул на сиденье рядом, и «порше» с визгом шин и грохотом ударивших из-под колес струй гравия рванул за угол здания музея, сразу оставив позади звуки утихавшего боя.

Видимо, директор МИЦБИ неплохо ориентировался в Зарайске: попетляв по аллеям парка вокруг музея, они выехали на дорогу с другой стороны, пересекли несколько улиц города и вырвались на шоссе в сторону Клишина. Еще через полчаса, миновав Каширу, «порше» выехал на Симферопольское шоссе, ведущее к Москве. Василий, за это время успевший разоблачиться, снять шлем и оружие, представил лицо Каледина, оставшегося с командой в Зарайске, вряд ли что успевшего понять и предпринять, и засмеялся. Но вспомнив, что в бою погибли люди, примолк.

– Лихо мы их! – пробормотал он. – Но вы-то как здесь оказались, Вахид Тожиевич?

– Стреляли, – ответил Самандар словами Сухова из фильма «Белое солнце пустыни».

Василий посмотрел на его чеканный профиль, хмыкнул:

– М-да... Неисповедимы пути Посвященных... И куда мы теперь направляемся?

– Передадим этот ящик по назначению.

– Рыкову, что ли?

Самандар промолчал.

– Разве КОП действовала не по его указке?

– У меня свои резоны. Надо набирать очки...

Василий понял. Самандар имел в виду доказательства своей полезности Рыкову, пообещавшему ему место в Союзе Девяти.

– А почему эти ребята кружили по Москве и Подмосковию с контейнером? Не проще ли запрятать его в каком-нибудь укромном уголке?

– Во-первых, в дело замешаны деятели Союза Девяти, для которых найти спрятанный груз не проблема. Вычислил же его Рыков, несмотря на запутанный маршрут. А во-вторых, его должны были в скором времени переправить военным самолетом на Алтай.

– Кто?

– Юрьев.

– А кто это?

Самандар промолчал. Машина шла по шоссе под двести, но ни один инспектор ГАИ ее ни разу не остановил.

– Главный претендент на пост координатора Союза Девяти. Вместо Бабуу-Сэнгэ, настоятеля Храма Гаутамы на Алтае. И «глушаки» он должен был отправить ему.

– Зачем?

Вахид Тожиевич насмешливо глянул на водителя и не ответил.

– Значит, в этом явно грязном деле замешаны чуть ли не все Известные? – не унимался Василий. – Рыков, Носовой, Юрьев, Бабуу-Сэнгэ... кто еще? Все «сливки» общества, так сказать. На каждом пробы ставить негде... Неужели вам хочется работать с такими людьми?

– Не суйте нос не в свое дело, – без всякого выражения сказал Самандар. – Эти люди всего лишь олицетворение закона, а закон не может быть ни злым, ни добрым, ни хорошим, ни плохим, ни чистым, ни грязным. Когда-нибудь вы поймете это... если дойдете до конца Пути.

– Дойду, – легкомысленно ответил Вася, уходя мыслями а мечты о встрече с Ульяной. Мечты были розовыми, как клеверный луг, и недостижимыми, но очень хотелось верить в их скорое осуществление.

Расстались Василий и Вахид Тожиевич в районе Домодедова.

Самандар свернул с шоссе на окраине Домодедова, проехал километра четыре по извилистой проселочной дороге, остановился у глухого забора с металлической сеткой поверху, выгрузил контейнер.

– База Рыкова? – Вася с любопытством окинул взглядом забор, пытаясь разглядеть строения за ним.

– Езжайте, – ответил Самандар, – я доберусь. Хочу предупредить. Носовой вычислит, кто столкнулся с его подразделением в Зарайске, и постарается убрать всю КОП-команду.

– Ну и?... – поднял бровь Вася.

– Надо поторопиться с ликвидацией Хейно и его банды. Иначе они найдут нас раньше. Приезжайте завтра в Сокольники, обговорим детали. Или вы... решили выйти из игры?

Вася нажал на газ, и до Самандара донесся из-за поворота его насмешливый голос:

– Я коней на переправе не меняю...

Затем в заборе, не имеющем до этого момента ни одной щели, неожиданно и бесшумно отворилась незаметная дверь, и к Самандару вышел Рыков.

– Не нравится мне ваш друг, – сказал он безразличным тоном. – Он ненадежен.

– Он мне не друг, – тем же тоном отозвался Самандар. – Но дело он сделает.

– Вдвоем с ним вам с Хейно не справиться. Почему бы не привлечь к акции других Посвященных? Парамонова, например, или Митину? Соболева, наконец?

– Вряд ли они согласятся, исповедуя принцип ненасилия.

– А вы предложите. Откажутся, будем искать другие пути. Их же придется потом ликвидировать... во избежание утечки.

Самандар налился темной кровью, смерил кроткого и слабого на вид Германа Довлатовича оценивающим взглядом.

– Вы... шутите, надеюсь?

Рыков легко, без усилий, поднял сорокапятикилограммовый контейнер с оружием за ручку, подержал на весу и шагнул за дверь. Сказал, не прощаясь и не оборачиваясь:

– Если хотите стать одним из Девяти, сделаете все, что для этого потребуется.

Дверь без скрипа и малейшего стука закрылась, срослась с забором, будто ее здесь и не было.

Самандар внутренним зрением проследил, как Рыков идет по пустырю за забором к низкому барaku, сложенному из шлакоблоков, и не торопясь направился к центру Домодедова, где сел в автобус, следующий в Москву.

В этот вечер Василий не собирался забивать себе голову планами на будущее и вообще думать о том, в какую историю он ввязался, согласившись работать на КОП, которая, в свою очередь, работала на Рыкова. Но идея выйти из игры, как заметил проницательный Самандар, уже зрела в подсознании. Не хватало какого-то толчка, зацепки, психологического нюанса, чтобы она стала превалирующей и заставила Котова пойти против расчетов Рыкова и Вахида Тожиевича. К тому же не давали покоя вопросы: зачем, во-первых, понадобились «глушаки» Юрьеву, собравшемуся переправить их на Алтай, а во-

вторых, зачем Рыков их перехватил? Почему Посвященные Союза Девяти вставляют друг другу палки в колеса? Поиск ответов на эти вопросы Вася отложил на следующий день, предполагая отдохнуть вечером с Костей Злобиным в его бизнес-клубе, однако судьбе угодно было распорядиться иначе.

Когда Василий, созвонившись с Костей и договорившись о встрече, переделался в вечерний костюм, в дверь квартиры позвонила.

Прикинув степень опасности непрошеного гостя – по оценке Васи, тот был один, – Василий открыл дверь и впустил Ивана Терентьевича Парамонова.

– Елки-палки! – сказал он с веселым недоверием. – Как вы меня нашли, Иван Терентьевич?

– Не беспокойтесь, легальным путем, – улыбнулся Парамонов, разглядывая наряд хозяина. – Уля подсказала. Вы куда-то собирались уходить? Я не задержу.

– Проходите, минут десять у меня есть.

Они прошли в гостиную квартиры Котова, выделенной ему из резерва генерала Коржанова, сели на диван. От чая-кофе Парамонов отказался и сразу приступил к делу:

– Самандар при вас передал «глушаки» Рыкову?

– Вы и об этом... знаете? – внимательно глянул на гостя Василий. – Нет, я оставил Вахида в Домодедове. Кстати, зачем они ему понадобились?

– Об этом я и хотел поговорить, Василий Никифорович. Вы впутались в грязное дело...

– Я уже сообразил.

– Вам вообще не следовало вмешиваться в разборки между Посвященными, а тем более между кардиналами Союза Девяти. Как правило, исполнители и свидетели в результате этих разборок... исчезают.

– Ну, пусть попробуют.

– Они попробуют, – жестко сказал Парамонов. – И не обольщайтесь насчет своих возможностей ганфайтера. Если кто-нибудь из Девяти задумает вас убрать, «волны выключения» будут следовать одна за другой, пока заказчики не добьются результата.

Вася с интересом глянул на строгое лицо Ивана Терентьевича, почесал левой рукой тыльную сторону правой.

– Я не только ганфайтер.

– Знаю, и это ваш единственный шанс уцелеть. Уходите из КОП, вообще уезжайте из Москвы...

– Вы хотели поговорить о «глушаках», Иван Терентьевич.

– Да, – согласился Парамонов. – Я, как всегда, тороплю события. «Глушаки» понадобились координатору Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ для коррекции Союза. Как вы уже знаете, Союз начал распадаться, и властная система, опекающая социум нашей реальности, забеспокоилась.

– Но ведь «глушаки», насколько я знаю, на людей Внутреннего Круга не действуют.

– Бабуу заполучил специальные программы, так называемые кодоны, с помощью которых можно подавить волю любого Посвященного.

Вася присвистнул.

– Вот оно в чем дело!

– Юрьев организовал похищение партии «глушаков», об этом узнали Рыков и Носовой... а вы с Вахидом теперь находитесь в эпицентре столкнувшихся интересов. Об этом я и хотел вас предупредить.

– Значит, Рыков хочет воспользоваться...

– Не только Рыков, все кардиналы так или иначе будут замешаны в попытке раздела власти. Во что это выльется, я не знаю, но предполагаю. – Парамонов встал. – Будьте осторожны, Василий Никифорович.

Василий проводил его до двери, придержал за рукав.

– А Матвей знает?

Иван Терентьевич кивнул.

– Знает. Но скорее всего Путь воина он закончил. Разборки третьего уровня его не интересуют.

Парамонов ушел, а Василий остался задумчиво стоять посреди прихэжей, ощущая, как по ногам дует холодный ветер, и внезапно подумал, что Иван Терентьевич знает слишком много даже для Посвященного.

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

Юрьев позвонил Рыкову в три часа ночи. Герман Довлатович, сон с которого слетел, как бабочка с цветка, дотянулся до радиотелефона и сразу почувствовал злую и властную силу абонента.

– Привет, Тихий, – раздался в трубке холодный голос. – Я бы не беспокоил, да времени нет.

– До утра подождать нельзя? – спросил Рыков.

– Иначе я бы не звонил. Верни-ка мне мой чемоданчик, а? Неприятностей не оберешься. Зачем он тебе?

– А тебе? – вопросом на вопрос ответил Рыков. Отрицать, что похищенное секретное оружие находится у него, он не стал.

– Есть идея использовать «удавы» против основных конкурентов, соответственным образом перенастроив их.

– Я кое-что слышал о такой возможности.

– Поторгуемся?

– Может быть, поговорим не по телефону?

Юрьев некоторое время молчал.

– Хорошо. Через час у Новодевичьего, я буду в черном «хамбере» с дипломатическим номером.

– Почему у кладбища? – спросил Рыков, но Юрий Бенедиктович уже отключился.

Привыкший воспринимать неожиданность как физическую неумолимую данность, Рыков умылся, переоделся и, не будя жену, которая спала отдельно, вышел из квартиры. Подождал, пока подъедет Жанболатов с облоймой телохранителей, сел сзади и бросил.

– Хамовнический вал, пятьдесят.

Ровно в четыре часа – еще не утро, но уже и не ночь – они подъехали к воротам Новодевичьего кладбища, напротив которого стоял низкий, широкий, мощный «хамбер» черного цвета. Мигнули подфарники.

– Ждите, – сказал Рыков, вылезая. Еще подъезжая, он определил, что Юрьев в кабине машины один, и слегка успокоился.

Усевшись позади водителя на удобном сиденье, он сухо проговорил:

– Я слушаю.

– Что-то ты занервничал, Герман. – Юрий Бенедиктович кивнул на машину Рыкова с охраной. – Вынашиваешь наполеоновские планы? Виктор и Кирилл в твоей связке?

– Давай о деле, – еще суше произнес Рыков.

– Изволь. Мне нужны «глушаки». Что нужно тебе?

С минуту Герман Довлатович молчал, засунув руки в карманы плаща.

– Каким образом можно перенастроить «глушак»?

– Существует некий кристалл... э-э, нечто вроде насадки на ствол, которая преобразует луч гипноиндуктора в соответствии с программой...

– Кодон, что ли?

– Ну вот, а спрашиваешь.

– Я Посвященный, к чему лукавить. А кодон – не кристалл, а одна из Великих Вещей Мира, оставленная Безусловно Первым. По легенде, это воплощение в материале одной из его Сил. К сожалению, это все, что я знаю. Какова суть кодона? Что он может еще?

– Герман, эти знания неподвластны Посвященным нашего уровня. Я тоже знаю не больше твоего. Ты прав, кодон – это реализованная физически одна из девяти Сил Бога, если вспомнить каббалу.

– Эхейх? – пробормотал Рыков. – Иегова?

– Может быть, и выше – Эл или даже Элохим Гибор. Не знаю. Каждая Сила, кроме того, имеет пять уровней. Мне это совершенно не важно. Главное, что такая вещь существует.

– У Бабуу? «Глушаки» ты ему хотел передать?

– В обмен на кодон.

– Чтобы испробовать на мне?

Юрьев рассмеялся.

– Герман, ты слишком серьезный противник, чтобы с тобой не считаться, посильнее даже твоих сторонников, Голованя и Мурашова.

– Благодарю. Мы договоримся лишь в одном случае: я отдаю «глушаки»... не все, половину, ты мне – кодон.

– Это невозможно. При всем моем желании Бабуу не станет рисковать.

Рыков помолчал, понимая, что Юрий Бенедиктович прав.

– Тогда помоги мне устранить Хейно... а заодно и кое-кого из моих преданных друзей.

– Резкое сокращение численности Союза недопустимо, и ты это знаешь, Герман. Если Хейно Яновича еще можно «сократить» как бунтаря, скажем, то уход Кирилла и Виктора повлечет ослабление эгрегора Внутреннего Круга.

– Хорошо, пусть будет Хейно.

– А разве ты не подключил к «волне выключения» Хейно Посвященных I ступени? По-моему, Самандар согласился тебе помочь.

– Я не уверен, что он справится.

– Вот когда он не справится, тогда и поговорим. Так на чем мы остановились?

– «Глушаки» получишь, когда Хейно уйдет в отставку. Либо когда Бабуу согласится на обмен – «удавы» на кодон. Кстати, попробуй уговорить его лично убрать Носового, ему это сделать будет проще, чем любому из нас.

– Договорились, – медленно сказал Юрьев. – Похоже, ситуация в Союзе постепенно сдвигается к фазе плей-офф. Не ошибиться бы...

Рыков молча вылез из машины, сел в свой джип «мицубиси» и уехал. Юрьев остался сидеть, не включая мотора, пока не зазвонил телефон спутниковой связи.

– Что случилось? – раздался из скрытого динамика отчетливый голос настоятеля Храма Гаутамы. Качество канала связи, использующего американские и российские военные спутники, было таким, что создавалось впечатление, будто Бабуу-Сэнгэ сидит рядом.

– Рыков перехватил груз, – сказал Юрий Бенедиктович на метаязыке. – Я понадеялся на «стохастический зигзаг» Дмитрия Феоктистовича, предложившего до погрузки в самолет непросчитываемый маршрут, но он явно перемудрил. В общем, хотели как лучше, а получилось как всегда.

– Не знал, что это русское национальное качество останется чертой характера Посвященного вашего уровня, – бесстрастно заметил Бабуу-Сэнгэ. – Я был о вас лучшего мнения. Вы говорили с Германом?

– Вынужден был.

– Чего он хочет?

– Он хочет иметь кодон. В крайнем случае просит убрать Носового.

– Уберите. Пообещайте кодон. Аппетиты Германа растут, надо удовлетворить его малым. Я буду в столице через три дня. К этому времени генераторы «удав» и «пламя» должны быть у вас.

– Сделаю все, что смогу.

Тихий щелчок в динамике означал конец связи.

– «Уберите»... – передразнил Юрий Бенедиктович координатора. – Легко сказать! Придется, видимо, снова пошарить в запасниках федералов, поискать «дырокол»...

Урча мощным мотором, «хамбер» объехал кладбище и помчался по Мичуринскому проспекту в сторону МКАД.

ДЕЛО ОПЕРАТИВНОЙ ПРОВЕРКИ

Вася заканчивал разговор с Владимиром – сначала он позвонил тетке Ксении, а потом Наташе, – когда за ним пришли. Может быть, именно мысли о Наталье да чувство вины и помешали ему правильно оценить степень изменения внешних психофизических полей, хотя расслабляться он, в общем-то, не имел права.

– Приезжай, когда захочешь, – предложила Наташа, весьма удивленная его звонком. – Хотя и поется в песне – у реки обид переправы нет, но знай: тебя тут ждут.

– Заметано, – засмеялся Вася, стараясь говорить бодрым тоном. Внезапно насторожился, уловив холодок опасности в коридоре, и в это время удар в дверь выбил замок, и в квартиру ворвались вооруженные до зубов омоновцы.

– К стене! Руки за голову!

Вася послушно отступил, сцепляя руки на затылке. Поскольку нападавшие не имели целью немедленную ликвидацию, стоило выяснить, в чем дело, кто смог вычислить местонахождение майора секретной президентской команды.

– В чем дело, мужики? – миролюбиво спросил Василий, оценивая сноровку парней в пятнистых комбинезонах и масках. Пятеро сразу рассредоточились по комнатам, зашли на кухню, проверили балкон, двое навели на него стволы автоматов (укороченные «АКС-74У»), еще трое начали перетряхивать постель, шкафы, шарить в столах, простукивать стены.

– Да что случилось, е-мое? – возмутился Василий и получил удар прикладом в ухо, вернее, получил бы, если бы не среагировал. Поза со сцепленными на затылке руками была очень близка хоко-но камаэ – «позиции медведя, поднявшего лапы вверх», и Василий легко отбил удар, отобрал автомат и тут же усыпил второго автоматчика, не решившегося стрелять, что говорила о принадлежности команды к какой-то государственной структуре. Бойцы ОМОНа при всей своей тренированности и жесткости воспитывались в нормальных условиях, жили в нормальных семьях и жестокими, в общем-то, не были.

На шум из коридора в прихожую ворвались еще двое парней, один выглянул из кухни, и все они вполне могли открыть огонь, поэтому Вася заорал во все горло, бросая автомат на пол:

– Караул! Грабят! Спасите! Помогите!..

– Отставить орать! – вошел в квартиру плотный широкоплечий омоновец без маски, со знаками различия капитана. – Василий Котов?

– Я, – перестал кричать Василий. – А вы кто?

Капитан оглядел его, лежащих подчиненных, покачал головой, повысил голос:

– Болдырев, что там?

– Есть, товарищ капитан. – Из зала в прихожую вышел здоровяк Болдырев, держа в руках пакетик с каким-то белым порошком и пистолет «ТТ» на газете, с тремя магазинами. – В шкафу лежали. Там еще гранаты в ящике, ребята осматривают.

– Твой? – равнодушно спросил капитан.

– Елки-моталки! – прищурился Василий, сразу сообразив, что кто-то в его отсутствие подкинул в квартиру оружие, наркотики и позвонил в милицию. Не понял Котов только одного: почему он не учуял подброшенный компромат. – Отлично сработано, капитан! Могу я позвонить адвокату?

– В морг ты можешь позвонить, – все так же равнодушно ответил командир ОМОНа. – Василий Котов, вы обвиняетесь в незаконном хранении оружия, взрывчатки и наркотиков, а также в подготовке террористических актов на территории Москвы. Вы арестованы. Следуйте за мной.

– Вы забыли объяснить мне мои права, – насмешливо заметил Василий, подумав, что, если омоновцы куплены, они не будут заинтересованы в тщательном осмотре квартиры, сразу обнаружив компромат, но если они работают по наводке...

– Капитан, глянь-ка, что мы нашли! – Еще один верзила в пятнистом костюме вынес в прихожую спецкостюм со шлемом и пистолет «вепрь», которые Василий после операции в Зарайске так и не отвез на базу.

Последовала пауза. Командир отряда и рядовые его бойцы молча разглядывали костюм, незнакомое оружие, шлем, потом перевели взгляды на стоявшего в задумчивой позе Василия.

– А ты не простой мужичок-то, – оскалил зубы капитан. – Наручники ему! В машину! Переверните тут все вверх дном!

«Какая же сволочь меня подставила?» – уже сидя в машине скованными за спиной руками, подумал Василий. – Возможны в принципе только два варианта: Носовой или Юрьев. Посвященные, члены Союза Десяти. Только они могли вычислить мое участие в захвате контейнера с «глушаками» и подкинуть оружие, не оставив следа...

Василий ошибался. Существовал и третий вариант.

Его поместили в Лефортово. Сначала в камеру, где сидело около тридцати уголовников, ожидающих решения суда. Некоторые из них провели здесь уже по пять-шесть месяцев, пока шло следствие; российская Фемида торопиться не привыкла. Однако после двух инцидентов между «буграми» камеры, властвующими над заключенными, и новеньким, в результате чего полкамеры пришлось приводить в себя, лечить, а кое-кого и реанимировать, Василия перевели в одиночку, где отбывали предварилровку трое «тихих», проходящих по статье 147 (часть III) УК – мошенничество. Здесь он провел двое суток, ломая голову, как выйти на волю и воздать должное тому, кто все это затеял.

Трижды его вызывали к следователю, вечно небритому, с трехдневной щетиной мордовороту, внешне похожему на телеведущего Караулова. Здесь Василий узнал, что на него заведено «дело оперативной проверки», которое может вылиться в «дело об участии в террористической деятельности», которое, в свою очередь, тянет уже от восьми до пятнадцати лет, а то и «вышку». Кто подставил Котова, узнать не удалось, вполне вероятно, что этого не знал и сам следователь. Вопросы он задавал одни и те же: откуда у Василия взрывчатка, патроны, оружие? Где он приобрел спецкостюм, являющийся средством защиты спецподразделений ФСБ? Почему проживал в квартире, принадлежащей другому лицу?

Ни на один вопрос Василий ответить правду не мог и лишь тянул время, ожидая, когда наконец Каледин, встревоженный его отсутствием, предпримет меры к освобождению. Однако шло время, а никто выручать «майора» Котова не спешил, и на четвертый день пребывания в Лефортовском СИЗО Василий решил бежать, вспомнив подвиги Матвея, сумевшего выйти даже из здания на Лубянке.

Готовился Василий недолго, сутки, разработав план побега из следственной камеры, расположенной хоть и на территории тюрьмы, но за ее техническим изолирующим периметром, в административном корпусе.

За время, прошедшее с момента заключения, он трижды пытался связаться с Ульяной Митиной через ментальное поле, помня свой первый опыт во Владимире, и все три попытки закончились безрезультатно. Ульяна не откликнулась – значит, не слышала.

Его вызвали к следователю на пятые сутки, в пятницу, четырнадцатого июня, когда он и сам собрался передать через надзирателей, что «готов дать показания».

В кабинете следователя, кроме небритого, как всегда, хозяина, находился еще один человек, в котором Василий с недоверием узнал генерала ФСБ Первухина. Судьба свела их еще полтора года назад, но с тех пор они не встречались.

– Что же это вы, майор, молчите, как рыба? – с иронией сказал Первухин, оглядывая онемевшего заключенного. – Хорошо, что нам сообщили о вас работники СИЗО, не то пришлось бы сидеть вам еще долго. Сказали бы следователю, что вы майор безопасности, выполняете специальное задание, не пришлось бы отдыхать в этих тоскливых стенах.

В голосе Первухина звучали отеческие нотки, не свойственные этому человеку, и Василий присмотрелся к нему, отмечая кое-какие другие интересные детали. К тому же ему показалось, что силуэт генерала двоится, однако свет в кабинете был скуден и не позволял рассмотреть Первухина получше.

– Вот документ на освобождение, – повернулся начальник Управления спецопераций к бледному то ли от недосыпания, то ли от утренней опохмелки следователю. – Из всех списков его фамилию убрать, дело закрыть и уничтожить, «вещдоки» вернуть.

– Я понял.

– Его здесь никогда не было.

– Я понял.

– Капитану ОМОНа, которому подкинули дезу, скажете, что было проведено учение.

– Я понял.

Первухин пригляделся к измученному лицу следователя, сказал негромко:

– А пить вам противопоказано, Юрий Филиппович, почки долго не выдержат.

– Я понял, – машинально ответил следователь, потом вскинул удивленные глаза на генерала, но тот уже шел к двери, жестом приказывая Василию следовать за ним.

Они прошли на склад, где Котову выдали его вещи, преодолели три контрольно-пропускных пункта, вышли за ворота и сели в поджидавший их мини-автобус «форд-транзит» с затемненными стеклами. Первухин бросил в салон мешок с Васиными вещами, сел за руль, повернул к освобожденному голову, и сквозь черты генерала на его лице вдруг проступили черты исключительно спокойного, волевого лица Матвея Соболева. Несколько долгих мгновений они всматривались друг в друга, потом Матвей улыбнулся и тронул машину с места.

– Здорово, генерал! – обрел голос Вася. – То-то я сразу почувствовал какое-то несоответствие, неловкость... не в тебе – в себе. Первухин не должен был знать, где я нахожусь, а тем более приезжать лично. Ты их всех загипнотизировал, что ли?

– Документы были настоящими. Я сначала навестил генерала.

Машина выехала на шоссе Энтузиастов, остановилась возле вывода метро «Авиамоторная».

– Как тебе удалось выяснить, что меня взяли?

– Ульяна сообщила.

– Что?! Уля Митина? А она как?.. – Вася замолчал, внезапно догадавшись, что его мысленный зов все-таки достиг пси-сферы девушки. – Она сказала, что я в тюрьме?

– Она попросила помочь. – Матвей изучающе поглядел на отвердевшее лицо друга. – Я выполнил просьбу. Теперь наши дороги снова расходятся. На ту квартиру лучше не ходи, она засвечена. Могу дать адрес приятельницы.

– Марии? Не надо. – Василий закрыл глаза, успокаивая сердце, загоняя безумную надежду – что Уля спасла его не только из-за дружеского расположения – в глубины души. – У меня есть где остановиться. У тебя-то самого как дела?

– Нормально.

– Как там твоя сестра, Лида?

– Работает. Написала недавно. Разошлась с мужем, встретила хорошего человека, он заботится о ней и о детях. Дети учатся. Нормально, в общем.

– Ты знаешь, что произошло на Мещере?

– В курсе.

– Ну и?..

– Что «ну и...»?

– Что собираешься в связи с этим делать?

– Жить, – коротко ответил Матвей, и Вася вздрогнул, таким необычным показался ему тон друга.

– Несколько дней я побуду в Москве, – мягче добавил Соболев. – Потом слетаю за границу и вернусь в Питер.

– Что-нибудь ищешь?

Матвей задумчиво стер пыль с панели машины, улыбнулся своей своеобразной, приветливо-безмятежной, сдержанной, всепонимающей улыбкой:

– Пожалуй, ищу... место, где возможно воплощение идеала хотя бы в какой-нибудь форме.

– А-а... мм... э-э, понятно, – сказал обескураженный Вася. – Ну, тогда пока?

– До встречи. От Коржакова уходи немедленно, он зомбирован и ни за что не отвечает. К тому же его скоро ликвидируют.

– Откуда знаешь? Ладно, молчу, молчу. – Вася распахнул дверцу, но тут же закрыл. – Слушай, есть одна идея... ты знаешь, что Юрьев выкрал у федералов чемодан с «глушаками»? А мы их отбили и передали Рыкову.

– Слышал.

– Это было ошибкой, я понял. Рыкову наверняка «глушаки» нужны не для добрых дел.

– Это уж точно.

– Так давай их у него умыкнем, а? Вдвоем мы справимся.

Матвей отрицательно качнул головой, поглядел на сразу потерявшее живость лицо Василия.

– А потом?

– Ну, потом... пригодятся... – забормотал Вася. – В крайнем случае уничтожим. Надо же выяснить, зачем он устраивал за ними

охоту.

Соболев снова покачал головой.

– Уволь, не хочу.

– Боишься рискнуть? Или так на тебя влияют Хранители? Раньше ты был более решительным. – Вася понимал, что несправедлив, но обида на друга была сильнее объективной оценки его поведения. – Уж не собираешься ли ты сам стать Хранителем?

– Кто знает, – улыбнулся Матвей. – Кроме Хранителей Знаний существует еще и каста Собирателей, мне она ближе по духу.

– Собиратели? Не слышал, – буркнул сбитый с толку Василий, посидел немного, положил руку на колено Соболева. – Извини, психанул я... Значит, похищать «глушаки» у Рыкова не советуешь?

– Знаешь, Баловень, – сказал Матвей, – иногда я жалею, что обучил тебя технике смертельного касания. Наделаешь ты дел, если не свернешь с Пути воина.

– Ну, знаешь... – не нашелся что ответить готовый вновь обидеться Василий.

Матвей накрыл его ладонь своей, стиснул, передавая импульс успокоения, дружелюбия и понимания, и они, объятые полем взаимного расположения, несколько секунд сидели молча, думая друг о друге. Потом Матвей сказал:

– У нас разные пути, воин. Иди своим до конца, пока не почувствуешь, что пора сворачивать. До связи.

Василий стукнул кулаком в плечо друга, получил ответный толчок и вылез из машины, забрав мешок из салона. Через минуту «форд» Соболева затерялся в потоке машин. Тогда Вася огляделся и сбежал по ступенькам в переход метро.

ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ

Ночь была безлунная, темная, и Василий порадовался этому обстоятельству, потому что его в костюме ниндзя вряд ли кто-нибудь мог увидеть, а сам он видел в темноте лучше кошки. Луна же могла помешать его проникновению на базу Рыкова в Домодедове, где, по расчетам Котова, Герман Довлатович прятал контейнер с гипно-генераторами «удав».

В понедельник Вася сделал разведрейд в Домодедово, нацепив на всякий случай «тюбетейку» – генератор защиты от гипноизлучения. Он помнил, где оставил Самандара с контейнером, и глухой кирпичный забор нашел за полчаса. Объехал это место кругом, отметив, что никаких строений за забором нет, кроме какого-то низкого сарая. Судя по запаху, это был пустырь, принадлежавший когда-то городской свалке или предприятию по переработке мусора. В прошлый раз, выпуская Самандара, Вася этого запаха почему-то не учуял, а может, не обратил внимания.

Огороженный участок имел приличную площадь – около двух гектаров. К нему вели две дороги, одна асфальтированная, но старая, разбитая тяжелой техникой до предела, другая грунтовая со следами грузовых машин. Однако ворота в заборе – монументальные, металлические, окрашенные в серый цвет – не имели ни единого шва или щели. Запирались они, очевидно, изнутри, снаружи – ни замков, ни цепей, ни надписей, ни таблички.

Василий остановил было машину недалеко от ворот, к которым вела асфальтовая дорога, но быстренько убрался оттуда; ему показалось, что на территории пустыря началось какое-то шевеление и кто-то начал пристально разглядывать его в бинокль. Единственное, что он успел сделать, это прикинуть высоту забора – около трех метров.

Теперь же, глубокой ночью, экипированный в комплект Н-1 по классу операций «элит», Вася убедился, что все его прикидки оправдались. Трехметровый забор он преодолел легко, несмотря на спираль Бруно, брошенную поверху, оглядел со стены территорию пустыря и удовлетворенно хмыкнул: здесь действительно когда-то

сжигали или перерабатывали мусор. Теперь же от фабрики по переработке остался один полуразвалившийся барак, штабеля досок, мусорных контейнеров и шпал. Остальная территория фабрики, недавно залитая асфальтом, парила нездоровым теплом.

Пойди найди тут ножичек, вспомнил Василий эпизод из старого мультфильма «Красота ненаглядная», в котором герой искал в доме Бабы-Яги волшебный меч. Пойди найди тут чемоданчик с «глушаками»...

Уже собираясь соскользнуть вниз, на полоску сорняков под забором, Вася вдруг почувствовал знакомый взгляд и, сжимаясь в предчувствии непоправимой ошибки, до отказа увеличил мощность защитного контура «тубетейки» и в душе взмолился: Господи, защити от дьявольского взгляда! Пусть Рыков меня не увидит!

Неизвестно, помогла ли молитва, однако ощущение подкрадывающейся сторожевой собаки прошло. Но хотя пустырь с виду и не охранялся, Вася все время чувствовал какие-то живые токи, исходящие от скоплений разных предметов на территории пустыря. В другое время Василий порадовался бы: он развил свою чувственную сферу до такой степени, что уже мог ощущать энграммы – следы присутствия других людей в материале помещений и вещей, то есть наведенные структуры в информационно-энергетическом каркасе вещественных тел. Но сейчас ему было не до оценки собственных возможностей.

Усилием воли перейдя в состояние меоза, Вася включил темп и молнией метнулся к одноэтажному шлакоблочному барaku посреди пустыря, вызывающему подозрение своей заброшенностью и ветхостью. Невесомой тенью преодолев расстояние в сто метров от забора до барака, Василий замер у его стены, превращаясь в слух. В тишине ночи сюда доносились звуки со всей округи: гул винтов с аэродрома, гудки и свистки с железнодорожной станции, редкие завывания автомобильных моторов на шоссе, голоса людей; пустырь же обнимала могильная плотная тишина, неестественная в своей концентрации. Такая тишина буквально кричала: осторожно, засада! И Вася удвоил внимание, напрягая нервную систему до предела.

Бесшумно обошел барак, обнаружил две двери, но ни в одну заходить не стал, обратив внимание на металлическую лесенку, ведущую на крышу строения. Постояв немного, он по-кошачьи мягко

преодолеет три марша лестницы и высунул голову из-за ограждения крыши. Сначала он увидел квадратную будочку, похожую на пристройку лифта на крышах домов, потом разглядел узкие бойницы в будочке, откуда явственно тянуло табаком и живым теплом. Так как в будочке мог находиться только один человек, Вася решил взять его в качестве «языка». Он даже обрадовался, выяснив, что периметр пустыря отслеживается: значит, пришел сюда не зря. Смущало только то обстоятельство, что наблюдатель его не обнаружил. То ли спал, то ли был невнимателен, то ли не имел инфракрасного сканера.

Верным оказалось первое предположение.

Когда Василий мягким ударом нукитэ сорвал с петель дверь в будочку, закрытую изнутри на защелку, сторож встрепенулся со сна, открыл рот, чтобы закричать, и тут же уснул снова от удара Василия.

Шум от распахнувшейся двери получился небольшой, тем не менее Вася несколько минут прислушивался, не раздастся ли где сигнал тревоги, потом залез обратно в будочку, закрыл за собой дверь и оглядел хозяйство поста.

Как он и ожидал, здесь был развернут «малый СЭР»: четыре объектива смотрели на четыре стороны света, охватывая весь периметр ограждения пустыря, на столике стоял дисплей с картинкой, разбитой на четыре сектора, на голове сторожа красовался шлем с наушниками. «СЭР» работал в режиме ночного сканирования, то есть прекрасно видел все в инфракрасном свете, и Котова он наверняка засек. Если бы сторож не уснул, здесь давно появились бы охранники и тогда пришлось бы принимать бой.

Вася быстро привел наблюдателя в чувство, зажал ему рот рукой, шепнул на ухо:

– Не дергайся, шею сверну! Что здесь находится?

Сторож что-то промычал. Вася ослабил хватку.

– Я не знаю...

Василий сдавил нерв на шее сторожа, тот захрипел, пытаясь освободиться, и затих.

– Кого ты охраняешь? Говори!

– Я не знаю... внизу там бункер... приезжают иногда люди. Никого из них не знаю...

– Я же сказал – шею сверну!

Человек снова захрипел.

– Отпусти!.. Знаю только одного, он сюда приезжал один раз. Фамилия у него казахская...

– Жанболатов? Темир?

– Точно. Больше ничего не знаю. Отпусти, больно...

– Кто твой командир? Кому ты подчиняешься?

– Я его никогда не видел, звонит по телефону, дает задание...

– А ты, малый, не из «Чистилища», часом?

Сторож рванулся из рук, пытаясь достать противника финкой, которую он прятал в рукаве, и Васе пришлось усыплять его во второй раз.

Все сходилось. Этот парень действительно работал на «ККК», подчиненной Рыкову, а это означало, что пустырь на самом деле был одной из баз «Чистилища», где Герман Довлатович мог хранить контейнер. Интуиция привела Котова куда надо.

Вася спустился с крыши и, стараясь не скрипеть, открыл дверь в барак.

Ящики, ящики, большие и маленькие, бочки, тюки с ватой, свертки толя. Склад. Ничего необычного в принципе. Если не считать кабелей, змеящихся по стенам. Так, посмотрим, куда они ведут...

Лавируя между штабелями ящиков, Василий добрался до середины барака и обнаружил в полу распахнутый люк, из которого струился слабый красноватый свет. Шагнув к нему, он заметил боковым зрением какое-то движение слева и метнул туда звездочку сюрикэна. Раздался вскрик, в проход между штабелями упало тело. Вася метнулся к нему, но споткнулся обо что-то и с трудом удержал равновесие. Оглянувшись на это «что-то», изумленно округлил губы: на полулежал еще один человек, одетый в комбинезон, и то ли спал, то ли не дышал вообще.

Тот, в кого Вася метнул сюрикэн, еще шевелился, скреб бетонный пол ногтями, но скоро затих, звездочка вошла ему прямо в левое надбровье.

«Извини, друг! – подумал Василий. – Не надо было попадаться мне под горячую руку».

Анализировать, почему здесь оказался еще один спящий, времени не было, и Василий нырнул в люк, ведущий в подземелье. Он оказался в узком колодце, уходящем вниз на неведомую глубину. Зрения Васи хватало только метров на двадцать, но колодец явно опускался ниже.

Судя по наплывавшим оттуда запахам, он должен был врезаться в канализационную систему или в очистные сооружения. Лезть вниз не хотелось смертельно.

– Через фекалии к звездам, – пробормотал Василий, заставляя себя действовать и решительно полез по скобам вниз. Однако лез недолго, всего метров девять: в стене колодца оказалась дверца – так же открытая, словно кто-то прошел здесь недавно; красноватый свет просачивался именно отсюда.

Вася выглянул в отверстие и увидел длинный широкий коридор, пол, стены и потолок которого были обложены шпалами. Два красных фонаря почти ничего не освещали в коридоре, но помогали ориентироваться. В одну сторону коридор уходил в темноту, неизвестно на сколько километров, другим концом он упирался в деревянную перегородку с толстой – и снова открытой! – дверью. Прищурившись, Вася стремительно преодолел расстояние до перегородки, заглянул в щель полуоткрытой двери, и рефлекс его сработал раньше сознания, бросив тело на пол. В то же мгновение перегородку и дверь прошила автоматная очередь. Стреляли либо из автомата «узи» с глушителем, либо из бесшумного автомата «АПБ» отечественного производства, поэтому выстрелов слышно не было, только звук с хрустом прошивающих доски пуль.

Не дожидаясь, пока стреляющие «подметут» очередями пол, Вася как паук взобрался по стене и завис под потолком над дверью, вдавливая пальцы в щели между шпалами.

Стрельба прекратилась. Дверь открылась шире, и в нее выглянул верзила в коричневом комбинезоне с толстоствольным автоматом (все-таки «АПБ»). Оглядел коридор, вытащил фонарь, но включить не успел – Вася прыгнул на него сверху.

Однако усыпить верзилу касанием из арсенала ТУК не удалось! Лишь отбив две его мощные атаки, Вася сообразил, что перед ним закодированный, боец-зомби, которому не страшны ни раны, ни переломы ребер и костей. И тогда Василий, каждую секунду ожидая автоматной очереди от напарника зомби-солдата, применил прием из техники смертельного касания. Не дожидаясь, пока солдат закроет глаза, прыгнул вперед, с перекатом, готовый метнуть в противника нож или сюрикэн. За дверью имелось прямоугольное помещение, заставленное стеллажами с оружием – тусклая лампочка под потолком

освещала лежащее у порога тело второго солдата, а напротив двери громоздилась глыба мрака, оформленная под силуэт человека с длинным ящиком в руке.

Василий метнул сюрикэн – не попал (!), вскочил на ноги и... едва успел остановить удар, расслышав знакомый вежливый голос:

– Своих не узнаете, Василий Никифорович? Вася сглотнул ком в горле, шагнул вперед.

– Иван Терентьевич?!

Парамонов, одетый в такой же черный костюм, что и Котов, вышел навстречу, сжал плечо горячей рукой.

– Кажется, мы пришли сюда за одним и тем же?

Вася глянул на ящик в руке Парамонова, узнал контейнер с гипноизлучателями «удав», который он с Вахидом Тожиевичем отобрал у команды Маюмуры.

– Так вы тоже решили изъять «глушаки» у Рыкова?!

– Как видишь. Мне стукнула в голову мысль, что не стоит такие страшные штуковины оставлять у Рыкова. Их необходимо уничтожить.

– Мне стукнула в голову та же мысль. Кстати, Самандар работает на...

– Знаю, – кивнул Парамонов. – Мне жаль его. Если он не переборет амбиции, тягу к власти... Впрочем, пошли отсюда, здесь не место для... – Он не договорил.

Где-то далеко в глубине коридора раздался визг сирены, и тут же дверь за спиной Котова автоматически закрылась. Он рванул ее, ударил всем телом, отодвинулся, чтобы в прыжке выбить ногой, но потом сообразил:

– Айн момент!

Отыскав на стеллажах гранатомет «ММ-1» – револьверного типа, с вращающимся барабаном, – Вася зарядил его осколочно-фугасным боеприпасом «М-430» и, отойдя на десяток шагов, из-за стеллажа выстрелил в дверь. Бросил гранатомет на пол.

– Пожалте, Иван Терентьевич. Куда будем отходить? Обратно вверх, через пустырь?

– Нет, я знаю другой выход.

Парамонов выбрался через дыру в двери в коридор, махнул рукой – не отставай! – и легко помчался в темноту коридора с контейнером на плече.

Василий оглянулся на разбитую в щепы дверь, пробормотал:

– Здесь был Вася! – И припустил следом за Иваном Терентьевичем.

Коридор через полкилометра привел их к бетонно-кирпичной перегородке с металлической дверью, которую Парамонов открыл за три минуты, не прибегая к взрывчатке. За перегородкой оказался еще один туннель – заброшенного метро с рельсами и пучками кабелей по стенам, из которого беглецы выбрались через вентиляционный колодец в районе железнодорожной станции. Там, за пакгаузом, Иван Терентьевич нашел дыру в заборе, они вылезли на тропинку, ведущую к домикам частного сектора Домодедова, и вскоре вышли к замаскированной ветками машине Парамонова – замызганной «ниве» с грязными стеклами.

– Где вы оставили свою машину? – спросил Иван Терентьевич, включая мотор.

– Возле водокачки. Надо бы ее забрать.

– Конечно. Пересядем, эту бросим, переоденемся.

– А дальше куда? У вас есть надежное место, где можно спрятать «глушаки»?

– Такого места не существует в принципе. Но какое-то время можно будет подержать контейнер в Рязани, там у меня есть неплохой погреб... с кое-какой защитой.

– Тогда поехали в Рязань, – равнодушно сказал Василий, скрывая радость.

В начале пятого они выехали из Домодедова на Симферопольскую трассу и лишь после этого вздохнули с облегчением. Обоих волновала одна и та же мысль.

– Странно, что Рыков не подстраховался, – задумчиво проговорил Василий, сидя за рулем «вольво». – Такая серьезная вещь, как «глушаки», должна и охраняться серьезно. А он доверил ее «чистильщикам» да зомби-легионерам.

– Я тоже об этом думаю, – признался Иван Терентьевич. – Существует только одно объяснение: он не собирался держать здесь «удава» долго. К тому же Герман способен через ментал определить координаты любой вещи, на которой остался отпечаток его психического взгляда.

– Веселенькая новость, – пробормотал Василий. – Значит, он все равно вычислит, где мы спрячем «глушаки»? А вы не можете как-то стереть этот пси-отпечаток? Наложить, так сказать, свое заклятие?

– Увы, мой друг, – грустно улыбнулся Иван Терентьевич. – Я всего лишь Посвященный I ступени, он же – на уровень выше. Я пытался, конечно, ослабил след в какой-то степени... посмотрим.

Василий кивнул, окончательно расслабляясь. Впереди ждала Рязань, встреча с Ульяной, и это примиряло его с необходимостью борьбы за право жить свободно.

НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Рыков прибыл на свой фильтрационный склад в Домодедове буквально через час после похищения контейнера с «глушаками».

Командир взвода охраны построил свое потрепанное подразделение отдельно от группы «чистильщиков», которым Рыков доверял больше, чем солдатам-зомби. И, как оказалось, напрасно.

– Кто подбирал кадры охраны? – спросил Рыков у сопровождавшего его Жанболатова.

– Это люди Щербака, – ответил глава безопасности «ККК». – Отобраны еще год назад. Серьезного ничего за это время не происходило, парни расслабились.

Рыков оглядел шеренгу «чистильщиков» в шесть человек, понуро глядящих в землю. Перевел взгляд на другую шеренгу, чуть длиннее, где стояли рослые, подтянутые, мощные бойцы-зомби, готовые выполнить любой приказ. Рядом на плащ-палатках лежали три тела – убитые неизвестными диверсантами зомбированные солдаты.

– Работали суперпрофессионалы... – начал было Жанболатов, но Рыков поднял руку, останавливая его, и скомандовал:

– Оружие к бою! Виновных в происшествии – расстрелять! Целься. Огонь!

Никто ничего не успел понять, даже Темир Жанболатов, готовый ради патрона пожертвовать если и не жизнью, то здоровьем.

Раздался треск автоматных очередей, шестеро «чистильщиков», успевших только разинуть рты и перевести взгляды с лица Рыкова на исполнителей приговора, легли на землю, прошитые каждый десятком пуль. Стало тихо. Жанболатов секунду спустя опомнился:

– Куда их, Герман Довлатович?

– Убитых похоронить под асфальтом, охрану вернуть на объект, – сухо ответил Рыков, поворачиваясь спиной к барaku, под которым прятался бункер с оружием. В кабине своего бронированного авто он посидел несколько минут с закрытыми глазами, бледнея от гигантских внутренних усилий – он хотел определить ментальные следы похитителей, но не смог и кивнул водителю:

– В Кремль.

В своем кабинете он пришел в себя, попил чаю с вареньем и подсел к компьютеру, зная, что и где будет искать. И в это время басовито прогудел криптофон. Звонил Юрьев:

– Кажется, вы облажались, Герман, как говорят герои американских боевиков. Где груз?

– Украли. Работала группа профессионалов, ведомая кем-то из Посвященных.

– Может быть, это люди Хейно? Или Грушина?

– Не похоже. Хейно вытравил бы все следы, так что и запаха Посвященного не осталось бы, здесь же пытались просто исправить полевые нарушения структур. Похоже, это кто-то из Посвященных I ступени.

– Соболев, Парамонов, Самандар?

– Самандар под контролем, он заинтересован подыграть мне. Соболев тоже сработал бы тоньше. Скорее всего контейнер захватил Парамонов, а помогал ему приятель Соболева Котов. Через пару часов я буду знать точно.

– Хорошо, жду сообщений. Учтите, все зависит от вас, Герман. Привлеките Голованя и Мурашова, вместе вы прорветесь в ментал и обнаружите утечку.

– Вы говорили с координатором?

– Бабуу дал согласие на передачу кодона.

– А с Носовым что?

– Разрабатывайте его сами. Вы еще не использовали весь свой потенциал, да и Самандар готов рискнуть. Так что действуйте, Генеральный Судья.

Связь прервалась. Рыков несколько секунд посидел с трубкой возле уха, раздавил ее в руке и снова сел за стол перед компьютером.

В числе прочих достоинств Дзиро Маюмура обладал одним хорошим качеством: он никогда не обижался на хозяина, которому служил в данную минуту, как бы тот ни раздражался. Получив от Носового нагоняй за провал операции с перехватом партии «глушаков», Маюмура тем не менее принялся выполнять новые задания босса Сверхсистемы с прежней тщательностью и невозмутимостью. Как человек Востока, он был философом и даже

убивал с философским спокойствием и отсутствием каких бы то ни было эмоций.

Хейно Яанович вызвал его в свою резиденцию на Арбате в субботу, пятнадцатого июня, велел захватить полную обойму сопровождения. Маюмура, никогда не считавший субботу праздничным днем или днем отдыха, выполнил приказ в точности, подъехав к дому на микроавтобусе «форд-гэлэкси» с двенадцатью бойцами своей команды «улаживания конфликтов». Маршал «СС» встретил его на этот раз, излучая флюиды нетерпения и удовлетворения, что для этого человека было совершенно несвойственно.

– Есть шанс реабилитировать себя за прошлую неудачу, – сказал он, тербя себя за пуговку носа. – Парамонов и Котов утащили у Рыкова контейнер с «удавами» и переправили его в Рязань. Отправляйся туда немедленно. Захвати Ульяну Митину, приятельницу этих двоих, и жди моего появления. Самостоятельных акций не планируй, можешь провалить все дело. Я появлюсь в Рязани завтра вечером, связь будем держать постоянно через «Интерспутник». Все понял?

– Куда спрятать девушку?

– Вот адрес, дом частный, имеет экранированный подвал. Если на вас после захвата девушки нападут, отбейтесь и уходите. Если сделаете все тихо, мы обменяем Митину на контейнер.

– Понял.

– Оружие и снаряжение возьмите ло классу «элит».

– А как же вы поедете один?

– Я поеду не один. – Носовой имел в виду отряд телохранителей-зомби, но помощнику знать это необязательно. – Поезжай.

Маюмура поклонился и исчез.

Хейно Яанович прошелся по квартире, потирая руки, потом бросил взгляд на часы и подсел к компьютеру. Наступало время сеанса связи с Грушиным, который уже находился в Рязани и следил за перемещением Посвященных I ступени. На этот раз осечка исключалась, Хейно Яанович не собирался упускать шанса отыграться. Судя по тишине в ментале, Рыков еще не знал о потере драгоценного контейнера.

ИГРА С ВЫБЫВАНИЕМ

Самандар приехал в Рязань на три часа позже Парамонова и Котова, но искать их не стал. У него созрела другая идея – выяснить все через Ульяну, которая наверняка знала, где похитители прятали «глушаки».

Приняв меры к тому, чтобы его не узнали потенциальные наблюдатели всех заинтересованных сторон – Юрьева, Носового и даже Рыкова, он спокойно отправился по адресу.

Ульяны дома не было, еще не вернулась с занятий, и Вахид Тожиевич, представившись тетке Ульяны, которая его не узнала, как «страховой агент», остался ждать девушку, для правдоподобия разложив на столе «документы». Анна Павловна, инстинктивно угадав не слишком добрые чувства гостя, отвлекать его разговорами не стала, лишь для приличия предложила чай. Самандар отказался, и она ушла на кухню, гадая, что могла застраховать Ульяна у столь серьезного агента.

Уля пришла в начале восьмого вечера, сразу определив, кто у нее в гостях.

– Вас не узнать, – сказала она весело, бросая сумочку на диван. Затем крикнула:

– Теть Ань, поставь цветы в воду.

Анна Павловна забрала из ее рук розы, и Ульяна, плеснув на лицо и руки воды, прошла в гостиную, вытираясь на ходу.

– Цветы случайно не Котов подарил? – спросил Самандар.

Ульяна улыбнулась, и у Вахида Тожиевича екнуло сердце – так была красива девушка. Но он тут же задавил в себе все чувства, мешающие выполнять задуманное.

– Это имеет значение?

– В общем-то, нет. Просто уточняю. И удивляюсь, неужели обыкновенный человек интересен Посвященной? Что у вас может быть общего?

Уля перестала улыбаться, снова крикнула:

– Теть Ань, поставь чай!

Внимательно глянула на вытянутое лицо-маску Самандара, типичное лицо страхового агента. Подумала, что она могла бы пройти рядом с Вахидом в толпе и не узнать его.

– Вопрос, конечно, интересный... но я не хотела бы на него отвечать. Что тебя еще интересует... в наших отношениях с Котовым?

– Меня ничего, но эти вопросы задаст тебе Собор Круга при очередном Посвящении.

– Когда это еще будет, – махнула рукой девушка. – Давай поужинаем, я голодна. Вино будешь? Шампанское?

– Нет.

– А я выпью, настроение хорошее.

Анна Павловна принесла на подносе овощные голубцы с рисом, бутерброды с красной икрой и с сыром, варенье, чай, и Ульяна, непосредственная, как девочка-школьница, принялась уплетать ужин. Чтобы не выглядеть смешным, Самандар позволил себе выпить чашку чаю с бутербродом. Тень Василия Котова бродила по комнате вместе с запахом роз и насмешливо поглядывала на угрюмую физиономию Вахида Тожиевича.

– Что тебя привело в Рязань? – спросила наконец Ульяна, насытившись и убрав посуду. – Соку налить?

– Не надо. – Самандар сел рядом с Улей на диван, внезапно подумав, что она находится сейчас в зоне абсолютной действенности приема: один удар – и...

– Выкладывай, что случилось.

– Многое случилось. Иерархи воюют между собой... Союз Девяти тоже готов взяться за оружие... Твой Котов украл мой шанс...

– Что украл Котов?! – удивилась Ульяна, не отреагировав на слово «твой».

– Контейнер с гипноиндукторами «удав». – Помедлив, Самандар принялся вводить девушку в курс дела. На это ушло минут десять. – Теперь ты знаешь все.

– Постой, постой, – проговорила пораженная услышанным Ульяна. – Рыков предложил тебе стать одним из Девяти?! И для этого ты должен...

– Убрать Носового и передать Рыкову те самые «глушаки», которые захватил Котов и привез сюда, в Рязань.

– А ты знаешь, для чего нужны «глушаки» Рыкову?

– Догадываюсь, – помолчав, сказал Самандар, понимая, что девушка не поверит, если он скажет «нет».

– А если догадываешься, зачем помогаешь ему? Он же устроит бойню! Через месяц после получения «удавов» вся власть в стране будет принадлежать ему. И дело даже не в нем, зачем тебе вообще соваться в Союз Девяти? Кардиналы Союза – страшные люди! Даже не из-за того зла, которое они несут своим вмешательством в события, а из-за холодной, неумолимой, равнодушной жестокости! Ты хочешь стать таким же?

– Не хочу, – покачал головой Вахид Тохиевич. – Социум нуждается в коррекции, и я хочу подлечить его, успокоить.

– Это как раз тот случай, когда лекарство опаснее болезни, – отрезала Ульяна. – Подлинное спокойствие может воцариться в социуме лишь при содействии тех, кто спокоен. Ты же обеспокоен соблазном стать вершителем судеб миллионов. Или я ошибаюсь?

– Ошибаешься.

– Тогда откажись от предложения.

– Нет, я слишком глубоко увяз.

– Ты изменился, Вахид.

– А ты не видишь глубин происходящего. Тебе известно, что Монарх готовит новое Изменение? Люди стали ему неинтересны. А иерархи сейчас разобщены. Сорвать планы Монарха можно, лишь объединив Союзы здесь, на Земле, в запрещенной реальности, и я мог бы это сделать, в будущем.

– Каким образом? Переделав непокорных с помощью «глушахов»? – Ульяна грустно улыбнулась. – Сорвать планы Монарха может только аватара. Но придет ли он в нужный момент, никто не знает.

– Ты отказываешься помочь мне?

– Не отказываюсь, но надо найти другой путь. А «глушаки» необходимо уничтожить, чтобы никого не манила перспектива применить их для исполнения своих властных замыслов.

– Тогда я вынужден... – Самандар не договорил, вдруг почувствовав изменение психофизических полей вокруг дома Ульяны.

– Кажется, что-то происходит, – среагировала и девушка, уловив дыхание опасности. – Думаешь, это за нами?

– Не думаю, уверен. Быстро вниз, в машину.

– Но мы можем позвонить друзьям, а этим внушить...

– Во-первых, держать под контролем всех мы не сможем, во-вторых, эти ребята носят генераторы защиты от гипнолуча, в-третьих, половина из них зомбированы, в-четвертых, они посланы за тобой.

– Почему ты так уверен?

– Потому что никто из моих друзей и врагов не знает, где я сейчас нахожусь. Оружие есть?

– Только силки да кухонный нож.

– Ладно, может, и так прорвемся.

– Давай я хоть Котову позвоню.

– Не теряй времени!

– Это займет не больше минуты. – Ульяна бросилась к телефону, одновременно подталкивая тетку к ее комнате. – Спрячься, тетя Ань, к нам непрошенные гости пожаловали.

– Рэкетеры, что ль?

Телефон Василия не отвечал. Ульяна дважды набрала номер, а когда собралась телепатически позвать Парамонова, в квартиру ворвались вооруженные люди.

Их было не меньше двенадцати человек, судя по дроблению негативного психоэнергетического цунами, рухнувшего на дом. Маямура привел сюда весь свой боевой отряд, не собираясь на этот раз попадать в ловушку, перекрыл проезды и подходы к дому, послал на крышу снайперов и занял все подъезды своими людьми. В атаковую труппу вошло девять боевиков, многие из которых владели рукопашным боем, а все вместе – любым видом оружия. Да и вооружены они были не хуже любого спецподразделения ФСБ или ГУБО – штурмовыми винтовками, пистолетами-пулеметами, гранатометами и кинжалами.

Но Маямура не учел двух обстоятельств: что девушка, которую ему приказали захватить, будет не одна, и что противники его – Посвященные Внутреннего Круга. Первая ошибка объяснялась тем, что главный телохранитель Носового никогда не был военным и не обеспечил наблюдение за квартирой объекта – Ульяны Митиной. Потому и приход Самандара оказался незамеченным. Вторая ошибка Маямуры крылась в его рациональном отношении к полученной от босса информации: он не верил в большие психофизические возможности людей Внутреннего Круга, хотя Хейно Янович и

предупреждал своего слугу. Сам Носовой никогда не демонстрировал свое превосходство, будучи человеком Круга, и у Маюмуры сложилось свое представление о силе Посвященных.

Поэтому, ворвавшись в квартиру, вооруженные до зубов боевики встретились не с ее хозяйкой, пусть даже и вооруженной автоматом – допускался и такой вариант, – а с бесшумным, смертельно опасным, стремительным, убивающим молниеносно демоном, которого невозможно было даже разглядеть.

Выглянув из гостиной в прихожую, Ульяна замерла. Такого Вахида Тожиевича она еще не видела! Это действительно был не человек, а демон, пробивающий людей насквозь, ломающий им руки, ноги, позвоночник, сворачивающий шеи, разбивающий головы, как арбузы!

Первая тройка боевиков, умело сорвавшая дверь с петель и вскочившая в прихожую, легла тут же, в течение секунды, не успев разглядеть своего противника. Вторая тройка ворвалась в квартиру по инерции, еще не поняв, в чем дело, но тоже была уничтожена за несколько мгновений. Не помогло парням ни знание приемов комба, ни владение оружием. Никто из них не успел спустить курок пистолета или автомата.

Третью тройку вел Маюмура. Он уже сообразил, что нарвался на засаду, но из докладов наблюдателей, следящих за окнами квартиры, знал, что девушку охраняет всего один человек, поэтому особого значения мгновенной гибели шестерых своих солдат не придал. Приказав оставшейся внизу тройке подняться, Дзиро, одетый в отличие от своих подчиненных в черное трико, бросил в бой основную тройку.

Он сделал все, что мог. Пока Самандар дрался с тремя оставшимися в живых бойцами резерва, Маюмура проскочил в гостиную, схватил притаившуюся там Ульяну за руку и ударом в подбородок послал в нокаут... хотел послать! Реакция Посвященной была на порядок выше его собственной, отточенной годами тренировок. Не помогло ему и знание приемов боя, чувство боя и боевой транс. Недаром мастера боевых искусств говорят: истинно готов тот, кто кажется ни к чему не готовым. Ульяна никогда не занималась борьбой, но она хорошо разбиралась в движении, в ритме сокращений человеческих мышц, в пластике мускулатуры и психики.

Каждое ее движение было естественным и гармоничным, она просто увертывалась, уходила от хватов и ударов, и Маюмура слишком поздно понял, что ничего не добьется. Когда он схватил девушку в лесу, во время прорыва окружения тех, за кем был послан, Ульяна не смогла сориентироваться и показать все, на что была способна, и Дзиро действовал теперь как тогда.

Он мог бы еще уйти – через окно, балкон и даже назад, через прихожую, но сделал ошибку, последнюю в жизни. Сначала он выстрелил в Ульяну из «глока-21» с глушителем, попав ей в плечо, а потом выхватил ампулу-шприц с усыпляющим веществом мгновенного действия. Больше сделать он ничего не успел, ворвавшийся в гостиную Самандар буквально снес ему полчерепа ударом конго.

– Уходим! Ты как?

– Нормально, – задохнувшись, ответила девушка, расширенными глазами глядя на труп японца и забрызганные кровью стены. – Я справлюсь, пуля в мякоти...

Самандар кивнул, прислушался к чему-то, бросил:

– Я сейчас, – и исчез. Из коридора донесся шум, вскрики, удары, автоматная очередь, затем все стихло. Через минуту появился Вахлд Тожиевич, забрызганный чужой кровью, и этот его вид снова заставил Ульяну побледнеть.

– Я... никуда... не пойду.

Самандар, не выходя из состояния боя, снова прислушался, вернулся в прихожую, вытащил из-под боевика штурмовую винтовку «НК G11», стал в гостиной за штору, несколько секунд всматривался в соседний дом, потом приоткрыл окно и сделал два выстрела. Бросил винтовку на пол.

– Уходим, сейчас сюда примчится ОМОН.

Ульяна покачала головой:

– Я с тобой... не пойду...

– Пойдешь, – глухо сказал Вахид Тожиевич. Поднял с пола ампулу-шприц, которой так и не успел воспользоваться Маюмура, и коротким движением воткнул девушке в руку.

Ульяна изумленно вскрикнула, потом ноги ее подкосились, и она опустилась на пол, не сводя гаснущего взора с лица Самандара.

– Прости, дорогая, киднеппинг – последнее дело, но мне нужен заложник, – тем же глухим голосом проговорил он. Затем взял девушку на руки, остановился у двери в спальню, откуда доносилась молитва Анны Павловны:

– Господи Боже Вседержителю, спасе всего мира! Сохрани и спаси раба своего и рабу свою Ульяну на всяком месте и на всяк час...

Открыл дверь:

– Ульяне требуется врач.

– Что с ней?! – всполошилась старушка, по лицу которой катились слезы.

– Жива, я в больницу. Скоро к вам приедет один парень... Василий Котов. Так вот скажете ему, чтобы ждал моего звонка.

– Как сказать? Кто был? Вы кто?

– Он догадается, – ответил Вахид Тожиевич уже из лифта.

Во дворе он прошел сквозь собравшуюся толпу жильцов к машинам, на которых приехала группа Маямуры, посадил Ульяну на заднее сиденье джипа «мицубиси» и выехал на улицу.

Вызванный кем-то из соседей Ули милицейский наряд приехал только через полчаса после его отъезда.

КЛАССИЧЕСКИЙ ОБМЕН

Дом, в котором они остановились, принадлежал троюродному дяде Ивана Терентьевича по отцовской линии и располагался на окраине Рязани, в ста метрах от Оки, на правом ее берегу. Василий сначала порывался поселиться в гостинице, но Парамонов уговорил его остаться.

Дом был, как и все дома частного сектора, деревянный, старый, без особых архитектурных прибаамбасов – мансард, фронтонов, башен, застекленных террас и веранд. Строили его почти век назад, но строили добротнo, и внутри он был просторен, светел и чист. Зимой в нем было тепло – хозяин оставил русскую печь, но добавил еще и водяное отопление, летом – прохладно.

Хозяев имелось двое – старики, доживающие век: Харлампий Игнатович Пресняков и Катерина Пафнутьевна, его жена; обоим давно перевалило за семьдесят.

– Что нам надо, – вздыхала сухая, но жилистая и сильная еще хозяйка с темными, почти без седины волосами. – Дети разъехались кто куда, внуки по городам живут, а мы тут зимуем. Свой сад, огород, коза, куры... все свое. Располагайся, мил человек, места всем хватит.

Василий оглядел комнату: кровать с горкой подушек, стол, большой сундук, этажерка с книгами, окно в сад, напротив окна – стена печки, на полу домотканые половички, на окне кактусы, на стене – репродукция картины Васнецова «Три богатыря». Уютно, чисто и располагает к полезным занятиям. Видимо, то была комната одного из сыновей Пресняковых.

– Ну, как устроился? – вошел в комнату Иван Терентьевич, раздвинув шторы на двери.

– Нормально, – отозвался Василий. – Давненько не спал в таких древних домах.

– Пошли, покажу подвал.

Вход в подвал начинался из сеней. Парамонов откинул квадратную деревянную крышку в полу, щелкнул выключателем. Внутри, на глубине двух метров, загорелся тусклый желтый свет.

– Бери контейнер.

Друг за дружкой они спустились по деревянной лестнице вниз, и Василий смог оценить размеры подвала.

Тянулся он метров на тридцать, то есть далеко за пределы дома, и стены имел кирпичные, потемневшие от времени. На одном из кирпичей стойки Василий заметил клеймо: «Саврасовъ и сынъ. 1904 г.».

– Кирпичу цены нет!

– Это уж точно, – откликнулся Иван Терентьевич. – Дед Харлампия здесь вино держал. Видишь, бочки остались.

– А вино что ж, выпили?

– Кое-что сохранилось, но этим же серьезно заниматься надо, а как дед помер, так виноделие в семье и захирело.

Парамонов обошел громадные бочки, замурованные в стене, открыл какую-то тяжелую, с виду – из дубового бруса, дверь, зажег фонарь и шагнул в темноту. Василий с некоторым трудом протиснулся следом.

Помещение было невелико, три на пять метров, и тоже казалось обложенным дубовым брусом, но Иван Терентьевич постучал по «брусу» пальцем, вызывая глухой массивный звук, и Василий с удивлением понял, что это металл.

– Сталь? Железо?

– Свинец.

– Зачем?!

Иван Терентьевич пропустил Котова вперед.

– Дед был не только виноделом, но еще и алхимиком. Здесь он ставил опыты, требующие защиты от дьявольских сил и чар.

Взору Василия предстал верстак с десятком пыльных старинных реторт, вычурных стеклянных сосудов, банок и спиралей. Кроме того, две стены подвала скрывались за полками с разного калибра горшками и банками. Все это хозяйство покрывал толстый слой пыли. Запахов особых Вася не учуял, но все же кое-какие флюиды еще витали в воздухе: следы кислот, щелочей, растворов металлов. Но основное мистическое впечатление оставляли не они и даже не сами аксессуары алхимической науки. Тишина – вот что было главным! Глухая, мертвая, абсолютная тишина!

Наблюдавший за Васей Парамонов кивнул.

– Свинец экранирует большинство излучений электромагнитного спектра. Ментальное, или, как говорят сейчас, спин-торсионное поле, – нет, но на общем фоне эффект очевиден. Здесь контейнер побудет какое-то время, пока мы не найдем способ его уничтожить.

Они вышли из алхимической лаборатории и словно окунулись в живой мир звуков, запахов и движения. Иван Терентьевич запер дверь, погасил фонарь.

– Я здесь провел лучшие пять лет своей молодой жизни. Может быть, именно эта таинственная келья и подвигла меня на Путь в Круг. Вы куда сейчас, Василий? Или отдохнете с дороги?

– Нет, покатаюсь по Рязани. Потом заеду к Уле.

– Может, потом заедете за мной и мы вдвоем поужинаем где-нибудь? Если, конечно, не помешаю.

– Отличная мысль. – Василий поднялся из подвала, вдохнул полной грудью. – Ох и воздух тут вкусный! – Помрачнел. – Я вот все думаю...

– Зачем Рыкову «глушаки»?

– Нет. Почему нам не захотел помочь Соболев...

Иван Терентьевич вышел из сеней во двор, где стояла машина Когова.

– Василий, не трогайте вы Соболева. Его судьба свертывается по этическому началу. У Матвея свой Путь, свои цели, своя линия жизни. Почему он должен заниматься тем же, чем вы или я?

– Но если добро бездействует, зло торжествует.

– Добро должно быть с кулаками, так?

– Примерно так.

Парамонов улыбнулся.

– Все далеко не так просто, как мыслится. Во-первых, зло многообразней добра, порой его градации отличить от нормы невозможно. Во-вторых, у зла тоже есть своеобразная этика, регулирующая его давление на жизнь людей. Вот, например, «глушак». Или «болевик». Носитель чего – добра или зла?

– Зла, конечно!

– Но ведь на самом деле «болевик» – колоссальный стимулятор и транквилизатор! Он способен стимулировать и раздражать не только центры «ада» в мозгу человека, но и центры «рая». То есть с его помощью можно получить как огромное страдание, так и огромное

наслаждение! И тем, и другим можно человека лечить. Виновзаты ли «гаушак» и «болевик», что их используют только в качестве оружия?

Вася молчал.

– Вот видите. – Парамонов дружески сжал его локоть. – Об этом мы еще побеседуем. Будьте осторожны в городе. Марауц похоронен, но остались его помощники, которые могли запомнить вас.

– Учту. – Василий нырнул в кабину и вывел «вольво» со двора. Через полчаса он был у Троицкого собора.

К дому Ульяны он подъехал в начале девятого и стал свидетелем работы следственной бригады милиции. Дом был оцеплен, во двор никого не пускали, даже жильцов. Предчувствуя недоброе, Василий небрежно сунул сержанту оцепления свою красную книжицу офицера безопасности и прошел во двор. Одного взгляда на трупы, складываемые у машины «скорой помощи», было достаточно, чтобы определить главное: здесь произошла крупная разборка между спецподразделениями двух каких-то силовых контор. Одну из контор Вася вычислил, увидев среди убитых Дзиро Маюмуру, телохранителя Носового. Второй конторой могла быть и «ККК», но так как в этом доме жила Ульяна Митина, Василий сделал вывод, что Маюмура пришел за ней. Однако одна Ульяна нанести такой урон банде не могла, кто-то ей помог.

– Страшное дело! – вполголоса заметил лейтенант-омоновец у входа в подъезд, жадно затягиваясь сигаретой. – Такого я еще не видел! Дрались жестоко! У каждого убитого либо сломана шея, либо перебит позвоночник, либо снесен череп!..

– Старший где? – спросил Василий, показывая свои документы.

– Наверху, квартира пятьдесят шесть... Ох и кровищи там!.. – Лейтенант опомнился, подтянулся. – Проходите.

В квартире Ульяны все говорило о жестокой схватке: кровь на полу и на стенах, разбросанное оружие, одежда, вещи, книги, поломанная мебель. По комнатам бродили эксперты-криминалисты, какие-то люди в штатском, всего человек десять, а один из них, молодой, широкоплечий, красивый, с пышными черно-седыми волосами, в хорошем костюме, беседовал в углу с Анной Павловной, теткой Ульяны, по лицу которой все еще струились слезы.

Не найдя тела Ульяны, Василий смог вздохнуть свободнее, хотя боль в груди осталась. Ему вдруг пришла в голову мысль, что здесь

был Самандар. Только он владел рукопашным боем такого класса, который позволял ему отбиться от любой вооруженной до зубов группы. И только он мог увести Ульяну из дома... или унести.

Улучив момент, Вася подошел к Анне Павловне, безучастно рассматривающей погром в квартире, сказал тихо, прижав палец к губам:

– Что здесь произошло, тетя Аня?

– Ой, Вася! – запричитала старушка, но спохватилась и понизила голос. – Ой, что тут было! Если бы ты видел...

– Где Уля?

– Унес он ее, сказал – в больницу надо...

– Кто?

– Да приходил один, важный такой, чернявый, страховым агентом представился, ждал Улю, пока не пришла. Не знаю, о чем они говорили, только потом банда ворвалась...

– Как он выглядит? Вы его раньше не видели?

– Высокий, строгий такой, черноволосый... Я не видела, как и что происходило, только слышала... ой, страшно-то как было! Ох ты, Господи, за что на нас такая напасть...

– Он ничего не говорил?

– Ничего... ой, прости ты меня, старую, запомнила. Когда уходил, сказал: придет Котов, скажите ему, чтобы ждал моего звонка. Я его спросила: кто, мол, передал? А он – догадается, мол.

– Спасибо, – глухо сказал Василий. Он окончательно поверил в свою догадку: здесь побывал Самандар. И самое главное, Улю он все-таки спас...

– Эй, кто вы такой? – подошел к Василию молодой седоволосый представитель власти, допрашивающий Анну Павловну.

Вася обернулся, протянул свидетельство офицера ФСБ. Седоволосый внимательно изучил книжечку, вернул.

– Прямо из Москвы, значит? Я подполковник Панкеев, отделение по борьбе с терроризмом местной конторы. Вы один?

– Скоро еще подъедут. Что говорят свидетели?

– Они говорят такое, что волосы дыбом! Якобы всю эту кашу заварил один человек. Перебил четырнадцать нехилых ребят, забрал девушку, которая тут проживала, и уехал на одной из машин бандгруппы.

– Ясно. Супермен, значит, объявился. – Вася вдруг заметил на полу стеклянный блик, подошел ближе, нагнулся. Это была пустая ампула-шприц для укрощения особо буйных пациентов психиатрических клиник, применяемая также и спецнами секретных подразделений.

– Что там? – спросил красивый седой подполковник, нагибаясь.

Бася не ответил. Окинул взглядом стены, пол гостиной, зашел в спальню и пошел к выходу. И в этот момент зазвонил телефон. Трубку снял один из людей в штатском, выслушал, обвел взглядом присутствующих:

– Кто здесь Котов?

Вася, уже спускавшийся по лестнице, вздрогнул, метнулся обратно, схватил трубку.

– Привет, ганфайтер, – раздался в мембране спокойный голос Вахида Тожиевича. – Ульяна у меня. Бери товар и приезжай, обменяемся.

– Какой товар? – опешил Василий.

– Не шути так, парень. Иван и ты сегодня привезли сюда контейнер. Он мне нужен. Возвращаешь контейнер – получаешь Ульяну. Но без глупостей!

Бася молчал.

– В чем дело? Не слышу.

– Я понял. Мне нужно посоветоваться.

– Советуйся. Через два часа я жду тебя с контейнером на втором мосту через Оку, в сторону Заокского. Но предупреждаю...

– Не пугай, мастер. – Вася бросил трубку на рычаг и, не оглядываясь, сбежал по лестнице на первый этаж.

Известие потрясло Парамонова настолько, что он пришел в себя лишь после того, как Василий в третий раз задал один и тот же вопрос:

– Что будем делать?

– Никогда не думал, что он способен на такое! – сказал наконец Иван Терентьевич горестно. – Видел, что Вахид меняется, ожесточается, что его заносит... но верил, что на предательство он не способен...

– Что будем делать?

Иван Терентьевич сдвинул лицо руками изо всех сил, растер щеки и превратился в бодрого и решительного человека.

– Я поеду к нему один. Со мной он не посмеет драться. Ты останешься здесь и...

– Нет, – перебил его Василий. – Поеду я, с вами он не станет договариваться, потому что вы один из Посвященных. Что будем делать с контейнером?

– Придется отдать. Или у тебя есть другая идея?

– Есть идея свернуть ему шею, – угрюмо процедил Василий, отметив, что Иван Терентьевич перешел с ним на «ты».

– Сделать это будет очень трудно. Хорошо, едем вместе. Он не посмеет сделать вторую подлость, после того как сделал первую.

– Что вы имеете в виду?

Иван Терентьевич исподлобья взглянул на Котова.

– Вахид может не отпустить Ульяну. Ему нужна гарантия, что мы его не тронем. Во всяком случае, пока он не вернет «глушаки» Рыкову.

– Я... убью... его! – с расстановкой проговорил Василий.

– Собирайся. – Парамонов похлопал его по спине. – Я – за контейнером.

Через полчаса они сели в машину, переодевшись каждый по-своему. Парамонов натянул дорожный костюм, а Василий надел спецкостюм, выданный ему в команде КОП. Не забыл он и «тюбетейку», рассчитывая на ее защитные свойства от возможной психоэнергетической атаки Самандара, если дело дойдет до прямого боя.

– У меня созрел план, – сказал Иван Терентьевич, когда они выехали за город. – Я высажу тебя у излучины напротив пристани, ты возьмешь лодку и спустишься к мосту. Там всего три километра, за пятнадцать минут доплывешь. Ровно в четверть одиннадцатого я подъеду к мосту. А там сориентируемся.

Василий помолчал, взвешивая плюсы и минусы плана, потом кивнул:

– Годится.

В полдесятого они остановились у Рязанской пристани, Иван Терентьевич вылез из машины и пошел искать лодку. Вернулся быстро.

– Заводи, подъедем к молу со стороны заводи. Там байдарочники пристали, путешествуют ребята. Балдеют у костра. Охраны никакой. Придется их обидеть, но другого выхода нет. Ну, с Богом?

– Иншалла! – шутливо отозвался Василий.

Он надел шлем с очками, проверил, как сидит амуниция, легко ли вынимается из поясного захвата «вебрь», махнул рукой и растворился в сгущающихся сумерках на фоне берегового откоса. Иван Терентьевич проводил его внутренним зрением, сел за руль и повел «вольво» обратно к дороге, объезжая пристань слева.

Василий легко нашел байдарки. Горе-путешественники вынесли их из воды, но не разобрали, оставили даже весла. Группа была неопытной, и даже инструктору не удалось заставить молоденьких ребят и девушек выполнять все законы маршрута.

Выбрав байдарку, Вася снес ее к воде и через минуту был уже далеко и от лагеря с костром, и от мола, и от пристани с ее суетой.

К мосту через Оку, о котором говорил Самандар, Василий доплыл за десять минут. Оставил лодку на берегу и пробрался на гребень берегового откоса сквозь заросли кустарника. Достал бинокль.

Мост освещался всего двумя ртутными лампами, и прибор для ночного видения не понадобился. Однако ни одной стоящей машины на мосту видно не было. Изредка в обе стороны проезжали грузовики или легковые автомобили, но ни один из них не останавливался. Озадаченный Василий повел биноклем вправо от моста и буквально наткнулся на чей-то острый, физически плотный взгляд. Он даже пригнулся, хотя в кустах ночью никто увидеть его не смог бы. Ощущение взгляда прошло, и Василий понял, что кто-то – вероятнее всего Самандар – оглядывал окрестности в ментальном, чувственно-психическом диапазоне, пытаясь обнаружить скрытное передвижение противника. Неизвестно, помогла ли «тюбетейка» замаскировать Василию его мысленную сферу, – он верил, что помогла, – но в его сторону больше никто не «смотрел». Зато Василий понял еще одну простую истину: незамеченным к мосту по берегу подобраться не удастся. Самандар занял где-то удобную позицию для наблюдения и легко вычислит лазутчика, как только Котов выйдет на открытое пространство.

Колебался Вася недолго. Еще раз осмотрев в бинокль шоссе по обе стороны от моста, он спустился к реке, вошел в воду и поплыл, не снимая шлема. Через несколько минут добрался до срединного бака, поддерживающего спину моста, бесшумно поднялся по скобам под форму, на которой держался настил пешеходной дорожки, и затаился,

обращаясь в слух. Мгновением позже пришла уверенность, что Самандар уже подъезжает в машине к мосту.

Послышался гул автомобиля, приближающегося с небольшой скоростью. Снова Василий ощутил темный, угрожающий ищущий взгляд, закрыл глаза, каменно твердея. Гул мотора стих, машина остановилась. Затем издалека прилетел звук мотора еще одной автомашины, и Вася узнал мотор своей «вольво». Звук стих. Парамонов остановил машину в полусотне метров от машины Самандара. Хлопнула дверца, раздались шаги по настилу.

Затем отворилась дверца машины, остановившейся неподалеку от места, где под мостом сидел, скорчившись, Котов. Тонкий аромат духов «Ма гриф» коснулся ноздрей. Самандар не обманул, Ульяна была с ним. Вася закрыл глаза. Пришла минута подготовки.

Он представил себе, что смотрит в настоящее из будущего, что настоящее стало прошлым. Определил, как будет действовать в дальнейшем и как будут выглядеть его действия из воображаемого положения «в будущем». Потренировался в способности видеть момент действия из будущего, воздействовать на возможный результат, сделать осознанным каждое мгновение.

Человек, вылезший из машины, захлопнул дверцу, медленно двинулся навстречу тому, кто вышел из «вольво» в начале моста. Василий подтянулся на руках, мягко перевернулся, так, чтобы ноги легли на край настила, и одним движением, в котором слились толчок, скольжение, кувырок назад, встал на ноги, мгновенно охватывая зрением панораму моста.

Джип с затемненными стеклами, в котором приехал Самандар, стоял в пяти шагах справа. Обычный человек вряд ли разглядел бы в кабине седока, но Вася находился в состоянии турийи, или меоза, то есть в состоянии просветления, боевого ментального озарения, и диапазон его зрения превосходил интервал зрения нормального человека. Ульяна сидела на заднем сиденье и, судя по ее неподвижности, спала или находилась под наркотическим воздействием. На появление Василия, похожего в своем спецкостюме на кибер-солдата, она не отреагировала.

Самандар, одетый в черную куртку и темные брюки, шел по направлению к машине Василия, из которой вылез Парамонов и двигался навстречу Вахиду Тожиевичу с длинным пеналом контейнера

в руке. Через несколько шагов они должны были встретиться. И тут Василий допустил ошибку. Ему следовало бы сесть в кабину джипа и просто уехать отсюда, спасая Ульяну. Вместо этого он поднял прозрачное забрало шлема и крикнул:

– Вахид! Я здесь!

В тот же миг ему показалось, что на голову рухнула железная опора фонаря.

БОЙ НА «КАЛИНОВОМ» МОСТУ

Он летел вниз, в черный дымный колодец, и не было конца этому падению...

Вспышками на фоне то скользких, покрытых плесенью, то пышущих жаром стен колодца мелькали искаженные лица не то людей, не то монстров с глазами насекомых...

Изредка торчащие из стен острые когти вонзались в тело, и тогда страшная боль раздирала Василия от макушки до пят, но кричать он не мог – во рту торчал не язык, а свинцовый кляп...

Наконец он достиг твердого дна и разбился на сотни и тысячи мелких стеклянных осколков, испытав последний и самый страшный приступ боли...

Однако вопреки ожиданию он не умер! Стеклянные осколки тела собрались в ажурный воздушный шар, и тот поплыл вверх, сквозь фиолетовую толщу воды к небу, свету и свободе...

Всплыл! И Василий испытал шок! Колодец и вода были только иллюзией, созданной воображением. Он лежал лицом вниз на асфальте и чувствовал себя так, как чувствовала бы пуля, вонзившаяся в толстую броневую пластину. Скачком вернулась память: его ударили сзади по затылку!.. Голова закружилась, острые кого-точки рванули глазные яблоки, впились в десны, в распухший язык... Нет, в него стреляли, в спину! Правда, попали почему-то в затылок... чушь!

Снова закружилась голова, волна слабости разлилась по телу, но Василий стиснул зубы и переборол этот приступ. Память вернулась окончательно.

В него действительно стреляли! Но не из обычного оружия. Самандар выстрелил в него из «болевика», то есть из генератора боли «пламя». Однако «тюбетейка» ослабила мощность луча и, по сути, спасла хозяину жизнь. Что ж, не зря он возился с генератором защиты целый год...

Василий скосил глаза на руку, с трудом отогнул манжету костюма, но определить по часам, сколько пролежал без памяти, не смог. Тогда он поднял голову и увидел, что Самандар все еще идет навстречу Парамонову! Обморок длился всего пять-шесть секунд.

Затем Василий отчетливо увидел движение Самандара. Вахид выстрелил с двух рук одновременно: из пистолета в правой руке и из «болевика» в левой. До Ивана Терентьевича оставалось метров пятнадцать, промахнуться было невозможно, и тем не менее Самандар промахнулся! Парамонов, владеющий мощным психофизическим потенциалом и надситуационной защитой – техникой уклонения от психического удара, просто отклонил взгляд Самандара, заставил его выстрелить по несуществующей цели. Однако долго этот поединок «И» – разумов-воль Посвященных – продолжаться не мог. Принципиальный противник применения огнестрельного оружия Иван Терентьевич не имел шансов выстоять против человека, равного себе по ментальной и психофизической силе, но вооруженного в ином, «мирском» плане.

Второй залп Самандара тоже ушел в пустоту. И в этот момент Василий встал на ноги, ощущая себя так, будто в теле лопаются сухожилия и крошатся кости, и перешел на темп.

– Вахид!

Самандар действовал моментально, выстрелив в Васю с полоборота, с двух рук, но и Василий не стоял на месте, также пустив в ход оружие – пистолет «вепрь». Две пули вошли в бок Вахиду Тожиевичу, еще две выбили из руки «болевик» и отбросили Самандара к перилам моста. Он успел выхватить еще один пистолет, но вторая, злая и точная, очередь прошла ему руку. Самандар уронил оружие, исчезнувшее под мостом, пошатнулся, держась за перила уцелевшей рукой.

По мосту проехала машина, замедляя ход, и Вася махнул водителю пистолетом: проезжай!

– Вахид, Вахид, – тихо проговорил Парамонов, подходя к бывшему приятелю.

– Ты же знаешь формулу: власть – это всегда охранение незнания! Тебе-то зачем нужна власть?

– Я не хочу ждать, пока Собор Круга решит, что я достоин быть в числе избранных, – сквозь зубы процедил Самандар. С губы его сорвалась капля крови, упала на руку, которую он прижал к груди.

– Рана серьезная? – нахмурился Иван Терентьевич. – Мы можем доставить тебя в больницу.

– Спасибо, обойдусь, – криво усмехнулся Вахид Тожиевич. – К тому же по человеческим меркам я вас предал...

– Каждый имеет право на ошибку.

– Но не Посвященный I ступени. Иван, не надо сантиментов, ты же понимаешь, что я бы убил вас не задумываясь...

– Иван Терентьевич, в машину! – крикнул издали Василий, вынося из джипа безвольное тело Ульяны.

– Прощай, – сказал Парамонов.

Самандар побрел прочь, остановился, когда мимо проходил Котов, и они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, потом Василий пошел дальше, хотя душа его горела и требовала мщения. Ульяна пришла в себя уже в машине, но была слаба, чтобы благодарить и вообще анализировать ситуацию. Она просто улыбнулась Василию одними глазами, когда тот размещал ее на заднем сиденье «вольво», и Васе было этого достаточно, чтобы почувствовать себя если и не на седьмом небе, то где-то поблизости.

Однако уйти победителями им не дали. Хотя, с другой стороны, могло все закончиться гораздо хуже: произошло очередное пересечение операций, и Посвященные разных уровней и групп помешали друг другу.

Парамонов услышал приближение опасности первым. Он вдруг перестал устраивать контейнер в кабине «вольво», замер на мгновение и, бросив:

– К нам гости! – рванул к оставленному Самандаром джипу. Василий, все еще не пришедший в себя от выстрела из «болевика» и потерявший поэтому на некоторое время свой природный дар интуитивного озарения, осознал опасность в момент ее появления.

С двух сторон шоссе на мост выскочили две знакомые Василию машины, джип «крайслер» и микроавтобус «синержи», резко развернулись, и на асфальт выпрыгнули такие же «кибер-солдаты» – люди в спецкостюмах, как и сам Котов. Это было подразделение КОП, высланное Рыковым.

На несколько мгновений установилась тишина, не нарушаемая даже отдаленным гулом автомобильных моторов. Василий сделал шаг навстречу первой цепочке «копов», узнавал Максима Усова и Бороду, Дмитрия Лыцова. Парамонов сел в джип, берясь за ручку переключателя скоростей.

Затем они начали действовать каждый по-своему.

Иван Терентьевич, двигаясь со скоростью, недоступной даже таким асам, какие были в КОП-команде, рванул джип в конец моста и ударом в бок сбросил микроавтобус с дороги, придавив двух замешкавшихся с высадкой пассажиров, шофера и командира группы полковника Каледина. Один из «копов» успел выброситься к бордюру пешеходной дорожки и открыл по джипу Парамонова огонь из «вепря». К нему присоединился шофер. Остальные «копы» пришли в себя не скоро.

Ситуация по другую сторону моста несколько отличалась от этой.

– Макс, это я! – крикнул Василий, срывая с головы шлем. – Что вы тут делаете?

– Огонь! – негромко скомандовал Темир Жанблатов, поднимая ствол «вепря».

Но его приказу никто не подчинился, во всяком случае, сразу. В «крайслере», подъехавшем со стороны Заокского, было всего четверо «копов» во главе с Жанблатовым, и из них лишь новенький, недавно принятый Калединым член отряда не знал Василия и открыл огонь. Но успел дать лишь одну очередь: затем пуля, выпущенная Василием из «вепря», попала ему в не защищенный забралом подбородок, и парень упал, все еще нажимая на спусковую скобу пистолета-пулемета. Очередь прошла багажник «вольво», прочертила дорожку в асфальте моста и заглохла в боку Бороды. Лысцов с недоумением оглянулся и упал рядом.

– Не стреляйте, черт вас возьми! – крикнул Василий, все еще не определивший, как себя вести в этой ситуации. – Где полковник? Давайте объяснимся.

– Темир, это же Котов, – неуверенно проговорил Усов. – Мне никто не говорил, что он...

– Огонь! – ударил его в бок ногой Жанблатов и дал длинную очередь крест-накрест, перечеркивая ставшую вдруг зыбкой двоящуюся фигуру Котова. К его стрельбе добавилась и очередь Усова, хотя и не прицельная, но такая же опасная.

В тот момент Василий не знал, что спасла его Ульяна, постепенно приходящая в себя. Ее рапорт подействовал на сознание «копов», и они теперь стреляли на метр в сторону, туда, где видели противника. А

потом Василий, преодолев наконец приступ слабости и нерешительности, вошел в темп.

Максиму Усову он прострелил руку и вывел из строя. С Жанболатовым же схлестнулся уже в ближнем бою, достав его в тот момент, когда тот менял в пистолете магазин.

Бой был скоротечным. Темир Жанболатов хорошо владел оружием, в том числе и холодным. Он вспорол Василию комбинезон на спине острейшим тесаком, однако приемы рукопашного боя знал в объеме не выше третьего дана карате и, дважды пытаясь атаковать Котова прямым кири-коми, на третий раз нарвался на ука-кимэ итиё, и жалеть его Вася не стал, придавая ответу смертельную силу космек.

Не дожидаясь развязки боя, Василий метнулся на помощь Ивану Терентьевичу, джип которого сбил одного из «копов», но подскочил на бордюре и опрокинулся набок, едва не проломив перила моста. Вася успел как раз к моменту, когда бойцы КОП сменили магазины в своих «ТП-95» и открыли огонь по кабине джипа с двух сторон, превратив ее в дуршлаг.

Одного Василий ранил выстрелом в ногу, у второго выбил из руки пистолет, не собираясь его убивать. Это был Вахтанг Гургенидзе, классный минер и подрывник, хороший стрелок из лука и арбалета.

– Уходи! Забирай Костю и уходи, пока жив!

Раненный в ногу Сергей Лямин поднял «вепрь», но Василий опередил его, целясь в руку. Лямин отшатнулся и упал. Но не от выстрела Василия. Стреляли из-за спины, откуда-то с берега, из мощной снайперской винтовки типа «SIARM-650» калибра 14,5 миллиметра. Пуля попала Лямину прямо в затылок, пробила шлем и разнесла на выходе все лицо. Затем упал и Гургенидзе с пулей во лбу, разбившей забрало шлема.

Парамонов, высунувшись из кабины джипа, посмотрел в ту сторону, напрягся. Сказал Василию, едва двигая губами:

– Беги, быстрее! Я их подержу.

– Я сейчас обойду их берегом и...

– Беги! Спасай Улю. Это личная команда зомби Носового! Он тоже где-то неподалеку...

– Уйдем вместе, успеем...

– Беги!

Василий скрипнул зубами и бросился к своей машине, чувствуя, что сил на поддержку сверхскоростного режима уже не хватает.

Он вскочил в кабину «вольво», встретив взгляд ожившей Ульяны. Не удержался, поцеловал ее в губы. Потом завел двигатель, подал машину влево, объезжая «крайслер» КОП, и остановился, услышав какой-то гул. Высунув голову в боковое окно, увидел зависший над мостом вертолет. Озарение пришло мгновением позже: прилетел Хейно Янович Носовой собственной персоной. Застыв, Василий смотрел на вертолет как сквозь слезы, потом ругнулся беззвучно и выскочил из машины, стремительно набирая темп.

Он знал, что КОП всегда возила с собой целый арсенал и знал также, что и где искать. Вскочить в джип Жанболатова, вытащить из-под заднего сиденья плоский ящик с оружием было делом одной секунды. Еще одна секунда ушла на зарядание гранатомета «скорпион» кумулятивным зарядом и две секунды – на прицел и выстрел.

Затем Василий с плеском нырнул в темноту беспомощности, получив мощнейший шоковый пси-удар от Носового. Но Хейно Янович, отвлекшийся на борьбу с Парамоновым в ментальном поле, опоздал со своей реакцией на действия Котова. Граната калибра пятьдесят два миллиметра, способная пробить кирпичную стенку толщиной в триста миллиметров или железобетонную в двести, вошла под углом в днище вертолета и взорвалась внутри, оторвав Хейно Яновичу руку. Вертолет клюнул носом, задел винтом осветительный столб и рухнул на перила моста, переваливаясь в воду. Взорвался он уже под мостом.

Но ничего этого Василий уже не видел и не слышал. Не увидел он и того, как Парамонов подхватил его на руки, перенес в машину и умчался прочь от места боя, к которому уже с воем мчались из города машины милиции и ОМОНа, поднятых по тревоге.

Все это время – время боя Котова и Парамонова с командой КОП, а затем с отрядом зомби Носового и с ним лично – Самандар провел под мостом. Вахид Тожиевич знал, что Носовой идет по его следу и вот-вот настигнет, поэтому и подготовил встречу с Котовым таким образом, чтобы, подставить его под удар Хейно Яновича, но немного не рассчитал время встречи. Впрочем, все закончилось для него неожиданно хорошо, даже лучше, чем если бы в бой вмешался он сам.

Вахид Тожиевич был не настолько серьезно ранен, к тому же мог свободно «защитить» себя сам, но вмешаться в бой и помочь бывшим соратникам по борьбе с Монархом Тьмы он и не подумал.

ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ

Они нашли его в двух километрах от места событий. Хейно Янович Носовой, потерявший руку при взрыве гранаты и глаз при взрыве вертолета, получивший множество ранений, большинство из которых были бы смертельными для нормального человека, все-таки выбрался из развороченной кабины, проплыл под водой сто метров и выполз из Оки на противоположный топкий берег в районе плавней. Мало того, он успешно залечил некоторые открытые раны, остановил кровь, хлеставшую из артерий предплечья, и срастил сломанные ребра, мешающие ему дышать. Если бы у него было достаточно времени, он наверняка бы восстановил свой организм полностью. Но времени ему не хватило.

Рыков и Юрьев, примчавшиеся к месту происшествия со своими обоймами спустя три часа, обнаружили Хейно Яновича по его энграмме – психическому следу, оставленному борющимся за жизнь подсознанием Носового на местности. Следов на мосту вообще-то было оставлено много, однако разбираться в них временным союзникам в борьбе за власть было недосуг, да и сильно мешали подразделения милиции и следственных органов. Главное, что поняли двое из Девяти: здесь произошел бой между Посвященными, в результате которого контейнер с «глушаками» снова исчез. Но далеко отсюда его перевезти не могли, контейнер прятался где-то на территории Рязанской области.

– Привет, маршал, – сказал Юрьев, оглядывая раненого, который в свою очередь пристально разглядывал их уцелевшим глазом. – Кто это тебя так?

Носовой молчал.

Юрий Венедшегович оглянулся на мост через Оку в двух километрах отсюда, освещенный прожекторами милицейских «уазиков».

– Недалеко ты ушел, маршал. Что ж не помогли твои «эсэсовцы»? Плохо инструктировал? Вон у Германа люди научены по-другому.

Рыков, стоявший за спиной Юрьева, в свою очередь взглянул на мост, на цепочку своих зомби-«чистилыщников», охраняющих тылы, на

группу поддержки Юрьева из семи человек, державшуюся в стороне, которой командовал Валерий Шевченко, и ничего не сказал.

– Где контейнер? – задал он наконец вопрос после продолжительного молчания.

– У Котова, – хрипло проговорил Носовой.

– У Котова? – удивился Юрий Венедшегович. – Ты хочешь сказать, что с тобой справился обыкновенный воинственный мальчишка, непосвященный?

– Ему помогли...

– Кто, если не секрет?

– Посвященные I ступени. Парамонов... Самандар...

– Самандар? – поднял голову Рыков. Носовой мстительно усмехнулся.

– Что, думал, он на твоей стороне? Ошибаешься, Судья. Контейнер был у него... а теперь у Котова. Ищи, если найдешь.

– Найду, – равнодушно сказал Рыков. – Ты мне помешать уже не сможешь, а с Парамоновым и Самандаром я справлюсь.

– Ну-ну, хотелось бы поглядеть. Как в той поговорке: не хвались, идучи на рать...

К Рыкову подошел один из его телохранителей, сказал, понизив голос:

– Из девятки КОП в живых осталось четверо, все они под охраной ОМОНа отправлены только что в Рязань.

– Каледин?

– Жив, но тоже отправлен вместе со всеми.

Рыков думал недолго.

– Всех ликвидировать! Без особого шума. В руки федералов они попасть не должны. Бери своих и перехвати колонну до Рязани. Успеешь?

Телохранитель кивнул, дал команду по рации, и группа Рыкова растаяла в ночи.

Носовой хрипло, с кашлем, засмеялся.

– Лихо ты расправляешься со своими подчиненными! Не оправдали надежд? Правильно – в расход! Зачем лишние свидетели? Они опасны не только президенту.

– Прощай, Хейно, – тихо проговорил Рыков.

Носовой перестал смеяться, поднял уцелевшую руку, словно пытаясь защититься, но бессильно уронил и затих. Юрьев вытащил из кармана куртки гипноиндуктор «удав», направил в лоб Хейно Яновичу. Тот презрительно скривил губы.

– «Глушаком» меня не возьмешь, Юрий Бенедиктович. Надо бы чем-нибудь помощней.

– Это не просто «глушак», – сказал Юрьев. – Это суггестор, модулированный кодоном.

Глаз Носового раскрылся шире, засветился по-кошачьи.

– Так вот зачем вам понадобились «удавы»? А я-то ломал голову.. Не боитесь качать вакуум такими игрушками? Вдруг услышит Монарх? Ведь это его игрушки? Как они, кстати, попали сюда? Уровень кодона – уровень иерарха...

– Ты прав, кодоны достал Кресло и отвечает за их применение он. Прощай, Хейно...

– Подождите, давайте договоримся! – С губ Хейно Яновича слетела трасса голубых искр, вонзилась в грудь Юрьева, но тот уже нажал на спуск... и ничего не произошло! Только тело Хейно Яновича скрутило, выгнуло, как от электрического разряда. Отпустило. Он застыл, расслабился, открыл рот... Юрьев нагнулся к нему, встретил бессмысленный взгляд единственного глаза и выпрямился.

– Не сработал? – тихо спросил Рыков.

– Пошли. – Юрьев спрятал «глушак», повернулся и зашагал прочь по бурьяну, обходя овраг, туда, где стояли их машинки.

– А он? – догнал Юрия Бенедиктовича Рыков.

– Кодон фрустрирует личность, – буркнул Юрий Бенедиктович. – Разум Хейно покинул его, физически убивать его нет смысла.

В кабине второго рыковского «крайслера» они посидели несколько минут молча, думая о своем. Потом Юрьев достал плоскую фляжку, хлебнул, протянул соседу:

– Глотнешь? Коньяк.

Рыков покачал головой, и Юрьев спрятал фляжку.

– Итак, приходится решать проблему заново. Как же твой хваленый Самандар оплошал-то?

– Хейно солгал. Вахид – слуга реальности, он, может быть, и отдал контейнер Котову, но лишь после поражения в борьбе, а не

добровольно, по договоренности. Слишком сильно он увлекся идеей вхождения в Союз.

– Зачем он тебе нужен? Ты же не собираешься всерьез вводить его туда?

– Самандара лучше видеть в числе союзников, а не врагов. Он мне еще понадобится, особенно для нейтрализации Ивана Парамонова.

– Котова ты в расчет не берешь?

– Котов без Парамонова и вообще Посвященных – ноль...

– Однако твою КОП-команду уметелил за милую душу. Сдается мне, ты его недооцениваешь. Ладно, какие предложения имеются?

– Сначала найти этих двоих, уничтожить и забрать контейвер. Потом захватить детсад...

– Зачем? – хмыкнул Юрьев.

– Нам нужен Соболев, так? Захватим детсад и объявим ультиматум, мол, меняем заложников на Соболева. Он согласится, а там – один выстрел из «глушака» с кодоновой модуляцией, и он наш!

– Весьма своеобразное решение. Не проще ли все же захватить его семью? В случае детсада может произойти огласка, вмешаются федералы, ОМОН...

Рыков щелкнул каким-то рычажком на панели управления «крайслером», горящий в окошечке номер А-ООЗКК сменился на другой: М-111МН.

– Что это? – полюбопытствовал Юрьев.

– Новинка одной из наших лабораторий – жидкокристаллический номер на машине. Не надо менять в случае чего, скомандовал с пульта – появился новый номер.

– Хорошие головы сидят в наших лабораториях. Ну так что?

– Идея похищения семьи слишком стандартна. Боюсь, Соболев предпринял защитные меры.

– А мы не полезем на рожон, сначала выясним. К тому же он один, нас двое. А если еще привлечь Кирилла и Виктора...

Рыков тронул машину с места. Две остальные машины, набитые отрядами телохранителей, двинулись следом, не включая фар.

Светало. Стали видны домики Заокского, сады, холмы за рекой. Над водой поплыли языки тумана.

Объехав стороной мост, где продолжали работать следственные бригады МВД и ФСБ, не пропуская выстроившиеся в очередь

автомобили, машины Рыкова и Юрьева повернули к Рязани.

В понедельник, семнадцатого июня, в двенадцать часов дня, к дому, где жили Сумароковы, подкатила незаметная серенькая «шестерка» с двумя пассажирами.

Несколько минут пассажиры сидели в кабине, рассматривая двор, играющих детей, автолюбителей, возившихся возле гаражей, потом тот, что сидел на месте водителя, кивнул соседу:

– Это он.

Пассажир «шестерки» вышел из машины и приблизился к играющим в футбол мальчишкам, крикнул:

– Стас?

Один из футболистов оглянулся, замедлил бег, остановился, пытаясь узнать того, кто его окликнул.

– Стас, подойди, – махнул рукой мужчина в строгом синем костюме, с галстуком и, когда парень подошел, спросил:

– Ты меня не узнаешь?

– Не-а, – покачал головой Стас, не видя, как водитель «шестерки» достает черный пистолет, наводит на него и стреляет.

Ноги у мальчишки подкосились, и он непременно упал бы, если бы мужчина в синем костюме не поддержал его.

– Я друг твоего папы, – с расстановкой сказал мужчина. – Меня зовут дядя Юра. Вспомнил?

– Вспомнил... друг... – еле слышно прошептал Стас. – Вспомнил... друг...

– С твоим папой случилась беда, надо сообщить маме и ехать к нему.

– Беда?! С папой?! – Из глаз мальчика брызнули слезы. – Поехали! Я сейчас позову Крис.

Мужчина едва успел схватить его за руку, проворчал подошедшему водителю:

– У него гиперреакция на внушение. Все тихо?

– По всем векторам нули, за домом никто не следят. Даже странно, что все так тихо.

– Идем за его матерью, пока мы контролируем ситуацию.

– Она не его мать. Стас – приемный сын.

– Какая разница? «Глушак» на всякий случай прихвати, кто знает, как отреагирует жена... на «друга» семьи.

Втроем с мальчишкой они зашли в подъезд, поднялись на третий этаж и позвонили в обитую коричневым дерматином дверь, где жили Сумароковы: отец, мать и бабушка Кристины. Дверь открыла сама Кристина, но понять ничего не успела, раппорт Рыкова заблокировал ее сознание с ювелирной точностью, подавив волю, но оставив слабую реакцию на концентрированные смысловые поля.

— Крис, там с папой беда! — закричал было Стас и замолчал, стиснутый раппортом Юрьева.

Глаза Кристины расширились, ее подсознание, тренированное Матвеем, пыталось освободиться от наведенного психофизического состояния, однако мысле-воля Рыкова была сильнее.

— Пойдемте вниз, в машину, — сказал с максимальной доброжелательностью Герман Довлатович. — Ваш муж попал в беду, ему нужна помощь. Возьмите одежду и выходите, мы подождем.

Кристина кивнула, деревянно повернулась и зашла в квартиру. Там заговорили женские голоса: мать женщины и бабушка спрашивали, что случилось. Усилием воли Рыков взял их мыслесферы под контроль, голоса стихли.

Через минуту вышла Кристина, одетая в джинсы и блузку свободного покроя, с сумочкой в руках. Глаза ее были полужакрыты, губы что-то шептали, лицо быстро менялось, бледнело.

— Быстрее! — как бичом щелкнул голос Юрьева. Все четверо сбежали вниз, сели в машину, и в тот же момент Кристина потеряла сознание. Мальчишка еще держался, но был как пьяный, то закатывал глаза, то начинал плакать.

— У нее тоже гиперреакция на внушение, — сказал Юрьев. — Не нравится мне это. Гони, парни засекли какого-то незнакомца на «мерсе», едет в нашу сторону. А береженого Бог бережет.

Рыков спокойно выехал со двора, и тотчас же группа наблюдения и поддержки, подготовившая этот поход, посыпалась в машины, расставленные вокруг дома, приводя в действие стандартный план отсечки погони. Но погони не было.

Матвей Соболев находился в этот момент далеко отсюда, не в Рязани или в Москве и даже не в Санкт-Петербурге, он был в Испании, в местечке, известном под названием Метеора.

Василий Котов же с Парамоновым и Ульяной отходили после боя на мосту, не слишком прислушиваясь к эфирному эху событий,

происходящих в Рязани. Похищение семьи Соболева осталось незамеченным.

БХУДЖАНГАСАНА

Юрьев не стал дожидаться финала поисков контейнера в Рязани. Сославшись на важные дела, он оставил Рыкова с семьей Соболева за городом, на теплоходе «Максим Горький», принадлежащем администрации президента, и уехал в Москву.

С одной стороны, дела его и в самом деле ждали, с другой – Юрий Бенедиктович не слишком жаждал контакта с Матвеем Соболевым, оценив его потенциал еще при встрече в Питере. А еще у него был тайный расчет на нейтрализацию Рыкова, который шел к намеченной цели семимильными шагами.

Конечно, можно было отправить Германа вслед за Носовым в «область смыслового хаоса», превратить с помощью кодона в идиота, но кодон работал не как фильтр, постоянно модулирующий излучение «глушака», а как разовый контур и был рассчитан всего на три импульса. Во всяком случае, именно так объяснил его действие Бабуу-Сэнгэ, передавая пульсирующий, теплый, шелковистый на ощупь, буквально живой «желудь» кодона Юрьеву.

– Это копия, – сказал он. – Матрица кодона остается у меня. Уровень данной копии – Эхейх-Гамчикот, если вам это что-то говорит.

Юрий Бенедиктович кивнул. Он знал, что кодон может реализовать пять уровней одной из девяти Сил подчинения, Сил Бога, как их называли. Уровни были зашифрованы текстами каббалы под названиями: Чай-гидиель – Дьявольская Мудрость, Сатариял – Дьявольское Понимание, Гамчикот – Дьявольское Милосердие, Голаб – Дьявольская Жестокость и Тогарини – Дьявольская Красота. Последний уровень был самым мощным и неотразимым и в то же время опасным для обладателя.

– Как только получу «удавы», вы получите кодоны всех уровней, – добавил настоятель Храма Гаутамы. – Надеюсь, это произойдет скоро.

И Юрьев проглотил обидный тон реплики.

Вернувшись в Москву, он встретился с Блохинцевым, который не рискнул участвовать в прямых разборках с Посвященными, обменялся с ним информацией и стал ждать известий из Рязани. Но вечером в тот

же день с ним связался Бабуу-Сэнгэ, причем не по телефону через спутниковую связь, а через ментал!

Откровенно испуганный Юрий Бенедиктович открыл свой личный пси-канал, защищенный каскадом виртуальных энергетических уплотнений.

«Бабуу, вы?! Что случилось?»

«Соболев ищет эйнсоф!»

«Откуда вы... не может быть! Он же не знал. Сведения проверены?»

«Не отвлекайтесь на пустые эмоции. Соболев свободно ходит по менталу, не хуже нас с вами, несмотря на пороговый запрет. Он ощупал почти все храмы и соборы на всех континентах, сейчас он в Метеоре...»

«Где?!»

«Я же сказал, отключите свою эмоциональную сферу. Он был в Метеоре, где проходил Большой сход координаторов всех Союзов Неизвестных, и теперь знает о цели схода».

«Откуда у него сведения об эйнсофе?»

«Скорее всего от Хранителей, они ему почему-то благоволят. Но зная о существовании „зоны пересечений миров“, он не ведает ее координат. Пока. Если узнает и доберется туда – произойдет новое Изменение реальности, и боюсь, нам в той новой реальности не будет места».

«Значит, надо, чтобы он не добрался».

«Перехватите его во что бы то ни стало! Вы еще не использовали кодон?»

«Один раз».

«Кто?»

«Носовой».

Недолгое молчание в эфире ментального поля.

«Хорошо. Соболев взял билет на самолет Мадрас – Рим – Париж – Москва. Вылет в десять утра по Москве».

«Может, не стоит торопиться с перехватом? У нас его семья».

«Какого дьявола?! Извините. Чья это идея?»

«Рыкова. Но я поддержал».

«Я лечу к вам, ждите. Если с семьей Соболева что-нибудь случится, мы проиграли!»

«Я так не считаю. Заложники всегда были инструментом давления, и, смею вас уверить, неплохим инструментом».

«Вы не понимаете. Соболев – незавершенный аватара, одно из воплощений Будды, если хотите. На пределе воли он способен инициировать эйнсоф даже на расстоянии... правда, он этого не знает».

«Что же делать?»

«Пора принимать бхуджангасану».

Юрьев понял. Принять позу змеи в символическом смысле означало принять стойку для нанесения удара.

«Что должен делать я?»

«Немедленно приступайте к разработке плана уничтожения всех трех эйнсофов, одного на нашей территории, двух других в Египте и в Австралии. Нужны точечные ядерные удары по соборам и храмам. Носитель – ракета класса „земля-земля“, но в принципе удар можно нанести и с воздуха, с самолета, и с подводной лодки. У вас есть связи во всех военных сферах, рассчитайте доступ, прикиньте, кого надо запрограммировать... короче, нужен детальный план».

«Но ведь эйнсоф разрушить нельзя...»

«Мы уничтожим соборы, города, точные координаты эйнсофов будут потеряны, а радиация в месте удара не позволит Соболеву какое-то время бродить по руинам. Мы же, собравшись вместе, нейтрализуем его. Все поняли?»

Юрьев, ошеломленный перспективой, молчал.

«До встречи, – добавил Бабуу-Сэнгэ. – Я пошлю своих людей на его перехват сам. Не отвлекайтесь. Давайте план».

Канал связи через ментальное поле Земли истончился, растаял.

Юрий Бенедиктович, сидевший дома в своем любимом кресле перед телевизором, так и остался в позе ослепленного жутким видением человека. Потом стряхнул оцепенение и перешел в кабинет, где стоял компьютер. Бабуу сравнил план уничтожения эйнсофа с позой змеи, готовой к броску, но Юрьев далеко не был уверен, что сможет принять бхуджангасану. Ворочая миллионами, управляя коллективами людей, властными структурами, он не был готов к личному участию в напряженном действии. Жить хотелось без особого риска, нажимая на рычаги управления государством издали,

дистанционно. Умирать должны другие, но не Посвященный II ступени, добравшийся до заветной цели – власти.

ПЕРЕХВАТ ПОСВЯЩЕННОГО

В парижском аэропорту в самолет сел какой-то монгол или калмык, и Матвей сразу обратил внимание на его поведение: пассажир явно находился под наркотическим трансом или же был болен синдромом «вечеров коктейлей», характерным признаком которого является атаксия – нарушение координации. Матвей попытался мысленно прозондировать его, но с удивлением натолкнулся на умелый блок, пробить который с первого раза не удалось.

Тогда Матвей сел в кресле удобнее, закрыл глаза и приступил к дыхательной медитации. Расслабился, успокоился. Замедлил дыхание. Вдох – пять секунд, выдох – десять. Кашлянул, снимая напряжение. Ничего, это нормально... это естественно... Вдох – выдох... вдох – выдох... Начал слышать звуки внутри себя, несмотря на гомон и суету посадки... хорошо...

Кто-то коснулся руки... стюардесса! Матвей остановился на дороге, ощутив беспокойство. Черт, сбился с потока! Придется все сначала...

Оставаясь неподвижным, он «оглянулся» вокруг. Появилась иллюзия игры света на воде... очаровательно! Умненький объект попался, не хочет раскалываться... возвращаемся к дыханию... вдох – шесть секунд, выдох – двенадцать...

Появились странные огромные летящие птицы, роняющие яйца в океан... Кала-ханса, Птица вне времени и пространства, центральный персонаж индийской мифологии... это узел напряжения, надо отстроиться от него... Вдох – выдох... птица бледнеет, остается чистый голубой фон свечения...

Голова становится легче, светлее, увеличивается в размерах – это расширяется сознание... хорошо, идем дальше...

Продолжая следить за дыханием, Матвей воспарил над Миром и одновременно заполнил собой Мир изнутри. Включился третий глаз. Вот он, объект беспокойства – гигантский кочан капусты с тлеющим угольком внутри. Огонек – деструктивная программа в сознании монгола... нет, все-таки калмыка, а капустные листья – чужой блок. Так, теперь осторожненько развернуть «капусту»... Что там внутри?

Удар по нервам был не слишком сильным, но неожиданным, заставив Матвея сжаться и отступить. Однако кое-что понять он успел.

Калмык был кем-то послан, не важно – кем, для того, чтобы просто взорвать самолет в воздухе. Вместе с собой. Этот мужчина являлся запрограммированным камикадзе, имея под костюмом два жгута пластиковой взрывчатки, способной разнести лайнер на куски.

Почувствовав тошноту и слабость, вспотев, как в бане, Матвей отступил еще дальше, стараясь не спугнуть дремлющее сознание пассажира, настроенное на выполнение приказа. Надо было подумать, как обойти сторожевую команду.

Самолет пошел на взлет. Стюардесса снова продефилировала мимо Матвея, поглядывая на «уснувшего» пассажира, но на этот раз не тронула.

Продолжая дышать в замедленном ритме, Матвей отстроился от всего, что мешало, даже от мыслей, и снова принялся шевелить «капустные листья», уворачиваясь от шипящих «гадюк», подстерегающих его в глубинах психики запрограммированного. Огонек в центре «капусты» стал ярче, и как только последний «лист» был развернут, Матвей послал «нежный» импульс умиротворения и расслабленности.

«Успокойся, все хорошо...»

Калмык (нет, все же бурят, зовут Алаг Дагдаган, шестьдесят шесть лет, монах из Храма Гаутамы, посланник Бабуу-Сэнгэ) успокоился.

«Все хорошо... все отлично... теперь ты должен встать...»

Пассажир щелкнул пряжкой ремня.

«Иди в хвост самолета... так надо! Не волнуйся...»

Бурят послушно направился в хвостовую часть «бо-инга».

«Спускайся вниз... все хорошо, ты идешь выполнять задание, ради которого прибыл... не обращай внимания на стюардессу, она работает, выполняет свои обязанности...»

Частью волевого потока Матвей вошел в сознание стюардессы, приказал ей вернуться в салон и забыть о пассажире с ликом Будды.

«Спустился? Хорошо... мы делаем все правильно... не спеши, иди дальше... здесь есть люк... ищи люк...»

Монах, озираясь, застыл посреди грузового отсека, заставленного стеллажами и контейнерами, нашел овал аварийного люка.

«Молодец, как здорово ты все понимаешь... подойди, сейчас мы с тобой выполним задание и получим награду... получим награду... ну, конечно, наградой будет нирвана, слияние с Пустотой, с Ним!.. Берись за кремальеры, поворачивай... держись... теперь дерни люк за ручку на себя и в сторону... прыгай!»

Монах Дагдаган послушно сделал шаг в пустоту, и в ту же секунду откуда-то извне пришла команда, ощутимая Матвеем как вспышка бледного алого сияния. Тот, кто контролировал посланца, приказал ему взорвать мину. Монах послушался, но взрыв произошел уже в полусотне метров от «боинга», слегка подбросив его хвост воздушной волной.

В салоне закричали пассажиры, самолет пошел на снижение, хотя летчики ничего еще не поняли. Разгерметизации не произошло, самолет еще не успел набрать рейсовую высоту, но открытый в хвостовой части люк влиял на управление. Впрочем, только до тех пор, пока его не закрыли.

Матвей, мокрый от пота, открыл глаза и встретил взгляд симпатичной стюардессы, тотчас же профессионально улыбнувшейся ему:

– Все в порядке, мсье?

– Спасибо, – улыбнулся в ответ Соболев. – Уснул. Плохой сон увидел. Где мы?

– Только что взлетели, пересекаем Сену. – Разговор шел на французском, поэтому стюардесса задала еще один вопрос:

– Мсье француз?

– Мсье русский. – Матвей снова закрыл глаза, потому что улыбаться больше не мог. Он вдруг почувствовал, что Кристина и Стас в опасности и ждут его...

КАК СТЕМНЕЕТ – БУДЕМ БРАТЬ

Баканов позвонил Первухину в полдень семнадцатого июня, когда начальник Управления спецопераций готовился к выходу «на ковер» перед директором ФСБ, ломая голову, чем его успокоить.

– Федор, мы вышли на след «глушаков».

– Да ну?! – изумленно и радостно ответил Первухин. – Где?

– В Рязани. Я задействовал свою личную группу следопытов и топтунов, пообещал каждому «железный крест» и послал в белый свет как в копеечку. Мужики землю рыли, но след обнаружили. Контейнер находится в Рязани, там с ним произошла какая-то катавасия... Кстати, твои ребята случайно не участвовали? Наблюдатели насчитали пять трупов в спецкостюмах типа «кибер», видели каких-то парней в камуфляже...

– Мои все при мне, – резко сказал Первухин.

– Да это я так, к слову. Между прочим, к этой странной заварухе подключились крупные птицы из Москвы, но...

– Кто подключился?

– Ребята видели двоих, Рыкова и Носового. Кстати, Носовой сбрендил. Его нашли у моста через Оку, раненого – без руки: никого не узнает, не говорит, писает под себя...

– Ты уверен?

– Точно, я тебе говорю: все штаны мокрые и воняет...

– Я не об этом. Какого хрена начальника информ-службы президента понесло в Рязань?! Равно как и советника по безопасности? Что там происходит, в Рязани?!

– По моим данным – все тихо. Ну, убили, правда, местного авторитета, вора в законе по кличке Боксер... так это обычное дело. Небось свои же и пришили.

– Обычное дело... а если не обычное?

– Кореша в Рязанском отделении конторы молчат... Постой! – Дыхание Баканова в трубке участилось. – А что, если виной всему «глушаки»? И все слетелось туда по этой причине?

Первухин с минуту размышлял, бесцельно перекладывая бумаги на столе.

– Может быть, ты и прав. Бондарь меня вызывает на завтра, на десять утра...

– Меня тоже.

– Значит, по одному и тому же вопросу, узнал небось подробности.

– У него свои каналы сбора информации, независимые от нас.

– Это точно. Значит, твои ребята «пасут» контейнер? Что ты намереваешься делать?

– Как стемнеет – будем брать.

– Могу подключить свою команду зомбииков.

– Не возражаю. Я уже послал туда группу из «Витязя», пятнадцать человек, но твои спеццы не помешают.

– Договорились, но инструктировать будешь сам. Если возьмем контейнер, завтра будет с чем идти к директору.

– Боишься ты его? – Начальник Управления «Т» хихикнул. – Не так страшен черт, как его Бондарь... хе-хе. Пока!

– Ни пуха...

Но Баканов уже бросил трубку и не ответил.

Интересно, подумал Первухин, кто же у нас такой смелый в верхних эшелонах, что не побоялся пойти на конфликт с конторой? И кто ухайдокал Носового до такого состояния? А главное, что все-таки делает в Рязани Герман Довлатович Рыков? Неужто и в самом деле пронюхал о «глушаках»?

СИНТЕЗ МАГИИ И ВОЛИ

Он находился в состоянии свободного бытия, отделенный от тела и сознания в его абсолютной непринужденности...

Он действовал, не понимая, что действует, не ощущая внешнего мира, не думая...

Он не воспринимал своей личности, своей отделенности от людей, отчужденности от целостности Вселенной...

Он был в состоянии небытия, достигнув предельной реальности – состояния Ничто, о котором никто ничего толком не знал, даже Посвященные...

Он достиг полноты и глубины медитации, чего никогда ранее не достигал... И мысль об этом вдруг подхватила его, закружила и понесла к свету сквозь толщу мрака, сквозь Ничто и Небытие – к жизни...

Очнулся Василий, чувствуя себя как сшитая из кусков боли тряпичная кукла. По сути, он стал сосудом, наполненным болью и мукой, от которых хотелось быть по-волчьи и ругаться по-человечески. Пересилив желание, он открыл глаза и увидел склонившееся над ним лицо Ульяны.

– Живой, Васенька? Очнулся? – Губы девушки приблизились, и Василий почувствовал поцелуй, от которого по нервам побежал электрический родник. И тотчас же в теле стала стихать боль... стихла, ушла, оставив приятную ломоту в костях и мышцах. Голова почти очистилась от шума лавин и взрывов, приятный свежий ветер подул под черепом, щекотные мурашки побежали по коже на затылке, спустились на шею, потекли вдоль позвоночника...

– Хватит, а то он уснет, – произнес мужской голос, и Василий узнал Ивана Терентьевича. Он, стоя у окна, пил минеральную воду.

Ульяна убрала со лба и с груди Котова руки. Боль тотчас же вернулась, но уже не столь суровая, ее можно было терпеть. К тому же организм начал бороться с ней сам и Васе ничего не стоило подключить к этой борьбе свои внутренние резервы. Через несколько минут он смог встать.

– Который час?

- Половина второго дня.
- День?
- Понедельник, семнадцатое июня.
- Год?

Ульяна оглянулась на Парамонова, с тревогой посмотрела на больного:

- Ты бы еще спросил: какой век и какое тысячелетие.
- А какое тысячелетие?

Иван Терентьевич рассмеялся:

– Согласно традиции идет шестое тысячелетие Калиюги, которое началось семнадцатого февраля три тысячи сто второго года до рождения Христова. Ну а Калиюга входит в двадцать восьмую Махаюгу седьмой Манвантары нынешней Кальпы, которая в свою очередь является первым днем пятьдесят первого года жизни Браммы.

- Спасибо. Теперь хоть буду знать, в каком времени застрял.

Вася внезапно почувствовал облегчение, будто сказанное Парамоновым послужило успокоительным средством.

- Где я?
- У моего дяди, Харлампия Игнатовича, мы здесь уже были.
- Это тот, с винным подвалом?
- Я же говорил, что он быстро оклемается, – снова засмеялся Парамонов. – Если уж юморить пытается... Как себя чувствуешь, герой?

– Как футбольное поле, – пробормотал Василий, – на котором в футбол играли слоны и носороги. Что со мной произошло?

– Ты попал под астральную атаку Носового. До сих пор удивляюсь, как тебе удалось ее выдержать.

Василий потрогал рукой голову, сеточки «тюбетейки» не нащупал и вопросительно посмотрел на Ульяну. Девушка кивнула:

– Может быть, твой генератор и помог отбить атаку, взял на себя часть излучения. Но в принципе ты защитился сам. Я же говорила: у тебя есть потенциал, задатки экстрасенса, надо их усиленно развивать. Пси-выпад Носового – раппорт пронзил твою эфирно-энергетическую оболочку, смял эмоциональную – витальную и сильно изменил интеллектуальную – ментальную, но разрушить весь энерго-информационный каркас не смог. Так что ты теперь битый, но живой.

– За битого двух небитых дают, – сказал Парамонов, не переставая к чему-то прислушиваться. – Ульяна помогла тебе преодолеть наведенное психофизическое состояние, сняла чужие деструктивные блоки, но тебе надо бы научиться защищаться на пси-уровне самому.

– Как?

– Повысить порог чувствительности на внешние воздействия, переходить на другую частоту психического состояния, отводить удар «поворотом» сознания...

– Это все потом, – перебила Ульяна Ивана Терентьевича. – Пусть сначала придет в себя. Есть хочешь, герой?

– Пить.

Девушка налила из графина вареного меда, подала стакан. Василий выпил весь, чувствуя, как прибывают силы, слабо улыбнулся в ответ на взгляд Ульяны.

– Здорово он меня...

– Ты его тоже, – насмешливо проговорила она.

– Вертолет взорвался, – добавил Парамонов в ответ на немой вопрос Василия. – Вряд ли Хейно Янович уцелел.

– Значит, я помог-таки Самандару выполнить первую часть условия – убрать конкурента? Ульяна зябко поежилась, сжала губы.

– При мне о Вахиде больше не вспоминайте! Ясно?

Взяв графин, она вышла, рванув занавески. Мужчины некоторое время смотрели ей вслед, потом обменялись взглядами.

– Она считает его предателем, – тихо произнес Парамонов.

– А разве это не так?

– Это эмоциональная оценка действий Посвященного. Традиции людей Внутреннего Круга не позволяют судить Посвященных столь прямолинейно. Вахид выбрал слишком простой путь к цели...

– Дерьмо собачье! – Василий сплюнул. – Любой путь, начинающийся с предательства, обмана и формулы: цель оправдывает средства, – дерьмо! Это еще до меня кто-то сказал. И не стоит убеждать меня в обратном. – Вася поморщился, прижал руку к груди.

– Я не доказываю, я объясняю. Что с тобой, опять плохо?

– У меня не сердце, а дырявая резиновая груша...

– Потерпи, пройдет. У тебя сильное полевое нарушение экзосоматической системы, всей энергетической ауры. Кстати, колдуны и маги Древней Руси умели наносить такие травмы своим

врагам. Все эти сглазы, наговоры, порчи по сути – полевые нарушения биоэнергетической оболочки человека.

– То есть Носовой меня сглазил? Ничего себе глаз у него!

– Он за это заплатился. Вася, нам надо уходить отсюда, и как можно быстрее. Во-первых, нас засекла какая-то контора из Москвы, то ли федералы, то ли военные контрразведчики. Ее наблюдатели крутятся тут неподалеку. Во-вторых, в Рязани сейчас находится Рыков, и в скором времени он нас вычислит. И третье... – Иван Терентьевич помолчал. – Кто-то захватил семью Соболева, Кристину и Стаса.

– Что вы... сказали?!

– По следу, который оставили похитители, можно судить лишь о том, что это были Посвященные. Но кто именно...

– Рыков!

– Поскольку Рыков в Рязани, мог и он. Но вполне может быть и Юрьев, и Мурашов, и любой из Девяти.

– Нет, это Рыков, я чую. Есть неплохая идея: выйти на его жену, детей и других родственников, захватить и предложить обмен.

– Бедный ты мой, – покачала головой вернувшаяся Ульяна. – Видно, тебе действительно досталось.

– Это война, – с обидой возразил Василий, – а на войне допускаются любые приемы. К тому же начали не мы. Вот детей действительно жалко... если они у Рыкова имеются. Не годится моя идея, предлагайте свои.

– Идея вообще-то классная, – добродушно проговорил Иван Терентьевич. – Только осуществить мы ее не сможем, нет времени. – Он задернул в комнате шторы, шагнул в зал. – Пойду осмотрюсь, покалякайте пока.

– А нас те наблюдатели снаружи не прослушают?

– Я принял меры.

Василий и Ульяна остались одни, поглядывая друг на друга, словно их только что познакомили. Потом задумчивая Ульяна тихо прочитала двестише:

Но почему мы клонимся без сил, Нам кажется, что кто-то нас забыл...

– Чье это? – Василий принял позу горы, перешел на медленное и глубокое дыхание. – Бальмонт?

– Гумилев, «Потомки Каина».

– Ты думаешь о нем? О Самандаре?

– Какой ты проникательный, Никифорович, прямо спасу нет. А вообще... о нем. Я остыла и поняла, что ненавидеть его нельзя. Вахид изменился... и мне его жаль.

– Относись к нему как хочешь, но я не прощу никогда! – угрюмо сказал Василий, сбился с ритма и тут же усилием воли задавил закипающий гнев. – Впрочем, если ты готова его простить...

– Я готова его понять.

– Может быть, и я его понимаю, но никогда не смогу принять!

– Ты еще слишком молод, воин.

– Естественно, ведь мой конь рыж, – усмехнулся Василий. – А ты что ж, давно скачешь на вороном?

Ульяна посмотрела на него с интересом, потом поняла: он имел в виду всадников Апокалипсиса. Первый всадник ехал на белом коне в короне и с луком и олицетворял Рождение. Второй ехал на рыжем коне с мечом и олицетворял Юность. Всадник на вороном был Зрелостью, а на белом – представлял собой Смерть.

– Нет, мне столько лет, на сколько я выгляжу, – серьезно проговорила девушка. – А Посвященной я стала благодаря Светлене, спутнице-двойнику инфарха, когда она выбрала меня авешей, проводником в нашей земной реальности. Потенциал у меня был, эзотерикой я увлекалась с детства, но если бы Светлена в качестве матрицы не выбрала меня...

– Извини, я не хотел уточнять. Просто изредка мне казалось, что ты намного старше.

– Это печать знаний, Васенька, которые здорово изменяют психику людей. Я ведь по сути ведьма. Не боишься?

Василий снова сбился с ритма дыхания. Ульяна засмеялась, подошла к нему, поцеловала и тут же убежала, не отвечая на его красноречивый вопросительный взгляд. Однако вернулась тотчас же вместе с Парамоновым.

– Положение осложняется, – сказал Иван Терентьевич. – Во-первых, наш дом находится в поле зрения одного из Посвященных высокого уровня. Во-вторых, мы окружены двумя цепями конкурирующих подразделений.

– Вы точно знаете? – усомнился Василий. – Насчет конкурирующих?

Чувствовал он себя еще не настолько хорошо, чтобы свободно входить в состояние меоза и держать темп.

Парамонов и Ульяна переглянулись.

– Первая цепь – это федералы из «Витязя» и «Руслана», общая численность группы – человек двадцать. Вторая цепь – чья-то зомби-команда, скорее всего того самого Посвященного.

– Тогда это неплохо, – пробормотал Василий, проваливаясь в яму слабости.

– Есть шанс натравить их друг на друга. Но мне надо время для восстановления, хотя бы час.

– Ну, я считаю, они вряд ли пойдут в атаку сейчас, днем, – рассудил Парамонов. – Будут ждать сумерек. Восстанавливайся, мы тебя предупредим заранее, если они зашевелиятся. Но все равно мы должны наметить какой-то план маневра.

– План прост. – Василий с трудом преодолел новый приступ слабости, стараясь выглядеть достойно. – Уля уходит одна. Я отвлекаю эту банду. Вы забираете контейнер и уходите огородами к Котовскому. Встречаемся в Норвегии в условленном месте.

Иван Терентьевич улыбнулся, Ульяна засмеялась, но тут же стала серьезной:

– Хотя ты у нас и стратег, но я предлагаю другой план. Я отвлекаю Посвященного, а вы с Иваном Терентьевичем уходите с оружием.

– Пожалуй, – кивнул Парамонов. – План не идеален, но лучшего нет.

– Но она женщина! – воскликнул Василий.

– Ты всегда такой наблюдательный? – насмешливо проговорила Ульяна. – Я Посвященная, мне не обязательно владеть рукопашным боем.

– Все равно, этот вариант не пойдет! – твердо заявил Вася. – Посвященного будете отвлекать вдвоем. Возьмете контейнер, но пустой. Пусть думают, что оружие у вас. Я же переложу «глушаки» в сумку и уйду другим путем.

– Василий Никифорович, это не...

– И без возражений, – тихо добавил Василий. – Дайте мне только час времени. В половине шестого я буду готов.

Переглянувшись, Посвященные вышли. Василий глубоко вздохнул, посидел с открытыми глазами, ни о чем не думая, потом

принял ваджрасану – позу алмаза, расслабился и перешел на «огненное дыхание», способствующее массажу внутренних органов. Ему нужно было изменить принципы восприятия и взаимодействия с окружающим миром таким образом, чтобы организм полностью очистился от физиологических и психических шлаков, вызванных психикой Носового, и вошел в особое, измененное психоэнергетическое состояние, при котором пробуждаются глубинные резервы психики, способность мгновенно реагировать на любую неожиданную ситуацию и даже предвидеть ее. Это ощущение мастера ниндзюцу называют сакки – «ветер смерти» или «дыхание смерти», и состоит оно из предчувствия опасности еще до ее обнаружения и реагирования в форме смертоносного удара или уклона.

Окончательно успокоившись и уйдя мыслями в себя, Василий привел в равновесие мысленный поток, представляя его медленной рекой, сконцентрировался на сигналах, поступающих из подсознания. Через некоторое время он почувствовал, что владеет собой и может заставить «жить отдельно» любую клеточку тела, реагировать на свет, звук и тепло любую нервную веточку.

Затем сфера гипервидения стала расширяться, охватила комнату, где сидел Василий, весь дом, участок и прилегающее пространство вплоть до реки слева и леса справа. И наконец Вася сам стал частью мира, способной ощущать все его колебания. Он открыл рот и горло насколько мог широко, пока не захотелось зевнуть, медленно напряг мускулатуру живота и выдохнул через рот, издавая длинный протяжный вибрирующий звук ах-х-х из глубин тела. Сохранил этот звук, закрывая губы и прижимая их к приоткрытым зубам. Звук преобразился в вибрирующее жужжащее м-м-м. Василий сжал губы и нажал языком на внутреннюю сторону зубов, превратив м-м-м в н-н-н и заставив звук медленно замедляться, пока не кончился запас воздуха. Получилось страдное «слово», напоминающее молитву или гимн: ахх-умм-mmm-ннн, – по сути, звуковая Дзюмон-мантра, в соответствии с концепцией Тайдзокай способствующая «осуществлению предельной правды». Теперь Василий был готов ко всеобщему видению действительности.

В комнату вошел Парамонов, глянул на абсолютно чистое, невозмутимое, глубокое лицо Котова и все понял. Сказал с уважением:

– Ты далеко пойдешь, мэйдзин. Я услышал судзи, но не поверил... не знал, что ты этим владеешь.

– Я готов, – коротко ответил Василий, заставив мышцы тела танцевать волной с плеч до икр.

К операции отхода приступили в начале седьмого, когда дневная жара начала спадать и от реки подул прохладный ветер.

Первыми ушли в подвал Парамонов и Ульяна. Подвал имел выход к реке, не просматривающийся со стороны, и шанс выйти незамеченным у Посвященных был. Затем начал реализовывать свой план Василий.

Он спокойно вышел во двор, сразу ощутив на себе давление чужого взгляда, погрузил в кабину сумку с оружием, открыл ворота и, насвистывая, будто на прогулке, вышел в сад. Физически ощущая напряжение следящих за ним людей, их застывшие на курках автоматов и пистолетов пальцы, Василий размотал шланг для поливки огорода, подсоединил к вентилю на трубе, принес ведро, тряпки: человек собирается помыть машину. Однако нигде он не задерживался ни на мгновение, постоянно двигаясь таким образом, чтобы в него нельзя было прицелиться и выстрелить.

Вывел машину, вылез, не заглушая мотора, включил воду, направив струю в кусты, прямо на того, кто там прятался, и перешел на темп. Облитый водой спецназовец из группы «Витязь», который подобрался к дому совсем близко, не успел даже глаза протереть, когда сбоку мелькнула тень и в голове у него наступило «полное солнечное затмение».

Не останавливаясь, Василий отобрал у уснувшего парня «никонов», прошептал: «Ну, я вам сейчас устрою перехват!» – и дал длинную очередь по кустам малины в конце сада, где сидели в засаде еще двое в защитных мундирах – из второй цепи окружения.

Он не ошибся в расчетах. Очередь нашла прятавшихся, но это были не просто спецназовцы, а парни из команды зомби, приведенной Рыковым, и действовали они не раздумывая, а тотчас же открывая ответный огонь. Правда, Василия там уже не было. Вычислив, где сидит очередной наблюдатель из первой цепи окружения, он достал его в тот момент, когда наблюдатель оглянулся на стрельбу в спину, соображая, что делать. Сообразить не успел, отключаясь от касания Васиного кулака к челюсти справа.

Это был офицер, как определил Вася по единичке на плече маскировочного комбинезона, командир подразделения федералов, и было бы грешно не воспользоваться случаем. Нахлобучив на себя его пятнистую маску, Вася выставил голову над пленницей дров и приглушенно заорал:

– Атака сзади! Всем отходить!

Услышали его и те, и эти, в результате чего пленница рассыпалась от шквала автоматной очереди, и началась всеобщая пальба и неразбериха – не поймешь, кто тут и по кому ведет огонь. Предоставив разбираться в этом командирам групп, Василий метнулся к машине, с ходу дал газ, молясь в душе, чтобы пули не попали в бак «вольво», и рванул на улицу, сметя с ног какого-то бойца в камуфляже, неосторожно прыгнувшего навстречу, и заодно дворовые ворота. Через минуту он был на окраине Рязани, поехал медленнее, прислушиваясь к удаляющейся трескотне выстрелов.

Еще через несколько минут остановил машину во дворе старинного здания на улице Михневича, в котором когда-то располагалось Дворянское собрание, а ныне – с десяток торговых фирм. Машин здесь хватало, и на «вольво» Котова с простреленной кормой никто не обратил внимания. Именно здесь и договорились встретиться Посвященные после бегства из дома с винным подвалом.

Не выключая себя из состояния боевого транса, Василий стал ждать, рисуя себе всевозможные варианты отступления Ульяны и Ивана Терентьевича. Все, что зависело от него, он сделал.

КАРМА РИСКА

Их оставили в комнате с единственным круглым узким окном одних.

Кристина пришла в себя позже Стаса; поняв, что лежит на узкой кровати, подхватила было и встретила взгляд мальчишки, полный упрямой сосредоточенности.

– Где мы?

– На какой-то посудине, – тихо сказал Стас и попытался улыбнуться. – На теплоходе. Я не смог определить его класс, когда нас везли.

– А что на теплоходе – определил? – улыбнулась в ответ Кристина, но вспомнив то, что ей сказали о Матвее, снова в испуге округлила глаза. – Что с Матвеем?! Они говорили, что он... в беде!

– Это не правда. – Стас погладил Кристину по руке. – Они думали, что мы без сознания, и я слышал их разговоры. Тебя просто выкрали... ну и меня тоже.

– Выкрали? – Кристина внезапно успокоилась. – Зачем?

– Обычное дело – для шантажа папы.

– Обычное дело. – Она взъерошила волосы мальчишки, подошла к окну. – Точно, мы на пароходе, это не окно, а иллюминатор. Как они заставили нас поверить в их сказку?

– Облучили из «глушака». Я слышал, они говорили, что у нас гиперреакция на излучение. Они же не знали, что папа специально тренировал обоих... как это он говорил? Надситуативная...

– Надситуационная защита.

– Да, да, точно. Что означает – повышение психофизического потенциала...

– Стас вдруг обратился в слух. – Тише, сюда идут. Ложись, как лежала, пусть думают, что мы все еще без памяти...

Кристина послушно легла на койку, Стас скорчился в углу таким образом, чтобы поверх локтя можно было наблюдать, что делается в каюте.

В двери каюты повернулся ключ, она распахнулась, и в каюту вошли два молодых человека в брюках и рубашках из жеваной материи

блекло-болотного цвета, с автоматами под мышками. Один был долговяз и сутулился, все время откидывая со лба челку. Глаза у него были красные, а губы мокрые, он их непрерывно покусывал и облизывал. Второй, пониже ростом, ежился, будто ему было холодно, глаза с расширенными зрачками сухо блестели, руки дрожали, и сигарету он держал в кулаке.

– Я же говорил, – тонким голосом сказал долговязый и сутулый, – в отключке они. А баба смачная.

– Что надо, только беременная, – хрипло проговорил парень с сигаретой.

– Да хрен с ней сделается!

– Тогда давай по очереди.

– Я первый, идея моя.

– Ладно, давай, я пока пойду уколюсь, а то белый свет не мил.

– Ты же недавно кололся.

– Доза была маленькая.

– Смотри не перестарайся, Хромой увидит, выгонит из команды к чертовой матери.

– Не пугай, я уже пужатый. – Низкорослый хохотнул, показывая гнилые зубы, и пошел к двери. – Придуши ее маленько, если очухается.

Сутулый, плотоядно облизываясь, оглядел Кристину, снял автомат, положил на стол, начал снимать штаны. Кристина зашевелилась, и села, глядя на него в упор.

– Гля, очнулась! – сказал бандит, продолжая раздеваться. – Подожди, не ори, все будет хорошо... а будешь кочевряжиться – пристрелю!

– Дядь, – похлопал его ладошкой по спине Стас. – Посмотри-ка сюда.

– Тебе чего? – оглянулся парень.

Стас дернул его за рукав, чтобы тот повернулся, и изо всей силы ударил ногой в пах. Сутулый издал сиплый возглас: ух! – скорчился, глаза его закатились, и он упал. Сжав кулаки, побледнев так, что живыми на лице остались только глаза, Стас ждал, готовый ударить насильника еще раз, но этого не потребовалось: парень потерял сознание.

– А дальше что? – шепотом произнесла Кристина, такая же бледная, как и мальчишка.

– Надо уходить, – очнулся Стас, сразу повзрослев. – Стрелять умеешь? Возьмем его автомат.

Кристина с отвращением глянула на автомат с укороченным стволом, без приклада.

– Нет, я не хочу.

– Тогда возьму я. – Стас умело снял и защелкнул на место магазин автомата, передернул затвор, повесил его на грудь и подошел к двери. Оглянулся, глядя исподлобья, не по-детски серьезный и сосредоточенный. – Нам только на палубу выбраться, там мы что-нибудь придумаем.

Мальчишка распахнул дверь и наткнулся на шагнувшего в каюту прихрамывающего мужчину с сединой в волосах, одетого в дорожный костюм – таскер. Он ловко сдернул со Стаса автомат, подтолкнул его стволом на середину каюты, мельком глянул на лежащего у кровати долговязого любителя женщин и закрыл за собой дверь.

– Сядьте, – сказал он негромко. – И успокойтесь. Шансов на побегу вас все равно не было. Кто вы?

– Будто не знаете, – огрызнулся покрасневший до слез мальчишка, обнимая Кристину за талию.

Вошедший внимательно глянул на живот женщины, перевел взгляд на ее лицо, нахмурился:

– Кто вы?

– Зачем это вам? – с горечью спросила Кристина. – Сначала вы стреляете из «глушака», хватаете, увозите, а потом спрашиваете, кто мы?

– Меня прислали сюда недавно, и я не знал, кого придется стеречь. Но я вас где-то видел...

– Соболевы мы, – буркнул Стас, усаживая Кристину на стул. – Я сын, она жена.

Седой вздрогнул, внимательно разглядывая обоих:

– Не Матвея ли Соболева родственники?

Пленники не ответили, держась друг друга. Шевченко – это был он – прошел на середину каюты, сел на другой привинченный к полу стул, поставив автомат между ног, задумался. Перед глазами промелькнула сцена боя в коридоре ассоциации ветеранов спецслужб

«Барс», когда Матвей Соболев спас его от пули. Юрьев не объяснил Шевченко, зачем посылает его в Рязань, сказал только, что тот поступает в распоряжение некоего Рыкова и что сам Юрий Бенедиктович тоже скоро приедет в Рязань. Рыков же через своего заместителя приказал Валерию охранять на теплоходе «Максим Горький» важных пленников и отбыл со своей командой в неизвестном направлении. И вот оказывается, что пленники – жена и сын Соболева... и захвачены они наверняка с целью оказать давление на Матвея.

«Что будем делать?» – спросил Шевченко сам себя.

«Прежде всего надо выяснить, в какое дерьмо вляпался», – ответил внутренний голос.

«Не поздно?»

«Как бы поздно ни было, но долг платежом красен. Женщину и пацана надо спасать».

«Меня убьют».

«Тебя и так убьют, когда начнешь выяснять, на кого работает Юрьев. Кстати, не тот ли это Рыков – бывший комиссар „Чистилища“? Вот будет хохма, если это он!»

«Это не хохма, мой милый, это кое-что похуже. Тикай отсюда! Бери женщину, мальчика и тикай. Потом будешь разбираться, кто есть кто...»

– Пошли, – встал Шевченко, подошел к зашевелившемуся бандиту без штанов, ударом ладони под ухо снова отправил его в беспамятство, усмехнулся, глядя на вытянувшиеся лица пленников. – Я Валера Шевченко, если вспомните, и встречался когда-то с Матвеем. Попытаюсь вывести вас отсюда. Только уговор – слушаться и повиноваться беспрекословно! Эх, надо бы начать отход попозже, когда окончательно стемнеет...

– Чего уж теперь, – по-взрослому проворчал Стас. – Давайте подождем немного, сейчас сюда придет второй бандит, он уколется пошел.

– А, Ханыга... давно я его выгнать хотел... тем лучше. Подождем. – Шевченко ободряюще подмигнул Стасу и встал за дверь.

Дрожащий в ознобе Ханыга появился через две минуты. Едва ли он успел сообразить, что произошло, получив удар в лоб рукоятью

пистолета.

– Подождите минуту, – прижал палец к губам Валерий и исчез за дверью.

Из коридора донесся негромкий треск, короткий шум, и Шевченко затащил в каюту еще одного стража в джинсах и безрукавке.

– Двое на выходе в бар, один у лестницы наверх и еще трое на первой палубе, на корме, в середине возле кают и на носу. Но туда мы не пойдем, попробуем через машинное отделение. Что с вами?

Кристина, почувствовавшая приступ слабости, побледнела, виновато посмотрела на Шевченко, но руку его отвела.

– Это пройдет. Говорите, что надо делать.

Стас подошел к ней, подставил плечо.

– Опирайся на меня.

Шевченко выглянул в коридор, махнул рукой.

– Не отставайте!

Они выскользнули в коридор средней палубы теплохода, в который выходили двери еще четырех кают, двинулись за проводником, у которого исчезла хромота, а движения стали по-кошачьи мягкими и гибкими. Левый конец коридора выходил в бар, откуда доносились голоса и музыка. Правый заканчивался еще одной дверью, ведущей на лестницу, соединявшую палубы. Валерий открыл ее, выглянул, снова махнул рукой, приглашая пленников вперед.

Они спустились по лестнице вниз, на нижнюю палубу теплохода, миновали камбуз, бильярдную, каюту капитана, направляясь к двери с иллюминатором, ведущей в машинное отделение. И в этот момент сзади раздался удивленный голос:

– Эй, Хромой, куда это ты их повел?

– А-а, Гуревич, хорошо, что ты не спишь, – хладнокровно обернулся Шевченко, – Ну-ка, поддержи их под прицелом, я забыл взять документы.

Из каюты капитана вылез небритый отрок с длинными волосами, связанными сзади в пучок, с помповым ружьем в руке и банкой пива в другой.

– А куда это ты их?

– Шеф велел запереть в машинную, для надежности.

– Так он же уехал.

– А рация на что? Не умничай, стой тут, пока не приду. Пива захватить?

Парень приблизился, отхлебывая из банки, покачал головой.

– Что-то темнишь ты, Хромой. Я сам слышал, как шеф велел удвоить охрану и стеречь бабу с пацаном в его апартаментах. Иди обратно. – Он схватил Кристину за плечо, толкнул в сторону лестницы. – А ты что глазами сверкаешь, щенок? – Длинноволосый хотел щелкнуть Стаса по лбу и охнул от стремительного удара в кадык, выронил пиво. Прохрипел:

– Ах ты, змееныш!.. Но сделать ничего не успел, приблизившийся Шевченко резким ударом по затылку уложил сторожа на пол коридора. С одобрением глянул на мальчишку.

– Лихо ты его! Отец учил, что ли? А теперь бегом отсюда, вниз, будем искать люк... – Валерий не договорил.

На верхней палубе раздался крик, ругань, топот ног. С грохотом открылась одна дверь каюты, другая...

Долгое мгновение все трое смотрели друг на друга, потом Шевченко метнулся к двери в машинное отделение, откинул ее, махнул рукой:

– Сюда!

Они едва успели проскочить внутрь и задраить дверь, как в коридор выбежали трое парней с автоматами наготове.

– Гуря лежит! Ах они, паскуды! Быстро за борт, перекройте все иллюминаторы! Чалый – в лодку! Бей по ногам, если что! Сюткин, проверь камбуз. Где Хромой? Кто его видел?

– Он с ними, – донеслось издалека.

– Ах, он сучий потрох! В свою игру решил сыграть, ну, мы ему сыграем!..

Шевченко, глядевший в иллюминатор двери, оглянулся и ткнул пальцем в металлическую лестницу с поручнями, приказывая беглецам спуститься к машинам. Он знал, что жить ему осталось совсем немного, до тех пор, пока не закончатся патроны в пистолете и в магазинах автомата.

НЕ ЛЕЗЬТЕ НЕ В СВОЕ ДЕЛО, ПОЛКОВНИК

Начальник Управления ФСБ по Рязанской области полковник Шкодин был человеком сдержанным, терпеливым и рассудительным, но и он пришел в ярость, когда узнал, кто действует у него под боком, не извещая и не раскрывая сути дела.

Известие о новой перестрелке в районе Старой Рязани, возле поймы Оки, пришло в Управление в семь часов вечера в понедельник. Шкодин, задерживающийся в последнее время на работе допоздна в связи с инцидентом на мосту через Оку, куда он отправил своего зама Панкеева, тут же сел в служебную «волгу» и прибыл на место происшествия, к одному из домов частного сектора, куда были уже стянуты силы ОМОНа и милиции. Узнав среди приехавших милицейских чинов начальника УВД полковника Плясунова, Шкодин направился к нему.

– Привет, Владимир Петрович. Что здесь происходит?

– Шесть трупов, четверо раненых, – меланхолично ответил Плясунов. – Хотя это мне впору спрашивать, что происходит. Разборка-то произошла среди ваших.

– Как среди наших? – не понял Шкодин.

– Все убитые – профи из вашего ведомства. Кстати, вон и начальство из Москвы суетится.

Шкодин взгляделся в группу выходящих из дома людей в серых костюмах и узнал генерала Баканова, с которым всего два дня назад говорил по телефону. Вслед за Бакановым появился еще один генерал, начальник Управления спецопераций.

– Растуды твою мать! – сказал Шкодин. – Откуда они здесь?!

– Что, не поставили в известность? – сочувственно поглядел на полковника Плясунов. – Терпи, мне тоже приходится изредка терпеть такие же закидоны столичного начальства.

Шкодин оттолкнул преградившего дорогу омовца из оцепления, стремительно прошагал к дому по ухоженной дорожке, мельком глянув на тела в пятнистых комбинезонах, подошел к Баканову.

– Здравия желаю, Игорь Владимирович. Что здесь происходит? Почему мне никто не сообщает о ваших операциях? Сначала на мосту, теперь здесь...

– Не шуми, Анатолий Романович, – миролюбиво проговорил озабоченный Баканов. – Не всегда есть возможность сообщать о наших делах, особенно если они проходят по «четырем нулям».

Шкодин побагровел.

– Черт бы вас подрал! На территории области я отвечаю за все происходящее! И что бы вы ни затевали, я обязан знать!

– Успокойся, Анатолий, – подошел к ним хмурый генерал Первухин. – Тебе лучше не соваться не в свои дела, дольше проживешь.

– Это что, угроза? – Шкодин побледнел.

– Да остынь ты, полковник! У самих голова идет кругом. Кстати, понадобится твоя помощь. Это дело надо будет представить как бандитскую разборку.

Шкодин поперхнулся, с удивлением глянул на холодное сосредоточенное лицо Первухина, покачал головой.

– Рассказывайте, что вы здесь делаете. Но учтите, если в чем виноваты, покрывать не стану.

Из дома вывели пожилую пару, хозяев дома. Хозяйка плакала, старик-хозяин поддерживал ее под руку и что-то рассказывал мужчине в сером костюме. Первухин проводил их глазами, нехотя повернулся к Шкодину:

– Анатолий, ну не могу я тебе все рассказать, по «четырем нулям» работаем.

– Ну хоть намекни.

– Это все равно что рассказывать не сам анекдот, а смысл анекдота. Утечка у нас произошла. Пытаемся ее нейтрализовать.

– Странно как-то пытаетесь. Ведь я помочь могу, ребят опытных у меня хватает... тот же Панкеев например.

– В том-то все и дело, что не можешь ты помочь, только зря людей положишь. Видишь, как здесь обернулось? Две наши группы попали в засаду... – Первухин замолчал – к нему подошел штатский в сером и что-то шепнул на ухо. Они отошли в сторону.

– Такие вот пироги, – пробормотал генерал Баканов. – Мы сами, как телята, тычемся носами... Но все равно это дело не твое, Анатолий

Романович, тянется оно так высоко, аж страшно!

– В Кремль, что ли? – усмехнулся Шкодин, чувствуя болезненное шевеление сердца в груди: в последнее время оно стало пошаливать.

– Догадливый, – усмехнулся и Баканов. – Не мешай нам, ладно? Размотаем, я тебе лично все сообщу.

Шкодин не ответил, глядя, как на дорожку выносят из сада и дома тела погибших спецназовцев.

ВИРАСАМА – ВАКРАСАНА

Купались по очереди: сначала Василий, потом Ульяна. Было еще светло, хотя солнце уже зашло за горизонт и освещало лишь высокие перистые облака. Вася загляделся, как девушка выходит из воды, и прозевал, когда на костре вскипела в котелке вода для чая. Не вытираясь, девушка подошла, делая вид, что не обращает внимания на чувства Котова, села рядом, соблазнительная, юная, красивая, зовущая. Вася бросил ей махровое полотенце, разлил по кружкам чай, передал одну, как бы невзначай касаясь руки Ульяны, и обоих словно пронизал электрический ток.

Василий поднял глаза, встретил прямой обжигающий взгляд и потянулся к ней, уже не скрывая своего желания, обожания и любви. Их губы встретились, полетели в траву кружки с чаем, зашипели угли костра, и Вселенная закружилась вокруг, обнимая их тишиной и пониманием... Ушли, отступили тревоги, растаяли благие намерения, исчезла неловкость, пропали мысли, остались одни чувства и разгорающаяся страсть... и нежность... и жаркая мука неутоленности... и жажда растворения друг в друге... и блаженство обоюдного стремления жить...

Чай пришлось ставить еще раз, после нового купания в реке, теперь уже совместного. Однако к чувству радостного познания примешивались другие – ожидание вестей, беспокойство за друзей, и Василий вел себя сдержанно, каждый раз поражаясь, когда Ульяна вдруг обнимала его, целовала неожиданно, прижимаясь грудью к груди, и сердце от этого испытывало гулкие падения и форсажные взлеты.

Искупались, сели рядом, накрылись одним полотенцем, загляделись на голубые язычки пламени в куче углей. Ульяна снова обняла Васю, бросила в костер веточку, подняв фонтан искр, похожий на взрыв гранаты, и Вася вспомнил рассказ Ивана Терентьевича о бое с Рыковым...

Они почувствовали давление лоцирующего взгляда Рыкова еще в подвале, когда только собирались выступить. Подвал имел выход к реке, поэтому решено было воспользоваться им, но Рыкову, чуть ли не

свободно читавшему намерения людей, следовало внушить другое направление поисков, и Парамонов с Ульяной принялись претворять план в жизнь.

Оделись в джинсовые таскеры, все время имитируя мысленное общение, внушая всем, кто мог слышать их, что контейнер с ними, приготовили сумку со всем необходимым в дороге, успокоили стариков Пресняковых, велел им сидеть в «алхимической комнате» подвала, затем сосредоточились на передаче раппорта, который заставил бы Рыкова перехватить их в окне выхода. «Окном» же наметили конец картофельного поля, где якобы находился потайной лаз из подземелий дома.

Маневр вполне удался.

Рыков хотя и не поверил в их «мысленную искренность», все же вынужден был послать резервную группу своих зомби-исполнителей на картофельное поле, оставшись при одном телохранителе. Однако телепатом он был сильным и по смещению источников пси-сигналов определил, что уходят беглецы другим путем. Поэтому на берег Оки он прибыл буквально вслед за Посвященными. Они садились в лодку, когда на краю откоса появились две фигуры – Германа Довлатовича и молодого парня-телохранителя.

Парень с ходу открыл было огонь из автомата (возле дома в полусотне метров отсюда уже кипела перестрелка), но тут же безвольно опустил руки, получив мощный сдвоенный парализующий импульс Ульяны и Парамонова. После этого началась страшная, полная жестокой силы и напряжения дуэль Посвященных I ступени с Посвященным II ступени Внутреннего Круга. Длилась она всего полминуты, но отняла годы жизни и океан энергии, а велась хотя и не в физическом пространстве, а психологическом – иллюзия активного действия была полной!

Парамонов и Ульяна дрались в странных лабиринтах, под землей, в ущельях, на вершинах гор, в пустоте, в кавернах во льду, на поверхности солнца! Дрались руками, ногами, клыками и крыльями, на мечях и шпагах, копьями и дротиками, стреляли из пистолетов и автоматов, пулеметов и пушек и даже пускали ракеты! Они отбили сотню кинжальных и охватывающих с флангов и с тыла атак Рыкова и сами нападали, обходили, защищались и наносили удары.

Наконец Ульяна выдохлась. Отразив несколько беспощадных выпадов противника в одиночку, Парамонов понял, что долго не продержится.

– Стой! – крикнул он, разрывая кольцо пси-удушения и нанося ответный укол копьем своей ненависти, вкладывая в удар остатки сил.

Круговерть боя замедлилась. Фигура Рыкова медленно проступила сквозь опадающее струение его пси-защиты. Вряд ли он остановил бы бой, если бы удар Ивана Терентьевича не достиг цели. Но Рыков был потрясен и снизошел до переговоров.

– Прекратим этот «диалог», – тоном ниже предложил Парамонов, борясь с головокружением и болью в затылке. – Предлагаю разойтись миром, иначе это плохо кончится для всех. Для тебя тоже.

– У вас есть то, что принадлежит мне, – сказал Рыков. – Верните, и мы расстанемся.

Иван Терентьевич переглянулся с Ульяной, приходящей в себя, поднял голову, вдруг подумав, что на фоне неба фигура Рыкова – отличная мишень. Герман Довлатович оглянулся тоже и спрыгнул на песок, поймав мысль Парамонова. Это говорило о том, что он тоже устал.

– Хорошо, – торопливо проговорил Парамонов. – Мы согласны. – Повернулся к спутнице:

– Отвяжи лодку...

– Но мы должны...

– Выходи. – Парамонов подал ей руку, помогая сойти на берег, бросил в лодку контейнер и оттолкнул от берега. – Он твой.

Рыков улыбнулся бледной змеиной улыбкой, от которой у кого угодно свело бы скулы, поднял было пистолет, вернее, «глушак», которым не успел воспользоваться во время боя, но на берегу вдруг показались люди в форме – омоневцы, окружавшие окраину Старой Рязани, и стрелять Герман Довлатович не рискнул.

– До встречи, партнеры.

С этими словами Рыков исчез. То есть на самом деле ускорил свои движения, вошел в воду и нырнул, но для подбегающих парней в камуфляже он перестал существовать.

Парамонова и Ульяну омоневцы задерживать не стали, получив от них рапорт-команду заняться телохранителем Рыкова. И вовремя: тот

вдруг метнул в них гранату, и омоновцы отвлеклись на его нейтрализацию.

Посвященные сели в другую лодку, поглядывая на порядком удалившуюся посудину с контейнером, к которой подплывал Рыков, и дружно взялись за весла...

Василий представил лицо Рыкова, открывающего контейнер и не обнаруживающего там «глушаки», и засмеялся.

– Ты что? – встрепелась Ульяна.

– Представил рожу Германа...

Уля тоже улыбнулась, но рассеянно. В отличие от Василия она не только сканировала пространство окрест, отыскивая источники опасности, но и слушала полет пси-поток, рыскающих в ментале: кто-то упорно искал Посвященных, обманувших одного из Девяти.

– Ты... доволен?

Василий хотел отшутиться, но понял настроение девушки и прижал ее к груди.

– Ты же знаешь...

– Не знаю.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Это не ответ.

– А в твоём вопросе уже есть ответ. Хотя доволен – не то слово. Я счастлив! Кто-то сказал, что человек вообще потому несчастлив, что не знает, что он счастлив. Так было со мной. Но я мог бы спросить кое-что ответно.

– Спрашивай.

Василий открыл рот и, с усилием справившись с собой, пробормотал:

– Ты не находишь, что нам не хватает Соболева?

Ульяна вздрогнула и отодвинулась. Не буквально, физически, а психологически, перестала излучать тепло и нежность, и Василий это почувствовал. Однако это ощущение длилось недолго. Горячая волна любви и признательности, благодарности и радости, нетерпеливого желания, покорности и ожидания вдруг хлынула в голову Василия, сбива его с тона, закружила и унесла в водоворот эмоций и желаний, пока он не очнулся лежащим с Ульяной на груди, целующей его лицо, глаза, нос, губы...

Потом девушка села, поправила волосы, в упор глянула на ошеломленно разглядывающего ее Василия, улыбнулась как ни в чем не бывало:

– Так что ты там говорил о Соболеве?

Вася проглотил ком в горле, веря и не веря тому, что пережил, в то, что ему психофизически сказала Ульяна, медленно сел. И стал самым собой, странным образом ощущая, что от него хотят не сентиментальных и слезных признаний, а естественного поведения и нормального, чуть ироничного отношения к происходящему. Ничего еще не было решено, ничего не было сказано всерьез, но надежда в душе росла и улыбалась ему...

– Я хотел сказать, что Соболев нам очень бы помог, – спокойно сказал Василий. – Где он сейчас, хотел бы я знать? Неужели не слышит, не ведает, что тут творится? Хоть бы объявился.

– Ведает, – уверенно ответила Ульяна. – И появится. В самый нужный момент. Я его знаю.

– Я тоже. А почему не вмешиваются иерархи, видя такое развитие событий? Или тот же Монарх?

– Васенька, ты все же еще очень зеленый идущий, – вздохнула девушка. – Да ведь все происходящие события – это и есть результат вмешательства в нашу жизнь иерархов и Монарха Тьмы! Только люди этого не ощущают, даже люди Внутреннего Круга. Вмешательство слишком тонко, слишком изощренно, чтобы понять это на логическом уровне. Большинству, толпе, уровень трансцендентной оценки недоступен.

– Толпе вообще не присущи действия, требующие высокого интеллекта, – пробормотал Василий. – Ее объединяет не талант, а глупость. А подчиняется она покорно только силе... и слабо реагирует на доброту. Но разве все люди объединены в толпы?

Ульяна с изумлением глянула на собеседника, сокрушенно покачала головой:

– Я все время забываю, что у тебя законченное высшее образование. Ей-богу, ты меня иногда поражаешь.

– Это плохо?

– Поражай меня и дальше, кто знает... – Она не договорила, но Василий понял недосказанное, и настроение его упало. Ульяна снова отодвинулась от него, устанавливая прежнюю дистанцию

дружелюбного ожидания, иногда порождающего вспышки интереса и влечения.

– А кто знает? – пробормотал Вася.

Кто знает, как Бог созидает, Зачем он моря содрогает, В чем грома и молний причина, Зачем завывает пучина?

Быть может, весь блеск этот нужен Для зреющих в море жемчужин?

Ульяна задумчиво оглядела сосредоточенное, выразительно-неулыбчивое лицо Котова, потом придвинулась, окуная его в бездонные омуты глаз, и поцеловала.

Поцелуй был бы долгим, если бы не появление Парамонова.

– Собирайтесь, – сказал он, окидывая невозмутимым взглядом их стоянку. – Я знаю, где Рыков прячет Кристину и Стаса.

– Где? – в один голос спросили Вася и Уля, оторвавшись друг от друга.

– На прогулочном теплоходе «Максим Горький», в двенадцати километрах отсюда. Теплоходом эту посудину, правда, назвать трудновато, скорее катером, хоть он и двухпалубный, но принадлежит теплоход какой-то государственной конторе и сейчас якобы на ремонте. И самое главное: Кристина и Стас пытались бежать, но неудачно.

– Что с ними?!

– Им помогал какой-то профессионал по фамилии Шевченко. Сейчас они забаррикадировались в машинном отделении. Но Рыкову ничего не стоит проникнуть туда. Просто ему это сейчас невыгодно, пленники все равно в его руках.

– Шевченко? – медленно проговорил Василий. – Не Валерий случайно? Он же погиб...

– Не знаю. Что будем делать?

– Где сам Рыков?

– На катере его нет, но может появиться в любой момент. Он где-то поблизости... и очень рассержен!

– Представляю, – усмехнулся Василий. – Он может пойти на обмен? Мы ему «глушаки», он нам пленников.

Иван Терентьевич покачал головой:

– Он не поверит. И не согласится. Стоит нам подать голос, как в течение часа нас перехватят и убьют.

– Что ж, остается только один путь – взорвать катер!

Парамонов и Ульяна молча смотрели на Василия, и он добавил невозмутимо:

– Ну, после того, естественно, как пленники будут с нами. Другие предложения есть?

– Все-таки ты Аника-воин, – сказала Ульяна со слабой улыбкой. – Даже в красану ты умудряешься представить в красаной.

– Это комплимент или осуждение?

– Ни то, ни другое. Но к идущим во Внутренний Круг этим Путем жизнь предъявляет особые счета. Потому что это Путь потерь...

Вася не нашелся, что ответить, но не в его характере задумываться о будущем. Он жил в настоящем, рядом находилась любимая женщина, друзья ждали его помощи, и надо было действовать.

УНИЧТОЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Бабуу-Сэнгэ мог бы пройти на территорию Кремля, используя свой дар органопластики, перевоплощения, превратившись, например, в двойника премьер-министра или начальника охраны, но он миновал все посты как невидимка, применив мощное психоэнергетическое поле как инструмент внушения. Попросту говоря, он заставлял людей его не видеть.

Юрьев ждал координатора возле царь-пушки, организовав вокруг себя зону мысленного обтекания. Настоятель Храма Гаугамы его видел, другие люди – нет.

Они встретились возле горки ядер.

Бабуу-Сэнгэ был одет в традиционный черный шелковый халат с алым поясом, мягкие сапожки и черную шапочку пирамидальной формы. Это означало, что координатор Союза Девяти готов контролировать любую ситуацию лично и намерен добиться поставленной цели любой ценой. Мнения и желания окружающих его не интересовали, он мог подчинить своей воле любого человека.

– Почему вы не в Рязани, милейший? – сказал Бабуу-Сэнгэ, разглядывая царь-пушку сквозь щелочки глаз. – «Удавы» ведь еще там?

– Рыков найдет их и сообщит. «Глушаки» у Посвященных I ступени Парамонова и Митиной, противник это не слишком серьезный, он справится.

– Немедленно отправляйтесь туда! Соболеву удалось обезвредить моего человека, а это уже уровень II ступени Посвящения, если не выше. Через три часа он будет в Москве. Если до его появления в Рязани «удавы» не удастся отобрать у Парамонова, мы можем остаться у разбитого корыта.

Юрьев внимательно посмотрел на лицо Бабуу-Сэнгэ, бронзово-твердое, невозмутимое, полное глубокого знания и силы, лицо человека, познавшего истинный смысл жизни и потому презиравшего ее. Координатор Союза Девяти был взволнован! И Юрий Бенедиктович во второй раз в жизни испытал страх.

– Что происходит, координатор? Ситуация под контролем...

– Ситуация давно вышла из-под контроля! Во-первых, вы допустили к операции Рыкова, который не остановится на достигнутом и потребует свой кусок пирога в виде расширения полномочий. Во-вторых, нам начинают мешать эгрегоры Хранителей и Собирателей, которые до этого времени никогда ни во что не вмешивались.

По спине Юрьева пробежала ледяная сыпь.

– Хранители... против нас?!

– Они всегда были против активной коррекции реальности, то есть против Союза. Сейчас они получают реальный шанс остаться единственной силой, способной оказывать давление на социальные процессы, не вмешиваясь в них.

Юрьев бесцельно потрогал рукой шершавый холодный чугунный шар ядра.

– Разве с помощью кодонов мы не в состоянии справиться с... проблемами? Одну из копий я испробовал на Хейно, он теперь... не опасен.

– Для использования кодонов нужны «глушаки», а они до сих пор в руках случайных людей.

– Может быть, встретить Соболева в аэропорту, вдвоем, и нейтрализовать его? У меня еще остались два кодоновых импульса. Да и у вас...

– Я попытаюсь. Соболева надо остановить и уничтожить любой ценой! Но вполне возможно, что придется выходить в ментал и даже выше, в логос или универсум.

– Зачем?

– Для прямого вызова Монарха.

Спину Юрьева снова охватил ледяной озноб.

– Это чревато прямой ликвидацией Союза...

– Может быть, связь не понадобится, но вмешательство Соболева тоже грозит прямой ликвидацией Союза. Летите в Рязань, срочно, ищите «удавы», попытайтесь нейтрализовать Рыкова, он мешает.

– А вы?

– Я подготовлю удар по отечественному эйнсофу. Двумя другими займутся коллеги в других странах. Если ничего не удастся сделать с Соболевым, придется прибегнуть к крайней мере. Пойдемте в ваш кабинет, мне понадобится компьютерная сеть и место для размышлений.

Никем не видимые двое из Девяти Неизвестных направились к административному корпусу президентской резиденции.

НОЧЬ НИНДЗЯ

Несмотря на паранормальные возможности Парамонова и Ульяны, основной ударной силой отряда являлся, несомненно, Василий, и именно ему предстояло выполнить важнейшую часть операции освобождения – вывести Кристину и Стаса из машинного отделения на теплоходе «Максим Горький» и пересадить в лодку, которую должна была подогнать Ульяна.

Но перед тем как начать операцию, они около трех часов ждали, пока на теплоходе все уюмонятся и ночь окончательно вступит в свои права. Одновременно Иван Терентьевич учил Василия защищаться от психофизического нападения с помощью «переключения частоты мышления» – то есть перехода в другое состояние сознания с иным темпом нервных процессов. В конце концов Вася понял, что от него требуется, и смог реализовать некий спектр состояний, опирающихся на поле всех возможных многообразий психики. Закончились опыты беспомощностью, из которого Васю вывела Ульяна, лучше Парамонова знавшая размерность психологического подпространства Котова, именуемого свободой воли.

– Ничего, все нормально, – сказал ему Иван Терентьевич, когда Василий очнулся, ошеломленный своим неожиданным путешествием по глубинам собственного «я». – Как говорится, многие люди живут и умирают, не приходя в сознание, тебе еще повезло. Зато теперь ты не будешь особенно нуждаться в медитации. Выход за логически структурированное сознание можно организовать просто усилием воли.

– Но это же выход в меоз... ментальное просветление...

– Не совсем. Для выхода в меоз психику надо готовить специально, для вхождения в континуальное поле сознания, первым этажом которого является астрал, достаточно твоего желания. Но, конечно, тебе еще надо тренироваться и тренироваться.

– Убедился? – подседа к Василию Ульяна.

– В чем?

– Что сознание не хозяин, а слуга? Настоящий хозяин человека – подсознание.

– А что, по-вашему, подсознание? – Василий рывком сел.

– Отличный вопрос, – развеселился Парамонов. – Вообще-то подсознание – это система с бесконечным числом степеней свободы. Но есть и другое толкование, медико-биологическое. Если хотите... – Парамонов замолчал, прислушиваясь к чему-то, и точно так же замерла Ульяна, затем они одновременно посмотрели на Котова.

– Рыков снова покинул теплоход...

– Точно? – подобрался Василий, вгоняя себя в состояние боевого транса. – Так это же хорошо. Надо срочно выступать!

– С одной стороны, хорошо, – задумчиво сказал Парамонов, – с другой, это может означать подготовку ловушки. Рыков знает, что мы попытаемся освободить пленников.

– Но идти все равно надо, – тихо сказала Ульяна.

Василий молча начал облачаться в свою привычную излюбленную форму «демона ночи» – костюм ниндзя, оставляющий открытыми только глаза. Через четверть часа он был готов к походу.

В начале второго ночи они сели в лодку и, бесшумно опуская весла в воду, поплыли вверх по течению Оки, по направлению к стоянке «Максима Горького».

В два часа лодка пристала к островку посреди реки, в двухстах метрах от теплохода, на корме которого горел единственный фонарь да светился ряд иллюминаторов верхней палубы. Парамонов и Вася погрузились в воду и поплыли дальше одни, а Ульяна повернула к берегу. Она должна была подойти к теплоходу по суше и контролировать передвижение всех враждебных групп и лиц, в том числе Рыкова.

Высунув головы из воды, они обогнули теплоход и прислушались. Кроме плеска воли о борта изнутри доносились приглушенные голоса, звуки шагов и музыка, но в машинном отделении было тихо. Парамонов перешел на гиперзрение, хотя давно определил местонахождение всех людей на борту теплохода. Васе сделать это было трудней, но и он перешел в меоз, воспринимая в этом состоянии широкий диапазон волн и полей.

Теплоход «Максим Горький» был построен в 1973 году и обслуживался экипажем в сорок человек. Однако лишь с виду он казался обыкновенным двухпалубным речным катером. В начале девяностых годов его приобрел «для нужд президента» Юрьев,

модернизировал на одной из финских судоверфей, после чего на «Горьком» появились два блока роскошных апартаментов с деревянными рельефами и декоративными панно, современный комплекс спутниковой связи, финская баня, отделанная итальянским мрамором и деревянными панелями из ценного манильского дерева, абак, крытый панорамный бар и лечебная барботажная ванна, имитирующая купание в горячих источниках итальянской Тосканы или в Борном озере в Калифорния.

Кроме того, на теплоходе располагалось двенадцать трехместных гостевых кают. В одной из них до бегства в недра корабля держали Кристину и Стаса.

Хозяйские же апартаменты вмещали большую гостиную, спальню и ванну, библиотеку и кабинет с радио-и телеэлектроникой высшего класса.

Всего этого видеть Василий не мог, но по рассказу Ивана Терентьевича представлял и качественно оценил расположение кают. Можно было начинать действие.

– Сейчас на борту двадцать девять человек, – шепнул ему на ухо Парамонов.

– Наверху двенадцать, в каютах десять и пятеро внизу, охраняют коридор, люки и дверь в машинное отделение. Может, я пойду вперед?

– Пойдете сзади! – ответил Василий.

Подтянувшись на руках за кормовой клюз с якорем, Василий перемахнул через решетку ограждения и нырнул под накрытую брезентом лодку. Охранник, прохаживающийся по спардеку над кормой, в это время как раз нагнулся над поручнем, вглядывался в воду, и Парамонову пришлось заставить его ничего не увидеть, хотя глаза их на мгновение встретились.

Подождав, пока шаги часового стихнут в отдалении, Василий тенью двинулся вдоль темного ряда окон в каюты твиндека, добрался до прохода и тут же атаковал второго часового, темневшего на его пути, как скала. Однако от первого усыпляющего укола в шею этот великан не упал, и Вася понял, что охраняют теплоход кроме обычных еще и зомби-солдаты. Это обстоятельство резко сужало их возможности, ведь запрограммированные люди продолжали выполнять определенную им задачу, даже получив серьезные травмы и увечья. Их надо было только убивать.

– Тре... – начал часовой, поднимая автомат, и не закончил. Удар в лоб, с выплеском энергии космек, успокоил его навсегда.

На верхней палубе слышались голоса, шаги:

– Тюрин, внизу, кажется, кто-то упал, сходи проверь.

– Там Щеголев на посту, все тихо.

Голоса задержались над головой Василия, кто-то перевесился через ограждение.

– Фред, что у тебя?

– Норма, – басом ответил Василий. – Никого.

Он надеялся на подстраховку Парамонова и не ошибся. Иван Терентьевич послал импульс внушения и заставил говоривших прекратить проверку подозрительного шума.

Постояв несколько секунд над телом часового, Василий юркнул в проход между помещениями твиндека, откуда начиналась лестница вверх и в недра теплохода. Но повернув не вниз, а на вторую палубу, вывести пленников тихо, не очистив верхнюю палубу от часовых, было непросто.

Те двое, что спрашивали Фреда, все еще стояли в коридорчике у борта и курили. Их Василий взял чисто, без применения космек, оба не были кодированными, принадлежа, очевидно, к охране теплохода в отличие от зомби-команды, охраняющей какую-то важную персону – либо Рыкова, либо Юрьева. Уснули мужики, так и не поняв, что за мрак стусился за их спинами.

Полагаясь на инстинкт и психоэнергетическое видение, Василий оглядел верхнюю палубу, обнаружил еще двух часовых – на корме и на носу теплохода, после чего подобрался к ним и нейтрализовал обоих. Один был нормальным человеком, источавшим целый букет алкогольных ароматов, второй оказался зомби-легионером и начал сопротивляться, обладая недюжинной силой. Лишь космек-удар Василия в гортань закончил борьбу: отступая, здоровяк наткнулся на ограждение и упал в воду.

Всплеск от падения тела показался Василию ударом грома. Однако на него отреагировал лишь часовой на корме нижней палубы. Он взвел автомат, на цыпочках добежал до того места, где слышался шум. В этот момент сверху на него и свалился Василий, резким рывком коппо-дзюцу сломав часовому шею. Перекинув тело за борт и придерживая его за воротник куртки, он без звука опустил его в воду.

Прошло ровно шесть минут, какой появился на борту «Максима Горького», но все семеро часовых верхних палуб были обезврежены.

Успокоив дыхание и сердце по рецепту Парамонова, Василий снова ощутил прилив сил и молнией слетел по лестнице на нижний горизонт теплохода, где его ждала команда из двенадцати рослых охранников, шестеро из которых были зомбированы.

Первых двух Вася обнаружил в нише под лестницей.

Один спал, накачанный спиртным, второй стоял как истукан, глядя перед собой застывшими глазами: он тоже был в опьянении, но наркотическом. Обоих Василий усыпил за долю секунды, спрыгнув с лестницы прямо в нишу. Остановился, прислушиваясь, и... покошачьи извернувшись, нырнул на пол, ощутив сакки.

Пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, пролетела в сантиметре от головы, звучно вошла в дверь в конце коридора.

Василий не глядя бросил назад две звездочки сюрикэнов, но рисковать не стал – прыгнул туда же выгибом вперед и вытаскивая сай.

Он не ошибся. Стрелявший был зомби, сюрикэны сбили прицел, попав ему в руку и грудь, но не остановили охрану, и лишь выпад трехзубого сая, пронзившего сердце, погрузил его в мертвый сон. Только теперь Вася заметил, что здесь расположена не ниша, а тамбур перед каютой, где, очевидно, и отдыхал во время визитов хозяин теплохода. Однако удар пули в деревянную дверь сделал свое дело. Сразу две головы высунулись из-за открывшихся дверей справа к слева по коридору. Василий вынужден был действовать на пределе темпа, чтобы погасить тревогу.

Звездочка сакэна вошла в висок первого из охранников, второму Вася движением пальца раздробил переносицу, вталкивая в каюту. Заскочил туда и сам: три койки, лакированное дерево стен, пейзажи в багетах по стенам, стол посреди, освещенный красивым бра, двое застывших парней с картами в руках, на лицах только-только начинает зарождаться удивление. Ну и продолжайте в том же духе, ребята, только во сне. Вкушайте пранаяму, как учит Йога Видья.

Двумя касаниями Василий усыпил обоих, мельком подумав, что первый еще может выжить. Метнулся обратно в коридор, чтобы увидеть, как закрывается дверь каюты, откуда высовывался охранник, получивший звезду сюрикэна. Иван Терентьевич на несколько секунд

задержал реакцию того, кто находился в каюте, но держать больше не мог, потому что это был зомби-легионер.

Раздумывать было некогда, и Василий ударом кансю – «рука-копье» – пробил дверь, достав того, кто ее закрывал. Второй удар сорвал замок, а третьего не потребовалось – в каюте находились лишь двое охранников.

Но оставались еще четверо, и это были уже профессионалы, ни на что не отвлекающиеся во время службы. Двое из них стерегли второй блок апартаментов – с другой стороны прохода, но, к счастью, сидели не в нише для часовых, а внутри каюты, в гостиной. Еще двое дежурили на носу, в тамбуре, ведущем в нижние помещения теплохода, и в каюту с барботажной ванной. Их Василий смог нейтрализовать в самый последний момент, когда оба уже собрались открыть огонь, заметив черный, несущийся по коридору вихрь. Его спасло лишь одно последствие зомбирования: у зомби-солдат реакция все же была замедленной по сравнению с нормальными людьми. Охранники не успели вызвать по рации начальника караула. Первый умер с кинжалом во рту, пронзившим мозг, второй лишился головы от удара меча-тамэ.

Вася остановился над телами, тяжело дыша, чувствуя, как сердце рвется через горло. Прошла целая минута, пока он смог восстановить силы и снова выйти в меоз. Краем глаза заметил какое-то движение сзади, вращательным взмахом кисти бросил сюрикэн и едва успел отклонить траекторию броска чуть в сторону. Это появился Парамонов.

– Тьфу на вас! – прошипел сквозь зубы Василий. – Зачем вы влезли сюда? Я же мог вас убить!

– Изменились условия. Приближаются Посвященные. Через четверть часа они будут здесь.

– Кто, Рыков?

– Трое: Рыков, Мурашов и Головань.

– О, черт! Ждите здесь, я нейтрализую еще двоих на этой палубе...

– Они уже спят, все в порядке, можно идти вниз.

– Вы усыпили зомби?! Как вам это удалось?

– Не время объясняться. Идите вперед, я прикрою спину. Ульяна предупредит, когда Рыков и компания будут близко.

Василий глубоко вздохнул, задержал дыхание, как перед прыжком в воду, перешел на темп и юркнул в колодец со ступеньками, ведущий в трюм и машинное отделение.

КТО СТОИТ НА СВОЕМ, ДАЛЕКО НЕ УЙДЕТ

Мурашов и Головань прибыли в Рязань на самолете частной авиакомпании «Шершень», на самом деле принадлежащей Службе внешней разведки. Но поскольку у Мурашова, как секретаря Совета безопасности, был допуск на любой военный сверхсекретный объект, он имел возможность пользоваться им по своему усмотрению.

Прибыли двое из Девяти со своими пятерками телохранителей, и встречавший их в аэропорту в два часа ночи на летном поле Рыков отметил про себя: Посвященные не стали передвигаться без подстраховки. Сам Герман Довлатович начал прикрывать спину зомби-командой давно.

Встреча Посвященных II ступени, кардиналов Союза Девяти, напоминала сход крестных отцов мафии: ни объятий, ни приветствий, ни рукопожатий – короткие поклоны и перекрест стали во взглядах. Сентиментальными эти люди не были никогда. Но все же в данный момент они представляли коалицию, группу людей, делавших одно дело, поэтому о разногласиях временно забыли.

– Докладывай обстановку, – сказал Мурашов, усаживаясь в бронированный «мерседес» Рыкова.

Герман Довлатович оглянулся на Голованя, не торопившегося к машине, кивнул на него:

– Что это с Кириллом?

Мурашов тоже оглянулся:

– Не знаю, чувствует что-то... всю дорогу молчал. О своей встрече с Соболевым он так ничего толком и не сказал.

– Просто он хорошо усвоил правило: в наше время все можно сделать, но не все сказать.

Мурашов усмехнулся:

– Возможно.

– Кирилл, время, – поторопил директора МИСИ Рыков.

Головань подошел, запахивая плащ.

– Знаете что, господа, я не поеду.

Оба Посвященных переглянулись, потом Мурашов вылез из машины.

– Что с тобой происходит, Кирилл? Уж не зомбировал ли тебя Соболев?

Головань покачал крупной головой, глаза его отразили звезды и синие фонари взлетной полосы.

– Мне не нравится это место... мне не нравится, что во всем деле с «глушаками» замешан Юрьев... мне вообще не нравится вся эта затея – со сменой координатора. Нет, джентльмены, я подожду влезать в болото сомнительных дефиниций и расчетов.

Рыков и Мурашов обменялись взглядами.

– Кирилл, ты что, боишься?

Головань отвернулся, помолчал.

– Я чувствую чью-то... смерть. Герман, ты сказал, что контейнер с «глушаками» под твоим контролем, но не уточнил, что они у людей Круга.

– Это всего лишь Посвященные I ступени, – с пренебрежением сказал Рыков.

– Парамонов и Митина. И по их следу идет Самандар, которого я соблазнил переходом в касту рангом выше.

– И все же это люди Круга, имеющие свой эгрегор. Неужели ты не чувствуешь его нарастающего давления? Но дело даже не в этом. Сюда скоро прибудет Соболев...

– Все-таки он тебя напугал, Кирилл, – нехорошо ухмыльнулся Мурашов. – Но с ним справится любой из нас, а уж тем более трое из Девяти!

– Начинать бой с Соболевым все равно что выпрыгнуть из окна двадцатого этажа и потом еще застрелиться.

Рыков фыркнул. Мурашов тоже рассмеялся, но Головань не поддержал их.

– Это не смешно, коллеги. Потенциал Соболева гораздо выше, чем принято считать, в скором времени вы убедитесь в этом. Прощайте, я возвращаюсь. – Кирилл Данилович кивнул и направился к двухэтажному зданию аэропорта в сопровождении пятерки телохранителей.

– Кирилл, – окликнул его Рыков. – Ты не ошибся в оценке ситуации? Тот, кто упорно стоит на своем, далеко не уйдет.

– Мне поводыр не нужен, – глухо, не оборачиваясь, ответил Головань и скрылся за стеклянной дверью сектора высадки.

Двое из Девяти молча смотрели ему вслед.

– Ну, что скажешь? – осведомился Мурашов. – Почему ты действительно не сказал ему, что «глушаки» все еще у Парамонова? Кстати, я чую, что он где-то близко... и не один...

Рыков очнулся, прислушался к своим ощущениям и, удовлетворенно улыбнувшись, сел в «мерседес».

– Поехали.

– Чему ты радуешься? – Мурашов сел рядом.

– Парамонов с командой все-таки решился на штурм моей базы, где я держу семью Соболева. Через полчаса у нас будет полный комплект пленников и контейнер с «глушаками». Все идет по плану.

Виктор Викторович промолчал, хотя уход Голованя подействовал на него угнетающе и заставил переоценить кое-какие качества Посвященных. Интересно, подумал Мурашов, кого имел в виду Кирилл? Чью смерть он увидел?..

Рыков себе такой вопрос не задавал, он знал, о ком шла речь.

ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ

Толчок был не сильным, но довольно ощутимым. Матвей открыл глаза, огляделся и прислушался к ровному гулу моторов. Почти все пассажиры спали. До Москвы было еще с час лету, никаких эволюции подъема-спуска самолет делать не собирался. Что же его разбудило?

И в этот момент ощутил нарастающую вибрацию своего психоинтеллектуального пространства. Страшная, останавливающая все движение тень встала над миром, и даже металл корпуса самолета сжался в смертельном ужасе перед властелином неведомых бездн и мертвого покоя. Матвей почувствовал небывалую, чудовищную, жуткую мощь темных крыльев, взмах которых мог остановить бег атомов и разрушить спирали галактик! Взгляд пронзил Матвея, мертвый и в то же время неистово сверкающий, кипящий и зловещий, как отблеск огня на трубе крематория. Кто-то искал его через ментал, пытаясь нащупать сознание и внедриться в него. Матвей, холодея, сжался в точку, в элементарную частицу, растаял в вакууме, исчез... Вибрация пошла на убыль, пропала, но внутри у Матвея все ныло, как при перегрузке, и зрело ощущение, что его выследили. Не Бабуу-Сэнгэ и не другие кардиналы Союза Десяти, они и так знали, где он находится. Его вычислил кто-то рангом повыше.

Матвей оглянулся и встретил взгляд глубоких черных глаз, светящихся на смуглом невозмутимом лице. Хранитель смотрел на него, сдерживая улыбку, сидя в крайнем кресле, и ждал. Матвей молча встал, сел рядом.

— Добрый вечер. Давно не виделись.

— Давненько, — кивнул Матфей, одетый в какой-то блестящий комбинезон, делавший его похожим на космонавта. — Вы ничего не почувствовали только что?

— Я проснулся от... толчка. Потом увидел вас.

— Причиной... гм, толчка был не я. Ваш покорный слуга не трясет пространство во время передвижения. К тому же вы сейчас единственный, кто меня видит. Толчок произвел Монарх.

— Он... просочился сквозь барьер?!

– Я уже говорил вам когда-то. Все, что творится в нашей запрещенной реальности и даже в «розе реальностей», суть результат действий Монарха. Он спровоцировал иерархов на борьбу за трон Мастера Мастеров...

– Иерарха...

– Он подготовил новое Изменение. Граница между мирами, укрепленная вами, еще держится, и он не может пробить ее на физическом уровне, но он смог обойти этот закон с другой стороны – перелив часть своего «я» в резервуар всеобщего информационного поля Земли...

– В ментал!

– В ментал тоже, но меньше. Вы же знаете, общее информполе состоит из четырех уровней: астрал, ментал, логос и универсум. Монарх «растекся» по двум последним. Вы никогда не пытались проникнуть туда?

– Год назад... но впечатления это на меня не произвело. Я мало что увидел и понял. Эфирная высь без красок и перспектив, где созерцание бесстрастно, а воля погашена... где ничего не хочется и ничего не ждётся...

– Да, это логос, таково первое впечатление. Информация логоса поляризована, по сути, это коллективное подсознание человечества, руководящее всеми его поступками. Хорошо, что вы больше не пробовали туда войти. Столкновение с Монархом, даже с его «проекцией», закончилось бы для вас печально.

– Он бы меня... зомбировал?

– Не исключено.

– Зачем вы все это говорите мне?

– Потому что я ваш Учитель, о, идущий. Когда-нибудь надо было сказать вам это.

– Я догадывался... но не верил. Но вы же собирались уйти... в «розу реальностей».

– Я и ушел. Вы тоже сейчас видите не личность по имени Матфей, а его копию, так сказать, проекцию. Однако это не мешает нам контактировать.

– А почему я? Почему вы в ученики выбрали меня?

– Есть простой закон: люди, раз вступив в глубокое взаимодействие в земной жизни, полюбив ли по-настоящему,

причинив ли друг другу зло, выручив из беды, возбудив глубокую симпатию или благодаря родству душ, сохраняют связанность навсегда. Хотел бы я когда-нибудь еще раз встретиться с вами. – Матфей улыбнулся чуть снисходительно, печально и виновато. – Но все это лишь мечты...

– Почему? Раз вы можете пересекать границы реальностей...

– О, все изменится. Мечтая о будущем земной реальности, я просто оплакиваю настоящее, у которого будущего нет.

– Не понимаю.

– Не удивительно. У вас все впереди. Но сегодня я пришел не ради философских бесед. – Матфей посмотрел прямо в глаза Соболеву, и в его лице вдруг проступили знакомые черты.

– Инфарх! – прошептал Матвей с суеверным страхом. – Вы... инфарх!..

– И да, и нет. Я только стану им... там, в абсолютных планах, и в то же время я уже много тысяч лет инфарх. Но, конечно, с вами беседует только его часть, та, которая известна вам под именем Матфей-Хранитель. Личность, индивидуальная программа Мастера Мастеров в запрещенной реальности.

– Голова кругом!.. Значит, вы все знаете? Знаете все, что произойдет здесь у нас?..

– В какой-то мере. Вам придется все это пережить. Но запомните одно: при любом искажении формы содержание, то есть информационная матрица реальности, сохраняется. Это первое.

Матвей не понял ничего, что хотел сказать Хранитель. Вернее, он уловил смысл фразы, но к чему она была сказана, не понял.

– Второе, – продолжал Матфей, начиная вдруг бледнеть, становиться прозрачным, – верховный координатор Союзов Неизвестных Хуан Франко Креспо санкционировал применение кодонов, особых программ гипервнушения, виртуальных переключателей сознания, созданных когда-то Инсектами. Аморфы пошли на Изменение не в последнюю очередь из-за увлечения Инсектами этим оружием. Кодоновую агрессию, если она начнется, остановить будет невозможно! Эта штука страшнее атомной бомбы, потому что ломает психику не только отдельных людей, но целых эгрегоров! Кардиналы Союза Девяти уже получили пятиуровневый

кодон и даже успели применить одну из копий. Правда, против своего же коллеги.

– Кого?

– Носового. Хейно Янович теперь в психиатрической клинике и вряд ли оттуда выйдет.

– Что же это, они воюют сами с собой?

– Передел власти штука азартная, в ней правил не бывает. – Фигура Хранителя стала совсем прозрачной. – Прощайте, Матвей Фомич. Даст Бог еще свидимся. Помните, что я вам сказал.

Хранитель исчез.

Матвей, задумавшись, пересел на свое место, потом решительно настроился на переход в меоз для контакта с менталом. Через несколько минут вернулся в самолет, узнав почти все, что было нужно, и приступил к реализации возникшего плана.

В результате этого самолет сел не в аэропорту Шереметьево-2, в Москве, а в рязанском аэропорту, в три часа ночи.

Бабуу-Сэнгэ, ожидавший Соболева в Шереметьеве, никак не выразил своих эмоций, когда диктор объявил об изменении пункта посадки парижского рейса, но это обстоятельство подвигло его на ответный ход, и прямо из Шереметьева он на вертолете вылетел к военному аэродрому в Гущине.

Матвей же, сойдя в аэропорту Рязани и отпустив наконец сознание пилотов, с ужасом осознавших, где они посадили самолет, сел в такси на привокзальной площади аэропорта, внушил водителю желание поспать в зале до утра и выехал по направлению к речному порту. Через двадцать минут он вышел из машины у причала, где стоял теплоход «Максим Горький».

Но еще при выходе из самолета на трап он почувствовал, будто спускается по скользкой тропинке в холодный, без единого проблеска света, застывший ад...

MORTAL COMBAT

Психофизически Рыков и Мурашов были гораздо сильнее Парамонова, Ульяны и Василия. Они почувствовали это при первой же ментальной атаке Посвященных II ступени.

Конечно, они подготовились к виртуальному бою как могли, соединив свои индивидуальные пси-поля в единый щит, но силы были слишком неравными.

До этого момента, то есть до появления Рыкова возле теплохода, все шло нормально. Василий и Иван Терентьевич спустились в трюм, обезвредили семерых боевиков, охранявших два люка в машинное отделение, и Парамонов вошел в мысленный контакт с Кристиной, сообщив, что пришла подмога. Переговоры длились минуту: раненный в плечо Валера Шевченко не сразу опознал голос Василия и не хотел открывать дверь. Наконец загремели кремальеры на железной двери, и в коридоре появились бледные, измученные пленники. Обняли освободителей. Кристина всплакнула. Василий, удивленный и обрадованный встречей с бывшим коллегой по «Чистилищу», считавший его мертвым, с чувством пожал ему руку.

– Не думал тебя встретить, дружище! Правда, тебя не сразу узнаешь. Как ты здесь оказался?

– Стреляли, – улыбнулся Шевченко. – Долго рассказывать. Я сейчас в команде Юрьева, слыхал о таком деятеле?

Вася присвистнул:

– Ну и занесло же тебя в зверинец!

– Я не знал, что он из того же сволочного сословия, что и Рыков. Со мной всегда вел себя по-джентльменски.

– Ну, этого у них не отнять, – скривил губы Вася. – У джентльменов все честно: мухи отдельно, котлеты отдельно. Тебе он говорил одно, а делал другое. Ладно, с ним мы еще разберемся. Давайте выбираться отсюда.

Бегом поднялись на палубу: впереди Василий с Иваном Терентьевичем, сзади Шевченко, вооруженный двумя автоматами. Плечо у него болело, но, перевязанное Кристиной, стрелять не мешало бы.

И в этот момент Ульяна, ждущая их на берегу возле металлического ограждения стоянки с дверью, которую охранял один из рыковских легионеров (Уля его усыпила), подала сигнал опасности. Впрочем, Парамонов, видевший приближение противника, не нуждался в предупреждении и вовремя поставил паранормальный блок, защитивший его и Василия от первого пси-удара. Для защиты Валеры Шевченко этого блока оказалось недостаточно. Затем для Василия начался самый странный и страшный бой, жутко реальный, несмотря на то, что проходил он в психоинтеллектуальном, иллюзорном пространстве, и полный невыразимого драматизма и напряжения.

Пси-удар, нанесенный Рыковым и Мурашовым, мгновенно парализовал Кристину, Стаса и Шевченко, пробил мысленный соединенный щит Парамонова, Ульяны и Василия и вогнал их сознание в непостижимые ими самими глубины психики, глубины родовой памяти...

Пришел в себя Василий среди гигантских валунов на вершине плоского холма. Он был одет в шкуру какого-то зверя, подпоясан веревкой, на ногах имел нечто вроде кожаных чулок, а в четырех (!) лапах-руках держал целый набор метательных ножей странного вида.

В нескольких шагах от него стоял четырехрукий Парамонов, но одетый иначе: в кольчугу, латы, шлем с шишаком, сапоги с поножами, — и вооруженный арбалетом и длинным, чуть ли не двухметровым мечом, лезвие которого «дышало»

— то удлинялось языком прозрачно-стального «пламени», то укорачивалось. Другой парой рук он держал необычной формы щит — звездообразный, перепончатый, испещренный узором жилок. Ульяна стояла поодаль, пригнувшись, глядя вверх, экипированная примерно так же, как и Иван Терентьевич, но вместо меча второй парой рук она держала шпагу с огоньком на конце.

— Держитесь! — крикнула она, прикрываясь щитом.

Зеленая молния ударила сверху в щит, отразилась, задев один из валунов, и тот развалился надвое, расплылся алой лужицей. Василия сбilo с ног, он откатился за камень, посмотрел в небо и обмер.

Чуть в стороне, над соседним холмом, всего на высоте девятиэтажного дома висело удивительное ячеистое сооружение цвета бутылочного стекла: два гигантских крыла, напоминающих крылья

самолета, держали три складчатых башни разной высоты, но одинаковой длины, образуя как бы трехпластинчатый фюзеляж самолета. Сложный узор рытвин и каверн на поверхности «фюзеляжа» создавал впечатление гармонии и эзотерического иероглифического текста. Рисунок же отверстий на днище корпуса и на крыльях точно воспроизводил форму пчелиных сот, хотя каждая ячейка была размером с футбольный мяч. Это был зоэрекс, летающий замок-гнездо древних разумных ос – Веспидов.

Но не он поразил Василия.

На кромке ближайшего крыла стояли, вытянувшись вверх, два кошмарных существа, похожих на гигантских тараканов с человеческими лицами, затянутые в сетчатые, отсверкивающие золотом «скафандры». Но оружие в их руках-лапах было гораздо современнее того, чем были вооружены люди на холме. Рыков («таракан» черный) держал нечто вроде огнемета, Мурашов («таракан» лиловый) – громадный «пистолет» с длинным решетчатым дулом. И Вася понял, что разница в вооружении отражает уровень противостояния Посвященных I и II ступеней. Сам же он и вовсе был практически безоружен по отношению к врагу со своими ножами.

Мурашов поднял пистолет, из дула которого вырвалась знакомая зеленая молния. Но за мгновение до этого Парамонов и Ульяна подняли щиты, удивительным образом соединившиеся в единый зонтик из полупрозрачной перепончатой пленки, который накрыл всех троих. Молния вонзилась в зонтик, пробила его, породив оглушающий треск, и погасла в почве холма, проделав в ней оплавленный шрам. Ульяна и Парамонов на ногах устояли, Василия же швырнуло в сторону на несколько метров, едва не вмазав в камень.

Сгруппировавшись, он перекатился под защиту валуна и швырнул нож вверх изо всей силы, так что застонали мышцы плеча.

Нож до платформы зоэркса не долетел, зеленая молния превратила его в облачко дыма.

– Не отвлекайся на них! – снова крикнула (не голосом, а мысленно, и Вася это понял) Ульяна. – Твоя задача увести отсюда пленников и пробиться сквозь охотников.

Только теперь Василий увидел невдалеке, в воронке за камнями, два скорчившихся тела – Кристины и Стаса, и почти полностью сгоревший труп Шевченко. Одетые в какие-то лохмотья, Кристина и

мальчик не шевелились. Вася понял, что близкие Матвея без сознания. Увидел он наконец и тех, кого Ульяна назвала охотниками. Снизу вверх по склону холма двигалась цепь волосатых карликов с палицами и луками в руках. Это были телохранители из команд Рыкова и Мурашова, превращенные фантазией Васи в «пещерных людей». Но он знал, что драться с ними надо всерьез.

Увернувшись от очередного выстрела Мурашова, Василий вскочил и понесся вниз, с разбегу ударив первого приблизившегося карлика ногой в живот, а второго сбив с ног корпусом. Затем швырнул три ножа одновременно, целя в тех, кто метил в него из луков. Упал, пропустив над собой две свистнувшие стрелы, подхватился и бросил последний нож. Перекатился по земле под защиту скального выступа, поднял упавший лук, колчан со стрелами и спрятался за скалу, принявшую на себя еще несколько стрел. Он вывел из строя уже шестерых охотников, но их было вдвое больше, и все они непрерывно стреляли из луков, все точнее и точнее, и прорваться сквозь этот огонь с двумя беспомощными пленниками не представлялось возможным.

Но главным фактором, порождавшим отчаяние и ярость, было то, что Ульяна и Парамонов проигрывали бой двум из Девяти Неизвестных. Силы были слишком неравными.

Уже дважды молнии выстрелов Мурашова пробивали щит Ивана Терентьевича, проделав оплавленные борозды на его латах, и выбили из рук Ульяны ее шпагу. А затем в поединок вступил, наконец, Рыков, сделав выстрел из своего страшного «огнемета».

Клубок неистового радужного огня ударил в соединенный щит Посвященных I ступени, разбил его вдребезги, но и сам слегка отклонился, врезавшись в скалы рядом, проделав в них глубокий многометровый ров. Второй выстрел должен был сжечь и сопротивлявшихся людей. Но в этот миг произошли два события, круто изменившие ситуацию.

Сначала Иван Терентьевич, долго маневрировавший и выбиравший время для ответного удара, сделал стремительный выпад своим удивительным мечом. Лезвие меча удлинилось метров на тридцать и пронзило Мурашова насквозь. Виктор Викторович, вскрикнув, выронил пистолет, стрелявший молниями, сделал неверный шаг и камнем полетел вниз. Раздался тяжелый всплеск, будто свинцовое тело одного из Девяти упало не на склон холма, а в

асфальтовое озеро. От сильнейшего сотрясения Василий упал на колени, но, будучи в состоянии боевого транса, не стал отвлекаться на созерцание полета Мурашова, а выстрелил из лука в Рыкова. И попал! Правда, для Посвященного II ступени его стрела, попавшая в руку, была не страшнее комариного жала, и Рыков даже не пошатнулся, наводя ствол «огнемета» на вершину холма вниз. Однако второе событие заставило его оглянуться.

Между холмами показался всадник на шестиногом звере, закованный в сияющие холодным голубым огнем латы. От мощного ровного топота задрожала земля. Низкорослые охотники, окружавшие Василия, попятись. Ульяна и Парамонов, сбитые с ног, поднялись, глядя на приближавшегося всадника как на вестника смерти. Но это был не «князь тьмы», не один из Девяти, пожелавший помочь кардиналам Союза, это пришел Матвей Соболев.

Шестиногий монстр легко вознес его на вершину холма, остановился как вкопанный. Глыба металла, которой казался Соболев, шевельнулась, высвобождая закрепленное справа копье с мерцавшим серебристым наконечником, направляя острие вверх. Левая рука гиганта медленно подняла арбалет с толстой стрелой, наконечник которой тоже светился, но желто-оранжевым светом, словно раскаленный в горне.

Несколько мгновений Соболев и Рыков смотрели друг на друга, оценивая шансы на победу. Потом Генеральный Судья «Чистилища» окутался пеленой серо-зеленого дыма, дым распух в облако, поредел, растаял, а вместе с ним растаяла и фигура одного из Девяти, пожелавшего стать Первым из Девяти. Рыков бежал!

ГОЛАБ

Майор ВВС, летчик первого класса Геннадий Степанович Ломотов, любил поспать после дежурства. Вторник восемнадцатого июня был именно таким днем, когда он мог позволить себе расслабиться. Вторая жена, прожившая с Ломотовым уже десять лет (первая сбежала от него спустя месяц после свадьбы), знала все слабости мужа и умело боролась с ними, но сон его никогда не нарушала, зная, что спать мужчина должен столько, сколько требует организм. Геннадий за это здорово уважал супругу и за все десять лет супружеской жизни на сторону не посмотрел ни разу.

Однако во вторник сон летчика был нарушен насильственным путем, хотя и не по вине жены. Она об этом даже не узнала, с утра пораньше отправившись на рынок за продуктами. Работала она парикмахером в военном городке под Гущином, где был расположен военный аэродром, и в этот день ее смена заступала в два часа дня.

Проснулся Геннадий Степанович от холодного прикосновения к лицу. Вздрогнул, пытаясь стереть со щеки «струйку воды», пробормотал недовольно: «Отстань, дай поспать...» Потом открыл глаза и окончательно проснулся.

Возле кровати стоял невысокий бронзоволицый человек, по типу лица – монгол или бурят, одетый в черный шелковый халат с красным поясом, на голове его красовалась необычная шалочка-тюбетейка в форме пирамиды. Раздвинув губы в холодной улыбке, он молча, не мигая смотрел на хозяина.

Ломотов, не ожидая подвоха, сел, почесал волосатую грудь, живот, наконец зевнул:

– Вам кого?

Монах продолжал молчать, изучая лицо Геннадия Степановича непроницаемыми черными глазами.

– Маш, кто это? – повысил голос Ломотов. – Кого ты впустила?

– Она ушла, – заговорил наконец незнакомец гортанным голосом. – Геннадий Степанович Ломотов, вы являетесь командиром эскадрильи многоцелевых истребителей-перехватчиков «СУ-35», расквартированной в Гущине?

– Ну? – сказал Ломотов.

– Тогда слушайте приказ.

– Какого хрена? – изумился Геннадий Степанович, поднимая редкие соломенные брови. – Маш, ступай-ка и выгони этого шута!

– Встать! – тихо скомандовал монах, и Ломотов поперхнулся, выражение изумления сползло с его лица, глаза стали пустыми и полусонными. Он медленно сполз с кровати, выпрямился, глядя на монаха, как удав на кролика.

– Сейчас вы умостесь, позавтракаете, соберетесь и поедете на аэродром. Жене скажете, чтобы не волновалась, что у вас срочный вылет. В принципе так оно и есть. На аэродроме подготовите свой самолет к вылету и взлетите. Курс – Сергиев Посад, цель – Свято-Троицкая Сергеева лавра. Нанесете по ней ракетный удар. Повторите.

Майор, запинаясь, повторил, но все же потом сработала, очевидно, часть его сознания, еще не задавленная чужой волей:

– Но там же люди... и лавра... храмы... жестоко... зачем?

– Вы правы, – кивнул гость, – жестоко. Но это Голаб, закон власти, который не знает вопроса – зачем. – Задумчиво оглядел лысеющего, полнеющего, заросшего рыжим волосом майора. – Это секретный приказ командования. О нем никто не должен знать, иначе смерть! В Сергиев Посад проник враг, его надо уничтожить. Повторите.

Ломотов повторил, уже увереннее.

– А теперь слушайте внимательно. – Монах произнес странно звучащую фразу, не переводимую ни на один из земных языков. Когда звуки стихли, Геннадий Степанович сел на кровать – колени вдруг ослабели, и закрыл глаза. Когда открыл – в спальне никого не было.

Впрочем, о визите монаха майор потом вспомнить не мог вообще, будто его не существовало.

Через час, сделав все, что приказывал гость, хотя сам Ломотов считал, что действует по собственной инициативе, он уже выезжал из города, расположенного в семи километрах от аэродрома. В десять часов двадцать минут он вошел в ворота КПП. Без двадцати десять проследовал к капонирам «СУ-тридцать пятых», одетый в гермокостюм. День был нелетный, самолеты стояли на приколе, многие – со снятым вооружением, и требовалось время, чтобы подготовить командирский самолет к боевому вылету. О том, что вылет боевой, майор, естественно, не сказал никому. Да его и не

спрашивали, считая, что командир эскадрильи получил учебное задание. В десять часов пятьдесят минут к «СУ-35» с бортовым номером «01» подъехал заправщик, подстыковал шланги, и в баки самолета хлынул керосин...

Одноместный истребитель «СУ-35» был разработан в КБ Сухого еще в 1985 году и предназначался для действий не только по воздушным целям, но и для нанесения дальних и высокоточных ударов по тылам противника. Он был способен поражать на большом расстоянии надводные корабли, от авианосца до малозаметного катера, вести борьбу с самолетами дальнего радиолокационного обнаружения, с воздушными командными пунктами, а также летать на малых высотах, облетая препятствия, и уничтожать малоразмерные наземные цели.

Самолет оснастили новой системой управления вооружением, включающей бортовой компьютер, опто-электронную связь и многорежимную помехозащищенную РЛС, позволяющую обнаруживать воздушные цели на дальности до четырехсот километров, одновременно сопровождать не менее пятнадцати целей и не менее шести атаковать ракетами. Кроме того, на самолете использовалась автоматическая защищенная система обмена данными о целях, которая позволяла пилоту выбирать и атаковать наиболее опасную цель.

По широте ассортимента вооружения «СУ-35» не имел аналогов в мире. На внешних узлах подвески он мог нести до шестнадцати ракет разных назначений и мощности – больше, чем любой другой истребитель. Но главное для заказчика, закодировавшего майора Ломотова, было то, что на самолете могли быть размещены ракеты типа «Х» с телевизионным и лазерным наведением для атаки наземных целей. Двух таких ракет даже без ядерной начинки, например «Х-25» или «Х-59», вполне хватило бы, чтобы уничтожить любой наземный объект с толщиной стен до двух метров. На самолете же майора Ломотова были закреплены ракеты «Х-96» с подъядерным боезапасом, взрыв которых создавал зону полного разрушения на площади в два квадратных километра. Их хватило бы для разрушения не только Троице-Сергиевой лавры, но и всего Сергиева Посада, расположенного в семидесяти километрах от Москвы.

В одиннадцать часов двадцать пять минут «СУ-35» с бортовым номером «01», ведомый командиром эскадрильи майором Ломотовым, стартовал с аэродрома в Гущине, направляясь по дуге вокруг Москвы на север. Лететь до цели ему предстояло всего семь минут.

ПРАВИЛО ВЕРЫ

Снова они оказались затерянными в болотах Мещеры. Только теперь не как туристы, а как беглецы.

Бой на теплоходе «Максим Горький» закончился гибелью Мурашова, Валеры Шевченко и бегством Рыкова. Боевые группы кардиналов Союза Девяти потеряли половину состава и тоже не были в состоянии продолжать борьбу и вести преследование. Помятые, но живые и здоровые, Ульяна, Василий, Парамонов, Кристина, Стас и Матвей погрузились в котовскую «вольво» и в полной темноте отмахали шестьдесят километров на север, в сторону Спас-Клепиков, пока не кончился бензин. После этого они пробрались в село Ершово, нашли на берегу озера лодку, спустили на воду и погнали ее опять же в полной темноте вверх по Пре, практически повторяя маршрут тургруппы Котова, пройденный ею почти две недели назад. Никто их не увидел и не услышал, не тявкнула ни одна собака, не крикнул ни один петух. Посвященные держали полевую обстановку под контролем.

Когда наконец рассвело, беглецы были уже в двенадцати километрах от Ершова, на озере Великом. Отдохнули с час, перекусили консервами и снова поплыли вверх, к озеру Святому, на северном берегу которого начинались обширные леса и болота.

В семь утра сделали привал. Посматривая друг на друга, собрались у бездымного костра, который развел Василий. Стас чувствовал себя нормально, Кристина же была бледна и все время прислушивалась к себе, к шевелению в животе. Нападение, пленение, выстрел из «глушака», бегство, волнения последних суток не могли не сказаться на ее самочувствии и психическом состоянии, поэтому она с трудом держалась на ногах и безучастно выполняла мягкие распоряжения Матвея.

Позавтракав, мужчины проверили снаряжение отряда и вынуждены были признать, что экипированы недостаточно хорошо для хождения по лесам, а тем более для отпора врагу, который вскоре должен был предпринять новую попытку отобрать свое – «глушаки», и, конечно же, нейтрализовать Соболева. Правда, об этом знал только

один Матвей, который во время всего отступления прокручивал в уме варианты своего участия в конфликте Посвященных.

Василий все еще был в черном костюме ниндзя, достав из сумки джинсовую двойку, переоделся. Иван Терентьевич тоже захватил кое-что из одежды, не забыл прихватить с теплохода один «никонов» и два магазина к нему. В Васиной сумке оказались консервы, хлеб, сахар и сухое молоко, а так же полный набор Н-1: сюрикэны, бола, десантные ножи «бакмастер» и «найтхок», шарики, комплект саев, шнур, взрывпакеты, светобарические гранаты величиной с грецкий орех, духовая трубка с отравленными иглами и даже короткий окинавский меч-тамэ. Естественно, ему же пришлось нести и сорокапятикилограммовую сумку с «глушаками». Плывая по озеру, он сгоряча предложил ее утопить, но вовремя сообразил, что преследователям ничего не стоит поднять ее со дна.

Матвей был одет в стандартный таскер и нес с собой небольшую спортивную сумку, которую ни разу не раскрыл. Дорожный костюм его жены превращал ее в родную сестру Соболева, и лишь Кристина выделялась нарядом из всей компании: ей пришлось почти впору Васины черные шаровары, выбирать было не из чего, ее джинсы пришли в полную негодность. Матвей взял ее под руку и повел в лес, бросив через плечо:

– Буду через полчаса.

Ульяна посмотрела им вслед, потом предложила Стасу искупаться, и они убежали к озеру. Стас все понимал, ни на что не жаловался, и хотя лицо его осунулось и побледнело – держался молодцом.

Василий и Парамонов остались у костра.

– На консервах мы далеко не уйдем, – буркнул Вася, подбрасывая в костер сушняк. – Такие вот инфарктные гонки требуют слишком много энергии.

Жующий что-то Иван Терентьевич сунул руку в карман и протянул кулак Котову.

– Держи.

– Что это?

– Сухой горох, очень полезная штука.

Василий разгрыз несколько горошин, сплюнул, проворчал:

– Это не горох, а консервированные зубы... А куда это Матвей ее повел?

– Думаю, хочет полечить, оздоровить. Существует несколько эзотерических способов лечения большинства болезней и снятия усталости, тем более мы в лесу.

– Расскажите.

Иван Терентьевич прожевал очередную порцию гороха, лег на траву, раскинув руки.

– Ну, самый простой и надежный в данном случае способ соответствия. Входишь в соответствие с объектом, с деревом например, проникаешь в его эфирную оболочку, как бы роднишься с ним и делишь с деревом болезнь или усталость.

– Так просто?

Парамонов улыбнулся:

– Это совсем не просто, но Матвей знает, как это делается. То же самое можно проделать и с животными, с медведем, например, с волком, с лосем.

– Зверей жалко...

– Они не погибнут, их вылечит собственный эгрегор, природа, запасы жизненных сил.

Василий подумал, встал и бесшумно нырнул в кусты, следуя за Соболевыми. Он обнаружил друга с женой в сорока шагах от озера, возле гигантского дуба. Оба стояли, обхватив его руками, прижимаясь к стволу всем телом, и не двигались. Постояв несколько секунд, Вася вернулся обратно. Иван Терентьевич понял его переживания, но ничего не спросил. Задал вопрос сам Василий:

– Что будем делать дальше, учитель?

Иван Терентьевич никак не отреагировал на слово «учитель»:

– Придет Матвей, поговорим. Одно могу сказать точно: нас сейчас ищут не только Рыков и его коллеги по Союзу Девяти, но и спецподразделения ФСБ и МВД.

– Они-то с какого краю здесь оказались? Мы же ничего противозаконного не сделали.

– Это смотря как подать информацию тем, кто приказывает. После того как Матвей перекрыл границу нашей реальности с более высокими планами «розы реальностей», Союз Девяти потерял свою былую силу. Неизвестные стали допускать промахи и ошибки... как и

в данном случае. Началось все с кражи «глушаков», а ФСБ не та организация, которая прощает такие ошибки. Для нее этот случай стал чем-то вроде лез-мажесте. Думаю, Рязанская область в настоящее время обложена со всех сторон. Так что неизвестно, кто первый выйдет на нас.

– Да уж, перспектива будь здоров... – промычал Василий. – Хрен редьки не слаще... хотя по мне – лучше драться с нормальными профессионалами и даже с зомби, чем с господином Рыковым и его коллегами.

– Вообще-то лучше не драться ни с кем.

Василий согласно кивнул и тоже улегся на траву, раскинув руки.

Матвей с Кристиной пришли через полчаса.

Крестину было не узнать. Оживлена, деятельна, румянец вернулся на щеки, тени под глазами исчезли, и лишь глубоко на дне глаз все еще не растаяла тень обреченности и страха.

– Крис, иди к нам, – раздался с водной глади голос Стаса. – Вода теплая.

Кристина посмотрела на Матвея, и тот с едва заметной улыбкой закрыл глаза, разрешая купание.

– Ну что, милостивые судари, спасатели девиц, оценили наше положение?

– Положение, как всегда, безнадежное, – ухмыльнулся Василий. – За нами идет целая стая охотников, а скоро будет не одна и не две. Предлагаю сдать, иначе все потеряем.

Не всегда понимавший Васин юмор Иван Терентьевич посмотрел на него с тревогой и мягко сказал:

– Не паникуй, мэйдзин. Есть хорошая тибетская пословица: теряешь жену – приобретаешь свободу, теряешь здоровье – приобретаешь удовольствие, теряешь деньги – приобретаешь опыт, теряешь надежду – теряешь все.

Василий засмеялся, видя, как на лицо Парамонова ложится печать озабоченности. Улыбнулся и Матвей:

– Все в порядке, Иван Терентьевич, он шутит. Я еще не видел, чтобы этот мрачный тип сдавался, какой бы безнадежной ситуация не казалась. Мне нужна ваша помощь... и Улина тоже.

Парамонов испытующе глянул на Соболева, и тот уточнил:

– Я хочу выйти за «круг великого молчания».

– В ментал?

– Выше, в логос. А для этого нужна ваша подстраховка, чтобы, во-первых, отсечь возможную пеленгацию, а во-вторых, вернуться обратно в свое тело, а не в чужое.

– Это опасно.

– Знаю, но другого выхода нет. Нас действительно обложили со всех сторон, как зайцев, и живыми не выпустят. У всех приказ: уничтожить любой ценой! Поэтому мне хочется заручиться поддержкой эгрегора Собирателей или Хранителей, чтобы нам помогли.

– Какую помощь вы ожидаете?

– Самую что ни на есть материальную. Нам надо не только выбраться за пределы оцепления, но и опередить кое-кого.

– Союз Девяти?

– Его лидера, Бабуу-Сэнгэ. Вы слышали что-нибудь о кодонах, особых программах гипервнушения?

Лицо Парамонова напряглось, на мгновение стало грозным и властным, каким Василий его еще не видел.

– К сожалению, слышал. Снова из небытия выплыло это адское изобретение Инсектов.

– О чем вы? – недовольно осведомился Василий. – Не могли бы говорить понятней?

– Кодон – это и есть Слово Власти, Слово Бога, – сказал как бы нехотя Иван Терентьевич. – В физическом смысле это суперпозиция тонких полевых состояний вакуума, зона бифуркации, оказывающая максимальное психофизическое воздействие на глубины подсознания человека. – Он повернул голову к Соболеву:

– Вы меня встревожили, Матвей. У Бабуу-Сэнгэ есть кодон?

– Да, им его снабдил верховный координатор Союзов Хуан Креспо. И теперь по Земле начинает расползаться кодоновая агрессия, означающая конец вида Хомо сапиенс... чего, собственно, и добивался Монарх Тьмы. Я думаю, он уже присутствует в астрале и ментале в виде проективного поля и готовит Изменение. Как долго осталось ждать, я не знаю.

У костра, постреливающего угольками, разлилось молчание. Василий, как более несдержанный, хмыкнул:

– Иной раз мне кажется, что я сплю... что ничего этого нет. Нет леса, реки, озера, вас... врагов и друзей... нет вообще реальных вещей, а есть лишь мои иллюзии... и так иногда хочется проснуться!

– В восемнадцатом веке жил такой немецкий ученый, Лихтенберг, – рассеянно проговорил Парамонов. – Однажды он сказал: «В настоящее время я тоже полагаю, что вопрос, имеют ли вещи вне нас объективную реальность, лишен всякого разумного смысла».

– Вот-вот, – проворчал Василий. – Видимо, ему казалось то же самое, что и мне.

– Вы мне напомнили... – медленно сказал Матвей, глянув на Ивана Терентьевича. – Кроме кодонов, есть и иные точки бифуркации...

Парамонов пристально посмотрел на него, их взгляды встретились.

– Вы имеете в виду... эйнсоф?

– Да.

– Это не выход из положения.

– Не уверен... наверное, не выход... к тому же я не знаю его координат.

– Вы его искали?!

– А разве в этом есть нечто предосудительное?

– Если вы искали эйнсоф через ментал, то нам действительно отсюда не вырваться! О ваших поисках наверняка знает Бабуу и сделает все, чтобы вас нейтрализовать. Вплоть до сговора с Монархом!

– Нейтрализовать – значит убить? – уточнил Василий, не совсем понявший, о каком эйнсофе идет речь. Парамонов пропустил его вопрос мимо ушей.

– Где вы искали?

– Везде... В Москве, в России вообще... во всем мире. Это должен быть какой-то знаменитый храм или собор, но их слишком много. Я не нашел.

– Подмосковье смотрели? Патриаршью резиденцию в Свято-Даниловом?

– Свято-Данилов монастырь в первую очередь, а вот Подмосковье не все. – Матвей вдруг побледнел. – О Господи... Сергиев Посад!

Парамонов покачал головой.

– Вы не проверили Троице-Сергиеву лавру?..

Матвей закрыл глаза, побледнев еще больше.

– Ты что, Соболев? – придвинулся к нему встревоженный Василий. – Тебе плохо?

– Мне надо настроиться... не мешай.

Парамонов успокаивающе положил руку на плечо Соболева.

– Давайте сделаем это вместе, Матвей.

Соболев открыл глаза, мерцающие нестерпимым ледяным огнем, глубоко вздохнул. Посвященные молча смотрели друг на друга. Потом Парамонов протянул руку и пожал протянутую к нему руку Соболева. Рукопожатие породило искру тихого оранжевого разряда, на миг озарившую все вокруг.

– Позвать Ульяну? – спросил Василий, восприняв «электрический контакт» Посвященных как должное.

– А я уже тут, – появилась в одном купальнике девушка.

Трое мужчин оглянулись, и взгляды их были столь красноречивы, что Ульяна невольно покраснела. Но взгляд, который она бросила на Василия, был особенным, и все это почувствовали, даже сам Вася. Теперь он вполне мог пойти на танк с голыми руками.

Хождение Посвященных «за три моря», то есть за три горизонта всемирного энергоинформационного поля, внешне походило на коллективный сеанс медитации или спиритический сеанс.

Они уселись лицами друг к другу на траву, в ложбинке, окруженной кустами ольхи и рябины, приняли позу лотоса и закрыли глаза. Васе невольно стало обидно, что он остался четвертым лишним, но эта обида длилась недолго. Он верил, что когда-нибудь сможет постичь многие тайны Внутреннего Круга и присоединится к избранным на равных. Пока же он занял позицию неподалеку от друзей, готовый защитить их от любой опасности, коль таковая появится. Не забывал он и поддерживать неторопливый разговор с Кристиной, успокаивая этим женщину.

Матвей прошел астрал и ментал спокойно, в режиме «привидения», поддерживаемый паутиной защитных блоков Парамонова и Ульяны. Чья-то мощная волевая структура пыталась остановить скольжение мысли Матвея, но была отклонена, повернута к себе самой с помощью эффекта пси-зеркала, и Матвей не стал разбираться, чей интеллект ждал его в засаде. Это мог быть как Бабуу-Сэнгэ, так и Монарх Тьмы.

Скольжение в глубь информполя закончилось у «железобетонной» стены потенциального барьера, отделявшего ментал от соседнего уровня – логоса, и Матвей задержался здесь, перестраивая свое эфирное пси-волевое тело. За считанные мгновения он превратился в раскаленную, отточенную до молекулярной толщины иглу и вонзился в «стену», преодолевая ее злое противодействие. И тотчас же превратился в существо с колоссальной нервной системой, простирающейся в бесконечность.

Он ощутил Бездну! Бездну не человеческих эмоций и переживаний, а Бездну Знаний, заполнявших Вселенную. Он осознал до мельчайших подробностей сущность каждого элементарного кирпичика Мироздания – кварка, преона, стринга, суперточки... Он понял смысл континуальных превращений пространств и времен друг в друга, отношений Всего со Всем, перетекания мысли из формы в форму, смысл рождения и смерти... И еще он увидел След Безусловно Первого – первооснову Мироздания, не вакуум, но Великую Пустоту, Нирвану...

Найти то, что он искал, было делом несложным. Более трудной задачей было настроиться на массив целевой информации, принадлежащей эгрегору Собирателей. Но и с этим Матвей справился, сумев объяснить, чего он хочет, и получить «зеленую вспышку одобрения». После чего пора было возвращаться из эфирных высей на грешную землю и делать земные дела. Время играло против них. Оно оставалось неподвластным Посвященным всех ступеней Внутреннего Круга, подчиняясь только Первопричине. Но Безусловно Первый был бесконечно далек от переживаний представителей человеческого рода и не ответил на зов. Хотя у Матвея сложилось впечатление, что его слышали.

Возвращение в тело было стремительным, как падение метеорита. Если бы не помощь Ульяны и Ивана Терентьевича, Матвей непременно «разбился бы» или «проскочил мимо себя». Но все закончилось благополучно. Он осознал себя живым и сильным, хотя все тело болело, а перед глазами все плыло и качалось. Тонкие, но сильные руки Ульяны поддерживали его, а Парамонов протягивал кружку с соком земляники, которую успели насобирать Кристина, Стас и Василий.

– Все в порядке? Живой?

– Почти, – ответил Матвей, переживая острый приступ головокружения. – Все правильно, Иван Терентьевич. Эйнсоф в Сергиевом Посаде, точнее, в Надкладезной часовне лавры. Есть еще два эйнсофа, но они подальше, в Египте и в Австралии, нам туда не добраться.

– Но и до Посада – около двухсот километров.

– Доберемся. Сейчас садимся в лодку и плывем до северной оконечности Святоозера, в устье Бужи. Там нас будут ждать.

– Кто? – спросил Василий.

– Не друзья, – ответил Матвей, с трудом вставая, но делая вид, что он бодр. – Но и не враги.

ТРЕВОГА ПО «ЧЕТЫРЕМ НУЛЯМ»

Утром восемнадцатого июня десантная рота группы «Витязь», принадлежащей Управлению спецопераций ФСБ, была поднята по тревоге и сброшена на Сергиев Посад. Задачу командир роты получил необычную: скрытно окружить Свято-Троицкую Сергиеву лавру и задерживать всех, кто попытается пройти на ее территорию. Тех же, кто вздумает сопротивляться, следовало уничтожать!

Еще одно подразделение Службы безопасности – батальон «Руслан» также был поднят по тревоге и переброшен в район Мещерских болот на территории Рязанской области. Приказ прочесать район, используя всю новейшую технику, в том числе секретные вертолеты «МИ-веллер», и задерживать всех, кто прячется в лесах, на реках и озерах. Сопrotивляющихся – уничтожать!

И еще одна группа из элитарного спецподразделения ФСБ «Тигр», принадлежащего Управлению «Т», в то же самое время высадилась в Рязани и взяла под контроль вокзалы города, телецентр, радиостанцию и транспортные колонны. Кроме того, она установила наблюдение и над вокзалами в других городах на севере области, а также дорогами, ведущими на север, в сторону Москвы и Ярославля.

Все эти мероприятия по классу «элит» были предприняты с подачи Юрьева, имеющего своих людей во всех эшелонах власти и друзей в силовых структурах – Федеральной службе безопасности, Министерстве внутренних дел, Министерстве обороны. Таким образом, кроме сил федералов Юрьев и Бабуу-Сэнгэ задействовали сотни и тысячи людей других силовых структур, большинство из начальников которых ведать не ведали, ради чего это делается и что за этим кроется.

Так, в район Солотчи и Спас-Клепиков, сел Ершово, Тюково, Дунино, Канино, Лека и Коренец были выброшены десанты сил МВД с розыскными собаками, получившие задание проверять весь транспорт на дорогах и задерживать все группы людей – трех мужчин, двух женщин и ребенка. А дороги Коломны, Воскресенска, Егорьевска, Орехова-Зуева, Петушков, Киржача, Александрова, Хотькова,

Струнина и Красноармейска перекрыли воинские соединения, получившие аналогичный приказ.

Генералу Коржакову стало известно об этом от одного из своих агентов в ФСБ, и он тут же направился к президенту, понимая, что случилось нечто экстраординарное, – но что?! Однако до кабинета Ильи Ильича генерал не дошел. Убийца-зомби, давно получивший задание уничтожить главу службы безопасности, взорвал себя, половину парадной лестницы в Белый зал и Коржакова с двумя его телохранителями.

Рыкову генерал был уже не нужен, он сделал свое дело.

Спустя полчаса после убийства Коржакова президент принял у себя советника по безопасности Германа Довлатовича Рыкова и получил исчерпывающие сведения о заговоре, в котором якобы замешаны были высшие государственные лица: секретарь Совета безопасности Мурашов, начальник службы информации Носовой и начальник администрации Юрьев.

Герман Довлатович был уверен, что останется единственным кардиналом в Союзе Десяти, обладающим реальной властью на ближайшие несколько лет.

АНГЕЛ ПРИСУТСТВИЯ

Дважды им приходилось прятаться под сенью леса от вертолетов и сбивать со следа отряды рейнджеров с собаками. Последнее удавалось легко, Посвященные внушали охотникам из ведомств ФСБ и МВД, что никого здесь нет и в помине, и две группы в пятнистых комбинезонах проследовали дальше на восток и на север.

Не искали их только Посвященные из Союза Девяти: Рыков, Юрьев и Бабуу-Сэнгэ, – что беспокоило не только Ивана Терентьевича, но и Матвея. Несмотря на обещанную поддержку со стороны эгрегора Собирателей, он был далеко не уверен в том, что ее получит.

В начале десятого они достигли северной оконечности Святого озера и пристали к берегу, чутко вслушиваясь в тишину утреннего леса. Вытянули лодку на берег, спрятав ее в кустах, обследовали окрестности и вернулись на опушку сосново-лиственного леса, подступавшего к воде почти вплотную. На многие километры вокруг не было ни одного человека, кроме разве что пастуха, стерегущего деревенское стадо коров, однако всем троим непрестанно мерещилось, что за ними наблюдают, причем не из одного места и с разными эмоциями. Нельзя сказать, что они не учитывали возможность преследования со стороны кардиналов Союза Девяти, но тем не менее надеялись на везение и собственные силы. И все же психоэнергетическая структура пространства так прогибалась под воздействием чьих-то десинхронизирующих потенциалов, каких-то странных отголосков далекой бури, что это в конце концов заставило Матвея выйти в астрал.

Естественно, он сразу понял, что означает «прогибание» пространства леса, но было уже поздно. Тот, кто неслышно следовал за ними, прячась за порогом чувствительности их биолокаторов, начал пси-сражение, уверенный в своих силах, вооруженный лучше и знающий больше. Этим страшным противником был Юрий Бенедиктович Юрьев, не поспевший к бою на теплоходе в Рязани, но решившийся наконец на кодоновую атаку.

Он возник со стороны озера, проплыв под водой около километра, никем не видимый и не слышимый. Не видели его не только Кристина

и Стас, несколько успокоившиеся после пережитого, но и Василий, и Ульяна Митина, и даже Парамонов едва хватал своим гиперзрением стеклянистый призрак гигантского дракона, поднимающегося из воды, облик которого отражал внутреннее состояние Юрьева. Лишь Матвей, мгновенно перенастроивший психику на максимум ментального видения, разглядел двойное эфирно-материальное тело одного из Девяти, понял его намерения и первым принял на себя кинжальный выпад кодона, наспех соорудив психофизический заслон и перейдя на другую частоту внимания.

И все же удар был слишком силен, чтобы отразить его без последствий. Даже Парамонов и Ульяна почувствовали его злую мощь, повергшую их в состояние заторможенности, хотя им досталась лишь сотая доля излучения «глушака».

Сознание Матвея вылетело из тела, как ядро из пушки, достигло Луны и разбилось о ее поверхность! Это было его первым впечатлением. Вторым стало ощущение, будто он представляет собой раскаленный брусок железа, лежащий на наковальне, а сверху опускается молот. Опустился!

Страшный удар бросил Матвея в бездну боли и мрака, сквозь которую он падал целую вечность – так остов корабля проваливается в океанские глубины и погружается в холод, темноту и неподвижность...

Однако запасы душевных сил в глубинах психики все же не позволили ему утонуть. Сработавшая память предков выловила сознание в бездне небытия и вложила в бегущую вниз, в прошлое, струйку души. Он оказался в теле своего прадеда, воевавшего за свободу Родины с фашистами. Может быть, это была Курская дуга, может, сражение под Прохоровкой. На окопы русских солдат шла грохочущая лавина немецких танков, и один из них выстрелил прямо в него – Матвея Соболева, душа которого снова вылетела из тела прадеда и, провалившись на столетие, оказалась в теле какого-то предка, воевавшего на Кавказе. Огромный чечен в папахе нанес предку страшный сабельный удар в висок, и сознание Соболева метнулось дальше по цепочке генной памяти, еще глубже в прошлое.

Он был офицером в войске Кутузова, разведчиком русского войска на Куликовом поле, защитником древнерусского поселения на рубеже тысячелетия, шаманом, воином в армии Александра Македонского, индийским князем, правителем Дадж-аш-Шаала, египетским жрецом,

Первочеловеком — и везде его настигал враг и гнал все дальше и дальше, и не было у Матвея ни сил, ни возможностей остановиться и оказать сопротивление.

Наверное, этот бой Юрьев выиграл бы, раз за разом разряжая в Соболева «глушак», модулированный кодоном. Но Юрий Бенедиктович упустил из виду одно обстоятельство — вмешательство эгрегора Собирателей, касты Внутреннего Круга, ответственной за сбор информации. Вмешательство это было таким тонким, что Юрьев его не уловил. Держа под контролем Посвященных — Парамонова и Митину, он совсем забыл о Котове, считая его лей-потенциал пренебрежимо малым. Однако так не считал сам Василий, ощутив вдруг приток сил.

При первом же выстреле Юрьева, сообразив — кто это и где находится, он вошел в темп, подхватил один из автоматов и бросился прочь, сразу выйдя из зоны столкновения Посвященных, а также из зоны внимания Юрьева. Пробежав около сотни метров по берегу, Василий нырнул в воду и поплыл за спину Юрьева, чувствуя кипение воды вокруг разогретого тела одного из Девяти.

Интуиция сработала вовремя. Он вынырнул из воды не ближе и не дальше, чем следовало, в тридцати метрах от Юрия Бенедиктовича. Облик одного из Девяти все еще двоился — на тело человека накладывался образ дракона с огнедышащей пастью, но так как Васино сознание не было фрустрировано, то есть почти не подвергалось мощному потоку гипнополя, он сумел отстроиться от «боковых лепестков» воли Юрьева и открыл огонь из автомата.

Он не промахнулся, вся очередь ушла в голову Юрия Бенедиктовича... вернее, в то место, где она была за миг до этого. Посвященный II ступени, продолжая стрелять из «глушака» в Соболева, все же успел отреагировать на атаку сзади, уйти из-под огня и нанести ответный ментальный удар. Однако, во-первых, на Васе была его «тюбетейка», уже спасшая его дважды от атак Носового и Рыкова. Во-вторых, Юрьев не мог ответить в полную силу, сражаясь сразу на три фронта. В-третьих, как только он ослабил пси-давление на противника, Парамонов и Ульяна тут же устремились в контратаку, нанося не сильные, но хлесткие, сбивающие ментальный «прицел» пси-удары.

Юрьев усилил нажим на них... и тут же получил от Василия еще одну очередь, заставившую его снова отвлечься на маневр. И опять Иван Терентьевич с Ульяной воспользовались этим, не дали ему добить «нахала», дезинтегрируя наведенные пси-структуры, деформируя силовой каркас защиты соперника, заставляя его промахиваться и злиться.

Эти «качели» не давали Юрьеву возможности сосредоточиться на бое с главным врагом – Соболевым. Он наконец пришел в ярость и ответил Посвященным не оглушающим рапортом, а выстрелом из «глушака» с использованием последнего кодона. Импульс Гамчикот – третьего уровня Силы Эхейх – превратил Парамонова в «пустые туннели», лишённые мысли, чувств, рефлексий и движения. У них перестали сокращаться мышцы, остановились сердца и кровь застыла в жилах, как принято говорить в таких случаях...

Вся психофизическая борьба Посвященных длилась всего секунды, не больше, но этого времени хватило душе Матвея на то, чтобы вернуться обратно в тело, разбудить резервы психики и обрушить на мозг Юрьева вселенную гнева и презрения. Этого удара не хватило, чтобы превратить одного из Девяти в идиота или покорную воле господина марионетку, однако оказалось достаточно, чтобы погрузить его в состояние грогги, сумеречное состояние боксера, потрясенного нокдауном. А затем длинная очередь из «никонова», выпущенная оглушенным, но не потерявшим боевого пыла Василием, наконец-то достигла цели и разнесла голову Юрьева на куски.

Общий бой, длившийся две с половиной минуты, закончился.

Потом Матвей по очереди приводил в чувство Ульяну, Парамонова, Стаса и Кристину, которой стало совсем плохо. Василий тоже нуждался в лечении, но гордо отказался от услуг Соболева. Он сам умел корректировать свое самочувствие и поднимать тонус.

Закончив приводить себя в порядок, беглецы расселись вокруг костра, над которым Стас подвесил котелок с водой для чая, и молча принялись разглядывать бледные лица друг друга. Первым заговорил Парамонов, чаще других посматривающий на Соболева:

– Нам кто-то помог или я ошибаюсь? Мне показалось...

– Не показалось, – рассеянно сказал Матвей. – Нам помог эгрегор Собирателей. Но он вмешивается лишь в самых крайних случаях, постоянной помощи от него ждать не приходится.

– И за то спасибо, что помог, – тихо проговорила Ульяна, прижавшись щекой к плечу Василия, что добавляло ему уверенности и силы. – Куда мы теперь?

– В Сергиев Посад. Нам надо поторопиться. Я чувствую, что Бабуу-Сэнгэ предпринял какие-то жестокие меры, чтобы нас туда не пропустить.

– Но как мы туда доберемся?

– На вертолете.

Ульяна подняла голову, удивленная и обрадованная.

– Собиратели дадут нам вертолет?

– Вертолет мы раздобудем сами. Три машины спец-сил кружат над лесом и болотами, как только один из них приблизится...

– Поняла.

– Предлагаю женщин оставить здесь, – проворчал Василий. – В Сергаевом нам наверняка придется драться...

– Нет! – хором произнесли Ульяна и Кристина, сделав очень разные жесты: Ульяна отстранилась от Васи, Кристина, наоборот, прижалась к Матвею.

– С одной стороны, без них было бы проще, – дипломатично сказал Иван Терентьевич. – Но с другой, женщина – ангел присутствия, его лучше всегда иметь рядом. Да и бросать женщин одних нельзя, кто-нибудь из наших врагов запросто отыщет их в лесу. А мы будем далеко...

– Да я же хотел как лучше, – притворно обиделся Василий.

Ульяна улыбнулась, чмокнула его в подбородок, глянула на Матвея смущенно, с каким-то грустным вызовом, но ни Котов, ни Матвей этого не заметили.

– Тогда в путь, – сказал Соболев.

И такова была вера в него, в то, что он знает путь, по которому надо идти, что никто не спросил, зачем они должны ичаться в Сергиев Посад сломя голову.

Где-то далеко послышался приближающийся стрекот – это летел вертолет наблюдения и поддержки «МИ-веллер», принадлежащий Федеральной службе безопасности. Летчик и два члена экипажа торопились выполнить мысленный приказ Матвея, хотя сами даже не подозревали об этом.

САМАЭЛЬ И ХАНИЭЛЬ

Троице-Сергиев монастырь был основан в сороковые годы XIV века Варфоломеем, сыном разорившегося ростовского боярина, получившим после пострижения в монахи имя Сергей.

Миру этот монах стал известен под именем Сергей Радонежский.

Расположен монастырь на горе Маковец, с двух сторон защищенной оврагами, образованными речками Кончура и Вондюга. Находится это место недалеко от села Городок, бывшего Радонежа.

Накануне Куликовской битвы 1380 года в Троице-Сергиев монастырь приезжал московский князь Дмитрий Иванович, где получил благословение Сергия.

Однако несмотря на то, что Куликовская битва закончилась победой русских, набеги татаро-монгол на Русь продолжались, и в 1408 году татарский князь Едигей сжег монастырь. Отстроен вновь он был в 1411 году.

Территория монастыря постепенно расширялась, достраивались приделы, церкви, башни, стены, превратившие его в неприступную крепость. В 1744 году монастырю было присвоено наименование лавры. По сути, это был типичный провинциальный ремесленный город, которому принадлежало шестьсот двадцать домов и строений. Правда, все они, кроме трех, были деревянными, и в 1746 году половина поселений во время крупного пожара сгорела.

К моменту описываемых событий Троице-Сергиева лавра представляла собой законченный архитектурный ансамбль, в который входили белокаменный Троицкий собор, построенный в 1423 году, Успенский собор, церкви – Духовская, Надвратная, Михеевская, Смоленская, Зосимы и Савватия, Надкладезная часовня, Чертоги, Митрополичьи покои, колокольня, Больничные палаты, одиннадцать башен на крепостных стенах, Успенские и Водяные ворота, множество уже вполне современных зданий и пристроек. Общая длина ее крепостных стен составляла тысячу сто двадцать метров, высота – от семи до пятнадцати метров.

С высоты птичьего полета лавра производила впечатление величественного ансамбля, прекрасно вписанного в окружающую

местность.

Матвей посадил вертолет прямо во дворе лавры – между Успенским собором, колокольной и обелиском.

Еще в воздухе он и Парамонов взяли под ментальный контроль территорию монастыря и за время полета успели определить «очаги опасности», а также разработать план действий. По этому плану всем отводилась определенная роль, даже Кристине со Стасом, которые имели задание отвлечь внимание десантированного в лавру спецбатальона ФСБ. Для этого они должны были начать стрельбу в небо из контейнер-пулеметов, установленных на вертолете на кронштейнах.

Они понимали, что времени у них мало, опасность слишком велика, но Матвей все же не побоялся еще раз «сходить» в астрал и получить информацию, от которой волосы стали дыбом даже у Василия. Бабуу-Сэнгэ наметил ракетный удар по лавре: он уже запрограммировал для этого летчика и собирается поднять в воздух истребитель «СУ-35».

– У нас в запасе всего сорок минут, – сказал Матвей сквозь зубы, увеличивая скорость «МИ-веллера» до предела. – После высадки будет еще меньше, минут двадцать, и за это время предстоит отбиться от десанта федералов, от Посвященных и проникнуть в эйнсоф.

– Что за штука такая? – спросил Василий. – Слышу уже второй раз, но не знаю, с чем ее едят.

– Эйнсоф – это зона виртуального пересечения реальностей, – тихо сказала грустно-сосредоточенная Ульяна.

– Ну и что? Зачем она нам нужна? – Василий повернул голову к Матвею, сидевшему в кресле пилота. – Что ты собираешься делать, Соболев?

– Только он сможет инициировать эйнсоф, – тем же тоном произнесла Ульяна, – и разблокировать «Иглу Парабрахмы».

– Ты хочешь сказать... он станет... сможет провести коррекцию? Как тогда, полтора года назад? – с сомнением спросил Василий.

Ульяна кивнула, а Парамонов, успокаивая, похлопал Василия по плечу.

– Это единственный выход из положения. Шанс дается только раз. Хотя последствия включения эйнсофа непредсказуемы.

– А почему другие Посвященные, из Союза Девяти, его не включили раньше?

– Матвей остался включенным в контур «саркофага»...

– Еще с тех времен?!

– И только он может остаться в живых после контакта с эйнсофом.

Другим Посвященным это не дано.

– Приготовьтесь, – отрывисто бросил Матвей. – Садимся.

Вертолет нырнул вниз, в овраг, взмыл над крепостной стеной монастыря и без примерки сел возле колокольни, едва не задев ее винтом. Неподвижность обрушилась на людей, как удар.

– Пошли!

– Матвей! – слабо вскрикнула Кристина.

Соболев, готовый выпрыгнуть наружу, остановился, прижал к себе жену, Стаса, секунду посидел так, с закрытыми глазами, потом поцеловал обоих, улыбнулся и, проговорив: «Все будет хорошо, Крестя, я тебе обещаю! Стас, береги ее!» – выскочил из вертолета в проем распахнувшейся дверцы.

Высадка Посвященных и Котова прошла нормально и практически незаметно. Двигались они со скоростью, значительно превышающей реакцию нормальных тренированных людей. Но все же их здесь ждали.

Надкладезная часовня, конечная цель пути беглецов, была окружена двойной цепью парней в камуфляже, вооруженных «вепрями», «волками», «никоновыми», снайперскими и штурмовыми винтовками, а у дверей в часовню стоял, никем не видимый, кроме Посвященных, настоятель Храма Гаутамы, координатор Союза Девяти Неизвестных, Бабуу-Сэнгэ с «нагрудником справедливости» на цепи и «глушаком» в левой руке.

Матвей, предусмотревший внезапное появление главного противника, замедлил шаг, держа свой «глушак» в правой руке. Этот гипноиндуктор они по совету Парамонова забрали у мертвого Юрьева, чтобы использовать в качестве отвлекающей контрмеры. Бабуу-Сэнгэ вряд ли знал, что Юрий Бенедиктович использовал оба оставшихся у него кодона, и вряд ли мог поверить, что у Соболева есть чем ответить.

«Остановись! – передал ментальную рапорт-фразу Бабуу-Сэнгэ. – Даже воин должен знать, что всякий конфликт не имеет смысла. Предлагаю договор. Я снимаю блокаду, заказ на разрушение

лавры – самолет уже готов к вылету, а лететь ему всего семь минут, отпускаю ваших друзей живыми, а ты прекращаешь этот ненужный штурм и вместе со мной включаешь эйнсоф».

«Нет!» – ответил Матвей мысленно в том же временном диапазоне.

«Это не ответ. Точнее, для всех ищущих знания не может быть дан один определенный ответ, а тем более отрицательный. Ты ищешь знания, я тоже».

«Не правда. Союзы Незвестных давно перестали выполнять функции регуляторов поиска и хранения знаний, скатившись до уровня адхамадхама, хотя Посвященные I ступени не могут считать себя карма мукга».

«Мы свободны в выборе цели и Пути ее достижения. Человек, наметивший себе целью кайвальявастху, достоин уважения, почему мы должны отговаривать его? Дай и нам возможность управлять миром – для его же блага».

«Благими намерениями устлана дорога в ад! Средства, которые вы избираете для достижения своих целей, давно перестали быть справедливыми».

«К чему эти споры, Посвященный? Ты получишь все, что хочешь. Я только буду присутствовать при твоём взаимодействии с эйнсофом».

«Еще раз – нет!»

«Тогда я вынужден буду применить кодон».

«Я отвечу».

«У тебя только Эхейх-Гамчикот – если это кодон, который я передал Юрьеву. У меня же полный пяти-уровневый кодон силы Элохим Гибор! Ты понимаешь?»

Матвей уже прошел первую цепь десантников и приближался ко второй. На это – и на весь разговор с Бабуу-Сэнгэ – ему потребовалось всего две десятых секунды. Парамонов и Ульяна немного отстали, заходя вправо и влево. Вася Котов смог удержаться в сверхтемпе и был недалеко, успев свалить на землю двух крепышей в пятнистой форме. Он жил в своей стихии и не думал о смерти, хотя жить ему осталось совсем немного. И только он был объектом помощи эгрегора Собирателей, потому что один из них наметил его себе в ученики.

«Остановись!» – Бабуу-Сэнгэ поднял руку с «глушаком».

«Меня хранила Ханиэль, – Матвей ускорил бег, – она сильнее, чем Самаэль. Пропустите меня, я все равно пройду!»

Бабуу-Сэнгэ выстрелил.

Но за мгновение до этого Василий выстрелил в него из «вепря», который он отобрал у вертолетчиков еще в лесу, и этот выстрел координатор Союза Девяти пропустил! Васю он не принимал в расчет абсолютно, будто его и не существовало, и лишь Матвей знал, в чем тут дело: эгрегор Собирателей снова допустил тонкое вмешательство, как бы надев на Котова шапку пси-невидимку.

Пуля из «вепря», выпущенная с расстояния в двадцать пять шагов, попала Бабуу-Сэнгэ в цепочку на груди и сорвала с него медальон с выгравированными на нем мандалами. Бабуу-Сэнгэ сразу потерял часть силы, защищавшей его мозг, и уже не мог контролировать всех Посвященных сразу. Во-вторых, его рука дрогнула, и луч «глушака», модулированный кодоном, Соболева миновал. А затем Матвей атаковал координатора сразу в двух планах – в ментальном и материальном, физическом. Ментальную атаку Бабуу-Сэнгэ отбил, физическую – нет и получил мощнейший кин-рю – «золотой дракон», пробивший его насквозь в области сердца и создавший ударную волну смертельных повреждений.

Конечно, убить Посвященного II ступени, который мог жить с остановленным сердцем не меньше часа, даже ударом из техники смертельного касания было сложно. Однако Бабуу-Сэнгэ был выведен из строя и оказывать сопротивление уже не мог.

И этим сразу воспользовался еще один персонаж разворачивающейся драмы, наблюдавший за боем со стороны, – Герман Довлатович Рыков. Он выстрелил Котову в спину из «волка», на сверхскорости обошел Парамонова, снова выстрелил – в спину Ульяне, и подхватил упавший медальон координатора, вспыхнувший при прикосновении красивым малиновым пламенем. Но Рыков не дал ему сгореть, он знал способы сохранения таких вещей.

Парамонов, державший спецназ ФСБ под гипнотическим контролем, вынужден был отвлечься на схватку с Рыковым и получил автоматную очередь в бок от одного из бойцов «Витязя», лишившую его возможности контратаки. Рыков добил Ивана Терентьевича одним мощным рапортом, остановившим сердце.

Затем погибли Стас и Кристина.

В тот момент, когда мальчик, развернув контейнер-пулеметы на кронштейнах вертолета, как учил Матвей, открыл огонь в небо, пуля из снайперской винтовки попала ему в тонкую детскую шею, разом оборвав жизнь. Вторая пуля вошла в лоб Кристины, так и не увидевшей последнего броска к часовне своего мужа.

Остановившись на пороге часовни, Матвей оглянулся.

Иван Терентьевич и Василий были мертвы. Ульяна успела нейтрализовать командира спецназа, но пуля, выпущенная Рыковым с пяти метров, попала ей в сердце, и она была обречена. И еще Матвей понял, что Кристины и Стаса тоже нет в живых! Одно мгновение он боролся с желанием броситься к вертолету и попытаться спасти дорогих ему людей, потом нырнул в открывшуюся резную дверь в часовню и не услышал, как упавшая Ульяна прошептала ему вслед:

– Прощай, аватара!..

Рыков, оказавшийся сзади, мог бы открыть огонь в спину Матвею, но не рискнул. В принципе он получил почти все, что хотел.

ГВОЗДИ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ

Кабина «СУ-35» была оборудована полихромными панорамными индикаторами, заменившими десятки круглых циферблатов и шкал. Пилотировать самолет, ориентируясь по ним, было одно удовольствие. Но майор Ломотов никакого удовольствия от полета нынче не испытывал. В голову кто-то молотом вколачивал гвоздь приказа: подойти к Сергиеву Посаду на минимальной высоте, чтобы не засекали радары ПВО области, потом сделать горку и с высоты двух километров нанести ракетный удар по Троице-Сергиевой лавре. Приказ как приказ, ничего экстраординарного, все же Геннадий Степанович ощущал какой-то дискомфорт, мешающий ему чувствовать себя хозяином неба.

По мере приближения к цели ощущение дискомфорта увеличивалось и наконец достигло максимума. Ничего не понимая, майор поймал себя на мысли, что не хочет выполнять приказ. Тогда он погнал самолет по кругу и потянулся пальцем к кнопке связи на рукоятке управления. И в этот момент пришло подтверждение приказа.

Это не был голос командира округа, приказ словно отпечатался в мозгу летчика, выбив из него все негативные эмоции и мысли, и Геннадий Ломотов бросил «СУ-35» в вертикаль, делая горку. Палец его отбросил колпачок пускового задатчика и коснулся кнопки пуска ракет.

Часы в кабине самолета показывали одиннадцать часов тридцать одну минуту...

Генерал Первухин, прибывший в Троице-Сергиеву лавру во главе батальона быстрого реагирования «Витязь», первым догадался, что за вертолет свалился с неба во двор лавры между Успенским собором и колокольной. Как десантировались Посвященные, он не видел, но почему-то был уверен, что на глазах его заканчивается цепочка странных происшествий, взбудораживших специальные силы службы безопасности, Министерств обороны и внутренних дел: кража «глушаков», таинственные разборки со множеством трупов, резня на мосту через Оку возле Рязани, еще одна резня на теплоходе «Максим Горький», тревога по степени «четыре нуля», бросившая спецподразделения из Управлений «Т» и «СО» на защиту церквей и соборов лавры...

До этого момента Первухин не задумывался о причинах тревоги, выполняя приказ, теперь же с ним случилось некое озарение, и все стало на свои места. Кроме одного. Он не понимал, чего хотели «террористы», от которых федеральные силы должны защищать строения Троице-Сергиевой лавры. Если бы они задумали уничтожить ее, они бы просто дали залп из НУРС по любой церкви. Но они, подойдя скрыто, причем на вертолете, принадлежащем ФСБ, просто произвели посадку во дворе.

Однако сомнения генерала развеяли дальнейшие события. Сначала за спинами солдат, перекрывших подступы к часовне, собору и колокольне, началось какое-то движение, и бойцы начали падать один за другим, затем один из пулеметов на подвеске справа от кабины вертолета развернулся и открыл огонь. Палил он почему-то в небо, но генералу было не до оценки действий пилотов, и он отдал приказ штурмовать вертолет.

Когда «Витязь» пошел в атаку, часы на руке Первухина показывали одиннадцать часов тридцать одну минуту.

ИЗМЕНЕНИЕ

Надкладезная часовня была построена в конце XVII века у юго-западного угла Успенского собора и представляла собой прямоугольную трехъярусную постройку с тремя последовательно уменьшающимися по мере подъема восьмериками – помещениями восьмиугольной формы. Восьмерики эти пышно украшены резьбой по белому камню и лепниной, в которых преобладает мотив виноградной лозы. Внутри же все помещения часовни тесны, украшены рельефными многоцветными изразцами и лепкой по потолку, увешаны иконами и производят впечатление декоративной игрушечности. Вряд ли многочисленные паломники и посетители лавры часто заходили внутрь часовни. Снаружи, на фоне монументальных белых стен собора, она смотрелась гораздо интересней.

Проскочив первый этаж часовни, Матвей ощутил жуткие судороги психоэнергетического пространства! Остановился, оглядываясь в меозе. Вокруг зданий лавры кипела самая настоящая война – тихая, незаметная для обычных людей, но от этого не менее жестокая и страшная. Люди Внутреннего Круга, появившиеся здесь, сражались друг с другом! Одни – чтобы защитить лавру от разрушения, другие – чтобы сработал план координатора Союза Девяти, план уничтожения эйнсофа, а вместе с ним и бесценных архитектурных сооружений и всех, кто находился на территории монастыря.

А затем над холмами и равнинами, реками и озерами, над просторами лесов и полей вокруг Сергиева Посада раскатился низкий подземный гром, закачалась земля, как от землетрясения, заколебались стены соборов и церквей, волна нестерпимого холода хлынула с небес на землю, и над Троице-Сергиевой лаврой проявился чудовищный лик Монарха Тьмы!

Ощущение непоправимой беды настигло Матвея, но, пересилив себя, он взбежал на третий этаж часовни и ударом ноги сорвал запертую дверь, ведущую с лестницы в иконницу, верхний восьмерик часовни. Но опоздал. Сзади появился некто, не человек – тень

человека с черной душой. Матвей, понимая, что не успевает среагировать на выстрел в спину, оглянулся.

Пролетом ниже, на фоне сияющего окна, стоял человек в черном одеянии ниндзя и внимательно смотрел на Соболева. Лицо его было в тени, но стоило ему сделать шаг вперед, как лицо засияло, словно озаренное багровыми всполохами пожара, и Матвей, чувствуя дрожь в ногах, пробормотал:

– Самандар!..

Но тут же пришло сомнение. Человек, стоящий перед ним, двоился, плыл, как голографический призрак, не вызывая в душе теплого отклика. Лицо его погасло, стало черным провалом, из которого на Матвея выплеснулась волна невыразимого одиночества и холодной угрозы. Матвей с трудом отбил этот раппорт, обрушив его же на голову незнакомца, и услышал тихий презрительный смех:

– Да, ты вырос, незавершенный, поздравляю. Я не Самандар. Вернее, Вахид Тожиевич – лишь моя оболочка в этом мире. Меня позвал Бабуу-Сэнгэ, но не смог устоять. Пришлось воспользоваться тем, что оказалось под рукой. Самандар прятался здесь и ждал тебя. Как и я. Вот мы и встретились снова. Не узнаешь?

– Конкере! – выдохнул Матвей онемевшими губами. – Монарх Тьмы!.. Но тебе не удастся меня остановить!

– Если мы договоримся, я не буду тебя останавливать. Если же нет – тебя ждет Нирвана. Небытие.

– Нирвана – минимум бытия, но не его отсутствие. Я там не задержусь. Ты не сможешь реализовать предельную реальность Мира, это под силу только Безусловно Первому.

– Что ж, ответ достойный. Пожалуй, мы бы с тобой сошлись по многим философским вопросам. Как ты догадался?

– О чем?

– Что этот мир становится реальным, только если ты делаешь его реальным? Что человек – это не действие Мира, а только мыслеформа?

– Я не догадывался, ты слишком хорошего мнения обо мне. Но я спешу, извини, поговорим в другой раз и в другой жизни.

– Другого раза может не представиться, хотя «в другой жизни» что-то есть... Но я вижу, что ты надеешься на помощь. На чью? Инфарха? Других иерархов? Хранителей? Не жди напрасно, они не помогут, потому что их вмешательство будет равносильно

дезинтеграции реальности. То есть новому Изменению. Они на это не пойдут.

Матвей перешел в другой диапазон частот психоэнергетики, закинул в пространство десятки тончайших информационных щупалец, пронзивших все уровни общего энергоинформационного поля Земли. До ракетного удара оставалось всего три-четыре минуты, но он чувствовал, что Монарх не пропустит его к эйнсофу, и начал поиск способа прорыва.

– Чего ты хочешь?

– Разумный вопрос. Не торопись, у нас есть время. К тому же, если мы скрепим договор, я остановлю разрушение лавры. А хочу я немногого – чтобы ты осуществил мой давно задуманный план Изменения вашей реальности. Правда, людям места в новом мире не будет, но ты и твои друзья...

– Нет!

– Подумай хорошенько, незавершенный...

– Уходи! Уходи к себе, черный! В реальность, которую вы называете абсолютной. И не вмешивайся больше в нашу жизнь, иначе я...

– Договаривай, это интересно.

– Я приду к вам, в «розу реальностей», и сделаю Абсолютное Изменение, в результате которого станет невозможной никакая интерференция реальностей. Я вас просто изолирую!

– Смысловое поле твоей речи слишком размыто и эмоционально...

– Разговор окончен!

– Пожалуй.

Человек в черном с черным провалом вместо лица стал вдруг расти, распухать, вдавливая и кроша стены, разрушая лестницу, навис над Матвеем, но его ментальный удар наткнулся на железную гору этрегора, пришедшего на помощь Соболеву, и был отбит с такой силой, что «проекция» Монарха, высунувшаяся из астрала-ментала-логоса-универсума через тело Самандара в запрещенную реальность, этого не выдержала. На какое-то время Монарх Тьмы отступил, потрясенный до глубин своей темной дьявольской мудрости, и Матвей, воспользовавшись передышкой, проскочил сквозь дверь в пустое помещение иконницы верхнего восьмерика часовни.

Эйнсоф находился здесь!

Вряд ли люди, приходившие сюда, чувствовали этот «провал иномерия», колебания потенциально возможных состояний Вселенной. Они могли ощущать разве что святой трепет да невольный страх, не позволявший им долго находиться в часовне. Матвей же своим сверхострым чувствованием увидел провал сразу. Остановился, не зная, продолжать ли дело до конца. И услышал голос, раздавшийся внутри него – в голове, во всех костях и мышцах, в каждой клеточке тела, в каждой молекуле:

«Программа остановлена. Ты свободен».

– Что?! – не понял Матвей, в то же время осознавая, о чем идет речь. – Кто говорит?!

«Никто». Голос был безлик и безразличен, но Матвей вдруг почувствовал безмерную мощь того, кто говорил. С ним заговорил Парабрахма, безличный и безымянный всемирный Принцип, Абсолют, Невыразимый и Непроизносимый. Его можно было назвать и Безусловно Первым, или Предельным Состоянием Вселенной, или Великим Молчанием, или Шадцай Эль Хай, что значит – Всемогущий. И все равно ни одно из имен не отразило бы сути.

– Я все-таки был запрограммирован? – спросил Матвей, уже задававший этот вопрос однажды.

«Каждый человек, рожденный в этой Вселенной, запрограммирован геномом. Разница лишь в уровне программы».

– Почему моя генная программа остановлена? Почему я свободен? Что это означает?

«Ты постоянно нарушаешь карму. Количество нарушений перешло в качество. Ожерелье Будды больше не тяготеет над твоей судьбой. Поэтому ты свободен».

– Я не собирался становиться Буддой...

«Ты был рожден аватарой. Но приход на Землю высокого закона еще не созрел. Ты избрал другой путь, более длинный – Путь воина. А Путь воина – всегда тропа боли, путь потерь».

– Я это знал. Эйнсоф мне... подвластен?

«До определенного предела».

– До какого?

«Узнаешь».

– Прощай... кто бы ты ни был! Или ты хочешь помешать мне?

«Нет».

Голос ушел из сознания Матвея. Чувствуя, как приближается самолет с ракетами, как прекращается борьба эгрегоров Внутреннего Круга, как все Посвященные оглядываются на него – мысленно, в ментальном поле, как жизнь уходит из двух женщин, которых он любил, из друзей, которые любили его, Матвей шагнул на середину часовни, и на его сознание обрушилась Вселенная, или, как бы назвал это Пармонов, «фазовое пространство возможных миров». Последней мыслью Матвея была мысль: хорошо бы стать тем, кем я был – просто человеком...

РЕТРОСПЕКЦИЯ-1

Полковник Борис Иванович Ивакин был похож на викинга – и обликом, и характером. В контрразведке Федеральной службы безопасности, которую все за глаза прозвали «Смерш-2», он был вторым человеком – после начальника ВКР Дикого, – от которого зависело многое в слаженной работе Управления, если не все. Во всяком случае, именно он подбирал кадры для ВКР, хорошо зная контингент училищ спецназа и академий Генштаба Министерства обороны, готовивших специалистов высокого класса.

Встретившись с Иваном Сергеевичем Пановым, директором ФСБ (кстати, его тестем), и выслушав его просьбу «помочь агентом класса „супер“», Ивакин взвесил все „за“ и „против“, вызвал из Рязани агента и отправился на доклад к генералу. Полковник в принципе мог обойтись и без санкции начальника, но в данном случае не хотел действовать наобум, без тщательного анализа.

Генерал Валентин Анатольевич Дикой пришел на должность начальника военной контрразведки с должности заместителя начальника штабов Министерства обороны, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего лишь тридцать первый год, но его опыту и уму, а особенно – волевому характеру могли позавидовать и специалисты постарше. На вид худой, нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски пухлые губы, выглядел он типичным интеллигентом, которого смущает его высокий пост, но те, кто работал с ним раньше, знали его как умелого бойца, мастера кунгфу, способного постоять за себя, а также как отличного стратега не без дара предвидения.

– Меня вызывал Панов, – сказал Ивакин, усевшись напротив генерала за стол, на котором стояли два дисплея оперативного компьютера и были аккуратно разложены бумаги, карандаши, дискеты, ручки. – Он просит помочь.

Начальник «Смерша» понял, что речь идет о директоре ФСБ, но лишь приподнял бровь, ожидая продолжения. Потом все же спросил:

– Что у них случилось? Уж не сработал ли «Стопкрим»?

Ивакин посмотрел в глаза Дикого. Иногда ему казалось, что генерал читает его мысли.

О деятельности «Стопкрима», или «Чистилища», как его называли, организации «суровой, но справедливой», заговорили вслух. Большинство, доведенное беспределом преступности до отчаяния, открыто одобряло эту деятельность, а для чиновничьей рати, опиравшейся на систему, установленную партдемократическим режимом, которую представлял госаппарат, практически сросшийся с организованной преступностью, настали плохие времена.

За «чистильщиками» из «Стопкрима», начавшего войну с преступностью, но при этом явно попиравшего закон, началась настоящая охота. К мафии и ворам в законе присоединились и силы милиции, угрозыск, Генпрокуратура, Управление по борьбе с организованной преступностью и даже Федеральная безопасность. Но «Стопкрим» не оставлял следов и не совершил ни одного промаха, за который можно было зацепиться и выйти хотя бы на исполнителей, не говоря уж о руководстве. В защищенности организация не уступала даже таким мощным конторам, как ФСБ или внешняя разведка.

– Так в чем дело, Борис Иванович? – нахмурился Дикой. – Чего молчишь? «Стопкрим» где-то наследил?

– И да, и нет. С одной стороны, «чистильщики» действительно вышли на прокуратуру Нагатинской префектуры, с другой – не это главное. К Панову обратился начальник ГУБО с просьбой о помощи, он подозревает у себя «глаза» и «уши» Купола.

Дикой кивнул и, не задав ни единого вопроса заместителю, включил компьютер и набрал запрос на вход в сеть МВД. Через минуту пришел ответ, генерал прочитал его, вздернув бровь, откинулся в кресле, засунув ладони под мышки.

– У нагатинцев-то рыльце в пушку, а? Но почему Панов решил, что мы имеем агентов класса «супер»? Откуда он знает, кто есть «ху» в военной контрразведке?

Ивакин почесал кончик носа.

– Наверное, профи Панова работают не хуже наших.

– Хороший ответ. И все-таки, Борис Иванович, вы решили ему помочь. Почему?

Ивакин не удивился прозорливости Дикого, сам будучи неплохим психологом.

– Потому что Купол, как и «Стопкрим», не остановится на достигнутом. Если дать им волю, они скоро доберутся и до руководства ФСБ, и до Минобороны, и до аппарата президента. И тогда «командовать парадом» в стране будут только эти две структуры. Хотелось бы принять кое-какие превентивные меры. Хотя я лично «чистильщиков» понимаю: нынешнее положение в верхних эшелонах власти терпеть больше нельзя, ведь даже силовые министерства коррумпированы сверху донизу.

– Вы правы, – задумчиво проговорил Дикой. – Но я даю «добро» не только из-за этого. Нынешнее положение в стране – это унижение великой державы, великого народа, и что самое ужасное – уничтожение его творческого и духовного потенциала. Хотя голосующий за коммунистов «гегемон» абсолютно не понимает, какая это трагедия. Извините за сентенцию. Итак, что мы знаем о Куполе?

– Что Купол – это конгломерат мафии и государственных структур. Достоверной же информации – «зеро».

– А о «Чистилище»?

– Столько же, если не меньше. Это организация типа «невидимка» с мощной эшелонированной подстраховкой. Судя по почерку, дилетантов в ее рядах нет. Скорее всего работают на нее бывшие спецы УВД, ФСБ и внешней разведки – в качестве аналитиков, тактических руководителей, инструкторов и так далее, а исполнители – профи рукопашного боя.

Ивакин не знал, что повторил соображения на эту тему своего начальника.

– Стратегическое же управление составляет теневой кабинет из пяти – семи человек, входящих в высшие коридоры госвласти.

– Союз семи рыжих... – пробормотал генерал, виновато сморщившись. – Шутка такая, извините. Самое плохое, что «чистильщики» пользуются одобрением масс, а это немаловажный психологический фактор. Им будут помогать, несмотря на давление представителей закона, потому что создан прецедент: зло наказуемо, и наказуемо неотвратимо, притом скоро, без судебно-юридической волокиты. Конечно, деятельность «Стопкрима» раздута прессой, но в народе крепнет уверенность, что такие болезни, как разгул преступности и коррупция, лечатся только смертью. – Валентин Анатольевич помолчал. – Иногда в это хочется верить и самому.

Теперь они умолкли оба. Ивакин с разрешения Дикого закурил.

– К сожалению, жизнь убеждает нас, что человека не переделаешь. Вряд ли агрессивность и эгоизм излечимы: как волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

– Существует мнение, что человек – имаго, куколка того существа, которое из него в конце концов вылупится. И будет это существо изначально добрым и умным.

– И в это хотелось бы верить, – слабо улыбнулся Валентин Анатольевич. – Но к делу. Как вы собираетесь помогать Панову?

– Для операции «Утечка» я вызвал ганфайтера-перехватчика. – Ивакин помял подбородок, погасил окурок в пепельнице. – Он три года находился «на грунте». Класс – «абсолют».

– У нас несколько перехватчиков, но агентов класса «абсолют» я что-то не припомню. А по должности обязан бы знать. Кого именно вы активизировали?

– Матвея Соболева. Это мой резерв. Но вы должны знать: «абсолютники» почти неподконтрольны. Мало того, что работников этого уровня практически нельзя убраться, их невозможно и заставить работать под чьим бы то ни было руководством. Они индивидуалы до мозга костей.

– Ну, это не главная наша беда. Я, кстати, хотел предложить ганфайтерный вариант по «Утечке». Но Соболева я не знаю. Ему можно доверить оба задания сразу – наше и пановское? И как вы сформулируете ему второе, по «Стопкриму»?

– Никак пока. Задание ему выдаст сам Панов. Но я уверен, что Соболев захочет выйти на верхи «Чистилища» и Купола, выяснить их планы. Что будет дальше, не знает никто. Что касается Соболева, то он сейчас мугэй-мумэй, если пользоваться терминами кэмпо. Для всех он – охранник на рязанском радиозаводе. С виду не силач, на самом деле – барс, в совершенстве владеет русбоем, кэмпо, айкидо, ниндзюцу. За шесть лет – четырнадцать успешных перехватов особо опасных, но это еще до вашего прихода. Имя его, конечно, нигде не фигурирует.

– Вы меня заинтриговали, Борис Иванович. – Дикой покачал головой. – Не подставляем ли мы такого ценного спеца? Ему придется решать, что делать с полученными данными. В принципе это еще не будет означать конец «Стопкрима» или Купола, возможностей уйти в подполье у них хватает. Но у «чистильщиков» меньше шансов, они и

так ходят по лезвию бритвы: стоит раз ошибиться, убрать невинного, скажем, – и народ перестанет им верить. А вера – нравственная база для любого института власти. И не только нравственная, но и политическая. Нечем станет оправдывать насилие.

– В наше время, по-моему, ни один институт не оглядывается на моральную сторону. А грубость и насилие вообще рассматриваются как элементы соревнования, обеспечивающие выживание.

Генерал бросил взгляд на часы.

– Вы философ, Борис Иванович. Не пугайтесь, это похвала. Я даю «добро» на ваш эксперимент. Еще кто-нибудь знает о вызове Соболева?

– Никто. О его существовании будут знать только трое: вы, я да Панов.

– Тогда, может, не будем рисковать все-таки и «Утечку» поручим другому агенту?

– Само следствие и так ведут другие следователи, а Соболев перехватчик, волкодав. Когда следствие подтвердит виновность подозреваемых, тогда в операцию включится Соболев, чтобы выполнить чистый захват.

Валентин Анатольевич стер с дисплея прежний текст и набрал код выдачи информации по делу утечки новейших образцов оружия со склада экспериментального завода «Арсенал».

– Что ж, это наша работа, и за нее спросят не с Управлений «Т» или «СО» ФСБ, а с нас. Давайте поработаем. Вы уверены, что к похищению причастен батальон «Щит»?

– Уверен. Однако Соболев для того и вызван, чтобы проверить это... своими методами.

– Честно говоря, сомневаюсь, под силу ли это одному человеку, даже «суперу».

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-1

Они вошли в магазин за пять минут до закрытия, и Матвей сразу насторожился, обратив внимание на четверых крепких ребят, явно «крутых», одетых в одинаковые кожаные безрукавки и джинсы; со скучающим видом они рассредоточились по залам магазина. Черные очки и одинаковая стрижка делали их похожими друг на друга, как братьев. Но тут подошла очередь Матвея, он отвлекся на несколько секунд на разговор с продавцом, а когда началось действие, пришлось с досадой констатировать, что расслабляться не стоило.

Магазин был частный, соединявший промтоварный и продовольственный отделы, чистый, уютный и с хорошим ассортиментом. Год назад его приватизировал молодой коммерсант, энергичный парень, пообещавший сделать из бывшего «Овощеторга» «конфетку». Обещание свое он выполнил, цены не гнал, и магазин с вежливыми продавцами, оборудованный по последнему слову оргтехники, посещали даже те, кто жил далеко от этого района. Чем владелец не угодил местной мафии, приходилось только гадать. Но факт остался фактом: четверо, которых заметил Матвей, пришли не за покупками.

Сориентировался он мгновенно, бесстрастно проанализировав ход возможных событий. И подивился своему решению вмешаться, потому что в принципе он не имел на это права! Вероятно, надоела долгая спячка, тело требовало оперативного напряжения.

Переход в состояние турийи — состояние просветления — произошел в долю секунды с помощью точно рассчитанного волевого усилия. Матвей был готов к любому повороту событий. Время заметно сгустилось, замедлилось, движения окружающих сделались тягучими, вокруг них появились светящиеся ореолы биополей. Глаз выделял этот «свет» безошибочно.

Еще ничего особенного не произошло, четверо парней только начали движение. Один достал пистолет, остальные рэкетмены щелкнули пружинными ножами, но лишь двое из них были тренированы, судя по цвету и интенсивности ореола, хотя и не

профессионально. Просто качки, знавшие кое-какие приемы карате; лица их почти не отличались от затылков.

В обоих залах магазина, кроме двух продавцов, оставалось еще пять покупателей, в том числе и Матвей: четыре девушки и старик, но рэкетеры не брали их в расчет. Впрочем, как не брали в расчет и Соболева, не выглядевшего гладиатором даже при росте в метр восемьдесят пять: обыкновенный молодой мужик в потертых джинсах, линялой рубашке в клетку и старых кроссовках, со стандартной внешностью, если не считать прозрачно-голубых, спокойных и холодных глаз. Но в глаза эти парни никогда никому не смотрели.

Тот, что был с пистолетом, успел сделать шаг к продавцу и направить на него дуло, когда Матвей начал свое движение. Свидетели потом дали такие противоречивые показания, что, узнай он об этом, порадовался бы своему маскарadu.

Матвей сделал длинный скользящий шаг к вожаку, взял его запястье в захват и вырвал пистолет, одновременно пальцами левой руки сдавив шею в нужных точках. Парень еще падал, потеряв сознание, а Матвей уже делал подкат, доставая ногами сразу двоих качков с ножами. Третий успел махнуть ножом и достать баллончик с газом, однако вспорол лишь воздух и заработал точный укол в солнечное сплетение от противника, который невероятным образом оказался сбоку – совсем рядом.

– Вызовите милицию, – тихо сказал Матвей остолбеневшим продавцам, исказив лицо так, чтобы его потом трудно было узнать. И выскользнул за дверь, решив оставить пистолет у себя.

Как и ожидалось, страховали четверку двое на старой, выдавшей виды «вольво», но о драме в магазине еще не догадывались: все произошло слишком быстро и без шума.

Уже в машине Матвей довел разговор внутри себя до точки и снова подивился своему импульсу вмешаться в действие, которое его не касалось. Но так остро захотелось вдруг ответить подонкам, живущим по старому советско-пиратскому принципу, отнять и разделить!

Молодежи можно простить недостаток опыта и знаний, но не избыток наглости, хамства и равнодушия, подумал он чужими словами. Впрочем, не чужими – словами отца, провинциального учителя истории, которого любили ученики.

И вдруг пришло странное, жуткое, острое ощущение, что все это с ним уже происходило! Матвей даже припомнил, что не хотел вмешиваться в разборку в магазине. В голове вот-вот должна была созреть какая-то важная мысль, появилось предчувствие открытия. Но... ничего не произошло. Маленькая дверца, приоткрывшая кладовую памяти, снова закрылась. Однако предчувствие не подвело.

Поставив машину в гараж, Матвей проверил почтовый ящик и обнаружил там открытку с поздравлениями. Это был вызов в столицу. Размышляя о причинах вызова, Матвей вошел в квартиру и принялся готовить ужин. Да, предчувствия его не обманывали никогда. Недаром снова приснился один из тех странных снов, которые тревожили его последние полгода.

Что ж, выходит, сон был в руку? Нечто вроде предупреждения свыше? Кто такой Монарх, который начал охоту за ним?

Поскольку Соболев знал, что психика у него абсолютно здорова, в «сдвиг по фазе» он не верил, да и владел приемами душевного успокоения. Однако докопаться до причин странных сновидений пока не удавалось. Мешал режим «инкогнито», не хватало знаний, не хватало свободы передвижения и времени. Одно было ясно: подсознание отреагировало на какое-то внешнее воздействие и мозг воспользовался той информацией, которую имел, чтобы посигнализировать хозяину, – сны были из разряда описанных в книге Успенского.

После программы новостей Матвей позвонил своему непосредственному начальнику и отпросился на две недели «съездить к родственникам». О том, что в Рязань он вернется, но не через две недели и не в качестве охранника, Соболев пока не знал.

Наутро он сделал зарядку – занимался Матвей по специальной системе, вобравшей в себя элементы сильной чигонг-о и кэмпо, – позавтракал и в шесть утра был уже на первом вокзале Рязани, откуда уходил электропоезд на Москву. Взяв билет, он прогулялся по залу, вышел на перрон, радуясь хорошему летнему утру, и вдруг заметил группу молодых людей, живо напомнивших ему вчерашних в магазине.

Их было пятеро: четыре парня и девушка. Одеты все были модно, но неопрятно – рубашки у ребят засалены, в пятнах, как и джинсы, а костюм лохматой девушки состоял из обтягивающего красного платья-резинки, почти ничего не скрывающего. Двое парней разошлись по

перрону, а двое оставшихся и девица подошли к девушке, которую Матвей видел у кассы: она брала перед ним билет. Девушка была высокая, с тонкой талией, гибкая, с копной темных волос, рассыпавшихся по плечам, и острый глаз Матвея оценил ее обаяние тотчас же. Девушка в профиль походила на Марию, и Матвей даже сделал шаг к ней, но она оглянулась, и наваждение прошло. У Марии не было таких больших глаз, зеленовато-серых, с влажным блеском, и не было таких точеных полных губ. Похожими были только волосы да овал лица. Незнакомку нельзя было назвать идеалом красоты, но что-то в ней притягивало взор: то ли милая улыбка, то ли сквозившая в каждом движении женственность.

Интересно, что от нее хотят эти трое?

Соболев приблизился к группе, напряг слух и сообразил: да это же обыкновенные рязанские вокзальные рэкетиры, мастера гоп-стопа. Выбрав жертву, бандиты просят у нее сумку, или коробку, или просто деньги, намекая, что, мол, не отдашь по-доброму, отнимем, но с мордобитием. Эти трое просили «подержать сумку, а то ведь тяжело нести».

Девушка не сразу поняла, что от нее требуется, потом кинула в сторону двух беседующих неподалеку мужчин отчаянный взгляд, но те отошли, предпочитая не связываться со шпаной. Матвей еще раз внимательно оглядел знакомку: блузка в черно-белую полоску, такая же юбка, с полосами покрупней, и сандалии с оплетающими лодыжку ремешками. Большая синяя сумка стояла у ее ног, а через плечо висела черная дамская сумочка. Ни колец, ни серег, ни помады. «Голая» красота. И было ей от силы лет восемнадцать. Матвей колебался до тех пор, пока один из парней не щелкнул ножом, а второй снял с плеча девушки сумку. Последним доводом для Соболева был взгляд знакомки: умоляющий и беспомощный. Кричать, звать на помощь она не стала.

Все произошло в течение двух-трех секунд.

Матвей дотронулся до локтя парня с ножом, подхватил падающий нож, ткнул пальцем в лоб второго бандита, отобрал у него сумочку, взял с асфальта синюю сумку знакомки и свободной рукой подхватил ее под локоть.

— Пойдемте, сейчас объявят посадку.

Троица обалдевших гоп-стошшков осталась стоять с разинутыми ртами: один держался за локоть, второй за голову, и лишь девица изумленно прошипела:

– Ты что делаешь, баклан?!

– Кто вы? – обрела дар речи девушка, останавливаясь и выдергивая локоть из руки Матвея, когда они прошли шагов десять.

– Извините, – мягко сказал он, опуская сумку, и добавил на одном дыхании:

– Меня зовут Матвей, фамилия Соболев, родился в год змеи, талисман – черный кот, закончил филфак МГУ, еду работать.

Девушка округлила глаза, потом засмеялась, приоткрыв великолепные зубы. Взгляд ее прояснился, стал приветливым и милым.

– Спасибо за помощь. Я уж думала, придется идти в милицию, в сумке все мои документы. Меня зовут Кристина, фамилия Сумарокова, родилась в год овцы, талисман – сердце. Студентка первого курса МГУ, еду сдавать летнюю сессию. А они больше не пристанут?

Матвей тихо рассмеялся, чувствуя себя легко и свободно, и лишь самая трезвая аналитическая часть сознания зажгла тревожный красный индикатор: одна встреча с бандитами – случайность, две – уже странность, объясняемая только теорией вероятности. Не аукнулось бы в будущем. Рязань слишком близка от Москвы, где ему предстояло включиться в работу трех лет «консервации».

Время в поезде промелькнуло незаметно. У них нашлись общие темы для разговоров, сходство взглядов на искусство и культуру, а что касается литературы, то здесь их вкусы совпадали почти полностью: оба любили тонкий юмор О'Генри, мужественных и верных героев Джека Лондона, романтические приключения Дюма-отца, сочный язык Гоголя, тонкий – Чехова и палитру характеров Достоевского, – и оба отрицательно относились к фантастам, пишущим в стиле кибер-панк и турбо-реализм. Оказалось, что Кристина сдала уже два экзамена летней сессии – училась она на том же факультете, что и Матвей когда-то, на филологическом, – и едет сдавать последний – английский язык. Однако провожая Кристину к зданию филфака от метро «Университет», Матвей с грустью подумал, что вероятен вариант, когда ему невозможно станет продолжать знакомство и встречаться с этой удивительной девушкой, беззащитной, редкой по чистоте и уму.

Надо же, земля еще рождает такие души, думал он по пути «домой» (то есть на квартиру, определенную первым вариантом выхода), а судьба хранит их, оберегая от миазмов моральной «свободы»! Вероятно, такие девочки могут появляться только в провинции, большие города слишком глубоко погрязли в «цивилизации». Счастлив будет тот, кому достанется такое чудо...

По «легенде», он возвращался из мест лишения свободы, где просидел три года как бытовик – непрофессиональный преступник, осужденный за превышение мер защиты, будучи мастером по славяно-горицкой борьбе. На самом же деле он был барсом, профессионалом рукопашного боя такого класса, какой не снился и «черным поясам» карате.

Трехкомнатная квартира, в которой ему предстояло жить, находилась на четвертом этаже девятиэтажного дома на Варшавском шоссе, недалеко от метро «Тульская». Кроме того, у него была «своя» машина и гараж. Соседи его уже знали как преподавателя русской литературы, немного замкнутого, но вежливого и спокойного молодого человека. До того, как «получить срок», он прожил в квартире, как бы обменяв ее, около месяца. И вот вернулся, «отсидев положенное». Впрочем, соседи не интересовались личной жизнью жильца и о «подвигах» его скорее всего не догадывались.

Бросив сумки в прихожей, Матвей внимательно оглядел квартиру. Кухня была маленькая, но современная, с электроплитой, кухонным гарнитуром из пластака под дерево и со всеми необходимыми атрибутами хозяйства.

Гостиная казалась не слишком просторной, но уютной, с ковром на полу. Кроме роскошного дивана, двух кресел и двух книжных шкафов, в комнате стояли еще журнальный столик, сервант с чайным и кофейным сервизами, наборами бокалов и рюмок, а также телевизор «Голдстар». Ничего не прибавилось и не убавилось.

Убранство спальни тоже не изменилось: тахта, превращавшаяся по мере надобности в диван, еще один книжный шкаф во всю стену, с нишей для стола, два стула, платяной шкаф, спортивный комплект в углу – макивара, деревянный «идол» для тренировки ударов руками, стенд для физических нагрузок.

Матвей ткнул пальцем макивару, понаблюдал, как она качается, улыбнулся своим мыслям. Вспомнился случай в детстве, когда он с

друзьями-второклашками пошел записываться в секцию карате-до. На первом же занятии к нему пристали ребята на год старше, стали дразнить, обзывать «дохлятиной», пока он не полез в драку и не получил незаметный, но точный удар пальцем в солнечное сплетение, так что не мог ни вздохнуть, ни слова сказать. С тех пор он много времени уделял отработке атэми, комплекса шоковых ударов пальцами, что оказалось оружием неэффективным, но исключительно эффективным. Дома он разрисовал кожаный мешок с песком, прообраз макивары, превратил его в портрет обидчика и тренировал уколы пальцами по несколько часов кряду.

Правда потом, через какое-то время, они подружились с тем пацаном и за два года продырявили мешок со всех сторон...

Третью комнату – рабочий кабинет, вход в который был замаскирован книжным шкафом, Матвей проверять не стал. Ничего особенного там не скрывалось, кроме разве что персонального компьютера.

И вдруг как удар на голову снова обрушилось совершенно дикое ощущение, что он уже переживал то же самое: получал задание Ивакина, встречал девушку, переезжал в Москву!..

Ощущение длилось несколько мгновений, словно фотовспышкой осветив детали прежней жизни, и ушло, исчезло, оставив сумбур в голове и желание проснуться.

Постояв немного у двери в кабинет, кое-как приведя мысли в порядок, он принял душ, переоделся, переложил одежду из сумки в шкаф, расставил книги и ровно в два часа дня позвонил по нужному телефону. Мужской голос, автоответчик, вежливо сообщил, что хозяин будет дома в двадцать один ноль-ноль. Матвей повесил трубку.

До вечера никуда не выходил. Читал, пообедал, валялся на тахте, смотрел телевизор, размышлял о фокусах своей памяти, начавшей «вспоминать» о том, чего не было. В восемь с минутами собрался, надел голубую хлопчатобумажную рубашку, джинсы, кроссовки и вышел из квартиры... чтобы напороться на сцену ограбления!

Лифтом он пользовался редко и махнул вниз по лестнице, преодолевая пролеты в два прыжка, а на втором этаже едва не столкнулся с двумя парнями, обернувшимися на слабый звук прыжка. Прыгал Матвей почти бесшумно. Остановился, выругавшись про себя. Позволив себе расслабиться, он допустил грубый просчет, и теперь

предстояло как-то изворачиваться, чтобы выйти из положения попроще.

На лестничной площадке двое молодых людей зажали в угол третьего, одетого во все белое, а ниже, на середине пролета, их подстраховала еще одна пара крепких мужичков.

– В чем дело? – спокойно осведомился Матвей, разглядывая лицо незнакомца в белом, и вздрогнул, встретив его ответный оценивающий взгляд. У него даже зубы заныли и мороз прошел по коже – такой необычайно знакомый и понимающий взгляд, без тени страха. Да и во всем облике незнакомца, которого явно пытались ограбить, ощущалась железная уверенность в себе. Этот парень все понимал, ничего не боялся и со всем мог справиться. Но шестерка грабителей думала иначе.

Тот, что стоял к нему ближе всех, сделал шаг по лестнице навстречу и сказал, поигрывая ножом:

– Вали обратно, бобик, и сиди там тихо, пока мы не поговорим с этим бобром, понял? Вякнешь – замочу!

Парень походил на гориллу, на голой волосатой груди его висела цепь из желтого металла, на предплечье синела татуировка: сплетенные змеи и женщина. Жаргон его указывал на тюремную закалку.

Златая цепь на дубе том, подумал Матвей, блатари вышли на охоту. Обнаглели, однако. Работают так грубо и примитивно они лишь в подпитии или если срочно требуется «травка».

– Помочь? – спросил он парня в белом, снова зачарованный его обликом.

– Обойдусь, – улыбнулся тот, – спасибо.

Матвей двинулся прямо на «гориллу» с ножом, сказал негромко:

– Пропусти, я опаздываю.

– Ну, курва, я тебя предупреж... – договорить бандит не успел, обмякая. Его напарник тоже осел на ступеньку, не успев ничего сообразить, и только после этого четверо оставшихся зашевелились, хватаясь за оружие: у троих были самодельные финки, у четвертого «Макаров».

Конечно, Матвей мог успокоить их всех в своем излюбленном стиле – точным уколом в нервные узлы, реакция его на порядок превосходила реакцию бандитов, но ему не хотелось раскрывать свое

умение перед неизвестным, наблюдавшим за ним все с тем же выражением на лице. И уже начиная короткий бой, Матвей пожалел, что не послушался первого налетчика и не ушел домой. Мужика в белом помощь была не нужна.

Двух Матвей уложил на проходе, двойным ударом рук в шею и голову, еще двух на лестнице – ногами, в прыжке, сбросив их на первый этаж, хотя профессионал внутри него и протестовал против такой лобовой демонстрации возможностей.

– Идемте, – обернулся Матвей. – Чего они от вас хотели?

– Наверное, им понравилось это. – Незнакомец в белом дотронулся до ремня своей сумки. Голос у него был глубоким и звучным, добавляя облику некую завершенность. – Вообще-то я редко попадаю в такие ситуации, но сегодня почему-то расслабился.

– Как и я.

– Сколько лет занимаетесь рукопашной?

– Двадцать, – буркнул Матвей, настораживаясь. Незнакомец кивнул, соглашаясь со своей внутренней оценкой.

– Ниндзюцу, айкидо, кушти и русбой... так?

Матвей внимательно и хмуро глянул на парня.

– Вы очень проницательны, мсье...

– Тарас Горшин.

– Меня зовут Матвей, но...

– Вы торопитесь, я вижу, идите, все будет в порядке. Я не живу здесь и шел в гости. Может быть, еще свидимся.

Матвей молча повернулся с ощущением, что его только что провели, перешагнув через тело одного из налетчиков и поспешил на улицу, чувствуя спиной взгляд Тараса. У него зрела мысль, что эта схватка – звено в цепи проверки, которую ему устроили. Сначала в Рязани, теперь в Москве. Не могут такие события быть случайными. Три случая подряд – это уже закономерность. Во всяком случае, это предупреждение: что-то он делает не так. Или прав неведомый «инфарх» из снов, и за ним начал охоту некий Монарх Тьмы?

Но как этот Тарас догадался, какими видами единоборств он владеет? Такое под силу лишь мастеру боя. Но тогда почему Горшин довел ситуацию с грабителями до тупика, не сделав ни одной попытки освобождения? Или это в самом деле инсценировка для проверки ганфайтера Соболева?

Матвей остановился. В душе крепла уверенность, что и этот прожитый эпизод он помнил раньше. Все, что с ним происходит, – уже происходило! А главное, он уже знал, был уверен почти наверняка, зачем его вызвали в Москву...

РЕТРОСПЕКЦИЯ-2

Через полчаса на «таврии», принадлежащей ему по «легенде», Матвей въехал во двор частной автомастерской, приватизированной старым, еще со школьной скамьи, другом Соболева Ильей Шимуком по прозвищу Муромец.

Прозвище свое Илья заработал по праву: уже в десятом классе он рвал руками цепи, поднимал мизинцем двухпудовую гирю и гнул из гвоздей толщиной в карандаш разные узоры. Матвей вспомнил случай в автобусе, произошедший с Ильей лет пять назад.

Толпа на остановке собралась приличная, все хотели уехать – начал накрапывать дождик, поэтому никто, кроме Ильи, не пропустил вперед молодую женщину с ребенком. Но компания парней, растолкав толпу, влезла в автобус и загородила вход. Тогда Илья взялся за подножку и рванул автобус вверх так, что ребята посыпались внутрь, как горох. Правда – вместе с пассажирами, чего по молодости лет Муромец не учел. Пропустив женщину, Илья сел сам, и компания тут же пристала к нему. И отстала.

– Мужики, отвяжитесь, а то я вас маленько озадачу, – проникновенно сказал Илья Муромец (рост – метр девяносто, косая сажень в плечах, вес девяносто восемь килограммов), и для эффекта сжал поручень в автобусе так, что смял двухдюймовую трубу как пластилиновую.

Хозяина мастерской Матвей нашел под новым «линкольном», висевшим на подъемнике. В промасленном комбинезоне, с черными руками, со всклокоченной бородой и шевелюрой, Илья имел устрашающий вид сбежавшего из тюрьмы насильника, а не мастера золотые руки.

– Е-мое! – прогудел Илья. – Никак Соболев собственной персоной! Неужто вспомнил старого кореша?

Они обнялись, пробуя силу друг друга. Илья крикнул.

– А ты не меняешься: с виду хлипкий интеллигентик, а мои сто тонн выдержишь. Какими судьбами? На минуту заскочил или есть время?

– Полчаса наскребу, но вечером свободен, можем встретиться у меня, или у тебя, или на нейтральной территории. Как пожелаешь.

– Мне все годится. – Илья вытер руки ветошью, крикнул в глубь мастерской, напарнику, возившемуся возле бежевой «волги»:

– Коля, я в контору, буду минут через сорок. – Кивнул на дверь за подъемником:

– Айда, посидим чуток. Видишь, какие аппараты чиним? Директора одной мала-мала иностранной фирмы.

– А это кто? – скосил глаза на молодого человека Матвей. – Ты же всегда один работал.

– Ленивый стал, – ухмыльнулся в бороду Шимук, – не успеваю. Взял парнишку из одного КБ: лет десять занимался проблемой изменения формы унитаза, пока не понял, что стране его продукция не нужна. Толковый отрок, вообще-то, и руки приделаны куда надо.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и очутились в «конторе» – уютной комнатухе с одним окном, в которой умещались двухтумбовый стол, сейф, этажерка и два стула.

– Держу кое-какие дефицитные детали, – кивнул Илья на сейф, сел на стул, жалобно скрипнувший под его весом, – А ты действительно не меняешься, Соболев, раздался чуть да бреешься чище. Чем, кстати? Станком или электробритвой?

– Тебе-то зачем это знать?

– Хочу сбрить бороду, чешется, проклятая, и есть мешает.

Матвей подумал.

– Один мой знакомый брился телефонной трубкой.

– Ну и?.. – заинтересовался Илья.

– Получалось медленней, чем бритвой.

Мастер засмеялся с гулким уханьем.

– Пожалуй, топором будет полегче. Ну, докладывай, как живешь, где, с кем, работаешь или нет. – Он открыл сейф, достал литровый пакет с кефиром и, надорвав, выдул в четыре глотка. Заметил взгляд Соболева, пожал плечами. – Люблю все молочное: творог, сливки, сметану, кефир, молочные железы.

Матвей улыбнулся последним словам, уловив шутку. Илья снова громыхнул булыжниками смеха.

– Я не женат, так что не казни за аморальный образ жизни. Сам-то не женился?

– Не получилось, – с неохотой ответил Матвей. Поразмыслив, достал из сумки отнятый у рэкетиоров в Рязани пистолет. – Спрячь эту игрушку у себя.

– Какой раритет! – прищелкнул языком Муромец. – Старая отечественная машинка, да еще тридцать девятого года выпуска. Я таких давно не видел. Где взял?

– Где взял, где взял... купил, – проворчал Матвей и рассказал эпизод в магазине.

Илья почесал затылок, бороду, грудь под расстегнутым комбинезоном, хмыкнул.

– Не боишься, что владелец начнет искать?

– Не боюсь.

– Ой ли, – прищурился Муромец. – Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с... обратно. – Он поднял вверх громадные ладони. – Все-все, не буду, я знаю, чего ты стоишь. Что касается меня, то новостей мало. Вкалываю каждодневно, семьей не обзавелся, квартира та же – двухкомнатный полулюкс, хотя денег хватило бы и на пятикомнатную. Что еще? Машину себе сделал: купил сильно побитую «десятку» и сделал из нее чудо, вернее, бронеход. У тебя-то что?

– «Таврия-2110».

– Не густо.

– А мне и нужно что-нибудь понезаметней. Правда, кое-что хотелось бы переделать. Можешь сварганить из нее подобный «бронеход»? Но чтобы и бегал прилично, под двести.

– Таких движков у меня нет.

– Покумекай – надо, Илья.

– Ладно, попробую, но на скорый... – Илья не договорил, в контору без стука вошли четверо парней во главе с зашитым в кожу, несмотря на жару, здоровяком с гипертрофированно накачанными мускулами.

По правде сказать, Матвей слышал их давно, но не придал шуму особого значения, это могли быть и клиенты автомастерской. Однако оказалось, клиенты другого рода.

– Выметайтесь, – коротко бросил верзила Матвею. – А тебя, гнида, мы предупреждали. – Палец вошедшего направился в грудь Ильи. – Ты что о себе возомнил, падла? Тебе же русским языком было

сказано – плати, если хочешь жить спокойно. А теперь мы тебя слегка поучим, чтобы запомнил надолго и другим рассказал.

Матвей оглядел его с ног до головы и снова, уже в который раз, пришло ощущение, что подобное с ним происходило. Он даже помнил, чем все это кончилось...

– Кто это? – хмуро поинтересовался у Ильи Матвей, уже зная ответ.

– Рэкетеры, кто еще, – усмехнулся в усы Муромец.

– Пошел отсюда, тебе говорят! – рявкнул вожак в коже.

Илья вдруг перегнулся через стол, сгреб его за отвороты куртки, приподнял и бросил к двери, сбив с ног стоявшего сзади. Затем схватил за руку второго здоровяка, белобрысого и безбрового, в зеленых штанах и в майке, который выхватил нож. Раздался хруст костей, белобрысый отскочил в сторону с детским воплем:

– Ой-ой-ой! Руку сломал, гад!

Матвей засмеялся, привстал было, но Илья цыкнул на него:

– Сиди, я сам.

Верзила в коже неплохо знал карате, потому что ударил хозяина автомастерской в стиле каляри-ппаяту – в голову кулаком и в живот ногой, через стол, но результат – словно попал в скалу! Илья даже не пошатнулся. Пока его противник дул на пальцы, он снова сгреб его ладонью и сдавил так, что у того глаза вылезли из орбит. Одновременно Илья отмахнулся от выпада ножом третьего незваного гостя, отчего тот врезался головой в стену, порезав руку. Четвертого, доставшего из широких штанов обрез (как он его там крепил?!), Матвей успокоил точным уколом в нервный узел за ухом.

На этом рэкет и закончился.

Илья одного за другим вышвырнул гостей за дверь, предварительно отобрав оружие, снова уселся за стол.

– Мы еще к тебе придем, паскуда! – донеслось с лестницы.

Муромец пожал широченными плечами.

– На лай бешеной овцы не отвечаю. Так и живем, не скучаем. Это уже третьи, желающие полакомиться дармовой выпивкой. Ничего, держусь.

– Смотри только, чтобы не подстрелили.

– А я поздно домой не хожу. И тебе не советую. Машина твоя где? Здесь? Тогда загоняй, «линк» подождет. Через пару дней заберешь.

Матвей поднялся.

– Ну и здоровый ты бугай, Ильша! Держишь удар, как профессионал мукки-бази. Тебя подучить – великолепный ганфайтер получился бы.

– Кто-кто? – подозрительно прищурился Илья. – Это еще что за новое ругательство?

– Это не ругательство, а высший титул короля рукопашного боя. Ну, бывай. Вечером созвонимся и договоримся о встрече, давно не сидел с друзьями за чашкой чая. Кстати, твой «бронеход» на время не дашь? Отвык я по метро да автобусам мотаться.

Илья покопался в верхнем кармане комбинезона, бросил ключи Матвею.

– Вечером пригонишь сюда же. Права возьми. Не провожаю, буду завтракать.

Матвей прощальным жестом вскинул руку со сжатым кулаком. Уходил он с чувством, что вся будущая жизнь его расписана по минутам.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-2

В два часа Матвей оставил машину на проспекте Ломоносова напротив филфака МГУ и отправился искать Кристину. Он не договаривался с ней о встрече, но был уверен, что найдет без труда. Первокурсники деятельно готовились к экзаменам все вместе, продолжая занятия и консультации. Кристина Олеговна Сумарокова проходила по спискам третьей группы. Матвей отыскал аудиторию, где занималась означенная группа, приоткрыл дверь.

Видимо, преподаватель ушел или еще не приходил, потому что студенты, человек восемь юношей и чуть больше девушек, оживленно вели дискуссию. Речь шла о вкладе диссидентов, русских писателей за границей, в мировую культуру. Больше всех и красноречивее всех говорил красивый смуглолицый парень с шапкой курчавых волос, но спорили с ним только девушки, парни предпочитали бросать реплики и апеллировать к девушкам. Кристина в споре не участвовала, хотя курчавый довольно часто обращался к ней, как бы приглашая присоединиться или подтвердить его слова. Заметив Матвея, она вскочила и выбежала в коридор, не обращая внимания на возглас подружки: «Крис, ты куда?!» – и на взгляд курчавого оратора. Встречи она не ожидала и явно обрадовалась. У Матвея дрогнуло сердце, к своему удивлению, он обрадовался не меньше, обнаружив, что соскучился по девушке.

На сей раз Кристина была одета в джинсы и футболку, обтягивающие и подчеркивающие фигуру, и стоять с ней было одно удовольствие, если бы не взгляды разгуливающих по коридору ребят. Из двери аудитории выглянул тот самый смуглый парень, оглядел Матвея, кивнул девушке:

– Крис, не забыла, что мы вечером идем в кафешку?

– Я не сказала «да», милорд, – оглянулась Кристина. – Наверное, пойдете без меня.

– Ну, мы еще обсудим этот вопрос. – Парень глянул в глубь коридора. – Вон Скунс идет, закругляйся.

Девушка фыркнула, посмотрела на Матвея, не успевшего сказать ни слова.

– Не хочешь пойти с нами в кафе? Впрочем, вижу, не хочешь. Тогда давай пойдем куда-нибудь еще. Если, конечно, у тебя есть время, – деликатно добавила она.

Матвей улыбнулся, получив в ответ улыбку девушки.

– Когда вы заканчиваете?

– В шесть, но я могу и сбежать.

– Подъеду к шести, жди, у меня есть кое-какие дела. Ты ведь в ДАСе живешь? Как устроилась?

– Отлично, и девочки в комнате хорошие. – Кристина нахмурилась, вспомнив что-то, но тут же ее лицо разгладилось. – В принципе мы можем посидеть в кофейне и в ДАСе.

– Потом обговорим варианты. Беги, действительно Скунс идет.

Кристина оглянулась на входившего в аудиторию преподавателя английского языка, – Матвей знал его, – сморщила лоб.

– Девчонкам он нравится, а мне нет. Смотрит как... как паук, и губы все время облизывает. От такого поневоле вспомнишь Хайяма.

– Что именно?

– Ну, он говорил, что учиться необязательно.

Матвей кивнул и процитировал:

Так как истина вечно уходит из рук, Не пытайся понять непонятное, друг.

Чашу в руки бери, оставайся невеждой, Нету смысла, поверь, в изученье наук.

Кристина засмеялась:

– Я Омарчика тоже читаю и люблю.

– Чао, – подтолкнул девушку к аудитории Матвей и, не оглядываясь, пошел к лестнице. Ее взгляд он чувствовал спиной, но не обернулся, чтобы не смазать впечатление, пока не хлопнула дверь. И сразу же увидел в тупичке с дверью туалета того самого парня в белом, Тараса, которого он «отбил» у налетчиков в собственном доме.

– А говорят, гора с горой не сходится, – сказал тот с легкой улыбкой, выступая вперед.

У Матвея вдруг появилась уверенность, что парень этот намного старше, чем кажется. Глаза его смотрели на мир как бездонные колодцы, в которых стыло бесконечное знание. Он все видел, знал и умел, как столетний патриарх, хотя на вид ему можно было дать не больше двадцати восьми.

– Как вы меня вычислили? – тихо спросил Матвей, напрягаясь: у него возникло ощущение, что его ощупывают изнутри. – Вероятность повторной случайной встречи очень мала.

– Вы реагируете как ганфайтер, – погасил улыбку Тарас. – Пойдемте поговорим, у меня есть ключ от пустой аудитории, там нас никто не побеспокоит. – Он пошел вперед, не оглядываясь, в уверенности, что собеседник последует за ним.

Матвей расслабился, не чувствуя опасности, сказал в удаляющуюся спину:

– Здесь разговора не получится. У меня машина, поехали в центр. Я знаю пару хороших кафе.

Через полчаса они сидели в уютном кафе на Маросейке, где столики были отгорожены друг от друга решетками из бамбука, увитыми плющом, и где можно говорить спокойно под тихую музыку, не опасаясь быть подслушанным.

Матвей заказал себе то же, что и собеседник: салат, грибной суп, филе трески, запеченное в тесте, кофе. Однако ел, не чувствуя вкуса. Он не любил играть по чужим правилам. Еще раз, более внимательно оглядел сотрапезника, отметил гибкость и скупую точность движений, тихую скрытую силу и снова поразился выражению лица, дышавшего внутренним глубоким и всепонимающим покоем. Этот человек знал и видел так много, что становилось не по себе. Возраст его угадать было невозможно – двадцать восемь или сто двадцать восемь лет? Матвея мороз продрал по коже, хотя он и не выдал своих чувств, понимая, что Горшин видит его переживания. И все же Матвей отметил и кое-что новое в его облике: нет-нет да и вспыхивали на его лице искры тоски и горечи. Человек этот явно не был счастлив, тая в глубинах души неведомую боль.

Во время всего разговора Матвей чувствовал себя скованно и был напряжен, как никогда. Впервые в жизни ему встретился человек, способный читать его как книгу, вычисливший траекторию его движения и даже суть задания, о котором должны были знать лишь трое. Иногда ему удавалось отстроиться от цепкого взгляда Тараса, выскользнуть из пальцев его психофизического ощупывания, и тогда у собеседника в глазах вспыхивали интерес и уважение. И еще Матвей все время ловил себя на мысли, что все это с ним было. Память

мучительно пыталась подсказать что-то, намекнуть, сообщить нечто важное, но главное – уже прожитое однажды!

– Предлагаю сразу расставить точки над *i*, – сказал Тарас, заказав кофе по второму разу. – Я работаю на «Чистилище». Стоит расшифровывать?

– Не стоит, – остался спокойным Матвей. Чего-то подобного он и ожидал, а главное – поверил Горшину сразу.

– Вы хорошо воспринимаете неожиданности, – похвалил его Тарас, не дождавшись продолжения; оба неторопливо принялись пить кофе. – Только не вздумайте задерживать меня. – В глазах Горшина мелькнул и пропал насмешливый огонек. – Даже с вашей подготовкой сделать это будет нелегко. А то, я вижу, вы уж подумываете...

Матвей, действительно прикидывающий вариант захвата собеседника, помедлив, кивнул:

– В этом пока нет необходимости.

– Мне нравится это ваше «пока». Итак, продолжим. Кстати, вы хорошо закрываетесь, я имею в виду мысленный блок. В роду экстрасенсов не было? Отца-колдуна, например, бабки-ведьмы?

– Родителей сроду не имел, – мрачно пошутил Матвей. – Я не знаю, о чем вы говорите.

– Значит, способности врожденные. Надо же, человек владеет адаптивной психофизической защитой и не является лицом Круга! Парадокс. Но об этом мы еще поговорим. Я знаю, кто вы. Ганфайтер, перехватчик-волкодав, работающий на военную контрразведку «Смерш-2». Опровергать будете?

Матвей с трудом удержал себя от ненужных телодвижений, с трудом проглотил кусок бутерброда. Это был явный провал! Но если в обычных условиях Соболев чувствовал засаду и начинал схватку первым, что давало ему шанс выйти сухим из воды, то в данном случае удар был нанесен слишком неожиданно. Реагировать на происшедшее надо было иначе.

Тарас, наблюдавший за ним, кивнул:

– Правильно. Открытый бой – это в большинстве случаев паника, бой надо выигрывать до его начала. Аксиома разведки, но она применима и у нас. Успокойтесь, утечки информации не произошло, просто я... скажем так, не совсем обычный человек и могу читать...

– Мысли? Телепат, что ли?

– Не мысли, но состояние психики, и не телепат, а паранорм, эзотерик, человек Внутреннего Круга. Думаю, вы догадываетесь, о чем идет речь, коль читаете Успенского и других эзотериков. Но и об этом мы еще поговорим.

– Почему не сейчас? Я не тороплюсь. К тому же мне интересно, как вы меня вычислили, не будучи в штате моей конторы. В случайности подобного рода я не верю, а слежку сразу бы почувствовал.

– Правильно делаете, что не верите. Хотя с другой стороны, случайность – тоже результат каких-то скрытых от нас процессов. Как говорил один мой знакомый: случайность – внезапно проявившаяся неизбежность. Существуют закономерности бытия, которых нормальные люди не видят, а замечают лишь их крайние проявления, да и то редко. Например: почему всегда идет дождь, когда обнаженная женщина выходит на крыльцо при полной луне?

– Мм... – промычал Матвей. Тарас белозубо засмеялся.

– А ведь это действительно закон, я проверял специально в течение многих сотен лет, но подчиняется он такой математике, которую люди вряд ли когда-нибудь узнают.

Кофе долили в молчании. Матвей размышлял о словах Тараса «в течение многих сотен лет», а Горшин ушел в свои мысли. Потом Соболев сказал:

– Чего вы хотите?

– Вы уже поняли. Я хочу, чтобы вы работали с нами.

– На «Стопкрим»? – Матвей задал вопрос машинально, подумав с некоторым удивлением, что собеседник не знает, какое именно задание он получил от командования. Удача пришла с той стороны, откуда он ее не ждал, и так быстро, что невольно рождалась вера в божественное провидение.

– Если предложение слишком неожиданно, мы подождем. Если неприемлемо – я буду сожалеть, что вы не с нами.

– Не знаю. Мне нужно подумать и все взвесить. И кое-что узнать о вас. Цели, сверхзадачу «Чистилища».

– Наша цель – уничтожение преступности как института. Если вы действительно имеете в виду сверхзадачу. «Стопкрим» задуман как бумеранг в ответ на возведенную в ранг негласного закона вседозволенность чиновников вообще и властных структур в

частности. Государственных, коррумпированных сверху донизу, или теневых, мафиозных – нет никакой разницы.

– Звучит красиво. – Матвей с иронией посмотрел на невозмутимое лицо Горшина. – Этаким центр по нравственному воспитанию преступников... с помощью пули и кинжала.

Тарас остался спокоен.

– Мы не видим иного пути. Те, против кого нацелен «Стопкрим», давно перестали быть людьми, это человекоподобные монстры с извращенной моралью. У англичан есть пословица: там, где правила игры не позволяют выигрывать, английские джентльмены меняют правила. Увещевания и призывы к совести монстров явно не помогают, и мы вынуждены играть по более жестким правилам.

– Существует еще одна английская поговорка, – медленно проговорил Матвей.

– Для других мы создаем правила, для себя – исключения. Как в данном случае сделали вы, присвоив себе право судить и карать.

– Мы не видим иного пути, – повторил Тарас тихо. – Времена негодяев требуют адекватного ответа. Откройте нам глаза, сообщите методы, столь же действенные, как наш, но не опирающиеся на террор и насилие, и мы пойдем за вами.

Матвей молчал, разглядывая цветочный узор на дне тарелки. Когда он поднял глаза, рядом никого не было. Тарас исчез бесшумно, как привидение. Впрочем, Матвей не особенно удивлялся, он чувствовал, что разговор не окончен. Одно только мучило: очень хотелось выяснить секрет Горшина, эзотерика, человека Круга, способного исчезать, как бесплотный дух. Да и узнать заодно, что такое Круг в натуре. У Успенского Внутренний Круг описан, так сказать, теоретически, а тут он, похоже, реализован на практике и столь же реален, как мафия.

В голове родилась вспышка света, изгнавшая все тени и сомнения: он знал, что с ним происходит! И знал также, чем все закончится! Однако это была всего лишь вспышка, странный каприз «памяти будущего», она мелькнула и снова исчезла, оставив болезненное чувство неудовлетворенности и досады.

Посидев несколько минут в одиночестве, Матвей вышел из кафе и позвонил из автомата «по четырем нулям», сообщив полковнику Ивакину, что «ключ скоро будет готов». После чего отправился домой,

где до пяти часов регулировал персональный комп с радиовыходом на компьютерные сети Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел, размышляя о своих необычных «воспоминаниях». У него крепла уверенность, что в скором времени ответ ему будет дан.

Убедившись, что коды подключения действуют, Соболев дал компу задание найти в памяти всех подконтрольных «КР»-сетей сведения о Тарасе Горшине и поспешил к филфаку на машине Ильи, даже не подумав уведомить его о своем решении оставить авто на время у себя.

Кристина появилась вместе с сокурсниками, покрасневшая, свежая, удивительно милая, с трудом отбилась от желающих сопровождать ее «хоть на край света» и подбежала к Матвею, который ждал ее под липой на скамейке. Взгляды, которыми их проводили ребята из группы Кристины, были весьма красноречивы, и Матвей решил больше не «засвечиваться» перед этой компанией, обладавшей хорошей, молодой и ревливой памятью. Не отреагировал он и на громко сказанное ему в спину пожелание курчавого Ромео-Жоржа «не гулять допоздна, а то перестанут ходить ноги».

– Ну и студенты пошли, – улыбнулся Матвей, распахивая дверцу машины и усаживая девушку. – В мое время филологи были поинтеллигентней.

– Чем сосуд наполнен, то из него и льется, – засмеялась Кристина. – У него отец – какая-то шишка в Федеральном собрании, сенатор, вот он и считает, что ему все дозволено. Лезет и лезет с предложениями и советами, надоел уже.

– Он красивый парень и развит неплохо.

– Вот-вот, уже демонстрировал свои мускулы. Но мне не нравятся ребята, мало думающие и много себе позволяющие. Жоржик вообще человек действия, даже удивительно, что он пошел на филологический, абсолютно непрестижный.

– Я думаю иначе. Если человек не умеет действовать, он не умеет и думать.

– Смотря как действовать. А насчет думать – послушали бы вы его безапелляционные суждения о классиках. Если все оригинальные мысли Жоржа перевести на деньги, то не хватит и на новый «Сникерс». Итак, куда мы едем?

– Можем поехать в кафе «Русский купец», это на Остоженке. Я в нем не был еще, но говорят, что кухня там неплохая. А если не боишься, поехали ко мне домой. У меня хороший бар, чай, кофе и видик с набором кассет.

Кристина подумала, потом отрицательно качнула головой, чему-то улыбнувшись. Видимо, вспомнила предложения Жоржа.

– Не обижайтесь, но в другой раз. Поехали в «Русский купец», я хочу есть. Надеюсь, ваших финансовых ресурсов хватит? Или вы тоже из купцов?

Матвей, улыбнувшись, тронул машину с места.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

Вечер прошел так хорошо, тихо и спокойно, без конфликтов и шума, что не верилось в возможность повторения подобных вечеров.

Кристина держала себя мило, просто, с поразительной естественностью, хотя и была точна в оценках. Матвей не раз поражался ее созвучным с его представлениям о литературе и жизни, а ведь ей только-только исполнилось восемнадцать.

Танцевали они всего два раза, потом лишь слушали музыку и говорили, говорили обо всем, что приходило в голову.

Крестину Матвей тоже поразил однажды, хотя впоследствии и пожалел об этом; эффекты он не любил, хорошо помня наставления учителя о том, что мастер должен применять технику владения телом и предметами быта незаметно, без излишней бравады и показухи. А случилось это так: официант принес пиццу, забыв ножи, и пока он ходил за ними, Матвей разрезал ароматно дымящуюся лепешку пиццы на четыре части с помощью новой пятидесятитысячной банкноты. Как он это сделал, Кристина не заметила, весь трюк заключался в скорости движения тонкого листика бумаги, но Матвей не стал ей это объяснять, переведя разговор на другую тему.

Заговорили о гадании на картах, по звездам, по китайской Книге Перемен и другими способами, перешли на психику восприятия прогнозов, и неожиданно для себя самого Матвей признался девушке, что видит странные сны, сны – путешествия в прошлое, после чего рассказал последние из них. Кристина – она разрешила звать себя короче – Крис, как звали родители, или Христя, как бабушка, полька по происхождению – живо заинтересовалась этой темой, потому что многое читала о сновидениях и их толковании. Но разгадать сразу смысл снов Соболева не смогла, лишь пообещала покопаться в литературе.

– Но все это очень интересно, – заключила она, задумчиво поглаживая то в зал, на танцующих, то на лицо Матвея, севшего по привычке таким образом, чтобы тень падала на него. – Удивительно, что вы помните свои сны. Обычно они не запоминаются, бледнеют и к утру исчезают из памяти. Может быть, вы какой-нибудь скрытый

буддист или пророк? Или вообще пришелец, и с вами хотят таким способом связаться соотечественники-инопланетяне?

Матвей только улыбнулся в ответ, однако в душе признался, что хотел бы и сам выяснить, что с ним происходит. Тем более что снова наступил момент «воспоминания о будущем», в котором он уже сидел с Кристиной в этом же кафе и беседовал на эти же темы.

Девушку он отвез к общежитию в двенадцатом часу ночи, дождался прощального взмаха руки с балкона восьмого этажа и поехал домой. Спал как убитый, в одной позе, без сновидений. А наутро, после обязательного часового тренинга, отправился к Илье Муромцу каяться за машину, а заодно и взять свою.

Автомастерскую Ильи он нашел в плачевном состоянии: ворота были сорваны, будто сквозь них проехал танк, внутри помещение гаража было разгромлено, словно подверглось атаке разъяренных слонов. «Линкольн», который ремонтировал Илья, превратился в груды металлолома, и лишь машина Матвея, стоявшая в закутке, за стеллажами с инструментом и деталями, осталась цела и невредима.

В мастерской копался хмурый молодой парнишка, помощник Ильи, собирал мусор, осколки, разбитую мебель, подметал пол.

— Что здесь произошло? — тихо спросил Матвей, сжимаясь от нехорошего предчувствия.

Парень глянул на него исподлобья, продолжая заниматься своим делом, потом, видимо, вспомнил:

— Это ваш аппарат, что ли?

— «Таврия»? Мой.

— Вот ключи. — Он достал из кармана ключи от «таврии». — Можете забирать. Не хуже, чем у Джеймса Бонда. Движок с форсажем, дает под двести, подвеска усилена, бак увеличен, берет около шестидесяти, заднее и переднее стекло — бронеплекс. Что еще?

— Не хватает только пулеметов под капотом, — улыбнулся Матвей. — С хозяином я сам рассчитаюсь. Где он? Что у вас стряслось? Потолок рухнул?

Парень вытер лицо ладонью, но лишь размазал грязь. Сказал нехотя:

— Банда наехала. Милиция только перед вами убралась. А Илья в больнице, подстрелили его.

— Что?!

Помощник Ильи снова принялся за уборку, проигнорировав вопрос. Буркнул под нос:

– Живой он, пуля прошла бок навылет, порвала подвздошную сумку, а вторая застряла в ноге.

– Из автомата стреляли, что ли?

– Я слышал разговор инспектора и следователя, стреляли из какого-то «волка».

Матвей присвистнул про себя: пистолет-пулемет «волк» был последней разработкой завода «Арсенал», и именно утечка «волоков» со склада завода и была первым заданием Соболева, полученным от полковника Ивакина. Как странно все переплетено в этом не самом лучшем из миров.

– Где он лежит?

– Увезли в Склифосовского. Только вас не пустят, он без сознания, моя сестра только что приехала оттуда.

– Как все это произошло?

Парень разогнулся.

– Да так – вошли и...

По его словам вырисовывалась такая картина. Давешняя команда рэкетиоров, которой Илья дважды дал отлуп, вломилась в мастерскую в начале седьмого утра, когда там был лишь один Муромец: вставал он рано. Бандиты начали громить мастерскую, бить оборудование, машины, а когда вмешался хозяин, раскидав крутых громил, кто-то из них от испуга достал «пушку».

– И что по этому поводу заявила доблестная милиция?

– Да ничего, – помрачнел парень еще больше. – Дохлое, мол, дело. Я им говорю: они же весь квартал держат, разъезжают на «мерсах» и «маздах», их все знают...

– Ну и что?

Парень безнадежно махнул рукой:

– Все они повязаны. Если не запуганы, то куплены.

– Что ж, понятно. Бывай.

Знакомое «гудение» в голове, рождающее вспышки «ложной» памяти, заставило Матвея напрячься, но на сей раз воспоминание не созрело: он был слишком взволнован происшествием. Помучив немного мозг, Матвей сел в «таврию», опробовал двигатель и выехал из гаража. В клинику «Скорой помощи» Склифосовского он прибыл

через сорок минут, ухитрившись ни разу не засветиться перед ГАИ, хотя мчал под сто и больше.

Илью уже прооперировали, и был он в сознании; Матвей сумел уговорить медперсонал, чтобы ему дали халат и пропустили в палату к раненому.

Выглядел Муромец чуть бледнее обычного, под глазами залегли тени, однако во взгляде его не было ни страха, ни злости, только сожаление и недоумение. Да еще упрямство. Увидев Матвея, он обрадовался так, что едва не опрокинул капельницу.

– Ты?! Взял аппарат? Я там его немного усовершенствовал, теперь он не хуже, чем у Джеймса Бонда, разве что крыльев не хватает.

– Лежи, знаю. – Матвей выгрузил из сумки пакет с яблоками и пять бутылок кефира. – Кто это был?

По лицу Ильи прошла тень, сжались и разжались громадные кулаки.

– Да ты их видел, команда Белого. Я до них еще доберусь, вот подлечусь только. Не вмешивайся в мои дела.

В голове щелкнуло: Матвей помнил фамилию Белый.

– Ты его знаешь лично?

– Знаю, что он то ли чеченец, то ли ингуш, оттуда, в общем. Но у него все схвачено, везде приятели, в том числе и в милиции. Вряд ли его станут ловить, выкрутятся.

Матвей кивнул.

– Ладно, выздоравливай. Меня пустили на минуту, приеду завтра, привезу чего-нибудь вкусенького.

– Сигареты не забудь, а то мои отобрали.

– А можно?

Илья улыбнулся – через силу, глаза его помутнели, видимо, боль была едва переносимая.

Появилась медсестра, глянула на посетителя.

– Уходите, ему плохо.

Матвей еще некоторое время смотрел на беспомощное тело школьного друга и вышел. Уже в кабине машины почка, давно зревшая в глубинах психики, лопнула, и он наконец вспомнил все дальнейшие встречи с Кристиной, разборки с Белым, с мафиози всех мастей, с Монархом Тьмы – дважды! С деятелями из Союза Девяти Неизвестных, наконец! Он вспомнил также и последний бой с Бабуу-

Сэнгэ и «проекцией» Монарха, пытавшихся отговорить его от инициации эйнсофа, гибель всех своих друзей и близких, Кристины и Стаса! Но он все же запустил эйнсоф... и оказался в своем прошлом!

Матвей почувствовал приступ слабости.

Неужели ему вновь предстоит пройти тот же смертельный Путь воина, отмеченный десятками смертей, гибелью друзей и близких?! Снова встретиться с Монархом, чтобы замкнуть круг?! Или есть иные варианты?..

Матвей задал себе этот вопрос и со страхом прислушался: не прозвучит ли ответ? Но ни его внутренний «космос», ни внешний не ответили. Означает ли это, что если он помнит будущие события, то может их изменить?! Ведь запрета нет? Никто ему никаких запретов не оставил?..

Матвей снова прислушался к себе, но память молчала. Она и так выдала все, что знала. Эйнсоф сработал, хотя и не так, как ожидал Соболев. Он просто переместил человека к началу его эзотерического резонанса, как бы давая понять, что дальше все зависит от него самого: любовь и ненависть, движение и покой, жизнь и смерть. Все еще можно изменить. Все... еще... можно...

Изменить!..

Но у меня должен был появиться сын! – вспомнил Матвей.

Он и появится, ответил внутренний голос, если ты все повторишь, как было. Но сын может родиться и в других вариантах бытия.

Матвея бросило в жар. Он даже не извинился, столкнувшись с прохожим на улице, который долго смотрел ему вслед. Если бы Матвей не был занят собой и оглянулся, он узнал бы прохожего: это был Хранитель. Но Соболев не оглянулся.

Сев за руль машины, он уже прикидывал, что будет делать дальше.

Он должен найти Василия Балуюева-Котова, все ему рассказать, заставить поверить в этот бред и с его помощью расстроить планы всех монстров – людей и нелюдей, не подозревающих в этот момент, что есть человек, который их знает!

Кроме того, Матвей хотел найти Стаса и вылечить его, Ульяну Митину – и познакомить ее с Василием, Парамонова – и предложить ему свой вариант преобразования Внутреннего Круга, инфарха – и узнать у него подробности жизни в абсолютных планах «розы

реальностей», и, наконец, Монарха Тьмы – чтобы предупредить его, что прошедшая коррекция запрещенной реальности была последней и что разборки третьего уровня закончились, еще не начавшись! Однако при этом Матвей понимал, что Монарх вряд ли согласится с его решением. Впереди Соболева и его друзей ждала иная война – четвертого уровня! Только преодолев порог магической физики, отделявший запрещенную реальность Земли от других слоев «розы реальностей», встретившись с Монархом Тьмы лицом к лицу, он мог заставить его отступить.

Матвей не знал, что как аватара он имеет возможность сделать новое Изменение, создать мир, где Монарху не было бы места. Но даже если бы он знал это, вряд ли согласился бы присвоить себе роль Безусловно Первого.

От перспектив, открывшихся вдруг перед ним, у него захватило дух. Потом вернулось самообладание, а с ним и трезвые мысли.

Путь воина не был главным при движении к цели – духовному и нравственному самосовершенствованию. Существовал еще один Путь, может быть, самый тяжелый, но самый эффективный – использующий принцип ненасилия.

Включив мотор и отъехав от клиники, Матвей все больше и больше задумывался, но так и не смог прийти к единственному решению. Для этого надо было изменить себя или изменить себе. Второе означало предательство, первое – подвиг, но ответ так и не созрел.

Впрочем, Матвею еще предстояло познакомиться с теми, кто мог осудить его колебания или помочь, а пока он ехал искать Васю Котова... то есть Балуева. Представив его лицо после того, как он выслушает историю «Смерша» и «Перехватчика», Матвей улыбнулся. И тут же погрузился. В том отрезке жизни, который он прожил – или это был сон?! – существовала еще одна женщина, которая любила его, – Уля Митина. И он не знал, что будет с ними, когда они встретятся.

Не возвращайтесь по своим следам...

Кто это сказал? Истина ли это? Может быть, как раз истина в другом – в Вечном Возвращении?..

Март 1996 года Орехово-Зуево

notes

Notes